

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
АЭРОКОСМИЧЕСКОГО ПРИБОРОСТРОЕНИЯ

В. В. Михайлов

ВЕЛИКИЕ ДЕРЖАВЫ
И ВОВЛЕЧЕНИЕ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ
В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ

Монография

УДК 94(100)
ББК 63.3(0)53
М69

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *В. С. Ягья*;
доктор исторических наук, профессор *С. Н. Полтарак*

Утверждено

редакционно-издательским советом университета
в качестве монографии

Михайлов, В. В.

М69 Великие державы и вовлечение Османской империи в Первую мировую войну: монография / В. В. Михайлов. – СПб.: ГУАП, 2017. – 311 с.: [+8 с. вкл.]

ISBN 978-5-8088-1071-6

Рассматриваются вопросы дипломатии, идеологии, геополитики, приведшие к вступлению Османской империи в Первую мировую войну на стороне Австро-германского блока. Автор показывает борьбу европейских держав в решении Восточного вопроса, т. е. возможного раздела османского наследства. Для России, в первую очередь, было важно получить доступ к свободному выходу в Средиземное море через принадлежащие Османской империи Черноморские проливы. Великобритания больше внимания уделяла мусульманскому вопросу, поскольку имела в Индии многочисленное исламское население. Противоречия России и Великобритании, невозможность выработки общей дипломатической и военной политики в отношении Османской империи привели к тому, что Германия сумела навязать слабейшему султанскому режиму в Турции свою военную и финансовую помощь, а впоследствии привлечь Османскую империю в войну против России и Великобритании.

УДК 94(100)
ББК 63.3(0)53

ISBN 978-5-8088-1071-6

© Михайлов В. В., 2017
© Санкт-Петербургский государственный
университет аэрокосмического
приборостроения, 2017

ПРЕДИСЛОВИЕ

Один из лидеров сионистского движения начала XX века российский журналист Владимир (Зеэв) Жаботинский писал в книге «Турция и война», вышедшей в Лондоне в 1917 году: «Реальная причина австро-сербского конфликта – была проблема последующего раздела Турции». Именно этот возможный раздел слабеющей Османской империи стоял в центре многовековой европейской державной игры, получившей наименование «Восточный вопрос».

Традиционно зарождение понятия «Восточный вопрос» связывают с двумя основными проблемами общеевропейской политики и дипломатии: вторжением в Европу турок-осман, образовавших к середине XV в. могущественную империю, и доступом для европейских христиан в Святые места Палестины. К середине XVII в. эти два вопроса были в целом урегулированы капитуляциями и поражением турецких сил под Веной в 1683 г. В течение более ста лет мусульманский Восток и христианская Европа сохраняли шаткое политическое и военное равновесие. В XVII в. на геополитическом пространстве, где доминировали эти два цивилизационных центра, появился новый игрок – Россия. Началась сложная политико-территориальная игра, в которой возникали самые противоречивые (с точки зрения традиционных) союзы и балансы интересов. Именно эта «большая игра» и получила название «Восточный вопрос».

Россия вступила в нее как активная, завоевательная держава, противопоставившая Османской империи не только военную силу, но и «историческую правду» – воспоминания о славном прошлом Киевской Руси и Византии.

До окончания наполеоновских войн Западная Европа, занятая внутренними религиозными конфликтами (Реформация) и внешне открытыми землями Нового Света, а чуть позже – Индии и черной Африки, ставшими легкой добычей первых завоевателей, стремилась сохранить статус-кво на своих восточных границах. Россия же упорно и последовательно продвигалась к пределам своих исторических и стратегических желаний – Черному морю, Кавказу и Балканам. Однако со второй четверти XIX в. Запад (в первую очередь Великобритания – победительница, наряду с Россией, в наполеоновской эпопее) обнаружил в качестве своего восточного соседа ослабевшее, стагнирующее, финансово и политически несостоятельное образование невероятного территориального размаха – Османскую империю. При этом Россия уже вплотную подошла

к границам западнославянского и югославянского мира, так что замаячили перспективы больших разногласий внутри Европы. Они вылились в Восточную войну в Крыму, в которой Россия воевала с неестественной и не имеющей никакого будущего коалицией Европы и Турции. Вскоре Великобритания предприняла «обходной маневр». Началась бурная антироссийская общественная и дипломатическая кампания под названием «угроза Индии». Восточный вопрос, как конфликтная тема европейской политики, переместился на время с берегов Черноморских проливов в центр Азии – Персию, Афганистан, Туркестан, Тибет и Памир.

К началу XX в., впрочем, этот узел англо-российских противоречий был, казалось бы, развязан, и предельно четко и политически явно встал вопрос о предстоящем в самое ближайшее время разделе Османской империи. Классические формы, в которых осуществлялась колониальная экспансия европейцев в предыдущие почти полтысячелетия, должны были привести к относительно стройной, территориально и исторически оправданной комбинации, при которой, за мелкими недочетами, каждая европейская держава получила бы свою долю огромного османского «пирога». Но фундамент многовековой общеевропейской политики был полностью взорван пушками 1914 г.

Единственным предсказуемым и сбывшимся фактом этого потрясшего основы мира события был развал Османской империи и ликвидация Восточного вопроса в его классической постановке. В наследство же миру достались новые проблемы, новые конфликтные территории, новые формы и способы постановки политических, дипломатических и военно-стратегических задач. Вместо имперских интересов политика и дипломатия заговорили языком социальных, национально-этнических, экономических интересов.

Союзничество воюющих стран в Первой мировой войне носило во многом характер необходимости, а не желания обоюдного сотрудничества. Это касается отношений как Германии и Османской империи, так и России и ее союзников по Антанте. Особо противоречивый характер носили отношения России и Великобритании, который проявлялся постепенно в течение войны на самых различных направлениях политической и военно-стратегической активности этих держав.

Самым радикальным стал вопрос о вступлении в войну Османской империи, что, собственно, и позволило воюющим европейским странам разрешить классический Восточный вопрос – разрушить мощнейшую мусульманскую восточную империю. Ни Великобри-

тания, ни Россия не были заинтересованы в том, чтобы иметь Османскую империю союзником в их войне с Германией. Турецкие территории и территории, находящиеся под влиянием оттоманов, чей султан был халифом всех мусульман, являлись зоной интересов как России, так и Британской империи.

Все эти вопросы, ставшие исходным пунктом исследования, показывают, что те противоречия, которые, в конечном итоге, стали причиной военных и политических неудач стран-участниц «Сердечного согласия» в операциях на турецком фронте, имеют свою историю и свои причины, связанные с общим историко-культурным процессом. Более того, Восточный вопрос и связанный с ним балканский вопрос остаются на повестке дня современной политики. Можно выделить несколько основных пунктов этого политического узла противоречий.

Во-первых, это мусульманский вопрос. Не задаваясь целью рассмотреть подробно религиозные аспекты противоречий мусульманских и христианских стран, тем не менее, можно утверждать, что дипломатические, политические и экономические цели западных держав в отношении мусульманских стран сталкивались с серьезным противоборством «восточной ментальности»; формы этого противоборства, меняясь исторически, все же имеют определенную линию преемственности. Исламский фундаменталистский экстремизм второй половины XX в. имеет прямую аналогию экстремистской идеологии пантюркизма османов начала века. Главные противоречия этого движения остаются во многом неизменными и по сей день.

Во-вторых, процессы экономического проникновения западных стран в Центральную и Юго-Западную Азию, основные модели которого были представлены уже в конце XIX – начале XX вв., остаются и в современности столь же актуальными, а неизживаемая традиционность мусульманского общества сохраняет действенным опыт всего периода этого процесса.

Завоевательный колониализм Великобритании, германское военно-экономическое колониальное закабаление, российский имперский территориальный колониализм – эти три направления, дополняемые современными средствами пропаганды и политики «образа жизни», делают исследование отношений великих держав и Османской империи парадигмальным для анализа современных форм постколониального подчинения. Последующий упадок Британской империи во многом определяется сменой форм «национального влияния», начало которой заложено в турецких событиях 1914–1918 гг.

В-третьих, это противоречия собственно стран Антанты в вопросе о судьбе черноморских проливов и Константинополя, приведшие английский флот к галлиполийским берегам и первому сокрушительному поражению Британской империи на Востоке. С военной точки зрения желательный для обоих союзников по Антанте нейтралитет Османской империи не был сохранен во многом вследствие неудач дипломатий обеих стран и союзных политических разногласий. Россия более чем Великобритания желала сохранить турецкий нейтралитет, что ясно как по стратегическим соображениям, так и по конкретным действиям ее политиков. Россия понимала, что практически вся тяжесть войны с новым противником ляжет на плечи ее армий – Османская империя является российским южным соседом. Кроме того, становясь военным противником турок, Россия автоматически теряла выход в Средиземное море не только для своих военных кораблей, но и для торгового флота.

Британская политика была в отношении Османской империи более агрессивна. Аннексия Египта, поддержка Италии и Балканских стран в войнах против Турции – таковы этапы европейской, и в первую очередь английской, дипломатии на пути к войне с турками.

После начала боевых действий в Европе Россия всеми силами стремилась сохранить турецкий нейтралитет, но этому помешали германское влияние на верхушку младотурецкого кабинета и двойственная позиция британской политики, на словах заявляющей о намерении способствовать невступлению турок в войну, а на деле – толкавшей к ней. Наиболее ярко эту позицию политики Великобритании показал проход через Средиземное море германских крейсеров «Гебен» и «Бреслау». Британское адмиралтейство, располагающее в этом регионе сильным флотом, действовало настолько «нерасторопно», что в течение недельного рейда ни разу не смогло помешать кораблям враждебной стороны пройти до черноморских проливов и занять стратегически важное положение.

Итак, просчеты политиков привели к тому, что турки уже на самом раннем этапе войны вступили в войну на стороне Центрального блока, и это во многом способствовало успеху их действий против Антанты в 1915 г.

В полной мере проявилось в ходе подготовки совместных военных операций против турок обоюдное недоверие России и Великобритании. Сам выбор места английского десанта ставил Россию в двусмысленное положение – вместо того, чтобы продемонстрировать свою союзную силу на Балканах, где можно было рассчитывать

на привлечение на свою сторону славянские государства и Грецию и где России было удобнее разворачивать свои войска, британцы совершили попытку единолично захватить Проливы. Оправдание этого тем, что Россия была не в состоянии вести широкомасштабные действия на третьем фронте (после Западного и Кавказского), вряд ли обосновано, так как с точки зрения дипломатии для помощи России требовалось вести действия против Османской империи не в непосредственной близости от важных для государственных интересов России Проливов. Здесь следует отметить еще один узел союзных противоречий в Антанте – разногласия между участниками по поводу судьбы Палестины – христианских Святых мест, и именно францужско-английские недоговоренности не позволили произвести выступление против турок в Сирии и Палестине.

Допустимо мнение, что в военно-стратегическом отношении Дарданелльская операция, главным сторонником и вдохновителем которой был Уинстон Черчилль, была оптимальной, но только в случае поддержки Галлиполийского десанта российской экспедицией к Босфору. Поскольку договоренности об этом с Россией к началу прорыва Дарданелл не было достигнуто, все дальнейшее ее проведение оказалось неудачным. Трудно рационально объяснить причины просчетов английских военных и политиков, положивших на Галлиполийских пляжах и в Дарданелльских водах не только сотни тысяч своих солдат и моряков, но и престиж армии и флота.

Вопросы, затрагиваемые в настоящем исследовании, имеют непосредственное значение для осознания истоков проблем истории XX в.: возникновение практики экономической и военно-политической экспансии развитых стран в отношении стран менее развитых, вместо прямой территориальной колонизации – экономический колониализм Америки и современного Запада, что просматривается в действиях Германии в отношении Османской империи и Персии в период начала XX в. и Первой мировой войны; вопросы панмусульманского объединения, ставшие впервые значимыми именно в период 1914–1918 гг. и столь актуальные для современного политического мирового процесса; падение монархии в России, культурно-историческая преемственность старой и новой России также требуют пересмотра многих вопросов внутри- и внешнеполитических отношений в России периода Первой мировой войны; проблема Запад–Россия–Восток также находит свое отражение в событиях войны с Османской империей Великобритании и России – можно найти множество интереснейших свидетельств как противоречий и конфликтов культур, так

и моменты их связи, взаимопомощи и понимания, что показывает нерасторжимое единство историко-культурного процесса, при всей сложности и неоднозначности отдельных исторических фактов и культурных явлений.

Противоречия геополитического уровня, к которым относится и многолетняя история Восточного вопроса, всегда были и будут, но способы их разрешения не могут и не должны быть только войнами между государствами. Настоящими победами народов являются не жертвенные военные победы, не победы политических интересов, осуществляющих диктат и подчинение своим интересам, но победы разума над неразумием, победы духа над бездуховностью, победы единства над разобщенностью.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ВНУТРЕННЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

1. Экономическая зависимость Османской империи от стран Европы и младотурецкая революция

К началу Первой мировой войны Османская Империя¹ оказалась в центре колониальных противоречий западных держав. Несмотря на то, что после окончания Крымской войны Турция была в числе держав, подписавших Парижский договор, и формально она на равных участвовала в «концерте» Великих европейских сил, фактически дела империи османов были далеко не столь блестящи. Её шаткость и внутренняя несостоятельность были очевидны. Европа ждала развала Высокой Порты, а, если сохранения её, то под эгидой одной или нескольких из великих держав.

Продолжалось отторжение от империи окраинных территорий. Поражение в русско-турецкой 1877–1878 гг. войне привело к образованию на Балканах Черногории, Румынии, Сербии и Болгарии². Тогда же Россия отобрала у турок в Закавказье Ардаган, Карс и Батум, а англичане под предлогом обеспечения защиты Суэцкого проекта посадили свою администрацию на Кипре. Австро-Венгрия взяла под фактический контроль Боснию и Герцеговину, по сути, оккупировав территорию (вскоре произошла и полная аннексия). Далее Франция «увела» из Османской империи Тунис (1881 год), а Британия – Египет (1882 г.). Вскоре последовали Крит (добившийся автономии в результате освободительной войны 1896–97 гг. и удачной политики лидера восстания – Элефтериоса Венизелоса, определившего облик и престиж Греции в первой половине XX в.) и Кувейт, захваченный Британией в 1899 г.³

В Македонских провинциях Османской империи началась настоящая этнополитическая война всех против всех. Живущие здесь

¹ Далее также – Оттоманская империя, Турция, Порта, Высокая Порта, Великокопная порта, Блистательная Порта, «Стамбул», «Константинополь», «Больной человек на Босфоре».

² Формально Болгария получила независимость в 1908 г., когда сразу же после младотурецкого переворота царь Фердинанд объявил 5 октября об отторжении страны от Порты. Но еще в 1906 году на собрании губернаторов Оттоманской империи его титул звучал как «Вали Фердинанд вилайета Булгаристан». После 1878 г. Болгария стала лишь автономией, однако, с исключительными правами.

³ Aksakal Mustafa. The Ottoman Empire Road to War in 1914. Washington, 2004 // <http://www.cambridge.org/us/>.

этнические греки (немногим менее половины населения территории), болгары и сербы (почти по четверти), албанцы и турки (составлявшие меньшинство), поощряемые соответствующими правительствами старых и вновьобразованных государств, организовали десятки военно-политических обществ, вступивших друг с другом в кровавую бойню. Помимо греко-, болгаро-, сербо- австро- и османориентированных организаций, в различных частях Македонии действовали отряды, призывавшие к созданию «Македонии для македонцев». Объединившись в 1903 г., эти отряды начали так называемое Илинденское восстание, начавшееся в церковный праздник – Ильин день. Каждая из многочисленных воюющих сторон имела для себя высокого покровителя в лице представителей европейских держав: Франции, Британии, России, Италии, Австро-Венгрии и Германии. Османское правительство Абдул-Хамида II, формально владевшее Македонией, могло лишь сокрушенно наблюдать македонскую гражданскую бойню, не имея никакой возможности вмешаться в ход событий. В октябре 1903 г. представители Австро-Венгрии и России выработали программу умиротворения Македонии – так называемую Мюрцштегскую программу, к которой были привлечены и другие европейские страны, вовлеченные в македонские события. Было решено создать международные жандармские силы и распределить их по территории Македонии в соответствии с интересами держав. Основными держателями македонских «акций» становились Россия и Австро-Венгрия, делегирующие в Македонию своих гражданских инспекторов. Турция обязалась военной силой поддерживать порядок, сохраняя своего генерала-инспектора. Право обеспечения реформ на местах передавался представителям великих держав. Предполагалось закрепить за Россией контроль над «Салониками, за Австрией – Ускюб (ныне г. Скопье), Британия контролировала Драму, Франция – Серрес, а Монастир оказывался в зоне ответственности Италии»¹. Султан пытался вяло протестовать против вмешательства во внутренние дела империи, однако под нажимом Британии, осуществившей в 1905 г. морскую блокаду острова Мителины, вблизи Смирны, Абдул-Хамид санкционировал прибытие в Салоники европейской инспекции для проведения в жизнь Мюрцштегской программы.

Именно турецкая Македония и ее столица Салоники стали в последующие годы центром кристаллизации младотурецкого движения и революции 1908 г. В дальнейшем, в ходе Балканских войн,

территория Македонии была окончательно отторгнута от Османской империи и поделена между балканскими странами. Македонские события хорошо иллюстрируют государственную независимость Османской империи и странный суверенитет ее отдельных частей.

Политическая несостоятельность империи имела своей непосредственной причиной экономическую слабость, а финансовая зависимость правительства султанской Турции от европейских держав не позволяла ей вести самостоятельную внешнюю политику. Уже к 1875 г. Турция оказалась должна европейским державам 5,3 миллиарда золотых франков (при этом реально она получила только 3 миллиарда, остальные 2,3 миллиарда составил долговой процент). Не имея возможности уплатить даже по процентам, Османская империя объявила в этом году о государственном банкротстве¹. Тут же возникло европейское интернациональное банковское общество, регулирующее проблемы оттоманского долга.

В 1880 г. Турция вторично объявила о национальном банкротстве². Потеря европейского престижа и экономические трудности создали прекрасные условия для западных держав в деле политического и экономического закабаления Османской империи.

Первым в атаку капитала на «больного человека на Босфоре»³ бросился французский финансовый мир. В 1881 г. было юридически оформлено «Управление Оттоманского долга» под контролем банкиров Франции. Ещё ранее Франция создала в Турции несколько коммерческих банков, но с момента образования «Управления долга», финансовая политика султана регулировалась уже исключительно европейскими банкирами.

Вплоть до начала войны Франция имела в Турции самые сильные экономические позиции. Весной 1914 г. министр финансов Турции Джавид-бей обеспечил для Оттоманской империи 200 млн заем во Франции с шестимесячной выплатой, и это в определённой мере настроило турецкую верхушку в сторону Антанты⁴, так что Турция вступила в войну лишь спустя полгода после ее начала.

Франция основной зоной своих интересов в Османской Империи считала Сирию и Палестину, что и понятно для католической страны.

¹ Новичев А. Д. Экономика Турции в период мировой войны. – М., 1935. С. 10.

² История дипломатии. Т. 2. М. – Л., 1945. С. 65.

³ Ироничное название Османской империи, которое дал ей в 1853 г. французский журналист, см. Шеремет В. И. Босфор. М., 1995. С. 57; Готлиб В. В. Тайная дипломатия во время первой мировой войны. М., 1960. С. 16.

⁴ Далее также – «Согласие», «Сердечное Согласие», Entente, Entente Cordiale.

¹ Улунян А. А. Политическая история Греции. М., 2004. С. 12–13.

Давнее финансовое влияние на правительство Порты Франция легко могла перенести в любой другой регион. Но гораздо больше французских финансистов волновали европейские успехи Германии, извечного военного противника Франции.

Одновременно с Францией атаку на Великую Порту предпринял и британский большой бизнес. Экономические интересы английских деловых кругов поддерживались также и жёсткой колониальной политикой британского правительства. Англия имела надежды на наибольшие территориальные приобретения в результате распада Ближневосточной Порты. Они распространялись на всю линию, соединяющую Суэцкий канал с подступами к Индии – в первую очередь, это Месопотамия и север Аравийского полуострова. Египет уже фактически находился к началу войны под английским управлением. Кроме того, общественность Британии¹ была заинтересована и в Палестине. Британский колониализм представлял тип классического метрополияльного колониализма, при котором завоёванные территории получают представительство в верховной власти метрополии, но всё же сохраняют и местную власть. Их взаимодействие происходит с учётом местных национальных и духовно-культурных особенностей, а ассимиляционные процессы затруднены отсутствием прямого сообщения населения метрополии и колонии.

В 1875 г. Британия получила финансовое и административное господство над зоной Суэцкого канала (Суэцкий канал был открыт в 1869 г.), акции которого удачно купил, заняв деньги у Ротшильда, владевший ситуацией британский премьер-министр Дизраэли. В 1878 г. лорд Биконсфилд (то есть, все тот же знаменитый премьер-министр Дизраэли) добился на Берлинском конгрессе отказа России² от претензий на Черноморские проливы, склонив на сторону своего правительства турецкую верхушку.

Английский капитал стал упрочивать своё положение в Турции. К началу войны «англо-персидская нефтяная компания и компания «Шелл» владели 75% акций «Турецкой нефтяной компании»³. Англичане занимали преобладающее положение в турецком импорте текстильных изделий и угля, они имели концессии на перевозку грузов по озерам Бейшехир и Эгридир, по железной дороге между Багдадом и Бакубой, на разработку свинцовых руд близ Дарданелл, на удлинение железных дорог, на расширение пор-

тов в Трапезунде и Самсуне. К 1910 г. около 96% судов, прибывавших в Басру, представляли английские торговые фирмы¹. В 1913–1914 гг. тоннаж торгового флота Англии в Константинополе намного превышал тоннаж других государств. Он равнялся приблизительно 6 500 000 т. Советский историк Г. А. Арш пишет: «...британский империализм провёл до начала Первой мировой войны комплекс мер военно-стратегического порядка по укреплению Турции, которые были прямо направлены против России. Эти меры – .. постройка фирмой «Армстронг-Виккерс и Ко» новых доков, верфей, арсеналов, переоборудование старых и, наконец, строительство дредноутов для Турции на английских верфях»².

Германский империализм относительно поздно вступил в гонку за свои экономические и политические интересы в Османской империи, но интересы эти Германия отстаивала со свойственной ей в то время напористостью и агрессией. Германия, опоздавшая к разделу мира, пыталась противопоставить основным колониальным державам, Англии и Франции, несколько иной вид колониализма. Немцы в большей степени сохраняли политическую и культурную самобытность подчинённых территорий, направляя всё внимание на экономическое закабаление. Именно эта позиция германского колониализма и привлекла на свою сторону общественность Османской империи. Экономические успехи Германии, как в Европе, так и в Азии – Турции, Иране, Сирии были очевидны, напористость немецкого экономического штурма вселяла опасения другим европейским державам (особенно – Англии). Но и Россия, и Франция не желали встретить в Азии новое сильное заинтересованное лицо, имеющее достаточно конкуренции со стороны Англии.

В 1880-х годах Бисмарк боролся с Францией за сферу влияния в Тунисе, и склонил Турцию передать военные заказы от Армстронга – к Круппу и Маузеру³. В 1891 г. был образован Пангерманский союз, одной из идей которого было превращение Турции в зону немецких экономических интересов. Эту позицию недвусмысленно выразил глава германской военной миссии в Османской империи – немецкий барон и турецкий паша (с 1883 г. он был личным военным советником турецкого султана) Кольмар фон дер Гольц – который «советовал туркам самим покинуть свои европейские, африканские

¹ Там же. С. 28–29.

² Арш Г. А. Британская дипломатия и миссия Лимана фон Сандерса (о роли английского империализма в подготовке первой мировой войны) // Вестник ЛГУ, №11. – Л., 1949. С. 124.

³ История дипломатии. Т. 2. С. 80.

¹ Далее также – Великобритания, Англия, Британская империя, «Королева морей», «Лондон».

² Далее также – Российская империя, царская Россия, «Петербург».

³ Готлиб В. В. Цит. соч. С. 64.

и южно-аравийские владения и отойти в свою национальную твердыню – Анатолию»¹. Однако эти слова были, скорее, проявлением частной инициативы самого Гольца, а не политическим предложением. Панисламизм тогдашнего Османского идеологического движения был хорошо известен в Германии.

Германская политика в этот период противостояла как российской, так и британской. Россия, стремясь получить Проливы и Константинополь, выступала за аккуратный раздел Османской империи, к этому же стремилась и Британия, рассчитывая сделать колониями арабские территории империи, дававшие ей прямой путь в Индию. Германия выступала за сохранение целостности Османской империи, рассчитывая экономически подчинить себе всю ее территорию через влияние в столице.

Именно с такой целью в 1897 г. в Константинополь был отправлен послом Германии барон Маршалль фон Биберштейн – коренастый гигант и «лицо со шрамом», обладавший ко всему еще и сильным, грохочущим голосом. Задачей Биберштейна было убедить турок на собственном примере, что Германия была бы для слабого восточного соседа Европы более сильным союзником и более грозным врагом, нежели Британия. Биберштейн не раз доказывал это на деле, так что, когда в 1912 г. пришло время искать нового посла в Османской империи, немецкий дипломатический штаб избрал кандидата по тому же физическому принципу.

Им стал барон фон Вангенгейм² – столь же могучий внешне и внутренне представитель арийской расы. Американский посол

¹ Безобразов П. В. Раздел Турции. Петроград, 1917. С. 43.

² «После двух мировых войн трудно было сфокусировать качества этого могучего человека, потому что он стал прототипом маленькой группы юнкеров, которые к нынешнему времени почти исчезли. Это был громадный человек, под два метра ростом, с круглой головой и пронзительными наглыми глазами, а вера его в кайзера была абсолютной. Он не был пруссаком, но его характер и поведение были почти карикатурой того, как иностранцы представляют прусского аристократа: крайняя безжалостность, железная уверенность в себе и в своей касте, презрение к слабости, а под твердым достоинством – детская возбудимость в своих собственных делах. Он бегло говорил на нескольких языках и обладал огромным чувством юмора. Это был человек одновременно и опасный, и образованный, и смешной: что-то вроде животного в жестком панцире манер.

Вангенгейма высоко ценили на Вильгельмштрассе. Не раз он останавливался на вилле у кайзера на Корфу и имел определенные полномочия говорить от имени Германии. а сейчас его задачей было льстить, превозносить и очаровывать младотурок, чтобы на политическом горизонте им не виделось ничто, кроме огромной технической мощи германской армии. Скорее всего, Вангенгейм выдвигал следующие аргументы: Россия с незапамятных времен является врагом Турции, а поскольку Россия – союзник Британии и Франции, то нечего и говорить о переходе

Г. Моргантау описывает Вангенгейма так: «Когда я думаю о современной Германии, мне естественным образом является массивная, плотная фигура Вангенгейма. Он был шесть футов и два дюйма высотой; его гигантское крепкое сложение, его «гибралтарическая» спина, прямая и несгибаемая, его стриженная голова с выражением превосходства, его пронзающий взгляд, вся его физическая структура, пульсирующая жизнью и активностью... – все это выражало, я бы сказал, не ту Германию, которую я знал раньше, но именно ту Германию, чьи неограниченные амбиции ввергли мир в современный кошмар»¹.

В 1898 г. Рейхстагом был принят закон об усилении германского флота, в целях прервать многолетнюю гегемонию «Владычицы морей». В том же году император Вильгельм II совершил поездку в Турцию под предлогом паломничества к святым местам. На самом деле его целью было проведение в Османской империи политических и экономических мер, способствующих усилению германо-турецкого союза, в частности строительство Багдадской железной дороги, финансируемой Дойче Банком.

«Пусть султан турецкий и триста миллионов магометан, рассеянных по всему миру, которые поклоняются ему как халифу, пусть они будут уверены, что германский император – их друг навсегда» – с такими словами обратился Вильгельм к исповедующим ислам оттоманским подданным². В результате этой поездки Абдул-Хамид предоставил немецким банкирам грандиозную концессию на строительство железной дороги до Багдада. В 1906 г. были построены первые 200 верст³.

«В 1904 г. германские фирмы под руководством инженера Мейснера приступили к строительству Хиджазской линии–Дамаск– Медина–Мекка. Эта линия, ведущая к Святым местам ислама, являлась вакфом, и средства для ее строительства были собраны духовенством среди мусульман всего мира. Строительство

на ту сторону баррикад. Более того, Германия намерена победить в войне. Британия может владеть морями, но битва будет идти на суше, а если в России произойдет революция, вполне возможная вещь, то Франция в одиночку никогда не устоит под сконцентрированным ударом вермахта. Единственная надежда Турции на возврат ее потерянных провинций – отвоевание Египта и Кипра у Англии, Салоник и Крита у Греции, Триполи у итальянцев, подавление Болгарии и отпор Сербии – состояла в союзе с Германией именно сейчас, когда Германия собиралась показать свою мощь». Мурхед А. Мурхед А. Борьба за Дарданеллы. М., 2004. С. 12–21.

¹ Morgenthau H. Ambassador Morgenthau's Story. New York, 1926.

² АВПРИ, ф. Отдел осведомления и печати, 1916 – 1917 гг. Д. 633. Л. 95.

³ Безобразов П. В. Цит. соч. С. 46.

Хиджазской линии преследовало вполне определенные стратегические цели и вело к утверждению германского влияния на всем Арабском Востоке, углубляя экономические и политические противоречия между великими державами в этой части земного шара... Английская дипломатия всеми средствами пыталась сорвать деятельность германских монополистов. Подкупив главарей некоторых бедуинских племен и шерифа Ауна ар-Рафика (1882–1905), а после смерти последнего и его преемника шерифа Али (1905–1907), английским разведчикам удалось поднять восстание бедуинов, одним из главных требований которых являлось прекращение строительства железной дороги и удаление из Аравии немецких инженеров. Тем не менее к 1908 г. Хиджазская линия была проложена до Медины»¹.

Успехи германской дипломатии и экономической политики в Турции были бесспорны. «Железные дороги сделали больше для разрешения Восточного вопроса, нежели нарезные пушки» – так выразился в начале века один из дипломатов². Французские и английские финансисты проводили в отношении Турции чрезвычайно жёсткую политику займов, и это вызывало недовольство в Стамбуле. Несмотря на то, что в 1908 году к власти пришли младотурки, более склонные до переворота Энвер-паши³ (в 1913 г.) к сотрудничеству с Англией, «германизация» турецкой экономики продолжалась высокими темпами. «Нежелание младотурок получать от Франции займы на условиях, означающих финансовую опеку, облегчало проникновение в Турцию германского капитала»⁴.

Молодой германский капитал проявлял большую гибкость. «Западные финансисты и коммерсанты... выбирали себе основных помощников (компрадоров) главным образом из числа местной греческой и армянской средней буржуазии. Более поздние пришельцы – немцы – опирались на компрадоров из среды нарождающейся турецкой буржуазии»⁵. Оборот торговли Германии с Турцией с 1880

по 1911 гг. возрос более чем в 22 раза¹. В апреле 1910 г. «принц Эйдель-Фридрих, второй сын императора, отправился с многочисленной свитой в Палестину, чтобы отпраздновать германские успехи»². Акции Германии в османском государственном долге возросли с 4,7% в 1881 г., когда она занимала шестое место среди кредиторов Турции, до 20% в 1912 г., когда по количеству акций Германия уступала только Франции³. Российский историк Шеремет пишет: «в Турции создавался заповедник гарантированных германских капиталовложений»⁴.

Сильнее всего британо-германские противоречия в Османской империи проявились в вопросе развития турецкого флота. «В 1890 году султан принял амбициозную программу развития флота, в нее были включены 2 французских броненосца типа «Гош», крейсера и миноносцы. Однако программа не была выполнена. Даже столкновение с Грецией из-за Крита в 1897 г. не привело к улучшению дел. Турецкий флот в море не выходил, громогласно объявленная блокада Крита оказалась пустым звуком. Побывавшие на турецких кораблях иностранные наблюдатели констатировали, что они полностью небоеспособны. Орудия проржавели до того, что не работали ни подъемные механизмы, ни накатники. а на броненосце «Азизие» орудия вообще оказались без замков.

В этом же году турецкое правительство начало переговоры с рядом фирм о строительстве новых кораблей. Однако состояние турецких финансов было настолько плачевным, что Крупп и Армстронг предпочли дипломатично уклониться от подписания контрактов. Все закончилось тем, что в Италию на верфь Ансальдо были отправлены для перестройки броненосцы «Мессудие» и «Ассар-и-Тевфик»

В мае 1900 г. с немецкой фирмой Крампа (той самой, которая строила «Варяг») все же был подписан контракт на строительство бронепалубного крейсера «Меджидие», о чем турки впоследствии долго жалели. Корабль был построен безобразно. Он отличался отвратительной остойчивостью, а германские инженеры, осмотревшие его в 1914 г., обнаружили массу грубейших ошибок проекти-

¹ Алиев Г. З. Турция в период правления младотурок. М., 1972. С. 26.

² Шеремет В. А. Цит. соч. С. 77.

³ Энвер-паша Исмаил (1881–1922) – лидер младотурецкой партии, военный министр и начальник генерального штаба (с 1913 года), был зятем султана Махмуда Решада V. Во время первой мировой войны – военным министром и главнокомандующий турецкой армией. После поражения Турции бежал в Германию, затем – в Москву. Обещал Советскому правительству помощь в борьбе с басмачеством, но в Туркестане перешел на сторону басмачей и был убит в стычке с войсками Красной Армии армянским красным командиром.

⁴ Миллер А. Ф. Очерки новейшей истории Турции. М. – Л., 1948. С. 97.

⁵ Безобразов П. В. Цит. соч. С. 43.

¹ Новичев А. Д. Цит. соч. С. 127, 181; см. также Шеремет В. А. Цит. соч. С. 78: «...за 25 предвоенных лет объем внешней торговли (Германии) с Европейской Турцией возрос в 17 раз». Там же.

² Безобразов П. В. Цит. соч. С. 46.

³ Ерусалимский А. С. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века. М.: Соцэкгиз, 1963. С. 112.

⁴ Шеремет В. А. Цит. соч. С. 76.

ровщиков (расположение котлов, угольных бункеров и так далее). Зато построенный Армстронгом крейсер «Хамидие» оказался одним из лучших кораблей турецкого флота и прослужил 40 лет. Эти крейсера, несмотря на их потрясающее внешнее сходство, ни в коем случае нельзя считать однотипными. «Драма», третий крейсер этого класса, заказанный у Ансальдо, был конфискован итальянцами еще до начала Итало-турецкой войны за неуплату»¹.

Россия, как вековой военный противник Турции, не имела сильных политических позиций, с помощью которых она могла бы продвигать интересы экономические, однако определенные попытки, как уже указывалось, ею предпринимались. Помимо участия в «Управлении Османским долгом», Россия особенно была заинтересована в Гераклейских угольных копях, расположенных вблизи черноморских берегов и в непосредственной близости от Босфора и Стамбула.

В начале 1914 г. посол России в Константинополе М. Н. Гирс отправил министру иностранных дел С. Д. Сазонову следующую телеграмму: «Русские подданные братья Маврокордато выехали в Париж ходатайствовать о поддержке Русско-Азиатским банком покупке ими в Гераклейском угольном бассейне концессии на угольные копи и железнодорожную ветку от копей до порта...». Дело это рассматривалось на самом высшем уровне, так что на документе «собственной императорского величества рукой» написано: «следует поддержать»². Однако главным концессионером Гераклейского угля были все же французы, создавшие общество «Гераклея» еще в 1896 г.³. К 1913 г. общество «Гераклея» обладало капиталом в 15 миллионов франков и добывало 565 тысяч тонн угля⁴.

Однако проникновению российского капитала в Турцию мешали геополитические устремления русского бизнеса. В первую очередь, желание владеть Черноморскими проливами. Желание это особенно усилилось в связи с превращением России в крупнейшую страну, поставляющую на мировой рынок зерно. В 1900–1913 гг. зерно занимало половину всего российского экспорта, и 75–90 % его шло через Черноморские проливы. Зерноторговцы стали играть значитель-

ную роль в общественном мнении и влиянии на высшее чиновничество. «Не ограничиваясь экономическими требованиями, многие монополисты и оптовые торговцы хлебом ставили вопрос о захвате Россией черноморских проливов силой. «Интересы русской экономической торговли так велики, что могут служить достаточным основанием для казуса белли», – говорилось в обращении правления петербургской Хлебной конторы «Экспорт и импорт» от 24 октября 1911 г. Аналогичные резолюции приняли чрезвычайный съезд представителей торгового и промышленного капитала в Петербурге (3 ноября 1911 г.), Организация местных экспортеров хлеба, Биржевой комитет Ростова-на-Дону, Совет съездов представителей промышленности и торговли юга России в Одессе, Одесский биржевой комитет, Таганрогский биржевой комитет (1912 г.), а также десятки других организаций русского купечества и предпринимателей»¹. Такие заявления пугали османских лидеров и заставляли их настороженно относиться к любым проявлениям экономической активности русских. Тем более, что недостатка в европейских предложениях они не испытывали. Россия же заметно уступала западным державам в торговле с Турцией и балканскими странами. В сравнении с 300–400 млн руб. российского экспорта через Проливы, торговые операции в самой Турции не превышали 35 млн руб. в период 1908–1913 гг.²

Орган английских деловых кругов газета «Ньюс кроникл» писала 29 января-1911 г.: «Россия бессильна соревноваться со своими соперниками в промышленном и торговом отношении. В любой отрасли промышленности, в любой отрасли торговли Россия вытесняется Германией, Великобританией, Австрией, Францией и Японией. Ее конкурентные возможности крайне незначительны...»³

А. Деренталь писал в 1912 г. о Турции начала XX в.: «Живущая последние тридцать лет исключительно внешними займами, тратящая из своего ежегодного бюджета в 300 миллионов франков 100 миллионов на уплату по долговым обязательствам, Турция, хотя бы и обновленная в младотурецком понимании этого слова, в настоящий момент фактически и без того уже почти вся в руках иностранцев. Здесь нет фабрично-заводской национальной промышленности; бюджет общественных работ находится еще

¹ Дарданеллы станут нашей могилой // www.militaria.lib.ru.

² Международные отношения эпохи империализма (МОЭИ). Документы из архивов царского и Временного правительств 1870–1917. М., 1931–1940, сер. III. Т. I. С. 31.

³ Новичев А. Д. Цит. соч. С. 45.

⁴ Французские интересы в Турции // Новый Восток, № 3. М., 1923. С. 476 (перепечатка из французской газеты «Кляртэ» от 15 октября 1922 г.)

¹ Писарев Ю.А. Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М., 1985. С. 53–54.

² Bodger A. Russia and the End of the Ottoman Empire // The Great Powers and the End of the Ottoman Empire. London, 1996. P. 80.

³ Цит. по: Писарев Ю.А. Цит. соч. С. 46.

в зачаточном состоянии. Все те же немцы, французы, англичане проводят в стране железные дороги, строят мосты, набережные, отели. Это они продают ей военные корабли и боевые материалы, учат ее солдат, реорганизуют армию.. За то иностранцам в Турции – первое место. Умопомрачительные по доходности концессии на эксплуатацию природных богатств получаются предприимчивыми культуртрегерами с помощью во время данного влиятельному сановнику соответствующего его служебному положению «бакшиша». Страна продается и оптом, и в розницу. Во многих случаях продажу эту не стесняются производить совершенно открыто.. Одни французы вложили здесь в различные предприятия больше 3 миллиардов франков. За ними идут немцы, со своей Багдадской железной дорогой и неуклонным «Drang nach Osten», а там еще австрийцы, итальянцы, англичане.. Все ближе и неизбежнее стягивается вокруг несчастной, богатой возможностями, но нищей способами их выполнения страны железное кольцо европейского промышленного капитала. Теперь на Турцию устремлены жадные взоры интернациональных искателей новых рынков для сбыта залежавшихся товаров. Марокко, Персия, Египет почти уже проглочены. Занавес поднимается над последним актом мировой трагедии, которой название – конец Оттоманской империи...»¹.

Экономическое давление великих держав дополнялись в Османской империи проблемами внутренними. Начиная со второй половины XIX в., в Турции стало развиваться так называемое младосманское, а позднее – младотурецкое движение. В 1889 г. группа константинопольских студентов-медиков образовала секретное общество, оппозиционное режиму Абдул-Хамида. Группа установила связи с парижским эмигрантом Ахмедом Ризой², издававшим журналы «Мешверет» на турецком и «La Jeune Turquie» («Молодая Турция») на французском языке. Так члены оппозиционного движения в Турции получили свое известное имя: младотурки. На родине диссиденты подпольно печатали еще один журнал: «Порядок

¹ Деренталь А. Письма из Константинополя // Вестник Европы, № 3. 1912. С. 316–317.

² Ахмед Риза-бей (1859–1930) был директором сельскохозяйственной школы и Бурсе и часто выступал с научными статьями в газете «Нильюфер» («Водяная лилия»). В 1889 г. получил разрешение на выезд в Париж для участия в торжествах по случаю 100-летия французской революции, где жил вплоть до свержения Абдул-Хамида. В Париже организовал оппозиционную группу «Молодая Турция» и издавал журнал. После победы революции – председатель сената, великий везирь. См. Алиев Г. З. Цит. соч. С. 340.

и Прогресс»¹, который вскоре был переименован в «Единение и Прогресс» («Иттихад ве-тераки») ², а издатели журнала, ставшие во главе объединительного движения оппозиции, стали называться комитетом «Единение и Прогресс»³. Движение ставило своей целью демократизацию общества, экономические и политические преобразования в русле западных образцов, в первую очередь – ограничение власти султана конституцией.

Первый в истории проект турецкой конституции был написан в 1867 г. группой турецких просветителей во главе с известным литератором Намыком Кемалем⁴. Удивительно, но султан Абдул-Хамид перед началом русско-турецкой войны 1877–78 гг. использовал идею конституции, чтобы не допустить вмешательства России

¹ Название взято из одноименной работы французского философа-позитивиста Огюста Конта.

² Miller G. Straits: British Policy towards the Ottoman Empire and the Origins of the Dardanelles Campaign // www.flamboroughmanor.co.uk.

³ Комитет «Единение и Прогресс» («Иттихад ве-Терекки») – впервые был основан в 1894 г. четырьмя воспитанниками военной школы: Ушак-Сукути, Абуллах-Джеветом, Ибрагим-Темо и Назимом. Комитет опубликовал свою программу и устав. Программа была обще-либеральная: конституция, гражданское равенство, свобода совести, неприкосновенность личности, ответственность министров перед законом и т. д. Устав предусматривал строгую конспиративную организацию, во многом напоминавшую организацию франкмасонских лож. Вскоре комитеты организовались во всех частях Константинополя, но за пределы столицы не вышли. В состав общества вошел ряд видных людей, как, напр., писатель Мурад, Ахмед-Риза и др. Мурад издавал газету «Мизан» («Весы»), в Египте, а потом в Женеве. В Париже Ахмед-Риза издавал «Мешверет» («Совет»). Благодаря болтливости одного из членов комитета султану стало известно, что комитетом составлен заговор с целью его низложения и возведения на престол Мурада V. Последовал разгром комитета, аресты и высылки. Уцелевшие спаслись бегством за границу и стали там продолжать работу комитета. Но многие из них постепенно склонялись на уговоры и обещания султанских агентов и возвращались в Турцию. К 1898 г. вся деятельность первого комитета «Единение и Прогресс», за исключением издания газеты «Мешверет», казалась ликвидированной, и в течение последующих лет работа комитета сводилась к агитации и пропаганде через свои печатные органы за границей. Но подъем революционной волны в Турции после 1903 г. и, особенно, после русской революции 1905 г. возродил деятельность комитета «Единение и Прогресс», при чем исключительную роль в этом восстановлении Иттихада сыграл один из основателей старого комитета, доктор Назим. Он не порвал связей с основным ядром комитета – учащейся молодежью константинопольских военных школ – и, неоднократно переезжая из Европы в Турцию, делил с местными деятелями риск личной пропаганды. В 1906 г. комитет «Единение и Прогресс» переносит свою резиденцию в Турцию и начинает подготавливать революционное выступление. Л. Троцкий. Перед историческим рубежом. Балканы и Балканская война – Л. Троцкий. Сочинения. Том 6. М.-Л., 1926. Материал с сайта <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/>.

⁴ Киреев Н. Г. История Турции. XX век. М., 2007. С. 58.

и европейских держав в болгарские дела. Тогда он издал «фиктивную» конституцию, согласно которой христианам Османской империи даровались столь же фиктивные права. Однако российские дипломаты, в отличие от британских, не пошли на турецкие уловки, и победоносная война принесла реальную свободу балканским странам¹. Конституционный режим формально действовал в Турции в период 1876–1878 гг.

В 1906–1908 гг., после разгрома столичных отделений оппозиционного движения², центр борьбы за реформы переместился в Салоники, где в среде военных идеи младотурок получили широкое распространение. Военными лидерами партии «Единение и Прогресс» стали молодые и чрезвычайно честолюбивые люди – Джемаль³ и Энвер. Оба были военными, оба имели европейское образование. Многие источники говорят о связи лидеров партии с масонами. «В соответствии с масонским уставом, комитет братски принимал в свои ряды людей любой национальности и вероисповедания. В составе его руководителей были греки, армяне, евреи, турки и другие. Комитет поддерживал связи с восставшими националистами в Македонии»⁴. Младотурецкий лидер Рафик-бей в интервью, данном французской газете в 1908 г. говорил: «мы действительно полу-

чаем материальную поддержку у франкмасонов, прежде всего итальянских. Две итальянские ложи – «Macedonia Risorta» и «Labor et Lux» предоставили нам неоценимую помощь»¹. Другой масонской ложей, действовавшей в Салониках, была Шотландская ложа, связанная с широко разрекламированным ныне (усилиями Дэна Брауна) орденом тамплиеров. Всё-таки именно на территории Османской империи – в Палестине – находится Храм Гроба Господня. В дни начала младотурецкого выступления драгоман российского посольства В. Майков однозначно связал его с английским и масонским влиянием: «На вопрос мой одному лицу из банковского здесь мира, откуда революционеры берут деньги, мне было отвечено: отчасти из Парижа, главным образом из Лондона.

В первый же день уличных демонстраций толпа, руководимая членами комитета, произвела сочувственную манифестацию перед английским посольством. Новый английский посол при своем приезде был приветствован на вокзале длинной речью членами комитета. Когда тот же посол ехал во дворец, на торжественную аудиенцию у султана, вдоль всего пути стояли толпы народа, которые шумно выражали свое сочувствие Англии. Искусственность этих англофильских демонстраций не подлежит сомнению, так как англичане никогда не пользовались здесь сочувствием народных масс.

Всем вышеизложенным мне хотелось выяснить ту мысль, что на настоящий политический переворот в Турции не следует смотреть, как на самостоятельное проявление собственно турецкой мысли и жизни, а как на удачное действие Англии, сумевшей использовать с помощью масонской организации недовольство населения турецкой империи для подрыва ее правительства, которое было настолько забрано в руки Германией, что Турция была накануне заключения с ней союза. При нынешних же созданных Англией новых обстоятельствах о таком союзе не может быть и речи. Турция надолго выведена из сферы влияния Германии. Ее место здесь, несомненно, займет Англия. Именно в этом и заключается весь смысл и значение совершившегося переворота»².

Достаточно противоречивыми являются сведения об участии евреев в деятельности младотурецкой партии «Единение и Прогресс». Во всяком случае, имеются данные о том, что с момента ее образования в организации состояло немало число так называемых

¹ Газета «Le Temps», 20 августа 1908 г.

² Турецкая революция 1908–1909 гг. Записка [составленная первым драгоманом посольства в Константинополе. Приложена к депеше поверенного в делах в Константинополе от 15(2) августа 1908 г. за № 169. // Красный архив, № 6 (43). 1930. С. 3.

¹ История дипломатии. Т. 2. С. 37.

² «Султанское правительство в начале 1897 г. беспощадно расправилось с младотурецкими организациями. По сообщению Пешкова, 260 офицеров были высланы тогда из столицы, 32 курсанта военного училища умерли под пыткой в Иыдызе, 2560 улемов и учеников высших семинарий были высланы из Османской империи в течение двух лет. Особые усилия власти приложили к разгрому стамбульской организации младотурок. Были раскрыты два комитета – «Комитет Хюсейна Авни» и «Комитет Сулейман-паши». Почти все их члены (81 человек) предстали перед военным трибуналом: 13 человек было приговорено к смертной казни, 22 – к каторге, а остальные – к тюремному заключению на различные сроки – от шести месяцев до 30 лет.

Спустя два года, в 1899 г., произошел второй разгром стамбульской организации младотурок. Было арестовано и тайно казнено много чиновников, которых обвинили в государственной измене и заговоре против существующего режима. К 1900 г. единственной уцелевшей крупной организацией младотурок в Стамбуле был «Комитет свободы», который и являлся связующим звеном между местными ячейками и «Иттихад ве-теракки» за границей. РГВИА. Ф. «Турция» 450. Д. 113. Лл. 58–78. Цит. по: Алиев Г. З. Цит. соч. С. 58–59.

³ Джемаль-паша, Мехмед (1872 – 1922) – один из лидеров младотурецкой партии, министр общественных работ, затем морской министр младотурецкого правительства, командующий войсками Палестинского фронта, военный советник и организатор борьбы с британцами в Афганистане (1920–1922). Получал поддержку от Советской России. Убит в Тифлисе армянскими мстителями.

⁴ Оганджян А. 1915 год. Неоспоримые свидетельства. СПб., 2005. С. 31.

«донме» – евреев, изгнанных с Пиринеев в 1492 г. и массово принявших мусульманство в XVIII в. В основном «донме» проживали в Салониках, где и возникли первые ростки пантюркистских идей. Евреем был один из главных пантюркистских идеологов – Текин Альп (Моше Коген)¹. Министром финансов младотурецкого кабинета был «донме» Джавид-бей, главой Секретной Службы – еврей Шмуэль Эфенди, заместитель начальника турецкой полиции – еврей Абрахам-бей. Греческий король Константин характеризовал младотурок, как движение, составленное из «израилитов»².

В 1907 году в Париже прошёл съезд турецкой оппозиции, собравший представителей партии «Единение и прогресс» (по-турецки – «Иттихад ве-тараки», отсюда название членов партии – иттихадисты), армянской националистической партии «Дашнакцутюн»³ и Лиги децентрализации принца Сабахэддина⁴ – отколовшейся от «Единения и прогресса» по принципам государственного строительства – иттихадисты были за твёрдую протурецкую централизацию, Лига считала такую политику устаревшей. Присутствовали

¹ Текин Альп-Моиз Кохен (1883–1961) – родился в местечке Серес, близ Салоник. Автор большого числа публицистических и художественных произведений в духе пантюркизма, основатель и редактор ряда младотурецких периодических изданий. Труды Альпа публиковались не только в Османской империи, но и в европейских изданиях. Так манифест Текина Альпа на 35 страницах «*Les Turcs a la recherche d'une ame nationale*», в котором впервые идеи пантюркизма освещались не в специализированном издании, а в отдельной брошюре, был опубликован в Париже в 1912 г. С большей точностью направления развития пантюркистской идеологии и политики определены Альпом в его книге «*Turkler bu muharebede ne kazanabilirler?*» (Что могут выгадать турки в этой войне?), изданной в 1914 г.

² Kassesian I. The Young Turks: Who Were They? // “Nemesis”, September, 2001. P. 64.

³ Дашнакцутюн («Армянский революционный союз») – террористическая революционная партия, основанная в 1890 г. в Тифлисе Христофором Микаеляном, Сионом Заваряном и Стефаном Зоряном (Ростом). Партия провозглашала своей целью установление автономии Западной Армении в составе Османской империи, сотрудничала с младотурецкой партией до и после свержения султана Абдул-Хамида II, старалась отторгнуть Восточную Армению от России. В мае 1918 г. партия Дашнакцутюн пришла к власти во вновь образованной республике Армения. С партией сотрудничали большинство террористов-мстителей за геноцид армянского народа в Османской империи, совершивших в Европе ряд терактов против турецких лидеров и дипломатов.

⁴ Сабахэддин (1878–1948) – племянник султана Абдул-Хамида II, с 1899 г. проживал в Париже. Участник революции 1908 г., ставший лидером либеральной оппозиции младотурецкому режиму. После убийства Махмуда Шеквет-паши в 1913 г. эмигрировал в Европу. В 1918 году вернулся в Стамбул, однако снова стал в оппозицию националистическому движению Мустафы Кемалю. Эмигрировал в 1924 г. и умер в Париже.

на съезде и национальные группы – болгарская, арабская и албанская. Одной из местных салоникских групп была «Ассоциация османов за свободу» – недавно организованная почтовым служащим Талаатом, и лейтенантом Исмаилом Канболатом¹. На съезде было решено добиваться отречения Абдул-Хамида и реального восстановления конституции 1876 г.

Вскоре произошли события, которые иначе, чем чудом, назвать невозможно. Молодой офицер майор Энвер-бей, один из активных членов комитета «Единения и Прогресса», получил очередное назначение, предписывающее ему прибыть в столицу, где должен был состояться торжественный парад. После участия в торжествах офицер должен был с повышением отбыть в столицу для дальнейшей службы. Однако Энвер вместо столицы отправился в горы, окружающие Салоники. По всей видимости, никто, кроме денщика, его не сопровождал. Однако в городе это странное поведение молодого офицера вызвало настоящий ажиотаж. Отказ от повышения и участия в параде пред очами султана поразили воображение простодушных турецких граждан. Поступок молодого Энвер-бея приобрел символический смысл. Сначала о бегстве заговорили в казармах, затем слухи достигли городских обывателей. Говорили уже о целой армии горных повстанцев. Город кипел, на базарах и в чайных только и говорили, что о восстании!

Спустя почти две недели, в начале июля, лейтенант Ниязи-бей с группой солдат направился в горы на встречу с отшельником Энвером. Тот согласился стать предводителем восстания. Ядром вооруженных сил стал отряд «фидаев» («жертвующих собою») в 200 человек, с которыми Ниязи и Энвер обходили турецкие и болгарские деревни, привлекая на свою сторону новые кадры революционеров. В горы начали стекаться пассионарии со всей округи.

Так начался беспрецедентный поход младотурок на Константинополь. Русский консул в Македонии А.М. Петряев писал о событиях этих дней в донесении: «20-го сего июня начальник гарнизона в Ресне, лейтенант Ниязи-эфенди, албанец по происхождению, бежал, захватив военную кассу – около 600 т.л. и несколько десятков казенных ружей. К нему присоединились городской голова Джемаледдин-эфенди, жандармский офицер Бахри-эфенди и один полицейский, все албанцы. Перед побегом Ниязи-эфенди посредством шифрованных телеграмм снесся с двумя представителями младотурецкой партии в г. Пресне, офицерами Садыком и Османом-эфенди,

¹ Жевахов А. Кемаль Ататюрк. М., Молодая гвардия. ЖЗЛ. С. 21.

также примкнувшими к беженцам. Все они сборным пунктом назначили окрестности села Влахчи (между Преспой и Ресной), изобилующие лесами и вообще малодоступные...

Как я узнал доверительным путем, главари албанского революционного комитета в Корице решили оказать бежавшим офицерам младотуркам широкое содействие деньгами и людьми и предоставить в их распоряжение шайки албанцев для действий против турецкого правительства»¹.

Вообще, среди военных было много недовольных политикой Абдул-Хамида. Особенно среди моряков. Султан отчего-то боялся, что его дворец, расположенный на берегу Босфора, может стать легкой мишенью для артиллерии кораблей. Причем эти страхи относились и к собственному флоту. Поэтому флот должен был следовать в районе столицы безоружным. К тому же султан явно недофинансировал военных моряков. Это недоверие возмущало и адмиралов, и офицеров. Были и другие недовольные. Под знаменами младотурок собрались национально ориентированные элементы всех имеющих в империи народов. Восставшие представляли собой разношерстную массу, однако шум от их деятельности распространялся быстро и захватывал очень широкие слои населения. Турки слышали в этом шуме слова о восстановлении престижа империи, армяне, греки и албанцы – о свободах и правах. Консул Петряев писал об отношении к деятельности младотурок балканских народов: «С присущим им практическим смыслом, болгары, пока что, решили выжидать дальнейших результатов этого движения и впоследствии или примкнуть к нему или же, воспользовавшись затруднительным положением турецкого правительства, на свой риск и страх, нанести ему сильный удар. Греки, если не вступили в формальное соглашение с младотурками, то, во всяком случае, поддерживают с ними наилучшие отношения и спешат усилить кадры своих банд и приверженцев, и повсюду ожидаются новые вспышки их террористической деятельности. Сербские комитеты решили действовать также в этом направлении»².

Султан послал в Македонию на усмирение восстания маршала Шемши-пашу со значительными силами. Но 7 июля тот был застрелен бунтующей толпой в городе Монастир, а солдаты тут же оказа-

лись разagitированы¹. К этому времени Энвер определился с лозунгами восстания. Первым и основным стал лозунг возвращения Конституции 1876 г.

Абдул-Хамид, не ожидавший столь быстрого развития событий, приказал отправить войска из Смирны в Анатолию, однако и здесь уже на стадии погрузки, деятели младотурок с помощью стихийных митингов и памфлетов с карикатурами и комиксами завладели умами и сердцами солдат. Когда войска высадились в Салониках, они тут же перешли на сторону восставших. 22 июля султан, понявший, что силой справиться с восстанием невозможно, отправил в отставку консервативный кабинет Мехмеда Фарид-паши и в седьмой раз назначил великим везирем реформатора Саид-пашу, который привлек в правительство всю «старую гвардию» абдул-хамидовской администрации.

Но это был лишь шаг отчаяния. В тот же день, 22 июля, Ниязи вступил в Монастир и увёл пленником в Ресен специально посланного султаном для подавления революции генерала Осман-пашу, чем и обеспечил победу «Комитета». Путь на Стамбул был открыт. Султан попытался сопротивляться, пообещав огромные суммы за разгон восстания и поимку его лидеров. Но получать эти суммы было некому.

Султанские администраторы и руководители армии стали слать в столицу телеграммы с призывом к султану удовлетворить «требования армии и народа». «Только за два дня (22 и 23 июля 1908 г.) во дворец Иылдыз поступило 67 телеграмм от султанских чиновников с рекомендациями восстановить конституцию», в том числе от генерального инспектора трех вилайетов (Салоники, Монастир, Косово) Хильми-паши и командующего 3-м армейским корпусом маршала Ибрагим-паши².

Султан созвал в ночь на 24 июля Государственный совет, на котором его лидеры – Саид-паша и Киямиль-паша – высказались за удовлетворение требований восставших. Затем «Саид-паша стал поочередно опрашивать министров, не думают ли они, что надо посоветовать султану даровать конституцию, последние молча один за другим опускали глаза под его испытующим взглядом. После паузы Саид-паша, как он пишет в своих мемуарах, привел турецкую половицу, которая означала: «молчание – знак согласия»³.

¹ Турецкая революция 1908–1909 гг. Донесение управляющего гражданским агентством в Македонии от 6 июля (23 июня) 1908 г., № 314 // Красный архив, № 6 (43). 1930. С. 13.

² Донесение управляющего гражданским агентством в Македонии от 13 июля (30 июня) 1908 г., № 331 // Там же. С. 15–16.

¹ Annual Report for Turkey for 1908, BD, V. P. 249–250, 287–289.

² Алиев Г. З. Цит. соч. С. 106–107.

³ Там же. С. 107–108.

Абдул-Хамид утром 24 июля объявил о восстановлении конституции и созыве конституционного правительства, но слабость почтовых коммуникаций привела к тому, что в дальние уголки империи известие дошло с опозданием. Лишь «28 июля 1908 г. шейх-уль-ислам Джемаледдин Эфенди официально известил комитет «Иттихад ве теракки» и население империи о том, что Абдул-Хамид принял присягу в верности конституции»¹.

Энвер, как настоящий лидер движения, заявил о ликвидации османской тайной полиции, отмене цензуры печати, изменениях в правительстве и начале нового этапа развития Оттоманской империи. 5 августа 1908 г. кабинет Саид-паши был отправлен в отставку. 6 августа было создано новое правительство под контролем младотурок. Возглавил его Киямиль-паша, уже бывший великим везирем дважды в 1885-95 гг., но фактическую власть имели не вошедшие в него младотурки². Сенат возглавил лидер младотурок Ахмед Риза, на октябрь были назначены выборы в народное собрание. Революция в одной из крупнейших империй мира прошла практически бескровно. Так в мире была открыта эпоха «розовых революций».

Российский военный агент константинопольского посольства полковник Хольмсен писал вскоре после революции из столицы «Новой Турции»: «...носителями либеральных идей являются исключительно молодые офицеры, которые до самого конца провели революцию без всякого участия старших начальников, которые доказали свое полнейшее ничтожество, оставаясь безучастными зрителями совершившихся событий. Система султана выдвигать вперед одни бездарности в надежде таким образом обезвредить армию и флот, была использована против него самого, и он теперь находится лицом к лицу с враждебной ему армией, предводительствуемой неведомыми ему силами... Движение было настолько единодушным, что освободительная волна даже не встретила ни малейшего сопротивления и обошла почти без кровопролития. Последние дни чувствовалось, что всякое противодействие бесполезно. Султану другого ничего не оставалось делать, как даровать требуемые конституцию и амнистию... До сих пор ни один голос не поднялся против священной в глазах мусульман особы султана, но нет сомнения в том, что если бы он не уступил, то он был бы свергнут, и без большого труда, так как почва, судя по всеобщему здесь ликованию турок, была вполне подготовлена. Продержится ли султан на пре-

столе или нет, будет во многом зависеть от того, сумеет ли он пойти навстречу тем новым веяниям, которые овладели населением. По мнению многих, настоящий момент есть не венец либерального движения, а лишь его начало, так как младотурки твердо решили добиться осуществления серьезных реформ и не отступят ни перед какими средствами к их осуществлению»¹.

Придя к власти, новое правительство выпустило воззвание к народу, в котором утверждались, в частности, следующие принципы государственного строительства.

1. Основой Конституции должно быть уважение воли народа. Следствием этого принципа будет требование без каких-либо исключений ответственности министров перед Кабинетом и, следовательно, министры, не получившие большинства в Кабинете, будут отставлены.

2. Сенат на треть будет назначаться султаном, на две трети – избираться народным собранием (Меджлисом). Срок избрания на должность будет ограничен.

3. Объявляется, что все граждане Оттоманской империи, достигшие полных двадцати лет, вне зависимости от их состояния и общественного положения имеют право голоса. Потерявшие права гражданства лишаются и этого права.

4. Объявляется право граждан свободно образовывать политические объединения, не нарушающие пункт первый Конституции от 1293 г. Хиджры...

7. Турецкий язык остается государственным языком. Официальная корреспонденция и дебаты проводятся на турецком...

9. Все граждане являются свободными и равноправными, вне зависимости от религиозной, национальной принадлежности, и имеют одинаковые обязанности. Все Оттоманы, будучи равны перед законом, как имеющие одинаковые права и обязанности перед Государством, могут быть избраны на правительственные посты согласно их личным качествам и их образованию. Не-мусульмане и мусульмане имеют равные обязанности по несению военной службы.

10. Свобода вероисповедания в соответствии с национальными обычаями сохраняется...

16. Образование является бесплатным. Каждый Оттоманский гражданин имеет право, в рамках Конституции, преподавать в частном порядке в соответствии со специальными законами.

¹ Там же. С. 118.

² Киреев Н. Г. Цит. соч. М., 2007. С. 78–80.

¹ Турецкая революция 1908–1909 гг. Копия рапорта военного агента в Константинополе от 24 (11) июля 1908 г., № 238 // Красный архив, № 6 (43). 1930. С. 30.

17. Все школы будут действовать под покровительством Государства. Чтобы обеспечить всех Османских граждан равным и единым образованием, будут открыты государственные школы, обучение в которых будет бесплатным, доступным для всех наций. Обучение турецкому языку будет обязательным как в государственных, так и в частных школах. Для развития государственных ресурсов, будут открыты школы коммерции, сельскохозяйственные и инженерные училища¹.

Среди прогрессивной части населения началась эйфория по поводу демократизации общества, свобод и перспектив экономического роста. Военный агент в посольстве России в Константинополе сообщал: «Громадные сборища народа прошли до сих пор без всякого нарушения порядка (при проходе через мост сорокатысячная толпа даже уплатила за проход). Власти ни разу не вмешивались, даже при выпуске заключенных они не помешали овам».

Говорили речи, выступали женщины, сыновья министров и шейх-уль-ислама, имамы и офицеры; все подчеркивали значение дарованной свободы и кончили провозглашением здравия за султана.

При каждом удобном случае толпа выражает свою благодарность армии. Караулы на гауптвахтах вызывались офицерами для отдачи чести проходившей толпе, которая махала платками солдатам и офицерам, отвечавшим тем же. Здесь утверждают, что офицеры и солдаты здешнего гарнизона теперь вполне солидарны с младотурками. Офицеры, разукрашенные эмблемами свободы и флагами, разъезжали по городу, смешиваясь с толпой»².

Европейские державы, в том числе Россия и Британия, наблюдали за сменой османского режима практически безучастно, хотя и не без интереса. Впрочем, интерес этот был сосредоточен, в основном, на личностях правящих фигур, которые в этот период были, по сути, марионеточными. Российский поверенный в делах в Константинополе А. Нелидов сообщал 31 июля, что «...назначение Саида считается торжеством для Англии, сторонником коей он всегда слыл, как и новый министр без портфеля (случай, кажется, небывалый) Киамиль-паша. При этом, однако, забывают, что названные сановники никогда не ладили друг с другом. В прежние времена англофил был синонимом руссофоба. Как мнения обоих министров сложатся под влиянием англо-русского сближения, об этом я не имею

указания, но молва продолжает строить свои сочетания на прежнем антагонизме, что и породило слух о том, будто русский флот наготове в Черном море для подавления турецкой конституции, и английский недалек от Дарданелл для противодействия замыслам русских»¹.

Британское правительство не замедлило прислать новому турецкому правительству поздравления, министр иностранных дел Грей послал послу в Константинополь инструкции, в которых предлагалось выразить новому правительству все возможные симпатии и поддержку нового режима со стороны правительства Его Величества².

Во Франции события в Турции явились полнейшей неожиданностью. «Турецкие дела возбуждают здесь смешанное чувство изумления, симпатий и опасений, в котором и сами французы с трудом могут разобраться. На парижской бирже турецкие ценности падают в течение нескольких дней. С одной стороны, нельзя отрицать, что младотурецкое движение и провозглашаемые им принципы находят сочувственный отклик в прессе, во французском обществе и в правительстве. Следует отметить, что, несмотря на то, что младотурецкие комитеты в течение многих лет имели своим местопребыванием Париж, их деятельность не обратила на себя особенного внимания французского правительства, и то, что произошло за последние недели в Македонии и в Константинополе, явилось совершенной неожиданностью для французских политиков и дипломатов»³.

Аналогичной была реакция Германии, где, впрочем, с удовольствием отметили значение армии в младотурецком движении. «Переворот в Турции, так же мало предвиденный Германией, как я всеми прочими европейскими державами, сильно встревожил здешнее общественное мнение. Нет никакого сомнения, что он изменит характер отношений, установившихся за последнее время между Германией и Портою. Император лично смотрит несколько скептически на исход переворота, но берлинский кабинет в будущих своих сношениях с Османской империей будет следовать указаниям бар. Маршалля (фон Биберштейна), считающегося не без основания лучшим знатоком Ближнего Востока. Мнение германского посла

¹ Письмо поверенного в делах в Константинополе от 31 (18) июля 1908 г. // Красный архив, № 6 (43). 1930. С. 140.

² Kent Marian Great Britain and the End of the Ottoman Empire 1900–23 // The Great Powers and the End of the Ottoman Empire. London, 1996. P. 171.

³ Письмо поверенного в делах в Париже от 6 августа (24 июля) 1908 г. // Красный архив, № 6 (43). 1930. С. 50–51.

¹ The Young Turks // Civilization since Waterloo. Paris, 1912. P. 40–42.

² Турецкая революция 1908–1909 гг. Копия рапорта военного агента в Константинополе от 28 (15) июля 1908 г., № 242 // Красный архив, № 6 (43). 1930. С. 37.

в Константинополе заключается в следующем: переворот заслуживает благоприятной оценки в силу того, что его произвел военный элемент, единственно честный в Турции и единственно преданный султану»¹.

Сами младотурки были полны желания вести страну по пути модернизации, либеральных реформ и гражданских свобод. Таким образом, они думали вернуть империи геополитическое влияние и вывести ее из униженной зависимости от экономически сильных европейских держав. Однако не все было так просто. Наследие диктатуры Абдул-Хамида довлекло и над многими членами нового режима. «После революции 1908 г. Хюсейн Джахид Ялчин, в статье «Джур-наллер» («Доносы») поднял вопрос о необходимости опубликовать все доносы, которые были представлены Абдул-Хамиду. Однако младотурецкое правительство на это не пошло, мотивируя свой отказ тем, что «в случае публикации этих доносов, очень многие мелкие чиновники, которые в силу своего служебного положения вынуждены были пойти на это, окажутся в безвыходном положении». После этого по специальному постановлению парламента подавляющая часть доносов была сожжена»².

Поэтому, несмотря на благие намерения, на деле события в стране развивались по иному куда более негативному сценарию. А. Нелидов прозорливо сообщал в Санкт-Петербург 24 (11) июля 1908 г.: «...воскрешение «турецкой конституции» знаменует собой начало новой эпохи, повидимому, отнюдь не менее чреватой непредвидимыми пока последствиями, чем время первого ее провозглашения 32 года тому назад»³.

Новому правительству пришлось сразу же выдержать череду испытаний на прочность. Воспользовавшись политической нестабильностью страны, западные державы начали активно менять статус, в первую очередь, европейских территорий Османской империи. Австро-Венгрия аннексировала Боснию и Герцеговину. «Посыпались протесты, Сербия объявила мобилизацию. Возмущена была и Россия, и, разумеется, Турция. Но на турок надавили немцы – султан согласился на все, только бы они помогли ему в гражданской войне. Вена стала сосредотачивать войска на границе с Сербией, а русские вдруг получили германский ультиматум. В нем указывалось,

что кайзер готов выступить за Австро-Венгрию «во всеоружии» и от Петербурга требовал даже не молчаливого признания факта, а публичного согласия на присоединение Боснии и Герцеговины»¹. Младотурки объявили формальный бойкот австрийских товаров, но реально противопоставить захватчикам было нечего.

5 октября 1908 г. отложился от империи болгарский царь Фердинанд. 8 октября Национальный совет Крита провозгласил декларацию об эносисе (воссоединении) острова с материковой Грецией.

Этим воспользовались и внутренние враги младотурок, тем более что новое правительство вело явно двурушническую политику. «Кямиль-паша был одним из самых способных, но и одним из самых вероломных политиков в «эпоху зулюм». Политический дуализм, свойственный Киямиль-паше, не удовлетворял ни младотурецкий комитет, ни ультраправых реакционеров.. В правительстве Кямиль-паши сторонниками младотурок были Рефик-бей, Хаккы-бей, Маньяси-заде и некоторые другие. Но в целом кабинет проводил политику, которая не могла удовлетворить младотурецкий комитет. В то же время крайне правые, роялисты, обвиняли его в заигрывании с комитетом «Иттихад ве теракки», в отказе от защиты «устоев шариата» и т. п.»² Кямиль, которому было уже 75 лет, пытался заигрывать как с первыми, так и со вторыми.

В результате смогли объединиться все те силы внутри страны, которым младотурки и их лидер Энвер казались ложными кумирами. Прежде всего, это были деятели мусульманских школ-медресе, учителя и ученики. Султан покровительствовал мусульманским ученым и авторитетам, и те отвечали султану взаимностью. «Европеизация» – один из главных лозунгов младотурок был неприемлем для хранителей традиций шариата. Как писал свидетель событий А. Дюренталь, «...вся парламентская оппозиция комитету «Union et Progres», до сих пор разрозненная и бессильная в своих отдельных выступлениях, объединилась в одну компактную массу, крепко спаянную общей ненавистью к младотуркам. Сюда вошли и явные реакционеры, и те, кто называет себя в Турции либералами, и представители различных нетурецких национальностей, не желающих отказываться ни от своей религии, ни от своего исторического прошлого во имя нивелирующих идей комитета»³.

¹ Деша послана в Берлине от 21 (8) августа 1908 г. № 54 // Красный архив, № 6 (43). С. 9.

² Алиев Г. З. Цит. соч. С. 49.

³ Письмо поверенного в делах в Константинополе от 24 (11) июля 1908 г. // Красный архив, № 6 (43). С. 26.

¹ Шамбаров В. За веру, Царя и Отечество // www.modrnlib.ru.

² Алиев Г. З. Цит. соч. С. 134.

³ Деренталь А. Письма из Константинополя // Вестник Европы, № 3. 1912. С. 311.

Первый правительственный кризис произошел в январе-феврале 1909 г. 13 января был принят курс, против которого яростно голосовали члены «Единения и Прогресс». В результате им пришлось подать в отставку и, по османской традиции, они были отправлены в удаленные места на достаточно высокие посты: Энвер поехал послом в Берлин, его соратник Фетхи-бей – в Париж¹. Вскоре пришла очередь так называемых «независимых».

«12 февраля 1909 г. министр внутренних дел Хюсейн Хильми-паша, министр финансов Зия-паша, председатель государственного совета Хасан Рахми-паша, а также шейх-уль-ислам Джемаледдин Эфенди, считавшие себя «независимыми», в знак протеста против нарушения конституции подали в отставку...

На следующий день, 13 февраля, палата депутатов, по инициативе Ахмеда Риза-бея и Талаат-бея, совсем недавно выразившая вотум доверия правительству, потребовала у великого везира объяснения. Киямиль-паша, ссылаясь на болезнь, пытался уклониться от ответа. и когда он появился в зале заседаний, переполненном офицерами, поддерживавшими младотурок, ему было вотировано недоверие. Киямиль-паша ушел в отставку. 14 февраля 1909 г. было сформировано новое правительство во главе с Хюсейном Хильми-пашой»².

Внешнеполитический нажим на Османскую империю также продолжался. Новому правительству пришлось идти на уступки аппетитам европейцев. 27 февраля 1909 г. аннексия Боснии и Герцеговины была признана султаном в обмен на 2,5 миллиона фунтов стерлингов «в качестве частной компенсации австро-венгерского двора османской короне»³.

Впрочем, Энвер тоже не терял времени даром. Он вернулся в Салоники и встал во главе 11-й резервной дивизии, из состава которой сформировал новые вооруженные силы, назвав их, по совету своего тогдашнего друга и соратника по действиям в Македонии, Мустафы Кемаля, «армейским движением» или «Армией Действия». По сути, это была личная гвардия, составленная из людей преданных своему лидеру, и жаждущих приложить свои силы и получить достойную награду (и офицеры, и солдаты, получали жалование). Энвер чувствовал, что силы старого режима еще не смирились, а ленивые сановники Абдул-Хамида, увидев опасность своему стабильно возвышенному положению, готовят активные действия за утраченные привилегии.

Контрреволюционное движение зародилось в глубине страны, однако вскоре обозначился его центр – город Адана на юге Турции в Киликии. Вооруженные действия сопровождалось, по традиции того времени, армянскими погромами, поскольку армян считали приверженцами новых веяний. Собственно говоря, так оно и было. В Адане активно действовали представители радикальной армянской партии «Гнчак», на которых вначале и было направлено насилие. Вскоре, однако, погромы приняли общегородской характер, и в результате погибло более 30 тысяч армян.

Эти трагические события получили название «инцидент 31 марта».

Младотурки, сохранявшие свое влияние в армии, направили одного из своих лидеров – Джемалю-пашу – на усмирение аданских контрреволюционеров. Войска действовали с не меньшей жестокостью, при этом, оставшихся в живых армян Джемаль приказал вывести из города во избежание полного их истребления. Джемаль стал вали Аданы и получил почетное имя «спасителя армян».

Почти одновременно попытка контрреволюционного переворота произошла в столице. Ее организовала группа османских исламистов из полуподпольной организации «Общество Мохаммеда», целью которой была борьба за признание шариата единственным законом турецкого общества, и против политики оттоманизации, проводимой новым правительством. 5 апреля оппозиционный младотуркам «редактор «Сербести» Хасан Фехми-бей был убит выстрелом из револьвера на Галатском мосту, а его друг Шакир-бей был ранен. Убийца, одетый в офицерскую форму, скрылся и остался неизвестен»¹. На похоронах журналиста 12–13 апреля в Стамбуле, на площади перед Айя-Софией произошли вооруженные выступления под лозунгом отставки правительства. Войска в столице перешли на сторону восставших и перебили офицеров, принадлежавших и симпатизирующих комитету «Единение и Прогресс»². Многим видным младотуркам и им сочувствующим пришлось спасаться бегством. Так будущий министр финансов Джавид-бей нашел укрытие в русском посольстве, после чего он и еще несколько министров переправились на русском пароходе в Одессу. Некоторые министры бежали из столицы вглубь Анатолии и в арабские вилайеты. Были убиты министр юстиции Назим-паша, шериф Яхья Садык-паша и офицер генерального штаба Спатари³.

¹ Алиев Г. З. Цит. соч. С. 134–135.

² Там же. С. 135.

³ Miller G. Straits... // www.flamboroughmanor.co.uk

¹ Алиев Г. З. Цит. соч. С. 135.

² Emin A. Turkey in the World War. Yale-Oxford, 1930. P. 47–48.

³ Турецкая революция 1908–1909 гг. Дешеша посла в Константинополе от 14(1) апреля 1909 г. № 68. // Красный архив, № 9 (46). 1930. С. 31.

«Восставшие батальоны предъявили явившемуся для объяснений с ними шейх-уль-исламу следующие требования:

1) чтобы шариат был принимаем в соображение при издании новых законов;

2) чтобы уволены были великий визирь Хильми-паша и военный и морской министры;

3) чтобы составление нового кабинета было возложено на бывшего великого визиря Киамиль-пашу и чтобы в состав кабинета в качестве военного министра вошел Назим-паша;

4) чтобы президент палаты депутатов Ахмед-Риза-бей был уволен и заменен гератским депутатом Исмаил-Кемаль-беем – главою партии «Ахрар»;

5) чтобы удалены были из Константинополя редактор газеты «Танин» депутат Хуссейн-Джахид и салоникские депутаты Рахмибей и Джавид-бей;

6) чтобы константинопольский депутат армянин Киркор Зохроб был назначен первым вице-президентом палаты

и 7) чтобы офицеры в стрелковых батальонах были заменены другими.

Требования эти представлены были шейх-уль-исламом султану, который вслед за тем поручил своему первому секретарю Джевад-бею отправиться в палату депутатов и объявить ей, что отставка кабинета Хильми-паши принята, что участвовавшие в движении войска не будут привлечены к ответственности и что будущему кабинету будет предписано свято соблюдать вечные и великие предписания шариата»¹.

«Абдул Хамид II, несомненно, подготовленный к этим событиям, поспешил выполнить требования мятежников, вполне соответствующие его желаниям. Великим везиром был назначен бывший министр иностранных дел в кабинете Хильми-паши Ахмед Тевфик-паша»².

Однако радость победы у восставших длилась менее двух дней.

Младотуркам сохраняли верность македонские части, расквартированные в большом количестве по округе, и беспорядки были пресечены. 16 апреля первые части верных старому правительству войск вошли в столицу. Из Салоник в Константинополь маршем уже шла 25 тысячная «Армия Действия» под командованием влиятельного члена «Единение и Прогресса» Махмута Шевкета-паши.

Начальником штаба этой армии был молодой честолюбивый офицер Мустафа Кемаль¹. Отряд Ниязи-бея снова встал на защиту «революции и демократии».

24 апреля «Армия Действия» вошла в столицу, притихшую в ожидании наказания за попытку переворота. Но город и его жители почти не пострадали. Шевкет объявил, что будет придерживаться цивилизованных конституционных порядков. На следующий день был окружен султанский дворец и начато быстрое следствие о причастности к беспорядкам Абдул-Хамида. В городе ходили слухи, что вооруженным людям платили по пять турецких лир, из чего было сделано заключение об участии в беспорядках султанских денег. «У солдат было много денег, – писал очевидец событий, – и они швыряли ими; каждый наблюдатель видел, что организаторы заговора затратили немалую сумму, чтобы купить поддержку со стороны армии. Как многие солдаты признались впоследствии, их соблазнили денежными подарками и увлекли на ложный путь лживые проповедники, обращавшиеся к ним во имя религии»². Это предопределило судьбу «Кровавого султана» – Абдул-Хамида. 26 апреля следствие было закончено.

Вечером султан 26 апреля попросил своего слугу «читать ему вслух: в журнале «Стрэнд мэгэзин» вышел новый рассказ А. Конан-Дойля. Последний день на османском троне «Кровавый султан» провел, лежа на диване, куря и слушая о приключениях Шерлока Холмса»³. Читал ему детективы в собственном переводе председатель османского совета по здравоохранению маршал (мушир) Саидбей, бывший великий визирь.

27 апреля 1909 г. Абдул-Хамид был низложен. «Народное собрание... окончательно решив на состоявшемся во вторник, 14 (27) сего месяца, секретном Заседании вопрос о низложении Абдул-Хамида, возложило на старейшего из сенаторов Гази Ахмед-Мухтара-пашу и на депутата Талаат-бея поручение пригласить шейх-уль-ислама Зиа-эд-дина эфенди и фетва-эмини Мохаммед-Нури-эфенди для придания означенному решению законной силы. Явившись в заседание, означенные два духовные лица, по совещании с членами Народного собрания, изготовили фетву, коею предлагалось или потребовать от султана отречения или же провозгласить его низвержение. Народное собрание высказалось за последнюю

¹ Широкоград А. Б. Россия-Англия: неизвестная война, 1857–1907. М., 2003. С. 395.

² Там же. С. 140.

³ Miller G. Straits... // www.flamboroughmanor.co.uk.

¹ Там же. С. 30.

² Алиев Г. З. Цит. соч. С. 139.

меру. и избраны были две депутации для сообщения... Абдул-Хамиду о его низложении...»¹

Фетва была составлена согласно принятым в исламе правилам. «В документах этого рода имя лица, которого они касаются, не упоминается и заменяется именем Зейд.

«Если повелитель правоверных Зейд исключает из священных книг некоторые существенные постановления священного закона, если он изъемер из обращения, уничтожает и сжигает эти книги; если вопреки священному закону он присваивает себе общественное достояние, расточает и расходует его; если он без законной причины умерщвляет, заточает и изгоняет своих подданных и вообще усвоит привычку совершать всякие насилия; если затем он, поклявшись вернуться на стезю добродетели, тем не менее с нарушением клятвы упорствует в создании смуты, способной совершенно низвергнуть положение и дела правоверных и вызывает междоусобное кровопролитие, если притом из многочисленных местностей ислама получают заявления о том, что ради прекращения бедствий означенный Зейд должен быть признан лицом, заслуживающим лишения престола, и что сохранение его грозит неминуемою опасностью, – то должно ли быть приведено в исполнение то, что лица, имеющие право связывать и развязывать и заведывающие делами правительства, признают предпочтительным, а именно: предложить ли означенному Зейду отречься от сана имама и султана или же свергнуть его с престола?»

За этим текстом следует решение шейх-уль-ислама, выраженное в слове: «Должно».

По выслушании фетвы шейх-уль-ислама Народным собранием постановлено было следующее решение: «На состоявшемся во вторник, 7-го Реби-уль-Ахира 1327 г. (14/27 апреля), заседании Народного собрания состоявшего из сенаторов и депутатов, была прочитана духовная фетва за подписью шейх-уль-ислама Мохаммеда-Зиа-эд-дин-эфенди. Из двух изложенных в означенной фетве предложений то, которое касается низложения как признанное предпочтительным, было принято единогласно, и султан Абдул-Хамид II был лишен сана халифа и османского султана, а законный его наследник Мохаммед-Решад-эфенди провозглашен был халифом и султаном под именем султана Мохаммеда V»².

¹ Турецкая революция 1908–1909 гг. Деша посла в Константинополе от 29 (16) апреля 1909 г. № 78. // Красный архив, № 9 (46). 1930. С. 46–49.

² Деша посла в Константинополе от 29 (16) апреля 1909 г. № 79 // Там же. С. 50–52.

Русский посол сообщал через день после низложения «Кровавого султана»: «В ночь со вторника на среду Абдул-Хамид был отправлен с экстренным поездом в Салоники, где поселен будет на частной даче, принадлежащей богатым салоникским негодьятам евреям Аллатини. С ним отправились 2 младшие его сына, 11 женщин из его гарема и небольшое число служителей, а также надежный военный конвой»¹.

Были наказаны наиболее активные бунтовщики. В назидание жителям столицы, по старой восточной традиции, младотурки повесили на площадях несколько мятежных солдат. а вот главе кабинета министров Тевфику-паше относительно повезло. Он был снят со своего поста только 18 мая. Его заменил все тот же Хуссейн Хильми-паша.

Посаженный на трон младший брат сверженного султана Решад-эд-дин – под именем Мехмед V – до этого 30 лет был отстранен от всякой власти, проводя время жизни в своем гареме. Поэтому реальную власть в стране получил герой похода на Стамбул – Махмуд Шевкет-паша, формально ставший генералом-инспектором трех армейских корпусов, и за которым стояли еще три деятеля «Единения и Прогресса» – Энвер, Джемаль и Талаат².

Происходили и другие перемены. Еще в ноябре 1908 г. было избрано народное собрание – Меджлис. Председателем стал Али Риза, а его заместителем – Талаат, оба – лидеры партии «Единение и Прогресс». Впрочем, всего из 220 членов Меджлиса к младотурецкой партии принадлежали только 60.

После победы младотурок и свержения Абдул-Хамида, по примеру турецкого младотурецкого движения различные «младо-национальные» организации стали появляться и в европейских странах. В качестве примера можно привести так называемое «младотурецкое движение» в среде российских военных специалистов и армейских офицеров, направленное на модернизацию военного воспитания и обучения и построение организации армии на основах

¹ Деша посла в Константинополе от 29 (16) апреля 1909 г. № 78. Там же. С. 49.

² Талаат-паша Мехмед (1874 – 1921) – генеральный председатель младотурецкой партии. При старом режиме служил начальником Почтового ведомства. Его участию в движении младотурки были обязаны скорости и точности распространения партийных указаний по всей стране. Был министром внутренних дел в 1908, 1911 и в 1913–1917 гг. В 1913 г. был одновременно и министром финансов. Великий визирь (1917 – 1918), считается одним из главных организаторов геноцида армян и уничтожения нетурецкого населения Турции. Убит в Берлине армянским мстителем С. Тейлиряном. Берлинский окружной суд, заседавший 2–3 июня 1921 г., оправдал Тейлеряна.

современных требований военного искусства. «Еще задолго до войны члену Думы Гучкову удалось создать военно-политический центр – так называемую «Военную ложу», – проводивший идеи всероссийской оппозиции в среде молодых карьеристов Главного управления Генерального штаба. Происшедшая в 1908 г. в Турции революция младотурок навела Гучкова на мысль произвести подобного рода переворот и в России. Для ознакомления с техникой переворота Гучков ездил тогда же в Константинополь... В Талааты он прочил Родзянку, в Джемали – Львова, а в Энверы – себя»¹. Удивление вызывает здесь возраст этих русских «младотурок», которых никак нельзя было назвать юношами. а вот не вызывает удивления то, что свой союз русские «младотурки» назвали «ложей».

2. Войны и потеря Турцией европейских и африканских территорий

В октябре 1909 г. миссия из 13 германских офицеров во главе с бароном фон дер Гольцем вторично (после 1885–1895 годов) прибыла в Стамбул для реорганизации турецкой армии. и до этого существовала практика, когда отставные немецкие офицеры служили далее в Турции. Общее число германских специалистов в турецкой армии достигало 25–30 человек². После отъезда Гольца в 1895 г., в Турции осталось немного немецких специалистов на постах инспекторов различных пехотных частей, однако Гольц, в Германии ставший командующим корпусом, сохранял связи со своими турецкими друзьями, которые приезжали в Германию учиться военному мастерству. Многие видные османские офицеры с гордостью называли себя его учениками, Среди них были такие видные турецкие военачальники как Ахмед Иззет-паша, военный министр Турции в 1913 г. и великий визирь в 1918 г., а также в Махмут Шевкет-паша, великий везирь в 1913 г., прошедший в Германии 10 лет, сперва в академии, затем на службе, в частности обеспечивая поставки в Турцию винтовок системы Маузера³. Шевкет, самый влиятельный член партии «Единение и Прогресс» был убит оппозиционерами в мае 1913 г.

¹ Керсновский А. А. История русской армии. Т. 4. С. 238 – 240.

² Силин А.А. Экспансия германского империализма на Ближнем Востоке накануне первой мировой войны. М., 1976. С. 52.

³ Trumpener U. Germany and the End of the Ottoman Empire // The Great Powers and the End of the Ottoman Empire. London, 1996. P. 111.

Морской министр младотурок Джемаль также посещал Германию перед тем, как начать реорганизацию турецкого флота, приведенного в упадок Абдул-Хамидом.

По вторичном прибытии фон дер Гольца, Энвер затеял в войсках радикальнейшую «чистку», превосходящую по масштабам даже сталинские репрессии военных в 1939–40 гг. «Верховная военная комиссия, имевшая огромное влияние на военное и морское министерства, а также Главное артиллерийское управление были упразднены. Все члены комиссии и управления (всего 64 человека) были переданы в распоряжение военного министерства, а все руководство вооруженными силами фактически было сосредоточено в руках великого везира. Была упразднена также военная канцелярия султана, а ее начальник Абдулла-паша был назначен командиром IV корпуса. Многие из уволенных были против германизации Энвером турецкой армии. «Для проведения военной реформы младотурецкое правительство назначило специальную комиссию с широкими полномочиями. В состав комиссии вошли военный министр Салих-паша (председатель), маршалы Ахмед Мухтар-паша и Этхем-паша, а также главный начальник артиллерии, командир султанской гвардии и председатель военного трибунала... [Также] были учреждены военно-полевые суды, которые приговаривали ярых сторонников султана к расстрелу или к ссылке. Однако в большинстве случаев смертные приговоры были заменены разжалованием и ссылкой в отдаленные места империи»¹.

Вскоре по немецкому шаблону были созданы образцовые части, лагеря для переобучения войск, школа унтер-офицеров, кавалерийская школа. Был принят устав по образцу немецкого устава 1905 г. Проводились манёвры под руководством германских офицеров. С другой стороны, практиковались и поездки высших турецких военных чинов в Германию.

Германскому образцу следовали и организационные принципы формирования офицерского корпуса. «Вопрос «О правильности чинопроизводства высшего командного состава турецкой армии» стал предметом бурных дискуссий на заседаниях парламента 8 и 9 июля 1909 г., на которых присутствовало большое число офицеров всех чинов и всех родов войск... Во внесенном в парламент законопроекте был точно определен срок службы в том или ином офицерском чине: лейтенант (тегмен) – три года, старший лейтенант (юсттегмен) – четыре, капитан (юзбашы) – четыре, майор (бинбашы) – четыре,

¹ Алиев Г. З. Цит. соч. С. 153.

подполковник (ярбай) – пять, полковник (албай) – четыре, бригадный генерал (тутгенерал) – четыре, дивизионный генерал (тюмгенерал) – четыре года. Офицеры могли выходить в отставку после 15 лет службы, а на пенсию – после 22 лет»¹.

Влияние Германии на армию Османской империи было велико, влияние самой армии на политическую ситуацию в стране не уступало, так что германские успехи в одной этой области повлекли за собой целый «караван» удачных торговых сделок и политических приобретений. «Снабжение новейшим оружием турецкой армии должно было осуществляться путем размещения заказов главным образом среди германских фирм (Круппа, Маннесмена и др.)»².

Для установки техники и обучения персонала в Турцию прибывали инженеры различных специальностей. В их числе был инженер-полковник Эрих Вебер, дочь которого вышла замуж за морского офицера Карла Дёница, тогда – морского офицера связи на легком крейсере «Бреслау», а впоследствии – создателя германского подводного флота и преемника Адольфа Гитлера на посту рейхсканцлера. Именно Дёниц подписал 8 мая 1945 г. капитуляцию фашистского Рейха³.

Реакцию Англии и России на усиление немецкого военного присутствия в Турции предсказать несложно, но Британия несколько увязла в бурской войне, а Россия уронила авторитет армии и флота (особенно с точки зрения командования ими) в войне на Дальнем Востоке. Это осложняло союзникам проникновение в турецкую армию. Все же, в декабре 1908 г. англичане послали в Турцию миссию контр-адмирала Дугласа Гамбля с пятью морскими офицерами. Прибыв к месту назначения, Гамбль с удивлением обнаружил, что на палубах старых броненосцев, не выходявших в море со дня прибытия в Турцию, высажены грядки с овощами⁴. 7 тысяч флотских офицеров и моряков не имели никакого профессионального образования или подготовки.

С приездом Д. Гамбля, призванного «привести находящийся в упадке флот в порядок»⁵, в турецком флоте, также как и в армии, были произведены невиданные преобразования. «Все 42 турецких адмирала действительной службы оказались уволенными в отставку за полной непригодностью»⁶. Гамбль официально стал во главе

турецкого флота и превратился в Гамбль-пашу. Старые военные суда, «лежащие вдоль берегов Дарданелл и вообще повсюду, были собраны в Золотом Роге и предложены к продаже или на слом. Более современные суда, обладающие боевым потенциалом, обеспечены экипажем и прошли некоторые учения, включая даже стрельбу по мишеням. Были переведены на турецкий язык британские «Королевские Регуляции для Флота» и инструкции Адмиралтейства (исключая статьи, касающиеся религиозных церемоний)»¹. Османское правительство создало специальную Морскую лигу для «призрения флота» и сбора пожертвований на его укрепление. Однако вскоре после столь обнадеживающего начала начались трения, и Гамбль покинул Константинополь формально из-за проблем со здоровьем, пробыв во главе османского флота всего восемь месяцев.

В руководстве Османской империи продолжались перманентные перестановки. В январе 1910 г. был смещен великий визирь Хильми-паша, которого заменили на бывшего посла Турции в Риме Хакки-пашу. Поводом для отставки визиря стало «дело Линча», которое заключалось в том, что англичане, желая дать ответ немецкой Багдадской дороге, при посредничестве Хильми-паши намеревались добиться разрешения на строительство железной дороги от Багдада до Басры. Ради этого была предложена схема, которую сегодня назвали бы «экономическим слиянием и поглощением», а именно, объединение Оттоманской навигационной компании Евфрата со скромным британским предприятием, незадолго до этого созданным в том же районе. Явная фиктивность сделки возмутила турецкую общественность, а участие в ней визиря дало повод младотуркам спешно его устранить². Британия стала освещаться в турецкой прессе откровенно негативно.

Это сказалось на положении англичан в деле управления османским флотом. «10 декабря 1909 г. в Константинополе прошли переговоры между германским военным атташе майором фон Штремпле и великим визирем Осман-пашой. Визирь заявил, что Турция желает приобрести броненосный крейсер и несколько эсминцев, чтобы ликвидировать отставание от греков... Визирь сказал: «Если Германия продаст один из строящихся броненосных крейсеров, то Оттоманская империя высоко это оценит». Фон Штремпле немедленно сообщил об этом в Берлин. 30 января 1910 г. адмирал фон Тирпиц согласился продать туркам строящиеся на верфи Шихау

¹ Там же. С. 155.

² Там же. С. 154.

³ Trumpener U. Germany and the End of the Ottoman Empire P. 111.

⁴ Miller G. Straits... // www.flamboroughmanor.co.uk.

⁵ Annual Report for Turkey for the Year 1908 // BD, V. P. 256.

⁶ Силин А.А. Цит. соч. С. 87.

¹ Annual Report for Turkey for the Year 1908 // BD, V. P. 282.

² Miller G. Straits... // www.flamboroughmanor.co.uk.

эсминцы S-165 – S-168».¹ Показательно в этой торговой сделке то, что, «как выяснилось позднее, все эти эсминцы были забракованы германским военным ведомством из-за недостатков конструкции»². Турецкое же морское ведомство купило корабли без надлежащей проверки, потратив на эту сделку все деньги, ради которых турецкие и арабские женщины продавали свои волосы³.

«Вопрос о приобретении броненосного или даже линейного крейсера оказался не столь простым. 24 января государственный секретарь по иностранным делам фон Шён неосторожно сообщил туркам, что Германия может передать им линкор «Блюхер». Он действовал без согласия командования флота... Все зависело от кайзера. 8 апреля он объявил, что согласен продать «Блюхер» за 44 миллиона марок, и что корабль должен быть укомплектован германскими офицерами. Турки ответили, что согласны приобрести этот корабль, но за пониженную цену. Кроме того, они заявили, что условие размещать все заказы на строительство новых кораблей только в Германии – неприемлемо.

21 июня прошла новая встреча германских и турецких представителей в Константинополе. Турки очень сильно хотели перехватить строящийся в Ливорно для Греции броненосный крейсер «Георгиос Аверофф». Сорвалось. В отчаянии турки обратились напрямую к фирмам «Крупп» и «Блом и Фосс». Последняя предложила продать недостроенный «Мольтке». На корабле не хватало кормовых башен, которые немцы обязались доставить в Константинополь и смонтировать там. Но даже недостроенный «Мольтке» был много сильнее «Авероффа» (6 орудий 280 мм против 4 орудий 234 мм, скорость 25 узлов против 22 узлов). Было также предложено продать им только что заложенный в Гамбурге новый линейный крейсер, пока еще безымянный. Он числился просто под литерой «Н». Это был будущий судьбоносный крейсер «Гебен»!

Но 15 июля Тирпиц прекратил все разговоры о продаже линейных крейсеров и предложил туркам устаревшие броненосцы типа «Бранденбург» по 10 миллионов марок за корабль. 25 июля германский посол в Турции сообщил, что выбраны «Курфюрст Фридрих Вильгельм» и «Вейссенбург», имеющие броню из никелевой стали... 5 августа был подписан договор о покупке броненосцев. 25 миллионов марок за 2 бро-

ноносца и 4 эсминца были частично собраны по подписке, частично переведены Дойче Банком со счетов свергнутого Абдул-Хамида»¹.

Британское внешнеполитическое ведомство было обеспокоено усилением германского влияния на флот турок. «Оскорбленный Гэмбл, узнав о переговорах, подал в отставку, но в мае 1910 г. его сменил другой британский адмирал – Уильямс. Более того, британское правительство официально гарантировало Турции, что заказы на строительство новых кораблей в Англии «будут выполняться под надзором Адмиралтейства и с гарантией британского правительства за безукоризненное выполнение, а также за артиллерию кораблей»... В результате было решено в течение ближайших 6 месяцев заказать еще 1 линкор, а через 2 года – целую серию из 3 линкоров, вооруженных 343-мм орудиями. Кроме предусмотренных бюджетом средств для строительства флота, было решено конфисковать драгоценности и вклады свергнутого султана Абдул-Хамида. В начале апреля 1911 г. был подписан контракт с британскими фирмами Армстронг и Виккерс. 1 августа 1911 г. на верфи Виккерса был заложен линкор «Мехмед Решад V», позднее переименованный в «Решадие». Свой первый линкор Турция должна была получить в апреле 1913 г.»². Во Франции была заказана постройка подводных лодок.

Особый взгляд на германо-британское противостояние в Турции высказал Уильям Черчилль. В 1910 г. будущий Первый лорд Адмиралтейства, а тогда – статс-секретарь по внутренним делам Британской империи, посетил территорию Османской империи. Прибыв в столицу и проехав на поезде из Смирны в Адану, Черчилль писал Греку: «...единственный вывод, который я сделал относительно этой части мира разрушенной цивилизации и системы... – это почему бы Англии и Германии не выступить совместными силами, преследуя общие цели?»³ Внутренние проблемы Османской империи Черчилля совсем не интересовали, а о руководителях страны он выразился, как о придворной камарилье, а не действительной политической силе. Возможно, что эти мысли возникли у молодого амбициозного политика после того, как он посетил в качестве гостя кайзера Вильгельма маневры германской армии в Бреслау (1907) и Вюрцбурге (1910)⁴.

¹ Дарданеллы станут нашей могилой // www.militaria.lib.ru.

² Там же.

³ Churchill to Grey, 9 September 1910 // WSC Comp. Vol. II. Pt. II. P. 1022–23.

⁴ «Я вспоминал манёвры 1907 г. в Бреслау, германские армейские корпуса – они шли мимо меня, ряды храбрецов, волна за волной; в памяти вставали окрестности Вюрцбурга, 1910 год – тысячи крепких лошадей тащат орудия и огромные гаубицы

¹ Дарданеллы станут нашей могилой // www.militaria.lib.ru.

² Силин А.А. Цит. соч. С. 56.

³ Джемаль-паша. Записки Джемалья-паши (1913 – 1919 гг.). Тифлис, 1923. С. 112; Schnee. P. 70.

1911 и 1912 гг. ознаменовались очередными потрясениями для нового правительства революционной Османской империи.

Осенью 1909 г. в Раккориджи состоялась встреча императора России и короля Италии. 24 октября министр иностранных дел Италии Томазо Титтони и министр иностранных дел России Александр Петрович Извольский¹ оформили сделку между странами, которую подписали оба монарха. Соглашение это носило секретный характер. По нему обе страны обещали сохранять *status quo* на Балканах. В виду агрессии Австро-Венгрии в отношении югославянских территорий для России это было важное достижение. Россия обещала со своей стороны благожелательно относиться «к интересам Италии в Триполитании и Киренаике». Тем самым Италия обеспечила себе нейтралитет со стороны России в намечающейся войне Италии и Порты за африканские колонии. Италия, в свою очередь, обещала поддержать Россию в вопросе о Проливах. Надо отметить, что действия итальянской дипломатии в отношении нового турецкого правительства были довольно коварными. В мае 1910 г. 150 влиятельных турецких граждан были приглашены с визитом в Италию, где их уверяли в том, что Италия не имеет никаких территориальных претензий к Османской империи. В результате турки перевели часть своих войск из Триполитании в Йемен, на границе с которым усиливались сепаратистские тенденции².

К лету 1911 г. приготовления к вторжению были завершены. Премьер-министр Италии Джованни Джолиотти начал интересоваться реакцией главных европейских правительств на возможное вторжение итальянцев в Ливию. Он опасался, что война с Турцией может спровоцировать к захвату турецких территорий другие державы, великие и малые: «Сохранение остатков Оттоманской империи является одним из принципов, на которых основывает-

ся равновесие и мир в Европе... Что если, после того, как мы атакуем Турцию, двинутся Балканские страны? а Балканская война спровоцирует столкновение двух групп великих держав и европейскую войну?».¹ Это пророческое опасение заставило его обратиться за поддержкой итальянских претензий на часть Северной Африки к Франции и Британии.

Добившись положительных ответов от глав европейских государств, итальянское правительство в ночь с 26 на 27 сентября представило Османскому правительству ультиматум, по которому Турция обязывалась в течение 48 часов вывести свои войска из Ливии.

Лидеры партии «Единение и Прогресс» через австрийское посредничество ответили о сдаче Ливии без боевых действий, но с условием сохранения в стране формального османского правительства. Италия отказалась и объявила войну Турции 29 сентября 1911 г.

Россия объявила, Именным Высочайшим Указом правительствующему Сенату 23 сентября (6 октября), «строгий и беспристрастный нейтралитет».

Итальянский флот появился возле Триполи уже 28 сентября, но бомбардировку начал 3 октября. «Турецкие гарнизоны вскоре покинули их (укрепления), унеся замки береговых орудий; войска также были выведены из города, предоставив его власти неприятеля. 22 сентября (5 октября) утром, т.е. еще за неделю до прибытия первого эшелона экспедиционного корпуса, итальянцы высадили десант в 1200 человек морской пехоты с несколькими легкими орудиями. Бомбардировка и быстрый, хотя и незначительный десант произвели необходимое впечатление»². Город был захвачен моряками. Турки направили еще одно предложение по урегулированию конфликта, однако итальянцы отклонили его. Тогда Турция решила защищать территорию. Тем более что местные арабские лидеры мусульманских общин объявили христианским захватчикам джихад³.

Первое столкновение отрядов произошло 10 октября. Итальянский контингент состоял из 20 000 солдат, и его считали достаточным, чтобы завоевать Хомс, Тобрук (14 октября), Дерну (17 октября), Бенгази (21 октября) и прибрежные оазисы. Первая задержка итальянских отрядов произошла 23 октября, когда маленький отряд около Триполи заманил их в ловушку. Итальянцы были окру-

¹ Malgeri F. *La guerra libica (1911–1912)*. Rome, 1970. P. 98–99. Cit. Bosworth R.J.B. *Italy and the End of the Ottoman Empire* // *The Great Powers and the End of the Ottoman Empire*. London, 1996. P. 58.

² Emin A. *Op. cit.* P. 54.

³ Bosworth R.J.B. *Op. cit.* P. 58.

по склонам и дорогам. Я думал о немецкой просвещённости, дотошности, успехах в естественных науках, достижениях в философии». Черчилль. Мировой кризис. Глава «Агадир».

¹ Извольский А. П. (1956–1919) – С 1882 – первый секретарь российской миссии в Румынии, затем на такой же должности в Вашингтоне. В 1894–1897 министр-резидент в Ватикане, в 1897 посланник в Белграде, в 1897–1899 в Мюнхене, в 1899–1903 в Токио и в 1903–1906 в Копенгагене. В 1906–1910 министр иностранных дел. При его участии были заключены: русско-английское соглашение 1907 и русско-японское соглашение 1907, австро-русское соглашение в Бухлау 1908 и Русско-итальянское соглашение 1909 в Раккориджи. В 1910–1917 посол России в Париже. Его действия на посту министра вызвали резкое осуждение в правительстве и общественных кругах России.

² Emin A. *Op. cit.* P. 54.

жены мобильной арабской конницей, которая была поддержана турецкими солдатами. «Константинополь обнародовал событие этого дня, как блестящую победу турецкого оружия»¹. Итальянский корпус был почти полностью уничтожен. Итальянская пресса изобразила эту ловушку как простое восстание. Корпус был увеличен до 100 000 солдат, которым противостояли на тот момент 20 000 арабов и 8 000 турок.

23 октября 1911 г. в ходе ожесточенных боев в окрестностях Триполи, известных как «события в Шарашате», итальянцы впервые применили авиацию для разведки вражеских позиций и корректировки артиллерийского огня, а несколькими днями позже итальянцы использовали самолет в качестве бомбардировщика. 1 ноября 1911 г. лейтенант Гавотти опять же в первый раз в мире сбросил на расположение противника прообразы авиабомб.

Однако война постепенно превращалась в окопную, позиционную войну. Итальянские отряды высадились в Тобруке и, после краткой бомбардировки 4-го декабря 1911 г. заняли побережье. Малочисленные турецкие солдаты и ливийские, тунисские, алжирские, египетские добровольцы были вскоре организованы молодым турецким капитаном Мустафой Кемалем. Сражение при Тобруке 22 декабря закончилось фактически победой отряда Кемала. Тем не менее, декретом от 5 ноября 1911 г. Италия объявила свою власть в стране, хотя итальянское правительство управляло только некоторыми прибрежными частями страны.

«Самое большое «сражение» итало-турецкой войны произошло 24 января 1912 г. в гавани Бейрута. Итальянские броненосные крейсера «Джузеппе Гарибальди» и «Франческо Феруччио» потопили артиллерией и торпедами старый броненосец «Авниллах»². Военно-морское превосходство позволило Италии к августу 1912 г. захватить практически всю береговую линию Ливии и Киренаики.

Однако это не приблизило разрешение конфликта. Тогда в апреле и июле 1912 г. итальянский флот совершил рейды к Проливам, захватив по пути острова Стамфалия и Додеканезы, населенные, по преимуществу греческим населением. Державы, рассерженные на Турцию за минирование Проливов и сокращение вывоза товаров из и в Россию, не стали сразу протестовать против итальянских прибрежений³.

¹ Emin A. Op. cit. P. 54.

² Дарданеллы станут нашей могилой // www.militaria.lib.ru.

³ Bosworth R.J.B. Op. cit. P. 59–60.

Впрочем, этот акт вызвал явное недовольство Австро-Венгрии, которая стала настаивать на прекращении войны и заключении мирного договора на условиях международных соглашений, заключенных ранее. Начавшиеся восстания в Албании и Македонии привели к тому, что правительство младотурок пошло на переговоры, испугавшись роста претензий Италии. Более того, в начале октября боевые действия против Османской империи начала Черногория. Это еще более ускорило завершение войны в Ливии.

15 октября 1912 г. в Уши (Швейцария) был подписан предварительный секретный, а 18 октября 1912 г. в Лозанне – гласный мирный договор. Условия соглашения были формально равны тем, которые в начале войны попросил Стамбул. Триполитания и Киренаика получили только автономный статус согласно судебному правилу Кадиса, избранного султаном. «Подарив» населению Ливии автономии турецкий султан также обязывался вывести свои войска с её территории. Италия после этого обязывалась эвакуировать свои войска с Додеканезских островов. Парадоксальным образом решения в Лозанне привели к смягчению отношений Италии и турецкого правительства. Турки, с началом в дни Лозаннских переговоров Первой Балканской войны, отлично понимали, что уход с Додеканез Италии практически на сто процентов делал эти острова добычей греков или великих держав. Пока же сохранялось итальянское присутствие, сохранялись и шансы сохранить территории за собой. Поэтому по негласному «полюбовному» соглашению Турция не выводила до конца свои войска из Ливии, а итальянцы – с Додеканез. Это положение сохранялось в течение всей мировой войны¹.

В то же самое время продолжалась внутренняя политическая борьба в Османской империи. Младотурки не столь прочно, как им думалось, утвердили в стране свою власть. Продолжалась борьба против Иттихада со стороны оппозиции. Младотурецким лидерам явно не хватало квалифицированных кадров. а Деренталь пишет: «Вчерашние телеграфисты, народные учителя и скромные, беззаветно преданные интересам родины армейские офицеры сегодня, получив в свое заведыванье огромный и сложный государственный аппарат, абсолютно не знали, что с ним делать. Волей-неволей пришлось обратиться за помощью к искушенным в административной и дипломатической практике перебежчикам от прежнего режима. Снова на самых важных и ответственных постах появились все те же знакомые гамидовские физиономии – Хакки-паша.. Киамиль..

¹ Ibid. P. 61.

Саид – хитрые и опытные царедворцы, десятки лет служившие Абдул-Гамиду и его капризам, теперь же ставшие исполнителями предначертаний новых хозяев положения, и постепенно все пошло опять по старому; переменились только этикетки»¹.

Младотурки, вступив в конфликт с парламентом, добились его роспуска 18 января 1911 г. За парламентом последовала отставка кабинета министров. «Власть вновь перешла к престарелому Саид-паше, который сохранил в своем кабинете большинство министров прежнего правительства, в том числе Махмуда Шевкет-пашу в качестве военного министра»².

Но это не прекратило внутренний кризис. На волне недовольства ведением и итогами итало-турецкой войны, «была организована новая оппозиционная партия – «Итиляф ве-хурриет» («Согласие и Свобода»), явившаяся центром притяжения для всех контрреволюционных элементов страны. Одновременно кризис происходил и в недрах самой младотурецкой партии, а в апреле 1911 г., в парламентской фракции иттихадистов произошел раскол, и образовалась отдельная оппозиционная группа во главе с ходжою Меджди.

В декабре 1911 г. была опубликована обширная программа иттиляфистов, «состоявшая из 71 статьи. Основное содержание программы заключалось в «защите конституции», укреплении либеральных порядков, осуществлении принципа децентрализации и частной инициативы и т. п. Цели «Итиляф ве-хурриет», как открыто признавали ее лидеры, заключались в свержении диктатуры «Иттихад ве теракки» и замены ее собственной диктатурой»³.

В ответ Шевкет издал указ, запрещающий под страхом серьезных наказаний заниматься политической деятельностью офицерам и солдатам⁴. Однако военные, привыкшие в период революции посещать младотурецкие собрания и обсуждать политические события, уже начали участвовать в работе оппозиционных групп, в том числе террористических.

Новая палата, собравшаяся из-за внутренних и внешних раздоров только 18 апреля 1912 г., состояла в подавляющем большинстве из сторонников правительства. Но оппозиция продолжала свою работу внепарламентским путем, развивая энергичную деятельность в армии. Образовалась военная лига «спасителей отечества» («Ха-

ласкярани Миллет»), которая 19 июля предъявила султану требование смены правительства. Младотурки не решились на открытое противодействие, которое неминуемо привело бы к гражданской войне, и 22 июля председатель верховной палаты Меджлиса Гази Ахмед-Мухтар-паша образовал новый кабинет, в состав которого вошли некоторые видные деятели оппозиции. Его поддержал председатель палаты депутатов Собрания Халил-бей. «В турецкой исторической литературе правительство, сформированное Ахмедом Мухтар-пашой 22 июля 1912 г., называется «Большой кабинет» или «Кабинет великих везиров». В правительство Ахмеда Мухтар-паши вошли три бывших садразама (великих везира): Кямил-паша (председатель государственного совета), Хюсейн Хильми-паша (министр юстиции) и Ферид-паша (министр внутренних дел). Пост военного министра занял известный своей антипатией к младотурецкому комитету генерал Назым-паша... началось своего рода единоборство между антимиладотурецким правительством Ахмеда Мухтар-паши, ищущим конфликта для роспуска парламента, и парламентом, большинство которого все еще состояло из младотурок, старавшимся не допустить конфликта»¹. В этом противостоянии сила не была на стороне младотурок.

«Либеральное» правительство... распустило 5 августа 1912 г. младотурецкий парламент и вскоре ввело в стране осадное положение и военные суды. При этом были амнистированы сторонники Абдул-Хамида, а в конце 1912 г. многие деятели «Единения и Прогресса» были арестованы»². Новый кабинет называл себя «беспартийным», однако его формирование было, по сути, поражением младотурок и победой партии иттиляфистов. В либеральный кабинет, помимо мусульман, вошли и представители христианских конфессий. Так, министром иностранных дел стал Нурадунгиан-эффенди, член армянской фракции Иттиляфа.

«После роспуска парламента, в начале августа 1912 г., младотурки созвали очередной съезд партии, который впервые состоялся в Стамбуле, а не в Салониках. Поскольку младотурки уже были отстранены от власти, им предстояла трудная борьба с «Хюрриет ве итиляф». После бурных дебатов съезд одобрил проект постановления... считавший целесообразным включиться в предвыборную кампанию... После окончания работы съезда почти все видные

¹ Деренталь А. Письма из Константинополя // Вестник Европы, № 3. 1912. С. 313.

² Алиев Г. З. Цит. соч. С. 210.

³ Там же. С. 213.

⁴ РГА ВМФ, ф. «Военно-морской агент в Турции». Ф. 898. Оп. 1. Д. 34. Л. 116.

¹ Алиев Г. З. Цит. соч. С. 217–218.

² Троцкий Л. Балканы и Балканская война – Л. Троцкий. Сочинения. Т. 6. М.-Л., 1926. Материал с сайта www.magister.msk.ru/library/trotsky/.

деятели партии «Иттихад ве-теракки» покинули столицу и переселились в Салоники»¹. Однако начавшаяся осенью Первая Балканская война не дала возможности провести выборную кампанию.

Помимо внутренней нестабильности и невозможности защитить свои дальние магрибские территории, издавна имелись у Османской империи другие проблемы, которые стали опасными для самого существования государства к середине 1912 г. Они были связаны с европейскими владениями султана – Балканами, которые традиционно назывались в Турции – Румелией. Начиная с 1821 г. – года, когда свою свободу начал завоевывать греческий народ – турки не могли быть спокойными за свои европейские территории. Во второй половине XIX в. от империи отделились Болгария, Румыния и Сербия. В 1912 г. отделились даже единоверцы-мусульмане – Албания. Однако четыреста лет турецкого ига не прошли бесследно. Установить границы новых государственных образований оказалось не так-то просто. «Братья-славяне» (сербы, болгары, македонцы, черногорцы, хорваты, босняки), греки, румыны и албанцы смотрели друг на друга косо. Но их ненависть к туркам, составлявшим значительный процент населения Балкан, была общей.

В конце XIX – начале XX вв. Балканы находились в сфере влияния по преимуществу двух стран – России и Австро-Венгрии. Можно также говорить о влиянии Англии на Грецию, идущего еще с начала XIX века (смерть Байрона в Миссолонге в определенной степени была значима для народов обеих стран), об интересах Италии в отношении албанских территорий и севера Адриатики. Часть полуострова оставалась под Османским владычеством. Тем не менее, именно противостояние России и Двуетной монархии определяло внешние формы политической борьбы в этом регионе в интересующий нас период.

По результатам войны с Турцией 1877 – 1878 гг. получила самостоятельность большая часть Болгарии, а Босния и Герцеговина оказались оккупированы Австро-Венгрией. В 1880-х годах, вследствие просчетов российской дипломатии, Австро-Венгрия укрепила свое положение в Сербии и Болгарии. Болгарский царь Фердинанд, немец, посаженный на трон австрийцами, был признан Россией в 1896 г. болгарским князем. Глава болгарского кабинета Стамбулов² был ярким противником России.

¹ Алиев Г. З. Цит. соч. С. 222.

² Стамбулов Стефан – виднейший политический деятель Болгарии, родился в 1854 г. в гор. Тырнове. сын содержателя мелкого хана (трактира). Принимал участие в восстании 1876 г. и в войне с Турцией 1877 – 1878 г.г. В 1884 году Стамбулов

В Сербии проавстрийскую линию вел король Милан. Однако переворот 1903 г., приведший к смене династии Обреновичей, еще недавно вместе с Россией боровшихся за свободу Сербии, Карагеоргиевичами, способствовал национальному подъему и повороту внешней политики в сторону России. Австро-Венгрия ответила усилением нажима на южнославянские страны. Готовилась аннексия оккупированных Боснии и Герцеговины. В дальнейшем намечалась превентивная война с Италией и аннексия Сербии. Министр иностранных дел Австро-Венгрии Эренталь писал, намекая на ослабление России: «в момент благоприятной обстановки в Европе, мы наложим руки на еще сохранившуюся часть Сербии. Тогда у нас будут надежные границы»¹. Идея Двуетной европейской империи, была еще жива, а культурная интеграция германских, славянских, угорских и тюркских этносов казалась возможной.

Россия со своей стороны пыталась укрепить свое положение на Балканах, оказывая Сербии и Болгарии поддержку. В 1905 году был заключен торговый договор с Болгарией, в 1907 – аналогичный договор с Сербией. Все они строились на принципе наибольшего политико-экономического благоприятствования и несколько облегчали малым Балканским странам сопротивление культурэкспансии Австро-Венгрии и Германии. Впрочем, слабость российской политики выражалась в сотрудничестве с Австро-Венгрией в вопросе реформ в Македонии. Россия шла на это из опасения греческого (читай, британского) влияния. Это не способствовало повышению престижа России на Балканах и привело к боснийскому кризису 1908 г.

избирается председателем болгарского Собрания, а после отречения князя Александра Баттенбергского (8 сентября 1886 г.) назначается, вместе с Каравеловым и Муткуровым, регентом. Фактически, вплоть до 1894 г. Стамбулов является диктатором Болгарии. Стамбулов повел политику резкого противодействия России и решительно отклонил выдвинутую русским правительством кандидатуру на болгарский престол в лице князя Мингрельского. Формально именно по инициативе Стамбулова князем Болгарии был избран Фердинанд Кобургский, бывший тогда офицером австрийской армии. Однако, вскоре после вступления на престол Фердинанд, желая восстановить связь с Россией, начинает сложную интригу против Стамбулова и организует ряд покушений на него. К 1894 г. взаимоотношения обострились. Стамбулову, вместе со всем кабинетом, пришлось подать в отставку, формально – в виде протеста против действий военного министра Петрова, отказавшегося подчиниться его распоряжениям. Фердинанд отставку принял. Стамбулов пытался продолжать борьбу в печати, но 15 июля 1894 г. был убит на улице наемными убийцами. В 1896 г. судилось три человека по обвинению в участии в убийстве Стамбулова. Один из них был оправдан, а двое, в том числе брат замученного Стамбуловым Тюфекчиева, приговорены к ничтожным наказаниям.

¹ Hotzendorf Conrad von. Aus meiner Dienstzeit 1906–1918. B. 1. S. 138.

Российская желанная карта – Проливы – была известна политикам Европы. Они понимали, что одни только обещания в будущем способствовать решению этого вопроса в пользу России может дать им возможность требовать реальные уступки со стороны России в других вопросах. В сентябре 1908 г. состоялось совещание министров иностранных дел России и Австро-Венгрии в Бухлау, где в ответ на соблюдение Австро-Венгрией «доброжелательной и дружественной позиции» в случае постановки Россией вопроса о Проливах, Австро-Венгрия заявила об аннексии в начале октября Боснии и Герцеговины. Результаты совещания оставались в тайне, но даже в высших кругах российской власти действия российского министра иностранных дел Извольского вызвали решительное осуждение. Дело дошло до заседания в Думе, и проблема получила общественный резонанс. Балканские страны воочию увидели слабость России.

Впрочем, аннексия Боснии и Герцеговины заставила южнославянские страны сплотиться перед лицом очевидной угрозы. Восстановились дружественные отношения Сербии и Черногории. Но противоречия этих стран с Болгарией, царь которой проводил явно прогерманскую политику, оставались очень сильны. Россия, в которой идея славянского союза в 1908¹ г. на волне боснийского кри-

¹ Весной 1908 г. соединенные славянские парламентские клубы в Вене отправили в Россию специальную делегацию с предложением создать общеславянский съезд. Съезд созывался под флагом «культурного объединения» славян; действительной же причиной этих славянских «чувств» были центробежные стремления австрийских славян, главным образом, чехов, мечтавших уже тогда о распаде «локутной» австро-венгерской монархии. Миссия встретила в Петербурге самый горячий прием; к идее «славянского единения» отнеслись сочувственно не только правые, но и «прогрессивные» круги русской буржуазии, в которых культивировался тогда «неославизм». Решили участвовать на съезде и поляки, рассчитывавшие мирным путем добиться от русского правительства реформ для царства Польского. Всеславянский съезд открылся в Праге 13 июля 1908 г. и заседал пять дней, до 18 июля 1908 г. В нем принимало участие около 250 делегатов: от России (Красовский, кн. Львов, Маклаков, гр. Бобринский и др.), Польши (Дмowski, Страшевич), Чехии (Крамарж, Массарик), Галиции (Вергун, д-р Грек), Болгарии (Бобчев), Сербии (Гершич), Славонии (Грибарь), Хорватии (Тресич-Павичич). Председателем съезда был избран Крамарж. Все работы пражского съезда проходили под сильным влиянием русских «неославистов», представленных кн. Львовым, В.А. Маклаковым и др. В «прогрессивном» духе был разрешен центральный вопрос съезда – о русско-польских взаимоотношениях: на заключительном заседании, 18 июля, русская делегация (проф. Озеров) внесла резолюцию о необходимости славянского единения в целях «достижения равноправия и свободного развития всех народов». В ответ на это поляки (Роман Дмowski) заявили о признании польским народом своей принадлежности к русскому государству и о значении «обновления России» для польского и русского народов. С внешней стороны было достигнуто полное единоду-

зиса обрела широкое общественное звучание, все же не смогла угадать верные акценты. В феврале 1910 г. Россию посетил царь Фердинанд.

В событиях 1909–1911 гг. Россия подчеркивала идею «Балканы для балканских народов», но политика балансирования не позволяла принимать четкие политические решения и свелась к многочисленным встречам и совещаниям, результаты которых не выходили за рамки общих рассуждений. Реальные шаги в сторону создания жизнеспособного балканского союза делались с большим трудом. Россия, имея в виду черноморские проливы, стремилась пока сохранить за Турцией их владение, и опасалась ее развала и перехода района Константинополя в руки европейских или балканских держав и стран. Поэтому, несмотря на все усилия по выведению турок с Балкан, она способствовала болгаро-турецкому сближению. Сами балканские страны имели друг к другу претензии, как в македонском вопросе, так и во множестве других, более или менее значительных (побережье Эгейского и Адриатического морей, черноморское побережье, устье Дуная, горные районы Карпат и т. д. и т. п.). К 1910 г. вместо предполагаемого единого союза наметились контуры создания греко-болгарской группировки против Турции

шие. Съезд обсуждал еще ряд других вопросов: о всеславянской выставке в Москве, о славянском банке, ученых съездах, издательстве и пр. Для проведения в жизнь принятых решений и для подготовки созыва второго съезда был избран «Междуславянский Исполнительный Комитет».

Второй «всеславянский» съезд в Софии – происходил 7–10 июля 1910 г. Его программа была выработана и утверждена на петербургском совещании «Междуславянского Исполнительного Комитета», избранного Пражским съездом. Состав Софийского съезда, благодаря присутствию на нем представителей всех «славянских обществ», оказался исключительно черносотенным. Русская делегация возглавлялась председателем Думы А. И. Гучковым и имела в своей среде таких «столпов», как Череп-Спиридович, О. Кораблев и др. «Прогрессивные» русские деятели, равно как и поляки, участвовать в съезде отказались.

«Всеславянский» съезд вызвал в Болгарии резкую оппозицию. В Софии был организован особый «комитет протеста», в состав которого вошли Х.Г. Раковский и известные болгарские писатели Петко Тодоров и Пенчо Славейков. Выступили против съезда влиятельнейший в Болгарии учительский союз, студенчество, «широкие» и «тесные» социалисты и др. Был проведен ряд митингов, единодушно высказавшихся против съезда и, в частности, против русской делегации. В день открытия съезда в органе «тесняков», «Работническом Вестнике», появилась статья под заглавием «Русский деспотизм под маской неославизма».

Съезд не разрешил ни одного конкретного вопроса (о банке, выставке и пр.), ограничившись несколькими трескучими резолюциями о «славянском единении». По общему признанию русской буржуазной печати того времени, он ознаменовал собою полный крах «славянофильских стремлений». Л. Троцкий. Сочинения. Т. 6. Москва-Ленинград, 1926. Материал с сайта <http://www.magister.msk.ru/library/>.

и Сербии, а также сербо-румыно-турецкого сближения против Болгарии.

Начало Итало-турецкой войны осенью 1911 г. изменило как взгляды России на Балканы, так и позицию отдельных Балканских стран в отношении бывшей притеснительницы – Турции. Стало очевидно, что Сербия, Болгария и Греция стремились к разделу Османской империи, а вовсе не к ее сохранению. На этой основе начались переговоры о создании Балканского блока, инициатором которых стала Сербия. Во время тайной встречи премьер-министра Болгарии Гешова¹ с Миловановичем, последний сказал: «Если бы одновременно с ликвидацией Турции могло наступить и распадение Австро-Венгрии, разрешение очень упростилось бы: Сербия получила бы Боснию и Герцеговину, Румыния – Трансильванию, и мы не боялись бы румынского вмешательства в нашу войну с Турцией»². Споры в отношении Македонии предполагалось предоставить третьей стороне – России. Россия заявила, что самостоятельное выступление славянских государств против Турции не встретит сочувствия России. Однако контуры войны на Балканах уже проявлялись.

13 марта 1912 г. в Софии был подписан сербско-болгарский договор о дружбе и союзе, в котором страны обязались сохранять целостность своих территорий и предпринять совместное отражение возможного нападения Австро-Венгрии. В случае распада Турции стороны договаривались вступить в переговоры о начале совместных боевых действий. Одна из статей секретного приложения договора гласила: «всякий спор, который мог бы возникнуть по поводу толкования и исполнения какой-либо статьи данного договора, секретного приложения и военной конвенции, предоставляется на окончательное решение России». 12 мая была подписана и военная конвенция. Все же Россия в лице дипломата Урусова дала следующую характеристику этому акту: «Заря болгаро-сербского соглашения не есть заря мира. Соглашение это рождено войной и рождено для войны».

В мае же стало очевидным и болгарско-греческое сближение. О роли Греции в создании антитурецкой коалиции на Балканах

¹ Гешов Иван – болгарский политический деятель, вождь националистов. Будучи премьером (1911–1912 г.г.) содействовал подчинению Болгарии русскому влиянию. Главным образом ему обязан своим созданием Балканский союз 1912 г. После Лондонского мира Гешов, в предвидении второй Балканской войны, уходит в отставку и вскоре уезжает в Россию.

² МОИ. Сер. II. Т. 17. Ч. 1. С. 4.

В. Жаботинский, известный российский публицист и лидер сионистского движения в начале XX в, писал: «Когда Венизелосу [греческому премьер-министру] в 1912 году удалось (пусть даже только на один момент) объединить три Малые Балканские Силы [Грецию, Сербию и Болгарию], он был справедливо объявлен гением»¹.

Договор между Болгарией и Грецией на случай войны с Турцией был подписан 29 мая. Обе страны обязывались оказать друг другу военную помощь в случае не только нападения Турции на одну из них, но и нарушения ею их прав, вытекающих из международных договоров или даже вообще «международного права». Россия попыталась несколько ослабить агрессивность этого проекта, но ее влияние на Болгарию в этот период не было столь велико, чтобы остановить притязания ее царя. Подготовка к войне была завершена. Балканские страны предъявили Турции ультиматум по поводу реформ и улучшения положения находящихся в подданстве султана славян, греков и всех православных². Ультиматум был отклонен. Осенью сначала Черногория (9 октября), далее – Сербия и Болгария (17 октября) и Греция (18 октября) приступили к военным действиям против Турции. Черногорская армия первой вступила в войну, поскольку армия ее носила исключительно народный

¹ W. Jabotinsky. Turkey and the War. P. 66.

² К Ультиматуму была прикреплена «объяснительная таблица», суммирующая вкратце требования балканских государств.

«1. Подтверждение этнической автономии народностей в империи, со всеми ее последствиями.

2. Пропорциональное представительство каждой народности в турецком парламенте.

3. Допущение христиан ко всем общественным должностям, в областях, населенных христианами.

4. Признание всех училищ христианских общин на равных основаниях с турецкими училищами.

5. Обязательство Высокой Порты не пытаться изменять этнический характер областей в турецкой империи путем заселения их мусульманами.

6. Местный призыв христиан к отбыванию воинской повинности в христианских кадрах. До формирования таких кадров призыв должен быть отложен.

7. Переустройство жандармерии в вилайетах Европейской Турции под действительным командованием бельгийских и швейцарских организаторов.

8. Назначение в вилайетах, населенных христианами, швейцарских или бельгийских вали, выбор коих должен быть одобрен державами и в помощь которым должны быть учреждены окружные советы, выбранные по избирательным округам.

9. Учреждение при великом везире высшего совета, составленного из равного числа христиан и мусульман, который должен будет надзирать за проведением в жизнь настоящих реформ. Посланники великих держав и министры четырех балканских государств возьмут на себя миссию следить за ходом работ этого совета».

характер и проблем с мобилизацией у этой страны не было. При этом численность ее армии составила свыше 50 000 человек¹.

Начало войны спровоцировало очередной правительственный кризис в Константинополе. «Большой кабинет» Ахмеда Мухтар-паши подал в отставку, но формировать новое было поручено все тому же лукавому Киямилю-паше, ставшему великим везирем в четвертый раз, при этом почти все министры остались на своих постах². Изменения коснулись лишь внешней политики. Киямиль, опираясь на эмигрантов из числа иттиляфистов, решил получить поддержку Британии и Франции против территориальных претензий Балканских стран.

Европейские страны не были готовы к войне, и не ждали от нее ничего хорошего, такова же была и позиция России. В Петербурге считали вполне возможным поражение Балканского блока, и даже готовили военную демонстрацию против Турции на Кавказе. Великие державы предпочли не вмешиваться на сей раз в балканский конфликт. «Армии союзных балканских государств насчитывали свыше 603 тыс. человек, при этом Болгария выставила около 230 тыс. Численность турецкой армии не превышала 412 тыс. человек и начавшиеся боевые действия застали ее в момент реорганизации»³. Учитывая же добровольцев, а также вооружившихся оттоманских подданных (в первую очередь – македонцев), численность только болгарских вооруженных сил составила более 350 тысяч человек⁴.

«Турецкая армия потерпела крупные поражения в боях с болгарскими войсками на реках Тунджа и Карагач, а с сербскими – у Куманова и Монастыра. Греческие войска, успешно продвигавшиеся в Фессалии, заставили капитулировать турецкий гарнизон в Салониках. Войска союзников быстро освободили большую часть балканских территорий, бывших под властью Турции»⁵. После занятия Лозенграда, военная добыча, доставшаяся болгарам, «оказалась колоссальной: склады были переполнены провиантом и фуражем, мундирно-амуничные вещи оказались в таком количестве, что вновь сформированная болгарская дивизия могла быть с избытком снабжена турецкими шинелями и сапогами»⁶. Беспорядочные массы раненых и дезертиров заполнили дороги Румелии.

Это позволило Балканским странам разбить турецкую армию в считанные недели и заставить Турцию просить мира, обратившись за иностранным посредничеством. «Кямиль-паша обратился в первую очередь к английскому правительству, которое, однако, через своего посла в Стамбуле ответило, что «в настоящей сложной политической ситуации Англия предпочитает соблюдать полный нейтралитет»... Таким образом, расчеты итиляфистов на помощь и поддержку Англии провалились.

Вслед за этим последовал запрос турецкого посла в Берлине Османа Низами-паши: «Чем может помочь Германия Турции, чтобы выйти из создавшегося тупика?» Отвечая послу, военный министр Германии фон Килдерен заявил: «Его величество кайзер глубоко сочувствует Турции. Но он может помочь ей в заключении почетного мира лишь в том случае, если турецким войскам удастся выиграть хотя бы одно крупное сражение»¹.

Россия и Австрия были заинтересованы в том, чтобы скорее погасить пламя войны. Россия не хотела раньше времени ставить вопрос о Проливах, Австро-Венгрия и вовсе боялась победы Балканского союза. Когда болгарская армия подошла к последнему рубежу перед Стамбулом, Петербург охватила тревога. В случае занятия города, район Проливов мог в результате оказаться под международным контролем, а это не устраивало большинство российских политиков. Было решено послать к Босфору Черноморскую эскадру, но болгары так и не прорвали турецкие позиции.

Австро-Венгрия едва не вступила в военный конфликт с Сербией, недовольная тем, что сербские войска продвигаются к морю, захватывая территорию Албании, которую Австро-Венгрия хотела видеть «независимой». Россия встала на защиту «славянских братьев», так что речь уже шла о частичной мобилизации. Эта проблема также была ликвидирована, когда Турция запросила мира, а Сербия согласилась передать вопрос о морском порте для себя на усмотрение великих держав на будущей конференции.

Сами же албанцы не преминули удобным случаем заявить о своих суверенных правах. Восстания 1909–1911 гг. были жестоко подавлены, хотя и не без формальных отсылок к «демократии и конституционализму». Так, младотурки, еще находясь у власти, организовали поездку по Албании султана Мехмеда V, который «даровал» амнистию «заблудившимся албанцам»². Теперь же албанцы

¹ Балканская война 1912–1913. М., 1914. С. 144.

² Алиев Г. З. Цит. соч. С. 223.

³ Улунян А. А. Цит. соч. С. 17.

⁴ Балканская война. 1912–1913 гг. – М., 1914. С. 19.

⁵ Алиев Г. З. Цит. соч. С. 224.

⁶ Балканская война. С. 44.

¹ Алиев Г. З. Цит. соч. С. 225.

² Там же. С. 199.

взяли реванш. «28 ноября 1912 г. во Влоре собрался национальный конгресс, который провозгласил независимость Албании. Конгресс избрал временное правительство во главе с бывшим руководителем албанской фракции турецкого парламента Исмаилом Кемаль-беем»¹.

Тем не менее, несмотря на начальный успех, балканские армии застряли под Адрианополем, затянувшаяся осада которого обострила противоречия между Грецией и Болгарией. Это приблизило окончание боевых действий. 3 декабря Болгария подписала перемирие с Турцией², а 17 декабря в Лондоне открылась мирная конференция, которая делилась на две части: конференцию Балканских стран и Турции и совещание послов шести великих держав. Турция проявила неговорчивость по вопросу об Адрианополе, не желая передавать его Болгарии... Осман Низами-паша открыто говорил: «мы приехали не подписывать мир, а доказывать, что Турция достаточно сильна, чтобы продолжать войну». Россия, несмотря на противодействие остальных европейских держав, поддержала Болгарию. 22 декабря император Николай II написал резолюцию: «Чтобы принудить Турцию к скорейшему заключению мира, я думаю, нам не обойтись без серьезного давления на нее»³.

Вновь замаячила угроза Босфору и Дарданеллам. Болгария на конференции уже требовала для себя выхода к Мраморному морю. Российский министр иностранных дел заявил, что «Россия не может допустить, чтобы свобода плавания через Проливы могла зависеть от усмотрения Болгарии».

В этот момент ответный удар по оппозиции в Турции нанесли, потерявшие было влияние младотурки. Энвер был в 1911–1912 гг. в Триполитании и Киренаике, поэтому избежал репрессий в декабре, а, вернувшись в начале нового года, он скромно встал во главе одного из армейских корпусов.

В стране продолжалась политическая нестабильность, усугубляемая военными поражениями и территориальными потерями. Все больше беженцев-мухаджиров скиталось по Анатолии, лишившись крова и перспектив в балканских вилайетах.

23 января 1913 г. визирь созвал Большой Совет по поводу возможной потери Адрианополя, на чем настаивали в Лондоне, и ответа на предложения европейских держав о прекращении войны.

Совет высказался «за принятие предложения шести держав. Весть о готовности правительства уступить Адрианополь, облетевшая в тот же день страну, вызвала бурю негодования»¹. Младотурки решили, что пора приступить к решительным действиям.

Во время споров в Совете относительно текста ответа на балканский ультиматум Энвер, Талаат и сорок вооруженных человек ворвались в здание Высокой Порты и потребовали отставки кабинета, готовящего «сдачу страны врагам». Военный министр Назим-паша попытался урезонить людей Энвера, однако и от него потребовали сложить свои полномочия. Молодой адъютант Назима Назиф-бей выхватил пистолет, но успел сделать лишь один неточный выстрел. В ответ Назим и Назиф были изрешечены пулями заговорщиков. Стрелял ли Энвер – неизвестно, но молва тут же приписала именно ему собственноручный расстрел военного министра². Сам Энвер не отрицал своего «подвига», сказав как-то, что он лично «выбросил в окно текст с условиями перемирия, а заодно и несколько упрямцев»³.

«Великий везир Киямил-паша, шейх-уль-ислам Джемаледдин Эфенди, министр внутренних дел Рашид-бей и министр финансов Абдуррахман-бей под предлогом «безопасности» были арестованы на квартире великого везира»⁴. Христианских министров либерального кабинета – Нурадунгиана-эфенди (министра иностранных дел) и министра почт и телеграфов грека Муссуриса избили⁵. Киямил-паша 4 февраля был выслан в Каир⁶, правительство было распущено, переговоры о мире 29 января были прекращены. Главой кабинета стал военный министр Махмуд Шевкет-паша, и военные действия были возобновлены.

Военные лидеры нового кабинета решили направить войска из района булаирского перешейки и полуострова Галлиполи в направлении линии Чатталджи и организовать широкомасштабное наступление на Болгарию. Энвер лично возглавил войска, однако плохая

¹ Алиев Г. З. Цит. соч. С. 225.

² Miller G. Straits... // www.flamboroughmanor.co.uk.

³ Жевахов А. Цит. соч. С. 24.

⁴ Алиев Г. З. Цит. соч. С. 226.

⁵ Балканская война. С. 88.

⁶ В марте 1914 г. Киямил-паша имел встречу с будущим председателем Военного Совета Великобритании виконтом Китченером, которого он убеждал в возможности нового переворота в Турции в самом ближайшем будущем, и просил через Китченера, чтобы Грей гарантировал «адекватный международный контроль в отношении будущего турецкого правительства». Feroz Ahmad. The Late Ottoman Empire // The Great Powers and the End of the Ottoman Empire. – London, 1996. P. 26.

¹ Там же. С. 201.

² Текст условий перемирия см. Балканская война. С. 77–78.

³ Там же. С. 118.

погода задержала отплытие корабля, а за это время турецкий генерал Ферик Иззет-паша отвел 200-тысячный контингент от линии Чатталджи. Это стало началом полного разгрома.

В течение следующих двух месяцев были сданы Адрианополь и Янина. В Адрианополе Шукри-паша с 50-тысячным гарнизоном был взят в плен. После поражения под Каваком болгарские войска с трудом были остановлены на Булаирских укреплениях Галлиполийского полуострова. Но на тот момент полупустынный полуостров не представлял большого военного значения. Болгары не стали штурмовать Булаирскую линию.

Не лучшим образом проявил себя в Первой Балканской войне и новый турецкий флот. «16 декабря 1912 г. у выхода из Дарданелл произошло столкновение турецкого и греческого флотов. В состав турецкой эскадры входили броненосцы «Хайреддин Барбаросса», «Торгут Рейс», «Мессудие», «Ассар-и-Тевфик», крейсер «Меджидие» и миноносец «Сиври-Хиссар». Греческую эскадру возглавлял броненосный крейсер «Георгиос Аверофф», за ним шли броненосцы «Спеай», «Гидра», «Псара». В 9.40 турки открыли огонь с дистанции 50 кабельтов. Но в 9.45 «Аверофф» прошел под носом турецкой эскадры, и турецкие броненосцы попали под перекрестный огонь. Попытки турок маневрировать привели к хаосу, их строй рассыпался. В 9.55 «Хайреддин Барбаросса» получил попадание в корму, осколками были выведены из строя несколько котлов. Имелись попадания в надстройки «Торгут Рейса» и «Мессудие». В 10.17 перестрелка прекратилась, и турецкий флот направился к мысу Хеллес. Турки потеряли 18 человек убитыми и 40 ранеными. Итоги боя оказались неутешительными для турок, так как они превосходили противника»¹.

В Черном море болгарский торпедоносец «Дерзкий» потопил 8 ноября 1912 г. турецкий броненосец старого типа «Хамидие».

Неудачи на полях сражений младотурки решили компенсировать террором на территории противника. Так, «пытаясь обострить противоречия между балканскими союзниками и усилить прогерманскую группировку в Греции, турки разработали и осуществили план физической ликвидации греческого короля Георгиса I, который был убит 13 марта 1913 г.»²

Однако практически никакого воздействия на ход событий этот акт не произвел. В апреле разбитые на всех фронтах турки подписали перемирие с Сербией, Болгарией и Грецией. Черногория, ранее

других стран вступившая в войну, позже всех из нее вышла. Черногорцы сняли осаду Шкодера лишь под давлением великих держав. Военный успех греков и славян позволил заключить 30 мая 1913 г. мирный договор, по которому все Балканские страны получали определенные приобретения за счет Турции. Из европейских территорий осман лишь статус Албании передавался на усмотрение великих держав. Для последующих событий в Галлиполи в 1915 г. наибольшее значение имела передача Греции эгейских островов Лемноса, Имброса и Тенедоса, контролирующих, по сути, вход в Дарданеллы. На этих островах англичане устроили с согласия Греции морскую и авиационную базы обеспечения своего десанта на Галлиполийский полуостров.

Очередное позорное поражение Османской империи, отторгавшее от нее практически всю европейскую часть, кроме пристоличной области, заставило оппозицию начать активные действия. Иттиляфисты, их союзники и сторонники рассчитывали, что общественное мнение, раздраженное территориальными потерями, выведет их на вершину власти. К тому же убийство Назыма вызвало раскол в среде армейских офицеров, а низшее духовенство все еще не могло простить младотуркам свержение Абдул-Хамида и светский политический курс. Наибольшую силу антимладотурецкое движение обрело на окраинах Османской империи – в арабских вилайетах. Здесь «иттиляфисты», по сути, пошли на раскол страны в своих политических целях. С помощью агентов Франции и Британии они поддерживали антитурецкие выступления в Аравии и Ираке. В мае 1913 г. арабская провинция Неджд (вилайет Аль-Кассе) присоединилась к фактически независимой территории Ибн Сауда. В Ираке, в Басре были убиты начальник штаба расквартированной здесь 38-й дивизии и член центрального комитета «Иттихад ве-тераки» полковник Ферид-бей¹. Оппозиция решила начать решающий штурм высот власти в стране.

«11 июня 1913 г. в результате покушения, организованного иттиляфистами, был убит в своем автомобиле при возвращении из военного министерства в Баби-Али великий везир Махмуд Шевкет-паша. Это убийство вызвало уныние среди младотурок и в германской печати... Но заговор 11 июня 1913 г. ограничился лишь убийством великого везира; иттиляфисты оказались не в состоянии свергнуть власть младотурок»².

¹ Дарданеллы станут нашей могилой // www.militaria.lib.ru.

² Улунян А. А. Цит. соч. С. 18.

¹ Алиев Г. З. Цит. соч. С. 227.

² Там же. С. 229–230.

Заговорщики просчитались. Уныние после поражения в Первой Балканской войне в Турции было столь велико, что политическая и вообще общественная активность масс практически прекратилась. Этим воспользовались те, в чьих руках была власть. «Убийство Махмуда Шевкет-паши дало повод «Иттихад ве-теракки» начать политику открытого кровавого террора, которая, по словам Бадави Курана, ничем не отличалась от политики Абдул-Хамида. Все оппозиционные партии в стране были объявлены вне закона и около 300 их видных членов были сосланы в Синопскую крепость... Преследованиям подвергались и лидеры группы «децентрализации», находившейся в оппозиции к «Иттихад ве-теракки»: руководителю этой группы принцу Сабахеддину пришлось бежать, переодевшись в женское платье»¹. Чтобы снизить напряженность на арабских территориях, «в июле 1913 г. между компрадорскими лидерами конгресса и генеральным секретарем «Иттихад ве-теракки» Мидхатом Шюкри-беем было подписано тайное соглашение, которое предусматривало проведение реформ в арабских вилайетах и предоставление «высоких постов» арабским националистическим лидерам в государственном аппарате империи»².

Реакция «гамидовщины» сменилась реакцией младотурок. «В интересах сохранения и укрепления нового строя было запрещено разбирать действия вставших во главе его лиц. Создалась атмосфера «свободно развязанных рук», вне всякого общественного контроля. Ею сейчас же воспользовались всевозможные любители ловить рыбу в мутной воде, принявшие под флагом якобы дальнейшего развития и укрепления в стране конституционных начал, а также под предлогом борьбы с реакционерами, устраивать собственные свои дела. Постепенно все искренние и честные люди из прежнего состава младотурецкой партии были вынуждены или отказаться от политики, не желая работать в одних рядах с нахлынувшими в лагерь победителей демагогами и темными дельцами, или же мало по малу встать в открытую оппозицию комитету»³. Была создана «Особая организация» (Тешкилат-и махсуса), заменившая тайную полицию.

Великим визирем стал Саид Халим-паша. Он был египетским принцем, одним из богатейших людей в стране, получившим, к то-

¹ Там же. С. 230. По-видимому, в этом событии надо искать истоки мифа о бегстве в женское платье Керенского.

² Там же.

³ Деренталь А. Письма из Константинополя // Вестник Европы, № 3. 1912, с. 312.

му же, европейское образование. Это был очень хороший выбор. Саид Халим был человеком компромисса, его уважали европейские послы, поэтому не удивительно, что в такое беспокойное время он в течение двух лет занимал не только пост визиря, но и был министром иностранных дел.

Военным министром в конце 1913 г. стал, вернее, назначил сам себя решительный Энвер, принудивший подать в отставку с этого поста Ахмеда Иззет-пашу. Теперь он мог с полным правом называться Энвером-пашой. Поразительно, но султан Мехмед, который по конституции должен был производить подобные назначения, узнал о том, что Энвер стал военным министром, из стамбульских газет. Глава германской военной миссии Лиман фон Сандерс писал об этом назначении: «Весть о назначении Энвера султан узнал не раньше других. В это утро он читал газету у себя в кабинете. Внезапно он бросил газету на пол и обратился к стоявшему поблизости адъютанту: «Здесь написано, что Энвер стал военным министром, но это невозможно, ведь он очень молод». Несмотря на это, через несколько часов военный министр и паша Энвер был принят султаном»¹.

Став полноправным хозяином турецкой армии, Энвер произвел очередную масштабную чистку ее рядов. «Султанским ираде от 7 января 1914 г. из армии было уволено 280 генералов и полковников, в том числе ряд военачальников, известных своими многолетними военными заслугами: маршалы Зеки-паша и Ибрагим-паша, генералы Абдулла-паша, Ахмед-паша, Аббуг-паша, Шюкри-паша, а также усмиритель албанского восстания Шевкет Тургут-паша, корпусные генералы Хуршид-паша и Вели-паша, бывший начальник генштаба турецкой армии Хади-паша, генеральный инспектор военных училищ Хамди-паша, начальник инфантерии военного министерства Ферид-паша, начальник артиллерии Али Рафик-паша, начальник кавалерии Мехмед-паша и др. Все они были заменены молодыми офицерами в чине не старше полковников... Над Шюкри-пашой, возглавлявшим оборону Адрианополя во время балканской войны, был установлен надзор, и его привлекли к следствию. Сына бывшего шейх-уль-ислама Мухтар-бея предали суду по обвинению «в попытке вызвать волнения среди населения путем распространения брошюр». Мустафа Каваклы был арестован полицией на борту русского парохода как противник реформ Энвер-паши и через три дня тайно умерщвлен»².

¹ Цит. по: Алиев Г. З. Цит. соч. С. 231.

² Там же. С. 321–322.

Одновременно с победами над оппозицией младотуркам удалось поправить и свое международное положение. Победоносные Балканские страны не развили достигнутый ими успех, более того, вскоре они потеряли часть своих завоеваний. «Национальный эгоизм болгар может получить опасное преобладание над традициями прошлого»¹ – так писал в эти дни министр иностранных дел России Сазонов. «Назревала Вторая Балканская война, война братоубийственная, война из-за дележа добычи»².

Вторая Балканская война уничтожила многие завоевания славянских народов на Балканах. В выигрыше оказалась Греция. На известной медали был закреплён официальный титул греческого короля – «Булгаробоец»³. Однако настоящий герой греческой победы – премьер Элефтериос Венизелос оказался в остракизме. Аппетиты греческого общества разыгрались. План «Велико-греческой политики» открыто требовал территорий в Малой Азии и Константинополя, в то время как смелый, но дипломатичный Венизелос тайно прощупывал для этого почву. Русский посланник Е. П. Демидов писал: «человека, поднёсшего грекам Луну, обвиняют в том, что он не поднёс им и Солнца, что, впрочем, не исключено»⁴. Под Солнцем, естественно, подразумевались золотые купола «Святой Софии». Но те же самые мечты носились и в голове болгарского царя.

Россия в этом противостоянии не пошла навстречу болгарским надеждам, также она противостояла и претензиям греков. Однако эта ее позиция, оправданная в случае собственных активных действий, привела к тому, что болгарский царь предпочел искать союзников для осуществления своих планов в лице Австро-Венгрии и Германии.

Отражение в зеркале внешней политики противостояния России, Греции и Болгарии в их стремлении к овладению столицей Ближневосточной Порты позже стало причиной выступления Болгарии против своих прежних союзников, а в дальнейшем привело ее к присоединению к врагам России в Первой мировой войне.

Отношения Болгарии с Сербией обострились из-за Македонии. Россия была склонна поддерживать сербов, понимая, что именно они могут противостоять австрийскому натиску на Балканы. Одна-

ко поддержка оказывалась и Болгарии. Россия снова не смогла поставить себя в глазах славян, продолжая тактику балансирования.

1 июня Греция и Сербия подписали военную конвенцию, направленную против Болгарии и склонили на свою сторону Черногорию. В Болгарии были уверены в превосходстве болгарской армии над армиями других балканских стран. Встреча 2 июня премьер-министров Болгарии и Сербии Г. Гешова и М. Пашича закончилась безрезультатно. 8 июня 1913 г. Николай II отправил монархам Сербии и Болгарии телеграмму, в которой возлагал ответственность на страну, посягнувшую развязать войну. Министр иностранных дел России С. Сазонов пытался устроить встречу премьеров четырех Балканских стран для обсуждения разногласий и способов их разрешения, но новый премьер Болгарии М. Данев фактически уклонился от приглашения. Попытка российского внешнеполитического ведомства предпринять коллективный демарш держав, с целью заставить балканские страны сократить свои вооруженные силы не удался вследствие нежелания Германии.

22 июня в царском дворце в Софии было принято решение о войне с бывшими союзниками. 26 июня были отправлены тождественные высочайшие телеграммы царю болгарскому Фердинанду и королю сербскому Петру. В телеграмме Фердинанду император Николай II писал: «С тяжелым чувством узнаю Я, что... балканские государства готовятся к братоубийственной войне, способной омрачить славу, которую они совместно стяжали... Рассматривая функцию третейского судьи не как преимущество, но как тяжелую обязанность, Я не признаю возможным уклониться... Я признаю необходимым заявить, что государство, которое начало бы войну, будет ответственным за это перед славянством, и что Я оставляю за Собою полную свободу определить, какое положение Россия заняла бы по отношению к возможным последствиям столь преступной борьбы»¹. Однако остановить Болгарию было невозможно. Планы создания «Великой Болгарии» от Черного и Средиземного морей до Адриатического затмили умы народа и его правителей.

30 июня болгарские части атаковали сербские и греческие войска по всему фронту. Отбив первый натиск болгар, греки и сербы оттеснили противника за исходные рубежи. На помощь им 5 июля пришла Румыния, объявившая войну Болгарии. Царь Фердинанд обратился к России, требуя военной и политической поддержки, но Сазонов ответил, что не может встать на сторону ни одной из воюющих

¹ История дипломатии. Т. 2. М., 1945. С. 231.

² Балканская война. С. 120.

³ Адамов Е. А. Велико-державная политика Греции // Новый Восток, № 16–17, 1927. С. 169.

⁴ АВПРИ. Ф. «Политархив». 1912 год. Оп. 482. Д. 330. Л. 58об.

¹ Балканская война. С. 180–182.

сторон, его цель – изыскивать способы прекращения войны¹. Зато на защиту Болгарии решила встать Австро-Венгрия, довольная расколом Балканского союза. Однако объявлять войну ее противникам австрийское руководство не посмело².

Несмотря на предупреждение России, в войну против Болгарии вступила и Турция. Правительство боялось воевать, но Энвер-паша заявил его членам: «первую войну мы проиграли благодаря вашему доверию и нерешительности; теперь пришла очередь вернуть утраченное, и армия это сделает самостоятельно, игнорируя вашу помощь и возможное противодействие».

Царь Фердинанд снова телеграфировал в Петербург. Министр Сазонов выступил перед великими державами с инициативой скорейшего заключения перемирия между Балканскими государствами. Была намечена международная конференция, местом проведения которой должен был стать Бухарест, однако идея военной демонстрации против Турции была отклонена Германией и Австро-Венгрией. Турки захватили потерянный ранее Адрианополь. Когда армии антиболгарской коалиции стали приближаться к Софии, европейские державы активизировали усилия в пользу примирения. В Бухарест стали съезжаться главы правительств и 30 июля открылась мирная конференция.

Мир был подписан 10 августа 1913 г. Сербия получила все интересующие ее территории в Македонии, Греция – южную часть Македонии, Салоники и часть Фракии, увеличивавшие ее территорию вдвое, а население – на 2 миллиона человек³. Румыния приобрела часть Добруджи. Разграничение с Турцией состоялось несколько позднее, и в сентябре Адрианополь с прилегающими территориями снова отошел к Турции. Однако окончательная граница Турции и Болгарии не была установлена. В ноябре был подписан мирный договор между Грецией и Турцией в Афинах, а в Белграде начались переговоры между Сербией и Турцией.

Российская дипломатия в Бухаресте снова оказалась не на высоте. Спорный вопрос о передаче города Каваллы Греции был решен так, как настояли Англия, Франция и Германия. Только Австро-Венгрия, желавшая усиления своего влияния на Болгарию поддержала Россию. С другой стороны, снятие угрозы Константинополю расценивалось российскими политиками положительно. Самым же

печальным результатом Второй Балканской войны был распад Балканского блока и дальнейшее противостояние Сербии и Болгарии. Греция вела самостоятельную политику, однако ее отношения с соседями по полуострову дружескими назвать было нельзя.

А вот младотурки, приписавшие себе заслугу возвращения Адрианополя, получили шанс укрепить свою власть в империи. И они не упустили этот шанс, направив, как всегда, основное внимание на свою, теперь победоносную, армию. Именно это обеспечило младотуркам пребывание у власти в последующие годы. Кризис государственной власти и министерско-парламентская чехарда 1908–1913 гг. была в Турции преодолена. «Меджлис третьего созыва, функционировавший в годы Первой мировой войны, был избран в мае 1914 г. и распущен 4 ноября 1918 г. Если в меджлисах первого и второго созывов существовали оппозиционные фракции, то в третьем меджлисе была представлена лишь одна партия – «Иттихад ве теракки». На протяжении всего периода войны она была неограниченным диктатором в стране»¹.

В 1912 г., после плачевных турецких фиаско Первой Балканской войны, миссия фон дер Гольца провалилась. Поражения обученной и «модернизированной» немцами турецкой армии привели к отставке Гольц-паши. Впрочем, процесс германизации и ранее происходил небезупречно: недовольство турецких офицеров иноземными учителями было понятно, но и сами немцы иногда подтверждали репутацию «угнетателей». «В конце марта 1911 г. командир образцового полка в Стамбуле подполковник Шлихтинг был застрелен солдатом-албанцем, возмущенным издевательствами и частым рукоприкладством своего командира»². Это событие сильно смутило высшие военные чины и в Турции, и в Германии, но миссия Гольца не была тогда прекращена.

Младотурки снова обратили свое внимание на Британию. В Лондон пришла просьба о возобновлении миссии Гамбля, который понравился своей решительностью турецкому руководству. В ответ англичане направили в Константинополь вице-адмирала Лимпуса, поставленного во главе миссии в составе 72 человек. Сделавшийся после переворота морским министром, Джемаль преклонялся перед величием британского Флота. Однако Лимпус не был человеком, способным планомерно и настойчиво проводить интересы Британии в Турции. Он считал свое назначение временным,

¹ История дипломатии. Т. 2. С. 180.

² Там же. С. 181–182.

³ Улунян А.А. Цит. соч. С. 19.

¹ Алиев Г. З. Цит. соч. С. 260.

² Силин А.А. Цит. соч. С. 62–63.

и, лично для себя, невыгодным, замедлявшим его продвижение по флотской иерархии Британии¹. Основные события в этот период развернулись вокруг желания турок усилить свой флот новыми боевыми кораблями, а армию – технически передовым вооружением, конкурентоспособными ввиду побед Греции и претензий Болгарии.

Еще в апреле 1913 г. Махмуд Шевкет-паша обратился к германскому военному атташе майору фон Штемпелу с предложением отыскать подходящего прусского офицера для организации защиты столицы Османской империи. 26 апреля Шевкет имел на эту же тему долгую беседу с послом Вангенгеймом, и высказал более развернутые предложения немцам: в целях реорганизации армии послать значительную военную миссию с генералом, который мог бы стать во главе турецких вооруженных сил. Одновременно Шевкет высказал намерение «направить в Германию 250 офицеров, чтобы они смогли завершить там свое военное образование»². Энверу идея понравилась. После жутких неудач Первой Балканской войны, вопрос о реорганизации армии под руководством немцев оказался чрезвычайно актуальным. 22 мая 1913 г. посол Вангенгейм телеграфировал в Берлин относительно турецкого предложения. Однако ввиду сложного политико-дипломатического положения, в котором оказалась проигравшая Турция, только 30 июня глава Военного кабинета отправил донесение: «Генерал, который утверждает, что он готов к данному предприятию, найден, хотя и не без труда. Это генерал-лейтенант Лиман фон Сандерс³, командующий 22-й дивизией в Касселе, блестящий дивизионный командир, который вполне пригоден для этого назначения...»⁴

¹ Miller G. Straits... // www.flamboroughmanor.co.uk.

² Писарев Ю. А. Цит. соч. С. 212.

³ «Лиман фон Сандерс, глава миссии... оказался очень удачным выбором, сделанным Германией. Это был спокойный, уравновешенный человек, внушающий авторитет образованного воина, в котором укоренилась привычка командовать. Армия была его жизнью, все остальное за ее пределами для него не существовало. Не отвлекаясь на политику, он полностью сосредоточился на вопросах тактики и стратегии. Возможно, он не был блестящей личностью, но его нелегко было вывести из равновесия, а благодаря своей великолепной подготовке, он не часто совершал ошибки. Стоило лишь увидеть его за работой, чтобы понять, почему младотурки были совершенно убеждены, что если начнется война между Германией и Австро-Венгрией, с одной стороны, и Британией, Францией и Россией – с другой, то проиграет не Германия» Мурхед А. Цит. соч. С. 12–21.

⁴ Miller G. Straits... // www.flamboroughmanor.co.uk.

Ввиду разразившейся Второй Балканской войны, решено было миссию отложить, а осенью, когда очертания мира на Балканах прояснились, 28 октября 1913 г. в Берлине Лиман фон Сандерс подписал соглашение, которым он назначался командующим турецким Первым армейским корпусом. Перед своим отъездом в Константинополь фон Сандерс был представлен кайзеру Вильгельму II, который лично проинструктировал генерала и поставил перед возглавляемой им миссией основную цель – получение контроля над армией Османской империи¹.

В первых числах ноября Лиман фон Сандерс с семьей и первыми членами миссии прибыл в Стамбул.

Однако начало его работы было омрачено одним зловещим эпизодом. Вскоре по прибытии жена и дочь Лимана фон Сандерса во время вечерней прогулки по набережным Золотого Рога, подверглись заигрываниям со стороны турецких солдат. Французский репортер, бывший свидетелем конфликта, распространил «утку» об «изнасиловании мадам Сандерс и дочери немецкого посла турецкой солдатней». Фон Сандерс проявил истинно германскую выдержку и, придя к писаке с револьвером, заставил его опровергнуть слух. Он не прекратил свою деятельность в Турции. Чего это ему стоило – можно лишь предполагать². «Помощники Сандерса – генералы Вебер и Поссельт – были назначены соответственно инспекторами крепостей и береговой артиллерии в зоне проливов. Немецкие офицеры возглавили также все ведущие отделы генерального штаба Турции и были поставлены во главе военной Академии и офицерского училища в Константинополе»³.

В то же самое время из Берлина в Константинополь прибыл морской офицер капитан-лейтенант Ганс Гаманн. Рожденный в Смирне в семье немецкого археолога, Гаманн провел детство и юность в Турции, где близко познакомился с молодым турецким офицером Энвером. В 1913 г. Гаманн был причислен к немецкому посольству в качестве капитана связной яхты Вангенгейма «Лорелея» специально ради влияния на турецкого военного министра. Де факто он стал морским атташе посольства только в 1915 г., однако он был самым влиятельным «контактером» между немцами и верхушкой младотурок. Еще одним ценным агентом влияния на лидеров Турции был журналист «Франкфуртер Цайтунг» Пауль Вейц, работавший

¹ РГВИА, Главное Управление Генерального Штаба (ГУГШ). Ф. 2000. Оп. 1 Д. 287. Л. 12–13.

² См. Шеремет В. А. Босфор. С. 87.

³ Писарев Ю. А. Цит. соч. С. 213.

в столице Османской империи с 1895 г. и обеспечивавший Германию поддержкой «старой турецкой политической гвардии»¹.

Уже в 6 ноября 1913 г. посол России в Турции барон Гирс выразил подозрения, что миссия фон Сандерса сильно отличается по статусу от миссии фон дер Гольца. «Министр иностранных дел С.Д. Сазонов вызвал к себе германского посла графа Пурталеса и заявил ему, что он «не может себе представить, чтобы в Берлине не отдавали себе отчета в том, что русское правительство не может относиться безразлично к такому факту, как переход в руки германских офицеров командования Константинопольским гарнизоном. Германский канцлер, – продолжал Сазонов, – должен был знать, что если есть на земном шаре пункт, на котором сосредоточено наше ревнивое внимание, и где мы не могли допустить никаких изменений, затрагивавших непосредственно, наши жизненные интересы, то этот пункт есть Константинополь, одинаково открывающий и загромождающий нам доступ в Средиземное море, куда, естественно, тяготеет вся вывозная торговля нашего юга»².

В начавшейся дипломатической переписке резко проявились противоречия между европейскими державами в отношении Османской империи. Представители России не хотели видеть в Константинополе немецкого генерала, однако предложения перевести штаб-квартиру миссии Сандерса в Адрианополь были отвергнуты, чтобы не отталкивать от себя балканские страны: Грецию, Болгарию и Сербию. Паллиативное предложение услатить миссию немцев в Смирну встретило решительное сопротивление Франции. Сазонов стал настаивать на том, что в таком случае Россия имеет право на посылку русского генерала для командования турецкими вооруженными силами в Баязете или на территориях Турецкой Армении. Но это предложение никогда не приняло бы ни одно турецкое правительство. России приходилось признавать, что статус векового врага мешает ей активно вмешиваться во внутривосточные дела Турции. Грей писал поверенному в делах в Петербурге Хью О'Берну, что несмотря на германские действия, попытки других держав компенсировать свои интересы, «невозможны, при одновременном сохранении условий турецкой независимости»³. Это

предопределило все последующие события вокруг германской миссии.

Немцы, понимая свою неуязвимость, выдвинули встречные претензии к англичанам. Ведь адмирал Лимпус, несмотря на пассивность и недовольство, формально оставался командующим турецким флотом. Эдуард Грей публично отрёкся от своего адмирала, сказав, что он «не был осведомлён, полагая задачей миссии не командование, а инструктирование»¹. Но немцев, отлично осведомленных в делах своего «турецкого друга», было не провести. Они имели доступ к большому числу секретных и полусекретных документов и действий турок.

В этом вопросе соединились все возможные сложности, странности и противоречия британских традиций, экономики и политики. Урезать полномочия Сандерса можно было только соответственно урезав полномочия и без того недовольного своим статусом Лимпуса. Если бы его деятельность свелась к простым «инженерным» работам, он немедленно подал бы в отставку. Однако лишиться своей военно-морской миссии Англии было нельзя, поскольку формально через нее решались многомиллионные заказы Османской империи на британских верфях, а также вопрос о переоборудовании турецких оборонительных сооружений в Проливах, также на многие миллионы фунтов. Соответствующее соглашение между правительством Турции и фирмой Армстронг и Виккерс было заключено в конце 1913 г. Именно Лимпус отослал Черчиллю, Первому лорду Адмиралтейства, условия соглашения. Со стороны Великобритании в нем участвовали три стороны: правительство, фирма Армстронг и Виккерс и управление долга. Сумма контракта – 1 млн 300 тыс. фунтов. Срок контракта – 30 лет. Армстронг и Виккерс должна была изыскать капитал и привлечь к обеспечению заказа нужное число британских рабочих, а также обеспечить обучение турецкого рабочего контингента². «При содействии английских фирм было решено начать строительство в бухте Золотой Рог мощного судостроительного завода. 19 ноября 1913 г. был подписан договор между турецким правительством и группой английских компаний. Турецкое правительство передавало специально созданной компании территорию и оборудование своего адмиралтейства. Финансировал строительство синдикат английских банков. За это турки

¹ Trumpener U. Germany and the End of the Ottoman Empire // The Great Powers and the End of the Ottoman Empire. – London, 1996. P. 110–111.

² Мультатули П.В. Император Николай II во главе действующей армии и заговор генералов // <http://gosudarstvo.voskres.ru/multat/p2g7.htm>

³ Miller G. Straits... // www.flamboroughmanor.co.uk.

¹ Kedourie E. England and the Middle East. The Destruction of the Ottoman Empire. – London, 1956. P. 97.

² Limpus to Churchill, 3 December 1913, WSC Comp. Vol. II. Pt. III. P. 1800–01.

гарантировали, что все заказы на новые корабли будут передавать только этой компании. Уже через год должно было начаться строительство эсминцев, через 2,5 года – крейсеров. Через 12 лет новая верфь должна была строить корабли любых классов. После этого господство на Черном море должно было перейти в руки Турции»¹. Столь выгодный контракт нельзя было упускать.

Кроме того, турецкие лидеры вряд ли были довольны тем, что по вине англичан, вместо двух полноправных миссий, несущих ответственность за реальное усиление боевой мощи как армии, так и флота, они получили бы двух инспекторов с очень ограниченным кругом обязанностей и ответственности. Российские протесты повисли в воздухе, хотя европейские лидеры и понимали, что «дело Сандерса» является пробным камнем для стран Антанты. На Турцию продолжали давить дипломатическими методами. Россия предлагала в случае сохранения статуса миссии фон Сандерса оккупировать один из турецких портов. Англичане ответили, что это потребовало бы согласия Германии, на каковое рассчитывать не приходилось².

Германия, надо полагать, с усмешкой наблюдала за дипломатической возней вокруг миссии фон Сандерса в течение ноября-декабря 1913 г., а в первого января преподнесла своим противникам поистине роскошный «новогодний подарок». Германский министр иностранных дел фон Ягов выдвинул следующие предложения: Лиман, оставаясь первое время командующим Первым корпусом, делает все необходимое для устранения слабых мест организации турецкой армии, после чего его переводят на должность генерала-инспектора армии без какого-либо активного командования³. Скрепя сердце, Британия и Россия согласились.

В отличие от Лимпуса, Лиман фон Сандерс был не столь обеспокоен соображениями престижа и карьеры, но желал принести пользу Родине и кайзеру.

Работа закипела. 7 января султанским ираде было объявлено о новом масштабном сокращении старого офицерского состава турецкой армии. «Султанским ираде от 7 января 1914 г. из армии было уволено 280 генералов и полковников, в том числе ряд военачальников, известных своими многолетними военными заслугами: маршалы Зеки-паша и Ибрагим-паша, генералы Абдулла-паша, Ахмед-паша, Аббуг-паша, Шюкри-паша, а также усмиритель албанского

восстания Шевкет Тургут-паша, корпусные генералы Хуршид-паша и Вели-паша, бывший начальник генштаба турецкой армии Хамди-паша, генеральный инспектор военных училищ Хамди-паша, начальник инфантерии военного министерства Ферид-паша, начальник артиллерии Али Рафик-паша, начальник кавалерии Мехмед-паша и др. Все они были заменены молодыми офицерами в чине не старше полковников»¹. Не удивительно, что реформы Энвера привели к такому положительному для экономики империи факту, как значительное сокращение военного бюджета, лежавшего непосильным бременем на увязшей в долгах государственной казне. По сравнению с январем 1913 г., когда младотурки прибрали к рукам власть в империи, бюджет военного ведомства на 1914–1915 гг., представленный парламенту в мае 1914 года, был сокращен на треть, что с удовлетворением отмечал министр финансов Джавид-паша. Бюджет был без возражений одобрен Меджлисом 4 июля².

Для восполнения потерь в войнах и чистках, большой контингент молодых офицеров был отправлен в Германию для получения высшего военного образования. Энвер паша назначил Лимана начальником турецкого генерального штаба и присвоил ему звание генерал-лейтенанта от кавалерии. Вскоре военное министерство Энвера стало, по словам британского военного атташе, «чувствительно напоминать Kriegsministerium»³.

В рядах миссии фон Сандерса и посольства Вангенгейма в 1914–1915 гг. оказалось немало личностей, впоследствии сыгравших значительную роль в истории. о Карле Дёнице уже было сказано. Военный атташе в Константинополе фон Лоссов в 1923 г., будучи командиром Баварской дивизии Рейхсвера, стал значительной фигурой в знаменитом «Пивном путче» Гитлера. Еще один военный атташе – майор Карл фон Лафферт – достиг в 1930-х гг. высоких постов в СС. Консул в Эрзеруме граф Фридрих Вернер фон Шуленберг с 1934 г. был послом Германии в Москве до самого вторжения Гитлера в СССР. В 1944 г. он был казнен за участие в заговоре против Гитлера. Фридрих Розен, консул в Багдаде и Иерусалиме, а также советник константинопольского посольства барон Константин фон Нейрат, после войны были министрами иностранных дел Веймарской республики⁴. Прибывший в 1915 г. в Кон-

¹ Дарданеллы станут нашей могилой // www.militaria.lib.ru.

² O'Beirne to Nicolson, 11 December 1913, Nicolson mss. // PRO FO 800/371.

³ Goschen to Grey, private, 31 December 1913/2 January 1914 // B.D., X. I. No. 455. P. 405–6.

¹ Алиев Г. З. Цит. соч. С. 232.

² Feroz Ahmad. The Late Ottoman Empire // The Great Powers and the End of the Ottoman Empire. London, 1996. P. 23.

³ Mallet to Grey, private, 4 February 1914, Grey mss. // PRO FO 800/80.

⁴ Trumpener U. Germany and the End of the Ottoman Empire. P. 110.

стантинополь с афганской миссией Оскар Нидермайер в 1930-х гг. неоднократно посещал СССР, организуя торговые операции Германии и «блокированных» Советов, а жизнь окончил в 1948 г. в советской тюрьме¹.

Профессионализм и напористость германских офицеров и дипломатов, а также решительность военного министра привели к тому, что Энвер получил почти беспрецедентное влияние на армию. Он мог уже не бояться столь частых в последнее время военных переворотов и полупереворотов. В пику России Махмуд Мухтар-паша, бывший посол Османской империи в Берлине, был назначен генералом-инспектором Третьей турецкой армии в Эрзинджане, непосредственно вблизи от границы с Россией. Турецкий историк Ахмед Рефик писал, что немцы в своей армии не дали бы Энвер-паше и чина младшего офицера, но Турции именно они добились его назначения главнокомандующим.

В феврале 1914 г. фон Сандерс прибыл в Берлин и его с докладом о проделанной работе принял у себя в резиденции кайзер Вильгельм II. Выслушав детальный доклад Лимана, воодушевленный успехами, «...кайзер долго и увлеченно рассказывал генералу о политике Германии на Ближнем Востоке и будущих отношениях с султанской Турцией. Отношения эти, по мнению кайзера, должны были привести к безраздельному экономическому и политиче-

скому господству во владениях султана Германской империи. «Или германское знамя скоро будет развеиваться над крепостью Босфора, или меня ожидает судьба ссыльного на острове Святой Елены», – говорил кайзер фон Сандерсу.

Как бы продолжая эту же мысль, кайзер несколько позже писал: «Я возьму Месопотамию, Александретту, Мессину! Благоразумные турки терпеливо ожидают этой участи»¹.

3. Политика европейских держав в отношении Турции перед началом мировой войны

Англия в преддверие войны изо всех сил пыталась поддержать своё присутствие в Индии, дополнить его перспективными приобретениями в зоне Персидского залива, Египтом, овладение которым связывалось с контролем над зоной Суэцкого канала, а также усилить давление на Персию и Афганистан. Богатый и удачный колониальный опыт позволял англичанам надеяться на успешное разрешение этих масштабных задач, при том условии, если опасные конкуренты – Германия и Россия – будут лишены возможности активных действий. Война между ними для Англии казалась идеальным решением этой проблемы. Участие в войне Турции давало ещё больше шансов Великобритании продолжить свою великую миссию по «несению бремени белого человека» по всему миру.

Вступление Турции в войну, кроме того, уменьшало шансы России получить Проливы, так как в этом случае на авансцену событий выходили Греция и Болгария, чьи территории непосредственно примыкали к зоне Проливов. а британское влияние в Греции позволяло Англии играть на «константинопольской идее» греков, поддерживая лояльного к Англии премьера Венизелоса, заставившего Европу вспомнить о поколении античных героев, и умеряя прогерманские настроения греческого короля Константина. Опасным для Британии оставался «славянский» вопрос на Балканах, но предательская политика царя Болгарии Фердинанда Кобургского позволяла надеяться на то, что России не удастся достигнуть решительных успехов в деле объединения славян, или хотя бы даже в деле образования на Балканах самостоятельных славянских государств, сочувствующих российским интересам.

¹ О. Нидермайер под псевдонимом Нойман, впервые прибыл в Советскую Россию в качестве уполномоченного организованной другим бывшим немецким офицером на турецкой службе (в 1917 г. начальник Генерального штаба турецкой армии) – фон Сектом – «Зондергруппы Р» (Россия), известной в России как «Вогру», в апреле или мае 1921 г. Нидермайер встречается с Карлом Радеком. 4 августа проводит встречу с Чичериным. Москва и Берлин начинают не только торговое, но и политическое сближение. Нидермайер работал в СССР с 1924 по 1931 гг., после чего по подозрению в шпионаже был вынужден вернуться в Германию. В 1940 г. в Японии он встречался с Рихардом Зорге, однако переданная им информация о планах германского военного командования не подтвердилась. Во время войны генерал-майор Нидермайер был одним из организаторов «Мусульманского легиона», который вел боевые действия в Италии, затем организовывал восточные легионы во Франции. 24 января 1945 г. Нидермайер был арестован гестапо «за высказывание пораженческих настроений» и заключен в тюрьму в городе Торгау. Освобожденный из тюрьмы союзниками, он, по одному ему известной причине, бежал в советскую зону, где и был арестован СМЕРШем. Суд над ним состоялся в 1948 г., генералу дали 25 лет лагерей, из которых он успел лишь отсидеть несколько месяцев. Он умер во Владимирской тюрьме НКВД 25 сентября 1948 г. в возрасте 63 лет. Имеются непроверенные данные, что Нидермайер был завербован советской разведкой, что косвенно может подтверждать тот факт, что Оскар Нидермайер был посмертно реабилитирован Генеральной Прокуратурой РФ в 1998 году.

¹ R. Augstein. «Deutschlands Fahne auf dem Bosphorus» zu Fritz Fischers Buch «Krieg der Illusionen» // Der Spiegel. № 48, 1969. P. 92. Цит. по: Пипия Г. Германский империализм в Закавказье в 1910–1918 гг. М., 1978. С. 46.

В 1913 г. европейская дипломатия была обеспокоена фактом возможного англо-германского соглашения о разделе Турции. Была достигнута договорённость об ограничении Багдадской дороги Басрой, далее шёл английский участок – в Персию и Индию. Россия выступила с заявлением, требующим ограничения деятельности германских концессий в северной Анатолии, получив поддержку в Англии.

Но ещё в 1910 г. российское правительство подписало с Германией соглашение о разделе сфер влияния в Турции и Иране, по которому Германия обязалась не строить железных дорог в районе границы с Кавказом. Ещё ранее, в 1907 г., было подписано важное дипломатическое соглашение с Англией о разделе сфер влияния на Тибете, в Персии и Афганистане. Россия практически уступила Тибет Англии, согласившись на китайскую гегемонию восточнее, и отказалась от претензий на Афганистан, тем не менее, именно это соглашение стало начальным условием англо-русского сближения, результатом которого явилось участие России в «Сердечном соглашении»¹.

Впрочем, в 1912 г. Сазонов довольно пессимистично оценивал возможность сотрудничества с Англией в случае войны с Турцией. Находясь в Британии в сентябре 1912 г., он это выражает так: «Нельзя рассчитывать на содействие Англии, если обострение событий потребует энергичного давления на Турцию.. В случае войны на Балканах, Англия будет стремиться к её локализации»².

В 1913 г. в Петербург была направлена миссия Вильсона. Содержание её осталось секретным, но ясно, что основные вопросы касались русско-английских отношений в виду надвигающегося общеевропейского конфликта³. В ноябре 1913 г. Сазонов снова зондировал английскую почву в связи с событиями на Балканах и возможной войны с Турцией. 17 – 19 ноября он пишет послу в Англии и получает ответ, что Англия вмешается в конфликт, только если будет вовлечена Франция. После балканского разгрома Турции Россия на переговорах в Лондоне активно протестует против международного контроля над зоной Проливов, отстаивая турецкие права на них⁴.

В том же 1913 г. велись переговоры Франции и Англии относительно расчленения Турции. Важнейшим пунктом переговоров бы-

ли район Суэцкого канала и Палестина. Французское правительство рассматривало возможность мероприятий по усилению своего влияния в Сирии и Палестине, поскольку вопрос о Святых местах волновал французских лидеров со времён крестовых походов.

В 1912 г. были основаны общество «Ливанское пробуждение» и «Общество реформ», конечной целью которых было отделение Ливана от Османской империи¹. Филиалы этого общества были в Каире и Париже. Исламисты в Сирии обратились к французскому правительству с письмом, в котором писали о желании оккупации Сирии французами. Однако этому препятствовала как Россия, так и Англия. Суверенной Сирии также быть не могло – «ни Россия, ни Франция не допустили бы существования суверенной Сирии» – писал российский министр иностранных дел². Там же Сазонов пишет: «Общее положение Турции заставляет все державы учитывать возможность окончательного падения Оттоманской империи и озабочиться заблаговременно обеспечением своих прав и интересов в различных областях Малой Азии»³.

Для этого в целях ускорения мобилизации десантного корпуса предлагалось:

- 1) оборудовать нужные для этого пути сообщения;
- 2) усилить флот до степени превосходства над турецким и его способности занять временно или постоянно Проливы;
- 3) увеличить транспортные средства для десантной операции;
- 4) построить перевальную железную дорогу на Кавказе⁴.

В то же время англичане имели свои виды на Палестину. Безобразов приводит следующее мнение английской общественности, выраженное А. Янсенем в статье «Египет и Палестина», напечатанной в журнале «Квотерли ревью»: «Интересы Великобритании и Палестины, христиан, евреев и мусульман сводятся к протекторату Англии». Говорится и о возможном присоединении Палестины к Египту⁵. Официальный Лондон, конечно же, признавал в Сирии и Палестине и французские интересы.

В Ираке и районе Персидского залива также успешно действовали английские эмиссары. В первой половине 1914 г. английский

¹ Лазарев М. С. Крушение турецкого господства на турецком Востоке. М., 1960. С. 39.

² Константинополь и Проливы. По секретным материалам бывшего Министерства иностранных дел. Т. 1 – 2. М., 1925–1926. Т. 1. С. 76.

³ Там же. С. 70.

⁴ Там же. С. 74.

⁵ Безобразов П. В. Цит. соч. С. 60–61.

¹ Howard H.N. The partition of Turkey. A Diplomatic History. Un. Of Oklahoma, 1931. P. 50–51.

² Игнатъев А.В. Русско-английские отношения накануне первой мировой войны (1908 – 1914). М., 1962. С. 132.

³ Там же. С. 135.

⁴ РГВИА, ГУГШ. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3845. Л. 11–15, 16–22.

консул в Эль-Бахрейне вёл переговоры с эмиром Неджда ибн Саудом и достиг полного торгового и политического соглашения относительно Персидского залива. Ибн Сауд обязался защищать британские интересы в Неджде. Взамен ему было обещано вооружение и снаряжение для действий против турок в Сирии и Месопотамии¹.

Защищая свои интересы в Персии и Афганистане, англичане наводнили окружение правителей своими шпионами. В Персии шпионская деятельность англичан была особенно интенсивной. «Шпионами чаще всего служили английские врачи, находившиеся при шахе. Имея беспрепятственный доступ в шахский гарем, этот центр всех новостей и сплетен, они были всегда в курсе дел и планов шахского правительства»². Получив возможность держать в Иране войска, Англия воспользовалась этим после начала европейской войны. Эта политика прикрывалась лозунгами «защиты Индии»³.

С другой стороны, Россия, потерпев военное и политическое поражение в русско-японской войне, также вынуждена была искать контактов с Англией. Разграничение в Иране обеспечивало и Англии, и России сохранение статус-кво на Востоке и создавало условия для совместного противодействия германским устремлениям в Азии.

Поскольку вопрос о вступлении Турции в войну был напрямую связан с деятельностью иностранных военных миссий, определяющих влияние на турецкое правительство посредством влияния на турецкую армию, отношение к этому России было важным фактором в согласованной политической деятельности стран Антанты.

Уже 23 ноября 1913 г. Сазонов в докладной записке писал: «на основании данных, в разное время полученных министерством иностранных дел, приходится прийти к заключению, что в настоящее время, что в периоде 1914–1916 гг., турецкий военный флот будет иметь преобладание над нашим в Чёрном море по качеству этих судов и силе их артиллерии»⁴. Это определило не только меры по усилению Черноморской эскадры, но и попытки воздействовать на Англию, ответственную за это усиление.

¹ Готтлиб В.В. Цит. соч. С. 71. Лазарев М.С. Политика Англии в Центральной и Юго-западной Аравии в годы первой мировой войны // Краткие сообщения Института востоковедения, вып. XXXV. М., 1959. С. 19–34.

² Бобынин Н. Н. Персия, её экономическое положение и внешняя торговля 1901 – 1923. Тифлис, 1923. С. 111.

³ Павлович М. (Вельтман М.П.). Советская Россия и капиталистическая Англия (от эпохи царизма до правительства Чемберлена – Болдуина 1925 г.). М., 1925. С. 13.

⁴ Константинополь и Проливы. По секретным материалам бывшего Министерства иностранных дел. Т. 1–2. М., 1925–1926. Т. 1. С. 73.

25 апреля Сазонов писал Бенкендорфу: «Видно.. как успешно идёт под умелым руководством английского адмирала работа по созданию сильного турецкого флота.. Между тем, ясно, какие роковые последствия может иметь для нас утрата господствующего положения на Чёрном море.. Быть может, вы найдёте удобную минуту, чтобы самым дружественным образом переговорить о вышеизложенном с сэром Эдуардом Греем и сказать ему, что мы были бы весьма признательны, если бы он мог оказать влияние на адмирала Лимпуса в благоприятном для нас смысле»¹.

В апреле 1914 г. российский агент в Греции Урусов сообщал: «на днях меня посетил греческий морской агент г. Кризис. Из беседы с ним я мог убедиться, что в Афинах весьма сильное впечатление производит усиленная деятельность Османского правительства в деле усиления турецкого флота. По словам г. Кризиса, английская миссия, стоящая во главе турецкого флота, действует с всё возрастающей энергией... Не только практическое обучение турецких морских офицеров и нижних чинов ведётся с особой настойчивостью и поспешностью, но и ремонт уже существующих судов турецкого флота производится в столь широких размерах и настолько удачно, что мог бы удовлетворить любое из европейских государств»². Однако английское правительство не пошло навстречу России, сославшись на возможное получение влияния в турецком флоте германских специалистов.

В декабре 1913 г. Сазонов предпринимал энергичные действия, направленные на проведение переговоров с Британией. Однако Грей оттягивал переговоры. Он написал послу в Константинополе о необходимости «дополнительно запросить Турцию о точных сведениях и об условиях контракта с германской миссией, а по получению сведений перенести переговоры в Берлин, добиваясь одновременного пересмотра условий контрактов с Лимпусом и Лиманом»³. Всё же 21 декабря переговоры начались, но не в Берлине, а в Константинополе. За первую неделю никаких конкретных соглашений достигнуто не было. Англия заняла выжидательную позицию. По мнению советского историка Игнатьева, она стремилась к началу войны на Востоке и ждала от России принятия необратимых решений в отношении Турции, не давая ей никаких гарантий⁴.

¹ МОЭИ. Сер. II. Т. 1. С. 203–204.

² РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 4261. Л. 98 об.

³ Игнатьев А.В. Цит. соч. С. 182.

⁴ Там же. С. 183–184.

Политика России вызвала неудовольствие в Турции. Военный министр Джемаль-паша писал: «мы поручили организацию армии немцам, флота – англичанам и полиции – французам.. Не хотите ли вы, чтобы мы поручили реорганизацию армии русским? Помните, что говорят русские: «если только командование Первым армейским корпусом будет поручено немецким офицерам, то оборона Проливов будет усилена». Это означает, что, если бы мы пригласили к себе с этой же целью французов или англичан, то русские точно так же будут недовольны»¹.

До самого начала мировой войны военные миссии в Турции работали над укреплением турецких вооружённых сил параллельно, вызывая волнение России, безучастно наблюдающей за укреплением района турецкой столицы и Проливов. Более того, накалявшаяся атмосфера англо-российских противоречий происходила на фоне укрепления в турецкой армии Германии. После острых переговоров, России и ее союзникам удалось изменить статус Лимана фон Сандерса, он стал инспектором турецкой армии, но это не поколебало его ведущие позиции в руководстве турецкими вооруженными силами².

Понимая, что отстоять свои позиции в грядущей с неизбежностью войне, Россия может только в случае прямого военного столкновения с Турцией, начиная с 1910 г., разрабатывались планы боевых операций. Весной 1910 г. генштаб разработал три варианта этой войны. По первому варианту разрабатывались планы войны с Турцией, без европейского фронта. Второй вариант предусматривал одновременное выступление Турции в коалиции враждебных государств. Третий, интересующий нас вариант, имел в виду позднейшее вступление Турции в войну при наличии западного фронта³.

Турецкое военное командование также имело планы на случай войны с Россией. Кроме идеологической войны, связанной с панисламистскими и пантюркистскими устремлениями младотурецкого правительства, турецкие военные, направляемые немецкими советниками, определили основные тактические и стратегические на-

правления в будущей русско-турецкой войне. Среди основных пунктов этого плана были:

1. Исходить из прецедента возможного нападения на Севастополь и Порт-Артур. Тщательно изучить и претворить опыт войны Японии против России.

2. Навязать русским подводную войну (здесь особенно ясно просматривается немецкое влияние).

3. Ускоренно строить и закупать субмарины, эсминцы, миноносцы вместо дорогих дредноутов.

4. Вести против России морскую наступательную войну силами быстроходного надводного и новейшего подводного флота, путём высадки хорошо обеспеченных десантов по всему побережью Чёрного моря¹.

Однако германские военные советники подвергли резкой критике идею крупного десанта в Одессу и предложили основные усилия сосредоточить на обороне Проливов и действиях на Кавказе. Однако, как мы увидим позже, Энвер-паша настоял на своём, и нападение на Одессу и Крым послужило сигналом к началу войны с Россией.

Военные приготовления Турции не остались неизвестны российскому военному командованию и министерству иностранных дел. В 1913 – начале 1914 гг. в недрах генштаба и министерства иностранных дел велась усиленная работа по выработке новых планов войны с Турцией. Исходя из цели овладения в 1918 – 1919 гг. Босфором и Дарданеллами, первоочередной задачей ставилось усиление Черноморского флота и подготовка десанта в район Проливов. Трижды до этого, в начале 1911, в октябре 1912 и в начале 1913 гг., в связи с закрытием Проливов, «царское правительство ставило вопрос о посылке военных кораблей в Босфор, и каждый раз признавало невозможность такой посылки ввиду недостаточности транспортных кораблей»².

Общим военно-политическим выводом было то, что Россия должна производить подготовку к войне, оттягивая насколько возможно, вступление Турции в войну. Только так Россия могла действительно получить возможность овладеть Проливами и извлечь выгоды из возможного раздела Турции. 6 августа 1914 г., в первую неделю начала войны в Европе посол России в Константинополе Гирс писал

¹ Шеремет В. А. Цит. соч. С. 124.

² Емец В. А. Очерки внешней политики России в период первой мировой войны. М., 1977. С. 54.

¹ Джемаль-паша А. Цит. соч. С. 58.

² История дипломатии. М., 1963. Т. 2. С. 237. «10 января/30 декабря Лиман был отстранён от командования первым армейским корпусом, дислоцированным в Константинополе». Оруджев М.Г. Из истории проникновения германского империализма в Турцию (с конца XIX века по 1914 год). Баку, 1961. С. 53.

³ Зайончковский А. М. Подготовка России к мировой войне. Очерки военной подготовки и первоначальных планов. М., 1926. С. 330–332.

Сазонову, что следует стремиться к нейтралитету Турции, но только до тех пор, пока «обстоятельства не позволят совершенно овладеть Проливами»¹.

Только к 1916 г. русский флот на Чёрном море был бы готов к полноценным действиям на Босфоре. От союзников же требовались действия, препятствующие усилению турецкой флотилии и недопущение в район Проливов германо-австрийских военных кораблей.

В середине 1914 г. усилия британской дипломатии были в основном направлены на недопущение заключения тех союзов, которые были бы ей невыгодны в случае развязывания европейской войны. Более того, Грей стремился ослабить и англо-германские напряжённости, дав Вильгельму повод думать, что в случае войны с Францией или Россией Великобритания сохранит нейтралитет, несмотря на то, что готовность Англии к войне, по словам Черчилля, была в тот момент максимальной. Грей чрезвычайно деликатно высказывался о сербском инциденте и действиях Австрии и Германии, а предложение Сазонова о коллективном воздействии на правительство Австро-Венгрии после вручения рокового ультиматума, отклонил². Если учесть и тот факт, что военные связи с Россией к этому времени не были гарантированно установлены в виде подготовленного плана коалиционной войны³, критику политики Грея как со стороны российских и советских историков, так и английских (в частности, Ллойд-Джорджа и Готлиба) следует считать справедливой.

Впрочем, как в Англии, так и в России были круги, желавшие сближения с Германией, а не с партнёром по Антанте. Ещё в декабре 1913 г. лидер крайне правых в Государственном Совете П.Н. Дурново представил царю записку, где доказывал, что Россия должна заключить союз с Германией, поскольку союз с Англией приведёт к войне с Германией и к революции⁴. и в Британии происходило уклонение от войны с Германией. В конце июля 1914 года, в разгар сербского инцидента, Форин Оффис⁵ сообщил в Берлин, что Англия может остаться в стороне и при вмешательстве Герма-

нии в австро-русское столкновение, если Франция также останется нейтральной»¹.

Весной 1914 г., когда обстановка в Европе накалилась до предела, Россия снова предприняла усилия по выработке совместного с Англией плана действий. Предполагалось заключить военный и морской союз России, Англии и Франции. В отношении турецкой территории русскому представителю на переговорах была дана следующая инструкция:

«Англия не позволяет австро-итальянскому флоту проникнуть в Чёрное море. Англия разрешает использовать России в качестве баз военного флота свои порты в Средиземном море»².

В случае военных действий Англия должна была сосредоточить в Средиземном море количество судов, достаточное, чтобы помешать прорыву вражеских судов через Босфор, а операции у Проливов должны носить военный характер и не затрагивать «политического вопроса...»³

Переписка о переговорах велась в течение апреля – июня 1914 г., но к заключению морской конвенции не привела. Подписание намечалось на август. Россия стояла за превращение Антанты в прямой военный союз, однако эта идея была непопулярна в общественных кругах Британии, считавших Россию страной деспотизма. В английском обществе скорее приняли бы тайный, а не явный союз с Россией. Помешал переговорам и парламентский кризис в Англии.

Весной 1914 г. ходили слухи о том, что командование 1-го армейского корпуса турецкой армии, освободившись от германского командира – Лимана фон Сандерса, ищет контактов с Антантой через греческое посольство и греков-коммерсантов, благо дислокация корпуса вблизи Проливов позволяла надеяться, что подобная инициатива будет учтена Антантой и принесёт определённые выгоды⁴. Однако Грей и Делькассе сочли возможность таких контактов маловероятной. Впрочем, турецкого воодушевления по поводу сближения с Россией и «Сердечным Соглашением» хватило ненадолго.

¹ Aksakal Mustafa. The Ottoman Empire Road to War in 1914. Washington, 2004, материал с сайта <http://www.cambridge.org/us/>

² История дипломатии. Т. 2. С. 252.

³ Емец В. А. Цит. соч. С. 65.

⁴ «Красная новь». № 6 (10). 1922. С. 182–199.

⁵ Название британского здания министерства иностранных дел.

¹ British Documents on the Origin of the War. London, 1926–1938. V. XI. No. 283, 286.

² Игнатьев А.А. Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции (февраль – октябрь 1917 г.). С. 206.

³ Заключение особого совещания от 13/26 мая 1914 года. Константинополь и Проливы. Т. 1. С. 224.

⁴ Шеремет В. А. Цит. соч. С. 158.

События развивались слишком стремительно. Турция узнала о готовящейся англо-русской морской конвенции. 28 мая турецкий посол в Берлине Мухтар-паша послал шифрованную телеграмму великому визирю Саиду Халиму-паше. Германская газета «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» публикует официальным образом донесение, посланное из Петербурга 26 мая 1914 г., где говорится о морской конвенции, которую было предложено заключить между Россией и Англией¹. Антиантантовские настроения в Османской империи вспыхнули с очередной силой.

В июне 1914 г. едва не вспыхнул очередной греко-турецкий конфликт. Греция ультимативно потребовала от Турции прекратить притеснения греческого населения в Малой Азии, европейской Турции и в районе Черного моря, а также возместить ущерб, нанесённый ему во время притеснений. Гонения на греков были связаны в основном с неудачами Турции в Балканских войнах и позицией, которую заняли нетурецкие элементы Османской империи. Державы были серьёзно обеспокоены сложившейся ситуацией. Англия всегда поддерживала Грецию, и поэтому Грей предпринял давление на российское правительство в смысле улаживания этого конфликта. Россия, хотя и не желала портить отношения с Турцией, однако пообещала Венизелосу «оказать возможно умиротворяющее влияние на Порту»².

И Англия, и Россия в первую очередь были обеспокоены возможным закрытием Проливов, что пресекло бы торговые пути, соединяющие две страны по выгодному морскому направлению, а необходимость для Британии поддерживать Грецию привела бы к разрыву отношений с Турцией, что, несомненно, нанесло бы значительный ущерб английской торговле, чей оборот через Константинополь был более значительным, чем даже российский.

Вскоре морской министр Джемаль-паша совершил визит во Францию по приглашению французского правительства. Однако к моменту прибытия Джемала в Париж 13 июля, министр иностранных дел Франции Рене Вивиани был в Петербурге, где, очевидно, обсуждал более насущные мировые проблемы, нежели турецкие. Джемаль встретился с главой отдела политических и торговых дел Пьером де Маржери, однако его воззвания учесть интересы Турции в Эгейском море против греческих претензий в обмен на военную

переориентацию политики младотурок в сторону Антанты, явно шли не в те уши. Маржери тактично уклонился от вопроса, решать который он был не уполномочен, что было сочтено за отказ. Задержка Вивиани, прибывшего в Париж уже после начала войны в Европе, довершила негативное впечатление Джемала от французского гостеприимства и сыграла на руку немцам¹.

Начало европейской войны вызвало в Константинополе панику и настоящий экономический кризис. Навигационные кампании большинства европейских стран прекратили использовать турецкие порты, а страховые организации отказывались обеспечивать гарантии безопасности перевозимых товаров, опасаясь их конфискации. Государственная казна, и без того небогатая, оказалась совсем истощена². Вопрос о займах становился чрезвычайно актуальным, но младотурки понимали, что решение этого вопроса теперь ставится напрямую в зависимость от вступления Турции в войну на стороне одного из воюющих блоков.

Тем не менее, после начала европейской войны, Турция объявила свой нейтралитет. Однако, это был вооруженный нейтралитет. «О целях турецкого нейтралитета Джемаль-паша... в своих записках указывал: «Мы объявили себя нейтральными только для того, чтобы выиграть время, мы ждали момента, когда наша мобилизация закончится, и мы сможем принять участие в войне»³. Одновременно с объявлением нейтралитета в восточных вилайетах Османской империи, граничащих с Закавказьем, было введено военное положение⁴. Турецкие лидеры понимали, что сохранение нейтралитета приведет к тому, что империя останется в изоляции, и победители в европейской войне тотчас же после своей победы, под любым предлогом, начнут окончательный раздел османского наследства. Только участие в конфликте на стороне победителя давало шанс сохранить Османскую империю. Проблема была в том, какую сторону выбрать в качестве союзника, имевшего больше шансов на победу.

Ещё 28 июля турецкая дипломатия предложила Германии тайный союз исключительно против России⁵. 2 августа в Стамбуле

¹ Fulton L. Bruce France and the End of the Ottoman Empire // The Great Powers and the End of the Ottoman Empire. London, 1996. Pp. 154–155.

² Feroz Ahmad. The Late Ottoman Empire // The Great Powers and the End of the Ottoman Empire. London, 1996. P. 14.

³ Цит. по: Г. В. Пипия. Германский империализм в Закавказье в 1910–1918 гг. М., 1978. С. 48.

⁴ Там же.

⁵ Адамов Е. А. Раздел азиатской Турции. М., 1924. С. 55.

¹ Константинополь и Проливы. Т. 1. С. 224.

² Оруджев М. Г. Борьба империалистических держав за привлечение Турции в I мировую войну. Баку, 1975. С. 76.

между Германией и Турцией был заключен договор о союзе. Договор предусматривал нейтралитет Германии и Турции в австро-сербском конфликте, но в случае вмешательства России, если тем самым для Германии создастся бы «казус фёдерис» по отношению к Австро-Венгрии, договор должен был приобрести аналогичную силу для Турции. Также Турция должна была подтвердить «действующее влияние Германии на общее руководство турецкой армией и защиту Турции оружием»¹. К трактату прилагалась приписка: «генерал Л. ф. Сандерс официально приглашен составить совместно с Энвер-пашой детальное соглашение, которое гарантирует управление делами армии посредством военной миссии»². Договор был заключен на срок до 1918 г. Тем не менее, по условиям договора выходило так, что Турция могла не вступать в войну, ввиду того, что ни Сербия Австрии, ни Россия Германии не начинали односторонне против них прямых агрессивных действий.

30 июля на стенах зданий Стамбула были расклеены мобилизационные афиши³. 3 августа было официально объявлено о частичной мобилизации, а также розданы тайные приказы об общей мобилизации. Было введено военное положение⁴. Впрочем, турки успокаивали российских политиков уверениями, что, объявив мобилизацию, Порты возьмёт в ряды лишь столько людей, сколько «нужно будет для образования во Фракии армии в 200 тысяч человек», в целях обороны Проливов и столицы от возможного нападения болгар и греков, недавних противников в Балканских войнах⁵. В проливе Дарданеллы 4 и 5 августа внутри проливов были поставлены два ряда мин, и мобилизована расположенная в районе Галлиполи 9-я пехотная дивизия⁶.

Младотурецкие лидеры развернули лихорадочную и хаотическую дипломатическую деятельность. Сразу после заключения союза с Германией и Австро-Венгрией, Талаат-паша совершает поездку по Балканам. В Болгарии ему удастся заключить тайный союз с царем Фердинандом, направленный против Сербии и Греции (этот

союз стал известен немцам только в декабре). В Румынии Талаата ждала неудача. Там предпочли выждать.

Одновременно еще один лидер, министр финансов Джавид-бей обратился к французскому послу в Константинополе Бопару с заявлением, что Турция может гарантировать свой нейтралитет в случае, если Франция обеспечит ей заём в 200 миллионов франков и гарантии неприкосновенности сроком на 15–20 лет.

Джемаль-паша, склонявшийся к Англии, передал послу Маллету перечень условий, на которых его правительство, возможно, присоединится к Антанте.

1. Уничтожение Капитуляций.

2. Возврат задержанных кораблей¹.

3. Отказ от вмешательства во внутренние дела Турции.

4. В случае нападения на Турцию Болгарии северная Фракия должна стать турецкой.

5. Восстановления после войны статуса Эгейских островов.

Эти пожелания были обговорены в беседе с английским послом Маллетом, который ответил следующим образом:

– вопрос о Капитуляциях должен быть решён с министром финансов и представляет очевидную трудность;

– возврат дредноутов немыслим, возможна лишь договорённость о выгодных для Турции условиях реквизиции;

– требование невмешательства «не стоит принимать всерьёз, ибо, разумеется, такое требование является абсурдным»;

– территориальные вопросы должны решаться с сохранением предвоенного статус-кво. (Из донесения Л. Маллета от 7 августа 1914 г.)².

Поэтому не должно удивлять лицемерие, продемонстрированное турецким правительством в лице Энвер-паши, который в те же августовские дни вел переговоры с российскими представителями. 5 августа Энвер встретился с российским военным атташе генерал-майором Леонтьевым. В то же самое время в Петербурге турецкий поверенный в делах поставил вопрос о союзе с Россией, убеждая, что «Турция не домогается никаких территориальных приращений, но желая обеспечения своей территориальной неприкосновенности»³. В беседе с Леонтьевым Энвер заявил нечто совершенно беспрецедентное: «Если бы Россия пожелала обратить внимание на турец-

¹ Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. 2. М., 1926. С. 8–9.

² Commendant Larcner. La Guerre Turque dans la Guerre mondiale. Pp. 37–38.

³ Лудшвейт Е.Ю. Турция в годы I мировой войны. М., 1966. С. 49.

⁴ Кавказский фронт. Сведения о турецкой армии и о Турции. Вып. 1. Тифлис, 1914. С. 2.

⁵ Вторая оранжевая книга. Пг., б.г. С. 5.

⁶ Коленковский А. Дарданелльская операция. М., 1938. С. 11.

¹ О конфискованных Черчиллем в конце июля кораблях – немного ниже.

² Белая книга. Дипломатическая переписка Англии, предшествовавшая войне с Турцией. Пг., 1915. С. 13–15.

³ Адамов Е. А. Цит. соч. С. 59.

кую армию и использовать ее для своих целей, то и такую комбинацию можно считать возможной»¹. Правда, Турция отказалась от проведения армянских реформ, на которых особенно настаивала Россия. Энвер настолько уверил посла в Константинополе Гирса в возможности союза, что тот написал Сазонову: «нам надлежит принять предложения Энвера, не входя ни с кем ни в какие предварительные объяснения, так как время не терпит»². и уже 16 августа Сазонов телеграфировал послам в Лондон, Париж и Константинополь: «полагаем возможным следующие предложения Турции:

– доказательство искренности своего нейтралитета Турция приступает к демобилизации своей армии.

– взамен этого три державы гарантируют территориальную неприкосновенность Турции и готовы для этого на обсуждение любой комбинации.

– турция вступает в обладание всеми экономическими и железнодорожными концессиями и предприятиями Германии в Малой Азии»³. «В пояснение этой телеграммы считаю долгом сообщить, что несколько дней тому назад Энвер делал следующие предложения: 1) турки отзывают войска с кавказской границы; 2) предоставляют нам армию во Фракии, могущую действовать против любого балканского государства, в том числе и Болгарии, если она пойдет против нас; 3) удаление всех немецких инструкторов из Турции.

За это Турция получает компенсацию: 1) во Фракии по водоразделу по линии меридиана Гюмилджина и 2) Эгейские острова.

Одновременно с этим заключается между Россией и Турцией оборонительный союз на 10 лет»⁴.

Можно заметить, что третий пункт предложений Энвера явно втягивал Турцию в конфликт с Германией и вряд ли был приемлем для турецкого политического руководства, уже заключившего с Германией военный союз.

Начавшиеся предварительные переговоры показали несколько иные турецкие требования – в первую очередь – отмену Капи-

туляций. Кроме того, Турция потребовала возвращения ей Фракии и Эгейских островов.

Всё же 30 августа совместный проект декларации стран Согласия относительно турецкого нейтралитета был создан. Союзники обещали только неприкосновенность оттоманской территории против всякого враждебного покушения и только в течение войны.

Экономические требования Турции не рассматривались под давлением Англии, требование России демобилизации турецкой армии отклонили, памятуя о подобном демарше Германии относительно России перед началом европейской войны. Никаких дальнейших гарантий Турция не получала, и, зная о ведущихся или намечавшихся переговорах с Болгарией и Грецией по привлечению их в Антанту, понимала, что оно будет куплено ценой территориальных отторжений от Турции. Так, планы царя Фердинанда в отношении Константинополя были разрекламированы даже почтовым ведомством Болгарии, выпустившим почтовые открытки и марки с его портретом в византийском стиле. Болгария же обладала сильнейшей на Балканах армией, боевые качества которой были известны. Джемаль-паша писал: «Порта добивалась не сомнительных, а реальных преимуществ»¹. Посол Османской империи в Англии Ага Хан выражается более резко: «турки с полным основанием подозрительно относились к гарантиям..., предлагаемым западными державами»².

Из Англии можно было услышать иную оценку предполагавшегося соглашения: «Турция получала такие предложения, которые, по мнению Великобритании, были наиболее выгодными из всех, когда-либо дававшихся какому бы то ни было государству. За сохранение нейтралитета Турции обещали гарантировать абсолютную неприкосновенность всех её владений. Эта гарантия давалась ей не только её старым друзьям – Францией и Великобританией, но и её врагом – Россией. Гарантия Франции и Англии охраняла бы Турцию от покушений балканских государств, в особенности Греции»³. Отсюда Черчилль делает далеко идущий вывод: «Ни одно государство не вступало в мировую войну с такой готовностью, как

¹ Пункаре Р. На службе Франции. 1914–1915 гг. М., 2002. С. 728 (примечание 17). Но, как говорит историк М. Н. Покровский, «в Петрограде желали получить турецкую столицу, а им предлагали турецкую армию». М. Н. Покровский. Империалистическая война. Сборник статей. С. 173–177, цит. по: Коленковский А., 1938. С. 12.

² МОЭИ. Сер. III. Т. VI. Ч. 1. № 49. С. 41.

³ Там же. № 100. С. 97.

⁴ Там же. № 101. С. 98.

¹ Джемаль-паша А. Цит. соч. С. 123.

² Aga Khan. The Memoirs. London, 1954. P. 133.

³ Черчилль У. Мировой кризис. М.-Л., 1932. С. 243. Настоящие планы Великобритании показывают заявления английского министерства иностранных дел в сентябре 1914 года, в которых указывалось, что в случае выступления Турции на стороне Германии «она должна перестать существовать». МОЭИ. Сер. III. Т. VI. Ч. 1. № 329.

Турция»(!)¹, утверждая, что эта готовность исходила из того соображения, что «турецкие вожди оценивали мощь России в мировой войне гораздо ниже, чем западные союзники царя»².

С именем Черчилля связан и следующий эпизод, подталкивающий Турцию к вступлению в войну. «27 июля 1914 г. в Ньюкасл прибыли 500 турецких моряков, которые должны были принять у строителей «Султана Османа»³. Однако стать командой нового современного линкора им было не суждено. Уинстон Черчилль пишет в своих воспоминаниях: «28 июля я реквизировал оба турецких дредноута для британского королевского флота.. Я сделал это исключительно в интересах британского флота»⁴. Уже упоминалось, что реквизиция произошла отчасти под давлением России⁵, поскольку она опасалась усиления турецкого флота в районе Проливов и в Чёрном море. Мысль Черчилля идёт особым путём. Он пишет, что вопрос о вступлении Турции в войну с Россией решался именно тем, будет ли располагать Турция превосходством на Чёрном море. Конфискация дредноутов, строящихся в Англии, таким образом, настолько сильно повлияла на умонастроения турецких

военачальников, в смысле будущего поражения на море, что они едва не бросились в объятия Антанты, совершившей этот агрессивный шаг против нейтральной Турции. Но всё же именно реквизиция «Султан Османа I» и «Решадие» заставили Турцию искать прямой поддержки в Германии. Однако ещё три месяца продолжалась война дипломатическая, поводом для которой послужил проход в Чёрное море двух германских судов, позволивший Турции не просто укрепить свой флот, но и получить определённое превосходство перед русской Черноморской эскадрой, а значит, подготовить себя к неизбежной войне с Россией. Это событие стало непосредственным прологом вступления Турции в мировую войну и может рассматриваться как первая военная акция объединённых германо-турецких вооружённых сил, тем более что фактически на турецких кораблях действовали немецкие экипажи.

¹ Черчилль У. Цит. соч. С. 242. Полугодовая оттяжка турками своего вступления в войну всё же достаточно говорит об их «желании».

² Там же. С. 244.

³ Дарданеллы станут нашей могилой // www.militaria.lib.ru.

⁴ Черчилль У. Цит. соч. С. 245.

⁵ «Секретная телеграмма посла России в Константинополе М. Н. Гирса от 20 июля / 3 августа 1914 г. № 612

Ссылаюсь на мою телеграмму № 611

Из дальнейших моих объяснений с великим визирем я заключаю, что Порты, сохраняя до поры до времени нейтралитет, все же хочет быть готова ко всяким случайностям, твердо решив воспользоваться или возможным изменением Бухарестского трактата в пользу Болгарии, или всяким другим обстоятельством, могущим принести какую-либо прибыль Турции. Нет сомнения, что, опасаясь нас и подозревая нас вследствие наветов наших недоброжелателей в намерении захватить ныне же Босфор, она в душе желает успеха наших врагов. Это чувство сильно поддерживается офицерами немецкой комиссии, по-видимому, остающимися в Турции. Это элемент крайне нежелательный, так как он несомненно натравливает турок на нас, но Порты, полагаю, не решится удалить его до выяснения результатов нашей борьбы с Германией. По отзыву нашего военного агента, турецкая армия в настоящий момент в таком состоянии, что не представляет для нас пока опасности. При этих условиях я полагал бы, что, принимая все меры предосторожности в наших пределах, нам не следовало бы при нынешних событиях входить с нею в какие-либо препирательства по поводу военных ее мероприятий, пока они не носят агрессивного против нас характера. Я полагал бы, однако, крайне желательным, чтобы Англия или Франция не допустили прихода сюда дредноута «Осман». Царская Россия в мировой войне, Т.1. Л., 1925. С. 6.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ПРИЧИНЫ ВСТУПЛЕНИЯ ТУРЦИИ В ВОЙНУ НА СТОРОНЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО БЛОКА.

1. Проход в Константинополь новейших германских крейсеров

Проход в Турцию немецких линкоров «Гебена» и «Бреслау», по мнению большинства мемуаристов, стал одной из главных причин вступления Турции в войну на стороне Германии. Г. Лорей, участник событий, пишет: «Какие огромные политические последствия повлек за собой прорыв в Турцию – скажет всемирная история. Не появившись германские корабли в Константинополе, вряд ли Германии удалось вовлечь Турцию в войну и привлечь Болгарию на свою сторону»¹. Другой свидетель и участник событий, американский посол в Константинополе Г. Моргантау высказывает аналогичное мнение: «Я не знаю, имели ли какие-нибудь два судна большее влияние на историю, чем эти два немецких крейсера»². Российский публицист А. Шталь в статье из сборника «Кто должник?», вышедшего в 1926 году, пишет: «Проход «Гебена» и «Бреслау» в Дарданеллы... был решающим событием, подвигнувшим Турцию на войну, разорвавшим связь России с союзниками и повлекшим неисчислимые последствия... В истории флотов нет примеров, чтобы один корабль сыграл роль, подобную той, которая выпала на долю «Гебена»³.

Конфискация Черчиллем турецких кораблей показала руководству младотурок, что дружба с Англией не сулит им ничего хорошего. Союз с Германией в этом свете приобрёл ещё более радужную перспективу. Немцы не замедлили этим воспользоваться.

Ещё 1 ноября 1912 г. по приказу кайзера была сформирована «Средиземноморская дивизия» (Mittelmeerddivision) в составе новейшего линейного корабля «Гебен» и лёгкого крейсера «Бреслау». Это произошло во время Балканской войны, когда «вследствие холода, холеры, сыпного тифа, скудного довольствия и натиска болгарской армии... падение Константинополя стало близкой возможностью. Тогда великий визирь подсказал... мысль о посылке в Константинополь международной эскадры. Такая эскадра была выделена для защиты своих интересов государствами, подписавшими Берлинский трактат»¹. 5 ноября оба корабля отправились по назначению.

«Гебен» был одним из лучших крейсеров германского флота. Построенный в 1911 гг., он имел водоизмещение 23000 тонн и развивал скорость до 29 узлов². «Гебен» являлся третьим кораблем своего класса, построенным для немецкого флота, и вторым в серии («Гебен» и «Мольтке»). Проект кораблей был подготовлен в проектно-бюро Имперского Военно-Морского Флота под руководством Альберта Дитриха³.

Командующим средиземноморской эскадрой с 23 октября 1913 г. был адмирал Вильгельм Сушон, волевой, инициативный и решительный человек⁴. Сушон развил энергичную деятельность в Средиземноморье. Он посетил на «Гебене» десятки портов и гаваней в Сицилии, Сардинии, Италии, побережье Австро-Венгрии. Сушон лично встречался с военными руководителями Италии, включая главнокомандующего де Абруцци, с австрийскими адмиралами в Поле и Триесте, и даже с главнокомандующим французским флотом адмиралом Буэ де Лапейером⁵.

¹ Лорей Г. Цит. соч. С. 21–22.

² Там же. С. 23. «Гебен» заложили на стапелях фирмы «Блом унд Фосс» 28 августа 1908 г. и спустили на воду 28 февраля 1911 г. 2 июля 1912 г. корабль приступил к выполнению программы государственных испытаний, которые завершил 28 августа и был принят в состав германского военно-морского флота. Георг Копп. На линейном крейсере «Гебен». (Вступительная статья капитана 1 ранга С. И. Ти-тушкина). СПб., 2002. С. 3. Георг Копп – старшина-радиот, прослуживший практически всю войну на «Гебене». Его воспоминания были записаны в 30-х гг. с помощью профессора филологии Ганса Малотке, по заказу министерства пропаганды Геббельса.

³ Альберт Дитрих (1869 – 1937) – старший советник кораблестроения Имперского Военно-Морского Флота Германского Рейха.

⁴ С 13 октября 1913 года. Вильгельм Сушон (1864 – 1946). Его племянник Герман Сушон (1894–1982) убит в 1918 году германскую революционерку Розу Люксембург. Der Spiegel. Nr. 8, 1967. P. 40

⁵ Miller G. Superior Force: the Conspiracy behind the Escape of the Goeben and Breslau. – Hull, 1996 // www.flamboroughmanor.co.uk

¹ Лорей Г. Операции германо-турецких морских сил в 1914–1918 гг. М., 1934. Книга отставного контр-адмирала германского флота Германа Лорея, который в 1915 году командовал турецким линкором «Хайреддин Барбаросса», затем – «Торгут Рейсом» «Операции германо-турецких морских сил в 1914–1918 гг.» была издана в 1928 году в Берлине. Лорей имел доступ к судовым журналам практически всех кораблей турецкого флота. Советский военный историк Н. В. Новиков, автор книги «Операции на Черном море и совместные действия армии и флота на побережье Лазистана», подготовивший перевод книги Лорея на русский язык, писал: «при сличении изложения отдельных операций с русскими архивными материалами установлена большая точность, а в отдельных случаях – даже полное совпадение в освещении событий. Это свидетельствует о том, что мы имеем не только воспоминания безработного адмирала, а в некотором роде историю войны...». Новиков Н. В. Операции на Черном море и совместные действия армии и флота на побережье Лазистана. М., 1937. С. 5.

² Morgenthau H. Secrets of the Bosphorus. London, 1918. P. 86.

³ Шталь А. Кто должник. М., 1927 // www.modernlib.ru.

В марте 1914 г. германское командование определило главную задачу средиземноморской дивизии в случае войны с Антантой – воспрепятствовать переброске алжирского армейского корпуса во Францию. На случай войны тройственного союза (Германия, Австрия, Италия) против двойственного (Россия, Франция) существовали определённые соглашения о совместном использовании военно-морских сил в Средиземном море согласно единому плану и под верховным командованием австрийского адмирала Гауса¹.

В мае Сушон посетил Константинополь. «Гебен» прибыл в Высокую Порту 15 мая 1914 г., в пятницу. Бросив якорь напротив германского посольства, Сушон сошел на берег, где на следующий день был официально принят султаном. Затем был обмен неофициальными приемами, во время первого из которых на борту «Гебена» корабельный оркестр играл вальсы, а сам корабль был украшен цветами. Султан наградил Сушона орденом. Также Сушон имел встречу с морским министром младотурецкого правительства – Джемалем. Оркестр с «Гебена» при полном параде играл в общественном константинопольском саду, что сильно впечатлило столичных обывателей. Перед отплытием груженого углем «Гебена» произошло одно достойное упоминания событие. Вблизи стоянки линкора в бараках Таке Кечла разразился пожар. Германские моряки приняли в нем деятельное участие, среди них имелись жертвы. Похороны, прошедшие в столице Турции, были торжественные и многолюдными. Луис Маллет, английский посол в Турции цинично заметил, что немцам «посчастливилось принести на алтарь турко-германской дружбы трех своих моряков с «Гебена»².

Покинув благодарный Стамбул, «Гебен» двинулся вдоль азиатского турецкого побережья. В Сирии, в порту Хайфа Сушон услышал о покушении на Франца Фердинанда. Он тут же вышел в море, однако у линкора обнаружились технические проблемы. Скорость снизилась до 12–14 узлов, вместо расчетных.

«Гебен» требовал ремонта, поэтому к 10 июля 1914 г. он стоял в австрийской базе Пола, куда должны были прийти из Германии необходимые для ремонта детали³. «Бреслау» дислоцировался в итальянском порту Дураццо на территории Албании, «где с него был высажен отряд для охраны принца Вида и германского посла»⁴.

28 июля ремонт «Гебена» был завершён благодаря беспримерному энтузиазму команды и специалистов, прибывших из Германии, сумевших «заменить 4000 поврежденных котельных труб»¹. Скорость немецкого корабля в результате ремонта повысилась до 24 узлов.

Франция имела в Средиземном море почти весь свой флот, британская эскадра тоже располагала значительными силами, в том числе четырьмя броненосцами. Италия имела договоры, как со странами Центральной коалиции, так и с Антантой, к которой всё более склонялась в последнее время. В результате Италия объявила о нейтралитете. Всего в Средиземном море в распоряжении Антанты находились 15 линейных кораблей, 13 линейных и броненосных крейсеров, 4 легких крейсера². У Турции и Германии в этом регионе, казалось бы, не было ни малейшего шанса.

Для выполнения главной цели (воспрепятствовать переброске алжирского (XIX) армейского корпуса во Францию) крейсера «Гебен» и «Бреслау» встретились 1 августа у Биндизи и направились для пополнения запасов угля в Мессину, куда пришли 2 августа.

В ночь со 2 на 3 августа оба крейсера вышли из Мессины и направились «17-узловым ходом к точке, находящейся в 20 милях на юго-запад от мыса Спартивенто (Сардиния)... 3 августа в 18 ч. 19 м. из германского Морского генерального штаба была получена радиотелеграмма о начале войны с Францией»³.

4 августа «Гебен» под русским (!) флагом подошел к порту Филипповиль на алжирском побережье, где обстрелял береговые сооружения и уничтожил маяк⁴. «Бреслау» обстрелял портовые сооружения в Боне в том же районе. Также им была обстреляна сигнальная станция, находившаяся к северу от порта.

В тот же день, 4 августа, на крейсерах приняли радио: «3 августа заключён союз с Турцией. «Гебену» и «Бреслау» идти немедленно в Константинополь. Морской генеральный штаб»⁵.

Так началась беспримерная эпопея германских кораблей.

¹ Копп Г. Цит. соч. С. 6.

² Данные приведены в Г. Копп. Цит. соч. С. 8. По данным Г. Лорея, «Превосходство в силах на стороне англичан и французов было подавляющее. Их морские силы состояли из 15 линейных кораблей, 3 линейных крейсеров, множества броненосных и лёгких крейсеров, 8 флотилий эскадренных миноносцев, подводных лодок и кораблей специального назначения».

³ Лорей Г. Цит. соч. С. 24.

⁴ Копп Г. Цит. соч. С. 9.

⁵ Лорей Г. Цит. соч. С. 26.

¹ Лорей Г. Цит. соч. С. 23.

² Miller G. Superior Force... // www.flamboroughmanor.co.uk.

³ Копп Г. Цит. соч. С. 5.

⁴ Лорей Г. Цит. соч. С. 24.

В британском флоте в эти дни события принимали довольно запутанный оборот.

Командующей силами Средиземного моря Арчибалд Беркли Милн получил приказ от Черчилля 1 августа. В приказе говорилось, что основной задачей эскадры является патрулирование в районе переброски французских войск из Алжира и конвоирование французских транспортов. Относительно «Гебена» был выслан дополнительный приказ 2 августа, в котором предписывалось в случае обнаружения немецкого крейсера, следовать за ним на безопасном расстоянии. Эту задачу Милн и возложил на вице-адмирала Трубриджа и его эскадрон, в составе которого было четыре броненосца старого образца.

В 1913 г., с появлением новых типов крейсеров, остро встал вопрос о боеспособности старых броненосцев, и Трубридж был в числе капитанов, которые считали, что даже эскадрон старых броненосцев не в состоянии ничего противопоставить одному крейсеру нового типа. В июле 1914 г. были проведены новые учения, в ходе которых было показано, что по огневой мощи старые корабли вполне конкурентоспособны, однако вступать в бой с новыми линкорами они должны только в том случае, если на их стороне фактор внезапности, и противник лишен пространства для маневра. Были изданы соответствующие инструкции, однако до флота Средиземного моря они дошли только 8 августа, опоздав всего на два дня, чтобы изменить хоть что-то в ситуации с «Гебеном». Трубридж оставался уверенным в том, что его эскадрону ни в коем случае нельзя вступать с «Гебеном» в открытый бой¹.

3 августа Черчилль послал телеграмму Милну: «Наблюдение за Адриатикой должно поддерживаться, Но «Гебен» – ваш главный объект. Следуйте за ним, куда бы он ни пошел и будьте готовы к действию по объявлению войны...»². Практически весь британский флот находился в это время у острова Мальта. 4 августа в 5.50 вечера Адмиралтейство разослало на суда телеграмму с предупреждением о возможном объявлении войны Германии в полночь.

Французский адмирал Буэ де Лапейерер получил 2 августа задание на конвоирование транспортов с солдатами от своего военно-морского руководства³. 3 августа Лапейерер покинул Тулон.

«Он разделил свои силы на три группы, каждой группе надлежало следовать курсом на один из трех главных алжирских портов: Филиппвиль, Алжир и Оран. В составе эскадры было в общем 15 линкоров, 6 крейсеров и 24 миноносца, возглавляемые флагманом – линейным кораблем «Курбе». 4 августа, находясь в районе Балеарских островов, адмирал получил известие, что «Гебен» и «Бреслау» обстреляли Филиппвиль и Бону. Это сообщение поставило адмирала в тупик. По-видимому, ему не приходила в голову мысль, что он лучше всего оградил бы перевозку войск, если бы атаковал германские корабли. Но он посчитал нужным охранять конвой и действовал соответственно этому убеждению. Потом у него возникло мнение, что германский адмирал попытается прорваться из Средиземного моря в Атлантику, и что на пути в Гибралтар он обстреляет Алжир. Лапейерер отправил первую группу своих кораблей не к Филиппвилю, как предполагал, а к Алжиру, где та, естественно, не обнаружив германских кораблей, направилась к Балеарам»¹. Действия французского адмирала исходили из его уверенности, что германские корабли продолжат рейд вдоль африканского побережья в места сосредоточения французских войск, отправляемых в Европу, но у Mittelmeerddivision была уже другая цель. Кроме того, француз не мог предположить, что два германских корабля посмеют вступить в противодействие с двумя крупными флотами в Средиземном море, но поспешат поскорее уйти из средиземноморской ловушки в Атлантику. Но немцы, рвущиеся в бой, вовсе не считали превосходство врага причиной для прекращения войны. Напротив, Сушон был готов к самым агрессивным действиям.

Кайзер Вильгельм II послал 4 августа греческому королю Константину сообщение, что «Гебен» и «Бреслау» объединяются с турецким флотом для совместных действий. Это сообщение стало известно британской морской миссии в Греции, и было передано в Лондон². Таким образом, тайной для английских военных намерение немцев не было.

Растратив во время алжирского рейда запасы угля, германские корабли подошли к Мессине для дозаправки топливом. Поскольку в британском Адмиралтействе уже знали об объявлении Италией строгого нейтралитета, Черчилль выслал Милну новый приказ, который запрещал ему действовать против немцев в шестимильной полосе итальянских территориальных вод (4 августа 12.55). 5 авгу-

¹ Miller G. Superior Force... // www.flamboroughmanor.co.uk.

² Шталь А. У. Черчилль – первый лорд Адмиралтейства в Мировой кризис. Пг., 1923. С. 78.

³ Корбетт Ю. Операции английского флота в мировую войну. Т. 1 – 5. М.-Л., 1927–1931. Т. 1. С. 75.

¹ Лорей Г. Цит. соч. С. 47.

² Melas G. M. Ex-King Constantine and the War. London, 1920. P. 10.

ста британский посол в Риме Реннел Родд сообщил в Лондон о том, что «Гебен» и «Бреслау» стали на якорь в Мессине¹.

Английские и французские корабли были посланы в этот район Средиземного моря для слежения за немцами. Однако ни один из них около Мессинского пролива так и не показался, поскольку «Индомитэбл» пошел за углем на Мальту, а два других линкора, способных противостоять «Гебену», осуществляли охрану французских конвоев, перевозящих войска из Африки.

К этому времени на «Гебене» уже знали об объявлении европейской войны². Тем не менее, Г. Копп сообщает, что в Мессине часть угля на «Гебен» была предоставлена английским пароходом «Бристоль» уже после начала войны между Германией и Англией³.

6 августа в 11 час. на «Гебене» была принята телеграмма из Морского генерального штаба от 5 августа с отменой предыдущей директивы: «по причинам политического характера вход в Константинополь в настоящее время ещё невозможен»⁴. Однако адмирал Сушон принял решение пробиваться к Проливам. «Смысл полученной телеграммы подсказывал ему, что позднее можно будет пройти в Константинополь и тем самым распространить военные действия на Ближний Восток и на Чёрное море... Отдание первого приказа о прорыве к Константинополю добился у кайзера гранд-адмирал Тирпиц наперекор желанию начальника морского генерального штаба адмирала Поля. Отмена этого приказа была результатом представленный министерства иностранных дел»⁵.

6 августа в 17 час. «Гебен» вышел из Мессины, а в 17 час. 20 м. «Бреслау» последовал за ним. Пароход «Генерал» под датским флагом, подготовленный к отходу в германскую Восточную Африку, с грузом угля сопровождал прорыв крейсеров в качестве вспомогательного судна⁶.

Англичанами для преследования германских быстроходных крейсеров, один из которых был оснащен тяжелым вооружением, был выделен только один легкий крейсер «Глостер» капитана Говарда Келли. Французские военно-морские силы, как было сказа-

но выше, вообще не участвовали в этой операции. «Глостер», обнаруживший «Гебен» в 18 час. 05 м. в течение 24 часов преследовал немцев. Трубридж «держался с 4 броненосными крейсерами «Дефенс» (Defence), «Уорриор» (Warrior), «Дьюк оф Эдинбро» (Duke of Edinburgh), «Блэк Принс» (Blak Prince) и эскадренными миноносцами перед Отрантским проливом, когда узнал, что германские корабли вышли из Мессины и взяли курс на Адриатическое море. Только после полуночи ему стало ясно, что неприятель изменил курс. Он попробовал начать преследование в направлении на юг, думая преградить ему путь; но в 3 ч. 50 м. 7 августа отказался от этого намерения, не имея права покинуть вход в Адриатическое море и не получая приказаний оказать поддержку «Глостеру»¹.

Утром 7 августа капитан «Бреслау» Кеттнер получил приказание вклиниться между «Гебеном» и неприятелем. Когда корабли сблизались, «Глостер» «открыл огонь по «Бреслау»... Корабли обменялись несколькими залпами... Английские газеты сообщали впоследствии, что «Глостер» получил пробоину в палубе»². «Бреслау» получил одно попадание в броневой пояс, причинившее ему небольшой ущерб³. Свидетелем этого эпизода стала дочь американского посла Генри Моргентхау, которая прибыла в Константинополь на пароходе «Сицилия» 10 августа. «Мы завтракали на палубе, – рассказала мне моя дочь, – когда я увидела... два больших линейных корабля, первый с двумя странными, экзотическими башнями, а другой – вполне обыкновенно выглядящий линейный корабль. Мы наблюдали и видели, что сзади к ним подошло другое судно, которое шло очень быстро. Оно подходило все ближе и ближе, и затем мы услышали пушечную канонаду. В воздух взлетали столбы воды, и возникало много небольших вспышек белого дыма. Я осознала, что происходит, только спустя некоторое время, а затем я вдруг поняла, что мы фактически стали свидетелями морского боя. Суда непрерывно изменяли свои позиции, и снова и снова сталкивались друг с другом... Капитан сказал нам, что два больших судна были немецкими, они были обнаружены в Средиземноморье и пробовали ускользнуть от британского флота. Он сказал, что британские суда преследуют их на всем протяжении Средиземноморья, и что немецкие суда пытаются пробиться в Константинополь»⁴.

¹ Лорей Г. Цит. соч. С. 40.

² Копп Г. Цит. соч. С. 18.

³ Miller G. Superior Force... // www.flamboroughmanor.co.uk.

⁴ Memoirs of Henry Morgenthau. Source: Source Records of the Great War. – Vol. II, ed. Charles F. Horne. National Alumni, 1923. Text file from www.firstworldwar.com.

¹ J. Rennel Rodd. Social and Diplomatic Memoires, III. London, 1925. P. 211.

² Копп Г. Цит. соч. С. 12.

³ «Также путем искусных переговоров было решено, что мы можем забрать уголь с английского парохода «Бристоль». Славный капитан действительно нам его дал, несмотря на то, что война уже началась». Копп Г. Цит. соч. С. 13.

⁴ Лорей Г. Цит. соч. С. 37.

⁵ Там же. С. 38.

⁶ Копп Г. Цит. соч. С. 16.

Отогнав «Глостер», пошедший из-за нехватки угля на встречу с Первым эскадром, германские корабли вошли в Эгейское море.

Английский флот к этому времени покинул Мальту и с удивительной медлительностью входил в Эгейское море. «Индомитэбл» получил в 7 часов вечера 7 августа приказ не присоединяться к преследованию «Гебена», пока два других линкора, «Индефатигбл» и «Инфлексибл» не пополнят запасы угля. Лишь в час ночи 8 августа Милн «вышел из Мальты, двигаясь медленно из-за «недостаточного осведомления»¹.

За передвижением его следили немецкие радисты, отмечая увеличение громкости переговоров. В то же время немцы сделали все, чтобы затруднить перехват радиосообщений со своих крейсеров и сообщение между английскими кораблями и их командованием. «Связь между английским адмиралтейством и командующим средиземноморским флотом было невообразимо плоха. Случалось, что приказы вообще не доходили, а если доходили, то с опозданием»². Г. Моргентхау писал: «С момента отплытия от мыса Спартивенто, «Гебен» и «Бреслау» передавали противоречивую информацию, которой их радисты забивали эфир с такой интенсивностью, что «Глостер» был неспособен посылать какие-либо понятные сообщения»³.

Следующую возможность перехватить «Гебен» Милн упустил при поистине анекдотических обстоятельствах. В час дня 8 августа он получил шифрованную телеграмму об объявлении войны Австрии. Адмиралтейский клерк отослал эту ошибочную телеграмму без ведома руководства, как раз в эти минуты обдумывающего, какие указания дать Милну в связи с новыми событиями, в частности, возможным началом войны Италии с Австро-Венгрией. В результате было принято решение о войне с Австрией, но официального объявления войны не последовало. Однако Милн, получив преждевременное известие, согласно старому оперативному приказу «повернул к Мальте, прекратив преследование «Гебена»... и приказал Трубриджу соединиться с ним»⁴.

Британия официально объявила войну Австрии только 11 августа, а приказы флотам Flvbhfkntqcdnj разослало 12.

Черчилль провел этот день в полной уверенности, что в Средиземном море все идет так, как надо, о чем он написал обеспокоен-

ному Грею¹. Путаницу с телеграммами он не сумел заметить вовремя. Лишь вечером 8 августа английское Адмиралтейство отослало Милну телеграммы, дезавуирующие предыдущую, а в 12.30 9 августа приказало английской эскадре продолжить преследование «Гебена». Сутки были упущены, и последний шанс достать быстроходный «Гебен» не был реализован. Милн передал задачу блокады входа в Адриатику младшему флагману Трубриджу, а сам, имея под командой 3 линкора и 3 легких крейсера, отправился к проходу между Грецией и Кипром, решив, что «Гебен» угрожает Александрии, где располагалась английская военная база, или Суэцкому каналу². В Адмиралтействе же разгорелся спор относительно возможности входа немецких кораблей в Суэцкий канал. и адмирал, и его лондонское руководство странным образом не обратили внимания на сообщение французского угольщика, который, находясь в греческих территориальных водах, видел на расстоянии два германских крейсера, идущие в направлении северо-востока, то есть входа в Дарданеллы³.

После телеграфного обмена с Грецией «Гебен» получил возможность пополнить запасы угля. Для этого из Пирея был послан греческий пароход. Загрузка происходила скрытно в бухте острова Денуза, чтобы не поставить под удар нейтралитет Греции. На гористый остров была высажена переодетая команда с «Гебена», матросы носили английские ленты. Эти «туристы» с прибрежных скал осуществляли наблюдение за морем⁴. К вечеру 9 августа погрузка угля на «Гебене» была закончена. Радиосообщение с Константинополем для германских кораблей было невозможно, однако соответствующие приказы были посланы на пароход «Генерал», чью связь прослушивали на «Гебене». «Генерал» курсировал вдоль азиатского побережья Малой Азии. Так, не выдавая себя, немцы узнавали необходимые сведения⁵. Сушон курсировал между островами Эгейского моря, пытаясь установить более надежную связь с Константинополем⁶. Кроме того, связь немцев не в направлении не Константинополя, а в сторону Суэцкого канала и Египта навела англичан на ложные предположения о целях «Гебена»⁷.

¹ Miller G. Superior Force... // www.flamboroughmanor.co.uk.

² Корбетт Ю. Указ. соч. Т. 1. С. 80.

³ Miller G. Superior Force... // www.flamboroughmanor.co.uk.

⁴ Копп Г. Цит. соч. С. 21.

⁵ Там же. С. 20.

⁶ Шталь А. У. Черчилль – первый лорд Адмиралтейства в Мировой кризис. С. 83.

⁷ Корбетт Ю. Цит. соч. С. 82

¹ Шталь А. У. Черчилль – первый лорд Адмиралтейства в Мировой кризис. С. 83.

² Лорей Г. Цит. соч. С. 50.

³ Memoirs of Henry Morgenthau // www.firstworldwar.com..

⁴ Шталь А. У. Черчилль – первый лорд Адмиралтейства в Мировой кризис. С. 84.

Российское военное руководство и дипломаты бомбардировали Лондон и Париж встревоженными телеграммами о возможном проходе немцев в Проливы, и их соединении с турецким флотом, что обеспечивало этим силам преимущество по сравнению с российским Черноморским флотом (см. Приложение 1), однако эти телеграммы никак не повлияли на ход событий. Следует отметить также, что не вся информация, полученная российской разведкой, была достоверной.

Милн с тремя линкорами медленным 10-узловым ходом продвигался в направлении Проливов, опасаясь как прорыва немцев обратно в Адриатику для встречи с австрийским флотом, так и их нападения на Египет и Суэц. Тем не менее, расстояние между эскадрами сокращалось. К утру 10 августа противников раздели лишь около 100 миль¹. «В 12 ч 10 мин Сушон получил из Германии радио: «От Морского генерального штаба, 9 августа. Весьма важно, чтобы «Гебен» как можно скорее вошел в Дарданеллы. Получение подтвердить»².

Утром 10 августа германские крейсера снялись с якоря и выступили по направлению к Дарданеллам, к входу в которые прибыли в пять часов вечера. На горизонте уже показался дым английской эскадры, также подходящей к проливам. Однако англичан опередили два турецких миноносца, которые дали сигнал «Гебену» и «Бреслау» следовать за ними³. В 17 часов 17 минут эскадренный миноносец турецкого флота указал германским судам путь следования через минное поле. В семь часов вечера 10 августа прорыв был окончен и германские корабли бросили якорь в турецких водах, осознавая, что в узком проливе они смогут дать отпор любому кораблю, который последовал бы за ними.

Английский флот попросил разрешение на вход в проливы, однако ему было отказано. Английский главнокомандующий, удовлетворенный этим отказом, отвел свою эскадру и блокировал проливы. Англичане развернули в прессе кампанию насмешек, убеждая общественность, что германские корабли были «выгнаны» из Средиземного моря, чтобы быть интернированными в Проливах. Однако в Турции «Гебен» и «Бреслау» вовсе не были интернированы, их тотчас же включили в состав Османского Флота, вместе со всем германским экипажем.

11 августа адмирал Милн был отозван, а младший флагман Трубридж подчинен командующему французским флотом¹. В это же время французский посол в Петербурге Палеолог убеждал Сазонова не посылать к Босфору российские военные корабли².

Когда весть о проходе германских кораблей стала известна союзникам Британии по Антанте, в прессе разорвалась буря возмущения, направленная против Турции. Все союзники выражали протест против принятия в состав турецкого флота «Гебена» и «Бреслау». Возмущение выражалось столь сильно, что греческий адмирал Контуриотис решил, что «англичане собираются захватить Проливы» и попросил, чтобы «ему была оказана честь быть... вместе с греческой флотилией во главе наступающей эскадры». Ему ответили, что «английская эскадра, не имеющая никаких указаний, не может ничего предпринимать»³. При этом, сами немцы признают, что «если бы англичане попытались прорваться силой, то им это, несомненно, удалось. Береговые укрепления все же не смогли бы оказать достаточного сопротивления английской эскадре»⁴.

Американский посол Генри Моргантау так описывает прибытие германских кораблей в Константинополь: «На следующий день (11 августа – В. М.) официальные дела вызвали меня в немецкое Посольство. Но оживленный вид Вангенгейма скоро показал, что у него не было никакого интереса к рядовым делам. Никогда я не видел его настолько возбужденным и настолько взволнованным. Он не мог усидеть на стуле даже пару минут; постоянно подпрыгивал, подбегал к окну и смотрел с тревогой на Босфор, где на расстоянии трех четвертей мили располагалась его частная беспроводная станция «Корковадо».

Лицо Вангенгейма светилось, и глаза сияли; он шагал взад и вперед по комнате, говоря о последних немецких победах, сообщая мне свои прогнозы относительно планов Германии – и затем снова шел к окну, чтобы еще раз взглянуть на «Корковадо».

«Я вижу, что-то серьезно беспокоит Вас, – сказал я, поднимаясь, – я лучше пойду и приду в другое время».

«Нет, нет! – Посол почти кричал. – Я хочу, чтобы Вы остались здесь. Это будет великим днем для Германии! Если только Вы останетесь еще нескольких минут, Вы услышите важное сообщение – то, что имеет непосредственное отношение к Турции и к войне».

¹ Лорей Г. Цит. соч. С. 49.

² Poincare R. Au service de la France. V. V. Paris, 1928. P. 40.

³ Melas G. M. Ex-King Constantine and the War. P. 215.

⁴ Копп Г. Цит. соч. С. 24.

¹ Шталь А. У. Черчилль – первый лорд Адмиралтейства в Мировой кризис. С. 84.

² Лорей Г. Цит. соч. С. 45.

³ Копп Г. Цит. соч. С. 23.

Тут он выбежал на портик и наклонился к балюстраде. Одновременно я увидел небольшую лодку с «Корковадо», которая причалила к доку посла. Вангенгейм быстро спустился, схватил конверт у одного из моряков, и мгновением позже снова ворвался комнату.

«Они добрались!» – закричал он мне.

«Кто добрались?» – спросил я.

«Гебен» и «Бреслау» прошли через Дарданеллы!»

Он махал радиогаммой с энтузиазмом студента колледжа, футбольная команда которого выиграла матч.

Затем, сразу же умерив свой энтузиазм, он торжественно подошел ко мне, шутливо покачал указательным пальцем, поднял брови, и сказал:

«Конечно, Вы понимаете, что мы продали эти суда Турции! и адмирал Сушон, – добавил он, подмигнув мне, – поступит на службу султану!»

Вангенгейм имел больше чем сугубо патриотические причины для ликования. Прибытие этих судов стало самым светлым днем в его личной дипломатической карьере. и это была действительно первая крупная дипломатическая победа в войне, которую выиграла Германия.

В течение многих лет стать канцлером в Империи было амбициозной мечтой Вангенгейма, и теперь он вел себя как человек, который видел свою мечту в пределах досягаемости. Рейс «Гебена» и «Бреслау» был его личным триумфом; именно он договорился с турецким кабинетом относительно их прохода через Дарданеллы, и именно он направлял их движение по радио в Средиземноморье.

Благополучный приход «Гебена» и «Бреслау» в Константинополь, обеспеченный Вангенгеймом, определенно сделал Турцию союзником Германии. Все его интриги и заговоры в течение трех последних лет теперь наконец-то привели к цели»¹.

Российское командование было крайне обеспокоено возможным укреплением турецкого флота германскими и австрийскими кораблями. Тем более, что согласно Гаагской конвенции 1907 г. военным судам запрещалось заходить в Черноморские проливы без специального разрешения. 7 августа, за три дня до прихода «Гебена» и «Бреслау» в Константинополь, Сазонов телеграфировал Извольскому: «Адмиралтейство считает возможным, что Австрия предпримет попытки... направить свой флот в Черное море, где он, несомненно, будет превосходить наш флот после того, как будет усилен германскими

и турецкими кораблями... Чрезвычайно желательно удостовериться как можно скорее, на что мы можем рассчитывать в отношении английских и французских контрмер против такой операции»¹. 11 августа российский министр иностранных дел предложил «чтобы прохождение двух кораблей было предотвращено силой»². Никаких последствий эти заявления российских политиков не имели.

Определенные разногласия в турецком правительстве по поводу пропуска германских военных кораблей были, но Энвер и Талаат погасили попытки Саида Халима протестовать на основании объявленного Турцией нейтралитета. На переговорах между великим визирем, Талаатом и Вангенгеймом было достигнуто соглашение, что линкоры могут пройти в Проливы при соблюдении трех условий: во-первых, они будут поставлены на якорь не в Константинополе, а в Мраморном море, во-вторых, они будут переданы во владение Турции путем фиктивной продажи, и, в-третьих, они не будут выходить в Черное море, пока Болгария не присоединит к блоку Центральных держав»³.

Посольствам враждебных Германии стран Турция объяснила пропуск «Гебена» и «Бреслау» в Дарданеллы тем, что корабли куплены Турцией и назначены для замены конфискованных Англией dreadnoughtов. Действительно, переговоры о покупке «Гебена» велись уже в 1913 году, но тогда они были остановлены после решительного протеста русского правительства. Теперь же покупка состоялась, причем 11 августа было выпущено коммюнике, объявляющее о покупке «Гебена» и «Бреслау» за 80 миллионов марок. Но это была фиктивная сумма, согласно же договоренности между германским послом и турецкими руководителями, два первоклассных современных боевых корабля были оценены Германией в сумму 1 (одна) тысяча марок.

18 августа экипажам кораблей было сообщено о покупке «Гебена» и «Бреслау» Турцией. С этого времени «Гебен» получил имя «Султан Явуз Селим», а «Бреслау» – «Мидилли». Адмирал Сушон был назначен главнокомандующим турецким флотом и начал его реорганизацию. Это назначение германского адмирала, энергичного и настойчивого, во многом изменило выжидательную тактику правительства Османской империи»⁴.

¹ Izwolsky im Weltkrieg. Der diplomatische Schriftwechsel Izwolskis 1914 – 1917. Berlin, 1925. P. 27.

² Ibid. P. 45.

³ Miller G. Superior Force... // www.flamboroughmanor.co.uk.

⁴ Erickson E. J. Ordered to Die. A History of the Ottoman Army in the First World War. Westport – London, 2001. P. 28.

¹ Memoirs of Henry Morgenthau // www.firstworldwar.com.

В Турции по поводу прибытия «Гебена» и «Бреслау» начались настоящие торжества. Крейсера были приведены в бухту Стамбула, германский экипаж надел турецкие фески, на берегу собралась толпа ликующих турок. Ночью корабли освещались, и торжество продолжалось круглые сутки¹. Турецкие жители подарили экипажу ручного медвежонка. Радист с «Гебена» описывает это событие в истинно германском brutalном стиле. «Вместе с тем, мы получаем живых баранов, табак, а однажды даже медведя в возрасте одного месяца. Забавный зверь был принят с большой радостью и доставлен на медицинскую плавбазу «Ольга»... Часто доверчивого зверя можно было видеть поднимающимся и спускающимся по трапам. Потом медведь подрос, но остался ручным и совсем не опасным, хотя к концу войны достиг значительного размера, почти два с половиной метра высоты. Матросы и выздоравливающие солдаты боролись с этим гигантом в одних купальных костюмах, но он ни разу никого не поранил»².

Вскоре состоялась настоящая демонстрация перед вековым турецким врагом. «Гебен» был приведен к российскому посольству, где бросил якорь. Офицеры и матросы были выстроены на палубе. Все торжественно сняли турецкие фески и надели немецкие пилотки. Оркестр заиграл «Германия превыше всего», «Часы на Рейне» и другие немецкие песни. Немецкие моряки, громко сопровождали музыку пением»³.

Вскоре в Константинополь прибыла группа немецких военных инженеров во главе с адмиралом Гвидо фон Узедомом, целью которого были подготовка к полному закрытию и укрепление обороны Проливов⁴.

Немецкое влияние серьёзно выросло в столице. «По ночам кафе в Пера и Стамбуле полны буйных немцев. Штабные машины, разрисованные кайзеровскими орлами, разъезжают напоказ по улицам, а энверовское военное министерство с каждым днем все больше и больше становится похожим на германский военный штаб. Унылый каламбур пронесся по иностранной колонии: «Deutschland über Allah» («Германия превыше Аллаха» – прим. авт.)»⁵

Вплоть до вступления Турции в войну продолжалась дипломатическая переписка между странами Антанты с одной стороны и Германией и Турцией – с другой о недопущении принятия германских кораблей в состав турецкого флота, потом – о замене германского экипажа турецким, однако завершилась эта переписка не в пользу России и Британии. Причем, действия Британского командования до сих пор вызывают сомнения в его желании не допустить «Гебен» и «Бреслау» в Турцию.

Наибольшее количество вопросов в деле о проходе германских крейсеров в Константинополь вызывают действия английского военно-морского руководства. «30 августа английское правительство сделало в парламенте следующее заявление: «Распоряжения адмирала Милна и расположение сил, принятое им по отношению к германским крейсерам «Гебен» и Бреслау, тщательно проверены адмиралтейством, в результате чего лорды адмиралтейства во всех отношениях одобрили принятые меры».

20 сентября было официально сообщено, что контр-адмирал Трубридж отозван из Средиземного моря и отдан под военный суд по делу о прорыве германских кораблей. Военный суд, заседавший с 5 по 9 ноября при закрытых дверях, полностью оправдал Трубриджа. Верхняя палата, однако, не успокоилась на этом и устами лорда Сельборна 7 января 1915 г. высказала своё сомнение по поводу искренности правительственных разъяснений: дело адмиралов Милна и Трубриджа не было бы прекращено, если бы не обнаружилось нежелательных с точки зрения адмиралтейства фактов. Спикер палаты небезызвестный лорд Керзон закрыл дебаты заявлением, что оба адмирала оправданы, как выполнявшие приказы адмиралтейства»¹. Карьера Трубриджа на Флоте была закончена, и в дальнейшем он занимался поставками артиллерии и боезапаса на корабли.

Повлиял прорыв «Гебена» английского флота и на последовавшую в конце октября 1914 г. отставку Первого морского лорда Луи Беттенберга. Новый Первый морской лорд Фишер «...очень болезненно переживал эту неудачу британского командования. Особенно старик злился на Беркли Милна, называя его не иначе как «Беркли Гебен». Но не меньшая доля вины лежала и на Адмиралтействе, которое своими бестолковыми приказами гоняло Трубриджа и Милна по Средиземному морю взад и вперед»².

¹ Лорей Г. Цит. соч. С. 78–79.

² Лихарев Д.В. Эра адмирала Фишера. Политическая биография реформатора британского флота. Владивосток: изд-во ДВУ, 1993. С. 123.

¹ M. Hickey. Gallipoli. London, 1995. P. 25.

² Копп Г. Цит. соч. С. 61.

³ Memoirs of Henry Morgenthau // www.firstworldwar.com..

⁴ Trumpener U. Germany and the End of the Ottoman Empire // The Great Powers and the End of the Ottoman Empire. London, 1996. P. 119.

⁵ Мурхед А. Борьба за Дарданеллы. М., 2004. С. 26.

Историк Корбетт пишет, что определенную роль в действиях Адмиралтейства сыграл фактор реквизиции Черчиллем дредноутов, строившихся для Турции на британских вервях. Не желая еще более портить отношения с Портой, Форин Офис и Адмиралтейство тормозили всякую активность вблизи турецких берегов¹.

Не ясна также и позиция французского руководства в этом вопросе. Общественное возмущение побудило «французский парламент образовать морскую комиссию, которая по изучении дела обнаружила, что не одна слепая судьба была виновницей всех бед... Но этому докладу по кулуарным интригам не было суждено увидеть свет»².

Однако приказы адмиралу Лапайеру из Парижа достаточно ясно показывают, что конвоирование транспортов не было единственной его задачей. Трижды – 6-го, 7-го и 8-го августа, адмирал получал приказ снять часть конвоя для прямого нападения на «Гебен», но Лапайер трижды не выполнял приказ Адмиралтейства. Особенно категоричен был приказ от 8 числа: «Прекратить немедленно всякую проводку транспортов с войсками. Соберите всю *Armee Navale* как можно скорей в Бизерте, пополнив запасы топлива. Ваше назначение соединить ваши усилия с английской эскадрой, чтобы помешать австрийской эскадре пройти Дарданеллы в Черное море...» Отвечая на вопрос, почему он не исполнил этот приказ, Лапайер сослался на тихоходность своих кораблей, поскольку ход его эскадры не превышал 15-17 узлов против 28 узлов «Гебена». «Почему я не преследовал неприятеля? Потому что не мог» – ответил Лапайер на вопрос членов парламентской комиссии. Депутаты были вполне удовлетворены³.

Депутат французской палаты, бывший в годы подготовки к мировой войне начальником морского генерального штаба, вице-адмирал Бьенэмэ высказал по вопросу о возможности прорыва австро-венгерского флота в Дарданеллы и Черное море такую мысль: «Не должны ли были бы мы скорее этого желать, чем опасаться»⁴. «Это откровенное высказывание французского адмирала и политического деятеля является еще лишним штрихом для оценки особых условий коалиционных войн и дает основание допустить, что в преследовании «Гебена» и «Бреслау» такого рода идея могла сыграть свою роль»⁵.

¹ Корбетт Ю. Цит. соч. С. 74.

² Шталь А. У. Черчилль – первый лорд Адмиралтейства в Мировой кризис. С. 86.

³ Там же. С. 88.

⁴ Vice-Amiral Bienaimé. La guerre navale 1914 -1915. Paris, 1920. P. 117.

⁵ А. Томмази. Морская война на Адриатическом море. М.-Л., 1940. Текстовой файл с www.militera.lib.ru.

Более того, дальнейшие решения руководства британского флота лишь усугубляют подозрения относительно странного нежелания Британии иметь преимущество в районе Проливов. «Английское адмиралтейство предполагало назначить адмирала Лимпуса, бывшего начальника английской миссии, командиром эскадры Средиземного моря, но правительство было против этого, не желая обострять до конца отношений с Турцией, в силу чего командующим этой эскадрой был назначен вице-адмирал Сэквил Карден»¹. Опытный и знающий обстановку в Турции, а также схему обороны Проливов Лимпус оказался не у дел, а безынициативный и болезненный Карден получил команду над опасным районом с постоянно меняющейся ситуацией.

Так или иначе, пока что Турция получила в Проливах и Чёрном море два первоклассных боевых корабля, и расстановка сил в этом важнейшем районе полностью изменилась. На совещании 29 августа с участием начальника морского генерального штаба вице-адмирала Русина министр иностранных дел Сазонов посоветовал, что «в случае появления турецкого флота в Чёрном море нашему флоту следует, во избежание возможных при встрече двух флотов недоразумений, временно не выходить из Севастополя»². Это было сказано не только в связи с нежеланием давать Турции повод к выступлению против России, но и из-за боевых возможностей флотов.

Теперь уже турецкий флот имел преимущество, а перспектива закрытия Проливов отрывала Россию от помощи союзников, приводила к торговой изоляции, отсекала юг России от экономического развития. Германия же получила ещё одну карту в своём влиянии на турецкое правительство и усилила давление на него при умелой политической игре своего константинопольского посла Вангенгейма. Борьба за привлечение Турции в мировую войну вступила в завершающую фазу своего развития.

¹ Коленковский А. Дарданелльская операция, 1938. С. 13. По отношению к германским крейсерам «ему были даны следующие инструкции: «Если «Гебен» и «Бреслау» выйдут Дарданелл, безразлично под каким флагом, вы должны их потопить. Мы не находимся в состоянии войны с Турцией, но германский адмирал Сушон вступил в обязанности главнокомандующего турецким флотом. Турки предупреждены, что, в случае выхода с германскими судами турецких кораблей, последние будут атакованы. Если турецкие военные суда выйдут из Дарданелл одни, без немцев, вам предоставляется в зависимости от обстановки либо вернуть их обратно, либо разрешить следовать далее, памятуя, что мы не хотим начинать войны с Турцией, пока ее враждебные намерения не станут очевидными». Там же. С. 12–13.

² Лорей Г. Цит. соч. С. 114.

2. Пантюристская идеология младотурецкого правительства и перспективы участия Турции в мировой войне

И все же говорить, что усилия дипломатии Германии стали единственной причиной вступления Османской империи в войну с Антантой, было бы неверно. Турецкая верхушка двигалась к союзу с Германией против России и Англии еще по одной немаловажной причине. Имя этой причины – пантюризм. Первое упоминание о Туране, как прародине тюркоязычных народов можно обнаружить в документах Османской империи первой трети XIX в. Так, в записке о Кокандском ханстве, датированном 1832 г., «Туран ассоциируется с Туркестаном, Татарстаном, Узбекистаном и Могулистаном, в зависимости от народонаселения в различные исторические периоды. Границы Турана определены на востоке Китаем; Тибетом, Индией и Ираном на юге; Каспием на западе и пустыней Дашт-и-Кипчак на севере»¹. Однако ни к политике, ни к идеологии эти упоминания не имели никакого отношения. «Туран воспринимался османскими турецкими авторами, как некая Шангри-ла, турецкий рай на земле»².

В 1842 г. знаменитый впоследствии германский военный теоретик фон Мольтке – тогда еще молодой полковник и инструктор оттоманской армии в разговоре с турецкими государственными деятелями указывал на те преимущества, которые представляет для Турции пантуранистская политика. «Мольтке советовал туркам обратить свои взоры на Азию, на миллионы туранских народов и соединить их в одно могущественное государство. Он даже убеждал перевести столицу из Константинополя в Конью или куда-нибудь еще дальше к востоку, доказывая, что лишь на этой родной почве может возродиться Оттоманская Империя»³. Однако геополитические рассуждения немецкого теоретика не нашли никакого отклика у тогдашнего султана Абдул-Меджида, более занятого сохранением своих европейских и арабских территорий. Тем не менее, вскоре идеи Мольтке воскресли в Европе в другом ракурсе.

¹ К вопросу истории и политики пан-туркизма. Материал с сайта www.livejournal.ru.

² Там же.

³ Roger Labonne. La crise Orientale et le Nationalisme en Asie «Le Correspondant». 1922. p. 385. Цит. по: Зареванд. Пантуранизм. Париж, 1930. Текстовый файл.

В конце XIX века австро-венгерские востоковеды Арминий Вамбери¹ и де Ужвальди обратили внимание на то, что южные окраинные регионы России населены народами, говорящими на сходных тюркских языках, из чего «делался вывод о возможности объединения этих народов в единое государство с общей культурой, религией и национальными устремлениями»². Российский Журнал «Вокруг света» откликнулся на книгу Вамбери в 1886 году. «Известный путешественник и исследователь, венгерский профессор Герман (неправильная транскрипция имени Арминий – В. М.) Вамбери, издал в Лейпциге сочинение под заглавием «Тюркские народы». В книге говорится, однако, не о тех османах, которые занимают область, именуемую Турцией: он захватывает далее, и тем его книга и интересна»³.

Вамбери приехал в Турцию в 1857 г. и провел в среде тюрков 6 лет. С 1863 по 1865 гг. под вымышленным именем Рашида Эффенди он совершил путешествие по Средней Азии, о чем и написал книгу «Путешествия по Центральной Азии одного псевдодервиша». В ней Вамбери предлагал образ нового государства – империи Турана: «Османская держава в силу своего династического характера объединит разрозненные элементы, связав их воедино языком, религией и историей для основания новой империи, простирающейся от берегов Адриатики вглубь Китая, империи более могущественной, чем империя Романовых, которая силой и хитростью подчинила себе разношерстный этнический материал. Анатолийские и азербейджанские⁴ турки, туркоманы, узбеки, гиргизы и тартары – вот народы, которые составят костяк новой империи, турецкого колосса, способного более эффективно противостоять великому

¹ Арминиус (Германн) Вамбери (1832–1913). Профессор в университете венгерского городка Пешт. «Сохранилась Вамбери переписка с 1889 по 1911 с Форин Офисом в Лондоне... В 2005 г. рассекреченные документы из национального архива Великобритании в Кью, графство Саррей, прямо указывают на то, что Вамбери был агентом Форин Офиса. Якоб Ландау, почетный профессор политологии Еврейского университета в Иерусалиме, в своей книге «Пан-туркизм» сообщает о том, что Вамбери был двойным агентом. Кроме шпионских услуг правительству Пальмерстона, он состоял в советниках султана Абдул Гаида. После основания Теодором Герцлем сионистского общества Вамбери выступал в роли посредника между лидерами сионизма и султаном в переговорах по созданию еврейского государства в Палестине, которая в то время была частью Османской империи». К вопросу истории и политики пан-туркизма // www.livejournal.ru

² Надеин-Раевский В. Соблазн опасного родства // «Родина», 1997, № 3–4. С. 113.

³ Вокруг Света. 1886. № 22. С. 346.

⁴ Так в дореволюционной прессе именовали азербайджанцев.

северному соседу, нежели Османская империя, в том виде, в котором мы лицезреем ее сегодня»¹.

При этом, на начальном этапе идеи пантурсизма были восприняты в Турции негативно, особенно в высших кругах. «Армениус Вамбери рассказывает любопытный эпизод из своего путешествия на Восток. Когда он в 1886 г. перед высшим обществом Константинополя развивал свою теорию об единстве происхождения всех туранских народов, то с удивлением заметил большое недовольство на лицах своих собеседников. «Цивилизованные» эффенди Константинополя были даже обижены, ибо для них «тюркчюлюк» (тюркство) был синоним дикости и брутальности. «Но, надеемся, вы нас не ставите в один ряд с киргизами и бездомными кочевниками Туркестана», – говорили Вамбери изнеженные беи Босфора»². Позднее, в 1898 г. Вамбери с удивлением пишет, что в Стамбуле среди турок он снова «не встретил никого, кто серьезно интересовался бы проблемой турецкого национализма и тюркскими языками»³.

Показательна в этом смысле судьба одного из «просвещенных» исламских теологов Али Суави (1839–1878). «После изгнания турок из Болгарии в 1870-е гг. Османской империи он начал кампанию солидарности с турками Балкан и попытался мобилизовать толпы верующих в Стамбуле на действия против не-турок под знаменами туркизма... Однако акцентирование туркизма, а не мусульманства... было совершенно неприемлемо для многонациональной исламской Османской империи. Суави был схвачен жандармами султана и повешен.. Позднее пантюркисты «канонизировали» его, как своего самопожертвенного предтечу»⁴. Сам Вамбери в более поздней своей работе «Западная культура в восточных странах»... отрекся от пан-туранизма, назвав его «химерой». Однако «химера» была выпущена на свет божий⁵. Но при этом Вамбери дружил с Абдул-Хамидом и получал лично от султана ежегодное пожалование, вы-

плата которого прекратилась только в 1908 г., когда к власти пришли младотурки¹.

В качестве редкого примера развития идей, приведших к возникновению идеологии пантюркизма, можно отметить деятельность Несиба Асима (1861–1935) который «в последние годы правления султана Абдул-Хамида перевел на турецкий работу французского еврея Леона Кахуна «Introduction a l'histoire de l'Asie. Turcs et Mongols des origines a 1405», опубликованную в Париже в 1796 году. К переведенной работе Асим добавил главу от себя, в которой он прославлял достижения монголов, а турок объявил их потомками».²

Еще одним предтечей пантюркизма в самой Османской империи можно считать Мустафу Джелалатдина-пашу (1822–1876), опубликовавшего в 1869 г. четырехсотстраничную книгу «Древние и современные турки». Надо отметить, что Джелалатдин-паша был по рождению польским паном и звался до 1848 г. Константином Божецким, бежавшим в Стамбул после подавления европейских революций. В своем труде польский эмигрант развивает любопытную теорию турано-арианизма, согласно которой туранские и арийские народы поочередно главенствуют в мире, передавая друг другу знания и духовные достижения. На современном же этапе турки должны не враждовать с Европой, а перенимать у нее достижения науки и техники, считал Джелалатдин-паша, поскольку их время еще придет. Впрочем, евразийские идеи польского пана и турецкого пашы были слишком экстравагантны для простодушной турецкой массы. Ей требовалась более простая и точная национальная идея. Эту идею принесли в Османскую империю другие эмигранты – правда тюрки, но выходцы из России.

Что касается самого Джелалатдина-пашы, то он погиб в Черногории в период балканских восстаний в 1876 г. У него осталось много детей от дочери турецкого генерала, которая стала его женой. Величайший турецкий поэт Назым Хикмет – один из его потомков³.

«В атмосфере революционных настроений, бродивших тогда призраком по территории Российской империи, в интеллектуальной среде татар-тюрков Поволжья родилось и оформилось национал-революционное движение – «джадидизм». С одной стороны, джадидизм окормлялся идеями европейских и русских социалистов, с другой – работами западноевропейских этнографов, обосно-

¹ К вопросу истории и политики пан-туркизма. www.livejournal.ru.

² A.Vambéry. La Turquie d'Aujourd'hui et d'Avant Quarante Ans. p. 11–12. Цит. по: Зареванд. Пантурсизм. Париж, 1930. Текстовый файл. В мусульманской литературе образ турка предельно негативен. «Страна турок является родиной сквернословия и клеветничества. Турок – это существо с острыми когтями, с собачьими клыками, с верблюжьим подбородком, с покрытым шерстью телом. Когда он ест, стук его зубов напоминает стук зубов мула или лошади». Цит. по: Танер Акчам. Турецкое национальное «я» и армянский вопрос. Текстовый файл.

³ Танер Акчам. Турецкое национальное «я» и армянский вопрос. Текстовый файл.

⁴ К вопросу истории и политики пан-туркизма // www.livejournal.ru.

⁵ Там же.

¹ Мухамметдинов Р.Ф. Зарождение и эволюция тюркизма. Казань, 1995. С. 30.

² Там же.

³ Там же. С. 32–33.

вавших общность тюркских народов. Самыми авторитетными среди джадидистов следует признать Исмаила Гаспринского¹ и Юсуфа Акчура².

В 1883 г. И. Гаспринский начинает издание в Бахчисарае газеты «Терджиман» («Переводчик»), ставшей важнейшим источником информации о жизни и положении тюрко-мусульманских народов в Российской империи. Газета просуществовала вплоть до 1918 г. После смерти Исмаила Гаспринского в 1914 г., газету издавал его сын. Эта газета, выходявшая в захолустном городке российской окраины, была чрезвычайно популярна в тюркской среде. Ее читали в Турции, в Казани, некоторые номера доходили даже до Китая³. Гаспринский много занимался проблемой единого тюркского языка, создал азбуку, по которой учил детей, а также выработал простой и ясный стиль письменного языка, в противовес наполненному арабизмами и персидскими заимствованиями языку стамбульских интеллектуалов.

Вскоре центр российского пантюранизма перемещается в Баку, который бурно развивается в связи с разработкой нефтяных месторождений. «В начале прошлого века кавказские или «адербайджанские» татары по количеству пан-туркистских изданий выходят на первое место в Российской империи. Одна из первых тюркоязычных газет «Экинчи» издается в Баку. Через год после начала издания газету закрыли за чрезмерную политизацию этнических вопросов»⁴.

¹ Исмаил Гаспринский (1851–1914) – крымский татарин, директор татарской школы в Бахчисарае. Получил образование в Российской, Османской и Французской империях. В своей деятельности Гаспринский противостоял российским властям, а также мусульманским клерикалам. Основной вклад этого деятеля связан с лингвистическими преобразованиями. Большинство представителей татарской элиты не владели татарским языком, предпочитая ему русский и французский. В татарских школах первые пять-шесть лет обучения до реформ Гаспринского учащиеся штудировали арабский и Коран. Суть реформы Гаспринского заключалась в введении параллельно с арабским турецкого языка. Он издавал журнал «Тегсима» (Переводчик) (первый выпуск 10 апреля 1883 г.), со страниц которого пропагандировал идеи пан-туркизма. На пике журнал издавался тиражом шесть тысяч экземпляров и распространялся среди волжских, кавказских татар, а также тюркоязычных народов Центральной Азии. Вершиной его политической деятельности было участие в основании Союза мусульман İttifak-ı Müslümanlar в 1906 г., которому предшествовали три съезда мусульманских народов Российской империи (в 1905 г. в Нижнем Новгороде, и два последующих в 1906 г. в Казани и Нижнем Новгороде). К вопросу истории и политики пан-туркизма. www.livejournal.ru.

² Подколызин Д., Шатров А. Пантюранизм – глобальный вызов России // www.livejournal.ru.

³ Мухамметдинов Р.Ф. Цит. соч. С. 39–40.

⁴ К вопросу истории и политики пан-туркизма // www.livejournal.ru.

«В 1889 г. из Баку приезжает в Константинополь Али Гуссейн-заде и берется за пропаганду идей пантюранизма. Он печатает в турецких газетах стихотворение, носившее, заголовок «Туран», которое является первым криком, извещавшим рождение нового политического плода. Этот крик находит надлежащий отголосок в сердцах тогдашней турецкой молодежи и очень скоро вокруг колыбели новорожденного собирается солидная группа пантюранистов»¹.

В период первой русской революции 1905 г. Гуссейн-заде сформулировал основные лозунги пантюркизма. «... Вскоре после возвращения из Турции он приступил к сотрудничеству в «Хаяте» – «исламской газете», ориентацией которой был панисламизм, при чем его скорее религиозное, чем тюркско-националистическое направление... В статье «Какое образование нам нужно?» он впервые высказал то, чему впоследствии было суждено стать знаменитым лозунгом: «Стремитесь к тюркизации, исламизации, европеизации». Впоследствии принятый и популяризованный в несколько видоизмененном виде Зией Гекалпом и Юсуфом Акчура, этот лозунг сделался боевым кличем тюркизма в османском государстве. В Азербайджане эти три слова будут однажды символизированы в трех национальных цветах независимой республики»².

В 1906 г. Гуссейн-заде основал в Баку литературно-художественный журнал «Фуйюзат». «Группа «Фуйюзат», в состав которой входили неазербайджанские турки – турки Ахмед и Абдулла Джавед, а также крымский татарин Гасан Сабри Айвазов – выступали за то, что тюркские народы должны повсеместно использовать один

¹ Зареванд. Пантюранизм. Париж, 1930. Текстовый файл.

² Свиетоховский Т. Русский Азербайджан. 1905–1920 // «Хазар», № 1–3, 1990, глава «Интеллектуальный бум» // <http://www.kitabxana.org/site/sventoch.htm>. Этот лозунг был и позже популярен в среде российских пантюркистов. «С личного разрешения наместника в октябре 1915 г. М.Э. Расулзаде начал издавать газету «Ачыг сёз»... «Ачыг сёз» впервые в мусульманском мире была названа «ежедневной тюркской газетой», а язык, на котором она издавалась назван тюркским, а не татарским, как было принято русскими властями его называть ... в первом же номере Расулзаде приводит мысль А. Гусейнзаде и З. Гекалпа о «Тюркизации, исламизации, модернизации».. «Основой взятого нами пути, – пишет он, – является национализм.. Каждая нация для своего прогресса нуждается в трех основах: язык, религия и эпоха.. По языку мы – турки.. по религии мы мусульмане.. Будучи мусульманами, мы турки, входим в интернационал ислама, почитая одного бога и имея общую культуру. Но если хочешь жить независимо..., необходимо вооружаться современной наукой, искусством. Таким образом, если хочешь работать за здоровую и просвещенную нацию, необходимо признать три основы – тюркизация, исламизация и модернизация». Багирова Ираида Саид-кызы. Политические партии и организации Азербайджана в начале XX века. 1900–1917. Баку, 1997. Текстовый файл.

и тот же литературный язык, несколько измененный вариант турецкого языка, что способствовало бы культурному развитию тюркских народов Закавказья...»¹.

Особую роль в развитии идеологии сыграл российский подданный Юсуф Акчура (Акчурин)². Сын богатого текстильного фабриканта, Юсуф получил прекрасное образование, причем, имея возможность свободно перемещаться по разным странам, он получил отменное домашнее образование, проживая на своей родине в Симбирске, а также в Стамбуле, в Крыму. Затем его определили в среднюю школу в Казани, далее – в Стамбульское военное училище, по окончании которого Юсуф отправился в Париж, посещая лекции Высшей школы прикладных наук Сорбонны. Здесь образованный молодой человек, знавший несколько европейских и восточных языков, знакомится с представителями движения, оппозиционного режиму султана Абдул-Хамида, в том числе принцем Сабаххатидином и Ахмедом Резой. Он переписывается с Гаспринским и организуется в Париже и России празднование 20-летия выхода первого номера газеты «Терджиман»³.

В 1903 г. Акчура защищает диссертацию на тему «Исследование по истории государственных институтов Османской империи». В том же году в Каирской газете «Тюрк» он опубликовал программную статью: «Три политических системы», в которой изложил на основе идей пантуранизма принципы нового государственного управления. Публицист, скрывающийся под именем Зареванд, но пишущий на французском языке совершенно по-европейски, отмечал в книге «Пантуранизм»: «Акчура говорит, что оттоманизм, являющийся главной целью младотурецкой политики и стремящийся из разноплеменных народностей Турции создать одну нацию, как это

было сделано в Америке, – неосуществим. и по следующим соображениям:

1) Оттоманизм идет в разрез с желаниями и устремлениями турок, ибо, провозглашая равенство всех народов в Турции, он этим самым лишает турок положения господствующей нации и равняет их с «райями» – христианами.

2) Он идет вразрез с учением Магомета, ибо ставит на одну доску правоверных и неверных.

3) Он идет против желания самих подвластных народов, которые стремятся к независимости и не желают жить совместно со своими завоевателями.

4) Оттоманизм идет вразрез с панславянскими и завоевательными программами России, претендующей на Константинополь и на роль защитницы восточных христиан.

5) Наконец, он не согласуется с общественным мнением Европы, требующей изгнания «варваров» – турок из Европы и освобождения христиан от их ига.

Что же касается панисламизма,... то он, с одной стороны, сталкивается с все более и более усиливающимся национальным чувством во всех мусульманских странах, а с другой – с интересами больших и маленьких колониальных держав. Таким образом, панисламизм не может считаться реальным фактором возрождения и усиления Оттоманской империи.

Остается, таким образом, третья политическая система – пантуранизм. В Оттоманской империи, с точки зрения интересов государства, единственным верным элементом являются турки. Лишь на них базируясь, государство может идти по пути возрождения и усиления своей мощи. Будущее и, вместе с тем, спасение Оттоманской империи надо искать в тюркских народах, к национальному и государственному объединению которых, говорит Акчура, должны быть направлены все наши усилия.

Путь пантуранизма свободен от всех тех препятствий, на которые наталкиваются панисламизм и оттоманизм. Пантуранизм направлен преимущественно против России, которая хотя и велика, но не непобедима. Акчура думает, что европейские державы, в виду противоположности их интересов на Востоке, не только не окажут сопротивления, но и будут всячески способствовать осуществлению Турцией пантуранистических планов»¹. Эта статья стала для пантюркистов тем же, чем стал для радикальных социа-

¹ Багирова Ираида Саид-кызы. Политические партии и организации Азербайджана в начале XX века. 1900–1917. Текстовый файл.

² РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 472. Л. 204. Акчура Юсуф Акчура-оглу (Акчурин) (1876–1933) – родился в России, в Симбирске (ныне Ульяновск). Среднее образование получил в Константинополе, а высшее – в Париже. Журналист и публицист, один из идеологов панисламизма и пантюркизма. Вместе с Исаковым издавал в Казани газету на тюркском языке под названием «Казан Мухпири». После младотурецкого переворота 1908 г. в качестве корреспондента Казанской татарской газеты «Вакт» поехал в Константинополь. Был редактором журнала «Тюрк юрду» («Тюркская родина»), председателем общества «Тюрк Юрду» (1914), после войны – депутат ВНСТ (1923, Стамбул), профессор исторического факультета Анкарского университета, председатель Турецкого исторического общества. Автор ряда исторических публикаций.

³ Мухамметдинов Р.Ф. Цит. соч. С. 50–51.

¹ Зареванд. Пантуранизм. Париж, 1930. Текстовый файл.

листов и революционеров XIX века «Коммунистический манифест» К. Маркса.

С 1904 по 1908 гг. Акчурин живет в России, где издает газету «Казанский вестник» («Казан Мухбери»), пропагандирует свою версию пантюркизма, особенно настаивая на развитии связей с Турцией, как лидером тюркского мира. Одновременно он организует российское общество «Союз Мусульман», прообраз общероссийской мусульманской политической партии. Это вызвало недовольство российских властей, и в период проведения выборов в Первую Государственную Думу, в которую Юсуф Акчурин баллотировался от Казани, его арестовывают по обвинению в неблагонадежности, однако выпускают сразу после выборов¹. После роспуска Второй Думы Акчурин начинает думать об эмиграции в Турцию, где уже поднималось революционное движение.

В начале XX в. лозунги за принятие в Османской империи конституции сменились лозунгами более революционного характера. Наряду с борьбой за свержение старого кабинета, стали активно разрабатываться идеи, заимствованные у австро-венгерских тюркологов.

Первые ростки нового направления младотурецкого движения возникли в 1905–1906 гг. сначала в двух городах. В Константинополе, в среде мусульман – выходцев из России, появились идеи следующего содержания: турки и мусульмане России – одной крови – они тюрки. Тюркский элемент, следовательно, наиболее значительный мусульманский элемент. Цели Турции должны быть – объединение всех тюркских народов, томящихся под игом российского царизма и западного колониализма.

В Салониках выходцы из Македонии и Греции создали схожую версию «пантюркизма», однако отличающуюся очень характерным дополнением. Станным образом в орбиту «пантюркизма» попали Финляндия и Венгрия, взаимодействие с которыми начнется после объединения всех тюрков и вызволения их из лап «тюрьмы народов» – России². Странность эта объясняется исследованиями уже упомянутых Вамбери и де Ужвальди, которые выдвинули теорию «транстуранских народов», основанную на якобы генетическом родстве уральской и алтайской языковой семьи, следствием чего стало включение в «тюркскую орбиту» всех финно-угорских народов³.

¹ Мухамметдинов Р.Ф. Цит. соч. С. 53.

² Готлиб В. В. Тайная дипломатия во время первой мировой войны. М., 1960. С. 40–42.

³ Надеин-Раевский В. Соблазн опасного родства. С. 113.

Образованное после переворота 1908 г. правительство младотурок приняло и развило доктрину «пантюркизма». Необходимость в новой идеологии, которая бы сплотила население империи или, по крайней мере, его элиту, назрела. Так, «в 1908 г., после провозглашения конституционной монархии собравшиеся на улицах Салоник и Стамбула массы, за неимением своего, пели национальный гимн Франции»¹. Идеологическая пустота нации стала быстро заполняться идеями пантюркизма и пантуранизма. При этом, известная инертность правящего слоя сохранялась. «Турецким властям была чужда приверженность к идеологическому выбору. Их движущей силой была идеология «безыдейности». Идейный разброс в среде младотурецких кадров отлично показан в словах бывшего президента Турции Джемала Баяра: «Среди лидеров младотурок можно было встретить как приверженцев доктрины паносманизма, так и панисламизма, пантюркистов или просто турецких националистов. Были также оппортунисты. и люди с такими разношерстными взглядами занимали самые высокие посты в государстве»². Поэтому вызревание пантюркизма происходило благодаря усилиям небольшого числа образованных интеллигентов, развернувших широкую общественную и издательскую деятельность.

«В декабре 1908 г. была создана первая ассоциация, поставившая перед собой цель пропаганды тюркизма, а именно культурно-научное общество «Тюрк Дернеги» (Тюркское общество). Российские тюрки были приглашены к участию в работе и вскоре их представители обосновались в Стамбуле. Азербайджанская группа была особенно представительной... Появились ассоциации и клубы, пользовавшиеся поддержкой печати и, во все большей степени, правительства»³. В 1908 г. в Стамбул прибыл и Юсуф Акчура.

Известность получили пантюркистские писатели и идеологи – Текин Альп и Джемаль Нури. С 1908 г. стала выходить газета «Истинный путь» («Сират-и мустахим»), в 1911 г. переименованная в «Путь истинного направления» («Себиль ур-решад»). Выходило много других изданий, развивающих панисламистские и пантюр-

¹ Танер Акчам. Турецкое национальное «я» и армянский вопрос. Текстовый файл.

² Там же. «В своих воспоминаниях известный писатель Якуб Кадри Караосманоглу рассказывает о встрече лидеров младотурков, в том числе Талаат-паши, с Зия Гекальпом. Талаат открыто издевался над З. Гекальпом за то, что тот придавал слишком большое значение идеологии. а когда тот выходил из себя, успокаивал словами: «Не злись! Нам нужна какая-нибудь идеология. Вот ты и придумай ее». Там же.

³ Свиетоховский Т. // <http://www.kitabxana.org/site/sventoch.htm>.

кистские идеи – «Разъяснение истины», «Изучение мусульман», «Мусульманский мир»¹. В столичной газете «Сабах» («Утро») – наиболее популярном периодическом издании – был введен отдел «Мир ислама». В 1911 г. было создано общество «Тюрк оджагы» («Тюркский очаг») и журнал «Тюркская родина» («Тюрк юрду»), редактором которого стал Акчура². В 1912 г. во Франции отдельной брошюрой была издана работа Текин Альпа «Les Turcs a la recherche d'une ame nationale».

Пантюркистская идеология была в первую очередь направлена на захват территорий, населённых тюрками. 60–70 миллионов тюрков в различных странах мира, в первую очередь – России – таковы начальные притязания пантюркистов. Джелаль Нури доводит эту цифру до 75–80 млн³.

На первом этапе предполагалось образование Малого, или Нового Турана. Границы его определялись в районе от Байкала до Стамбула и от Монголии до Казани. Соответственно, российские Сибирь, Кавказ, Крым, долины Камы и Волги, Средняя Азия должны быть завоёваны и освобождены от «ига русского деспотизма»⁴.

Следующая стадия – образование Великого Турана – от Японии до Скандинавии и от Ледовитого океана до Тибетских гор. «Если Япония вступит в соглашение с исламом... – история начнёт свой новый период» – писал Д. Нури в книге «Единение ислама». Переговоры с Японией действительно подготавливались в период 1911–1914 гг⁵. В военных кругах Турции обсуждались и проблемы контактов с Финляндией, автономией в составе России.

В отличие от Текина Альпа и Джелала Нури, ещё один пантюркистский идеолог, получивший реальную власть в период младотурецкого правления – Зия Гекальп⁶ выдвигал иную программу

достижения цели единения тюркских народов. Она была связана с идеей Огузстана – древнего тюркского политического объединения. «Зия Гёкальп (1876–1924), самоучка, выходец из курдской семьи Диарбекира. Зарифмованный манифест пан-туркизма пера Гёкальпа был издан в 1911 г. в сборнике Kizil Elma (Красное \или золотое\ яблоко). Стихотворение «Туран» стало программным для пантюркистов: «Для турка отечество не Турция и не Туркистан, отечество турка – большая и вечная страна Туран»¹.

«В качестве программы на ближайшее будущее Гекальп предлагал более реалистическую цель:

«На сегодня к тюркским народам, воссоединение которых не будет представлять особого труда, относятся огузские тюрки, поскольку тюркские народы Азербайджана, Ирака, Хорезма, как и самой Турции, принадлежат к огузской ветви. Таким образом, ближайшей целью туркизма должен стать огузский союз. Каково же будет его назначение? Политическое? В настоящее время нет! Мы не можем судить о том, что произойдет в будущем, но сейчас нашей целью является культурное единение огузских народов»². Идея огузизма выделяла Азербайджан как первую территорию, с которой начиналось бы строительство Великого Турана. Одновременно, Зия Гекальп «заложил основу теории агрессивного национализма, согласно которой «политические границы родины тюрков охватывают всю территорию, где слышна тюркская речь и где имеется тюркская

Основные идеи Гекальпа: «нация – это не расовая, этническая, географическая или политическая группа, а группа, сформированная из отдельных людей на общности языка, религии, морали и эстетики, иными словами, группа людей, получивших одинаковое образование». Исходя из такой дефиниции, Гёкальп предложил трехчастную топологию тюркоязычных народов Евразии.

1 группа: собственно турки Османской империи, а позже Турецкой Республики удовлетворяют по Гёкальпу критерии определения нации по языку и культуре.

2 группа: турки-огузы, включают в себя тюрков Закавказья и Ирана, туркмен Центральной Азии, и туркоманов Междуречья, но также частично представленных в Турецкой республике. Четыре группы (османские турки, туркоманы, азербайджанцы и туркмены) составляют Огузистан Гёкальпа, с близкими до идентичности языками и культурами.

3 группа: более отдаленные тюркоязычные народы – киргизы, казахи, узбеки, кипчаки, татары, якуты определены Гёкальпом в близкие в лингвистическом и культурном плане народы, но не идентичные.

Все три группы вместе взятые и образуют Великий Туркестан или Туран. К вопросу истории и политики пан-туркизма // www.livejournal.ru.

¹ Гилязов Искандер. Пантюркизм, Пантуранизм и Германия // Общественно-политический и теоретический журнал «Татарстан», № 5–6. 1995.

² Свиетоховский Т. Русский Азербайджан, глава «Мировая война и Азербайджан» // <http://www.kitabxana.org/site/sventoch.htm>.

¹ Тверитинова А. С. Младотурки и пантюркизм // Краткие сообщения института Востоковедения. Вып. 22. М., 1956. С. 67.

² Гордлевский Вл. Малоазийская османская печать накануне войны // Новый Восток, № 2. – М., 1922. С. 637.

³ Готлиб В. В. Цит. соч. С. 40.

⁴ Gelal Nuri. Ittihad-i islam. Istanbul. 1912 – 1913. S. 70 – 71.

⁵ Тверитинова А. С. Цит. соч. С. 73.

⁶ Гекальп Муххамед Зия (1876 – 1926) – родился в Диарбекире, в 1876 г. Происходит из курдского племени заза. Элементарное и среднее образование получил в Диарбекире, а высшее – в Ветеринарном Институте Константинополя. Профессор социологии в университете Стамбула. В 1909 г. избран в ЦК партии «Единение и Прогресс» и становится во главе пантуранистского течения в ней. После поражения Турции был осужден как участник массового уничтожения армян и сослан на Мальту. По возвращении в 1923 г. – депутат ВНСТ (от округа Диарбакира).

культура»¹. Планы политического объединения должны были быть осуществлены «огнём и мечом»².

Тюркизм в самой Турции означал ассимиляцию или, в случае отказа от нее, удаление всех нетурецких элементов; параллельно с этим – очищение турецкого языка от арабских примесей и приближение его к туранским корням, а также создание турецкой национальной культуры. В то же время тюркизм пытается повернуть турка «от Мекки к Алтаю»³.

Еще один идеолог пантюркизма, Качен-заде, «требуется, чтобы в туранское или тюрко-татаро-монгольское объединение вошли: Малая Азия с Константинополем, Месопотамия с Моссулом, Азербайджан с Баку. Далее в нее должны войти собственный Туран, т.е. пространство от Крыма до Закаспия, находящиеся между Волгой и Уралом Оренбургская и Уфимская губернии, Киргизские степи, находящиеся между Аралом и Байкалом Туркестан, возвышенность от Алтая до Памира и пространство от Монгольских гор до Сибирских степей, вплоть до Иркутска и берегов Амура»⁴.

Пантюркистская доктрина обыкновенно дополнялась и панисламизмом. В частности, арабский язык в будущем Туране становился все туранским языком духовной культуры и религии, а турецкий – политическим и гражданским языком всех мусульман⁵.

Радикальной фигурой кабинета был доктор Назым⁶, влиятельный бюрократ, а также активный поборник тюркизации Османской империи на почве языкового объединения. «Его идея «оттоманизации» в конечном итоге и оттолкнула от Турции арабский мир, греков, армян...», писал известный деятель сионистского движения начала XX в. Владимир (Зеэв) Жаботинский⁷. Во время армянской резни в Адане в 1909 г. доктор Назым писал: «Государство должно стать исключительно тюркским... ибо существование у нас других

народностей дает повод к постоянному вмешательству Европы; надо насильно отуречить эти элементы»¹.

Редактор газеты «Себиль ур-решад», поэт Мехмед Акиф писал: «мусульмане – не арабы, не турки, не албанцы, не курды, не лазы, не черкесы, а лишь часть единой общины мусульман». Он призывал к объединению вокруг турецкого султана – халифа всех правоверных – 350–400 миллионов мусульман Азии, Африки и Европы². Анатолийская газета «Хакимет и-Миллие» писала: «если учению Магомета будет уделяться прежнее внимание, то это обстоятельство явится главным фактором в среде тех, которые быстро движут вперед Турцию, и которые смогут вернуть ее прежнее значение и мощь»³.

На Конгрессе партии «Единение и Прогресс» в 1911 г. Зия Гёкальп и его сторонники смогли провести резолюцию, согласно которой «партия отказывается от доктрины оттоманизма и становится на точку зрения, если и не чистого пантуранизма, то, во всяком случае, тюркизма с примесью исламизма»⁴. После Конгресса в Центральный Комитет партии были избраны все три лидера «русского пантуранизма»: Исмаил Гаспринский, Али Гусейн-заде и Юсуф Акчура. Это было знаменательное избрание.

Завоевательные планы пантюрок, несомненно, толкали их к конфликту с христианским миром и Россией. Некая провинциальная турецкая газета так настраивала своих читателей в первые дни войны: «не дай Бог, если европейцы победят турецких мусульман, тогда христианские герои увидят их в таких местах, которые являются самыми опасными для Европы. Тогда турецкие войска соберутся на границах Индии и произойдут события неслыханные»⁵. Это уже была прямая угроза Англии. «Англия такой лютый враг Турции, который не может помириться с нею даже в случае официального заключения мира»⁶.

Россия тоже освещалась в прессе агрессивно. В 1913 г. партия «Единение и прогресс» решила организовать местные комитеты в нетурецких мусульманских территориях. «Семь из них предполагалось учредить в пределах России – в Закавказье, Северном

¹ Танер Акчам. Турецкое национальное «я» и армянский вопрос. Текстовый файл.

² Тверитинова А. С. Младотурки и пантюркизм. С. 70.

³ Абдурагимов Гаджи. Пантуранизм и пантюркизм // www.lekia.ru.

⁴ Там же.

⁵ Gelal Nuri. Ittihad-i islam. Istanbul. 1912–1913. S. 70

⁶ Назим-бей, Селаникли (1870–1926) – генеральный секретарь младотурецкой партии (1911), министр просвещения (1913). Один из организаторов геноцида армянского народа, заочно приговорен к смертной казни султанским военным трибуналом (июль 1919), за участие в заговоре против М. Кемаля повешен в Анкаре (август 1926).

⁷ Jabotinsky W. Turkey and the War. London, 1917. Pp. 97–100.

¹ M. Pinon, Revue des Deux Mondes, Sept. 1919. Цит. по: Зареванд. Пантуранизм. – Париж, 1930. Текстовый файл.

² «Себиль ур-решад». Стамбул, 1911, № 346. С. 120.

³ Гордлевский Вл. Цит. соч. С. 642.

⁴ Зареванд. Пантуранизм. Париж, 1930. Текстовый файл.

⁵ Гордлевский Вл. Цит. соч. С. 642.

⁶ Там же. С. 643.

Кавказе, Средней Азии и в Крыму»¹. В рубрике «Мир ислама» газеты «Сабах» печатались извлечения из оренбургской газеты «Вакт» («Время»), показывавшие рост самосознания российских мусульман, с одной стороны, и репрессии русского правительства в их отношении, с другой.

В Россию засылались эмиссары, организовывались мусульманские школы, в том числе для взрослых, где активно пропагандировались идеи исламского единства.

«Это делается для того, чтобы подготовить кавказских мусульман к возможности присоединения к Турции», – писал царскому наместнику графу Воронцову-Дашкову начальник Тифлисского губернского жандармского управления полковник Пастрюлин в докладе от 22 апреля 1911 г.²

Директор департамента полиции в Казани С. Белецкий в «Справке по панисламизму» 1912 г. обращал внимание и на следующий факт: «выдающиеся турецкие и русские мусульманские публицисты в последнее время усиленно занимаются открытием племён, принадлежащих к одной с ними расе, в целях присоединения их к общей мусульманской федерации»³.

В Крыму, в среде крымских татар, в 1910 г. в мечетях стали распространяться листовки организации «Совесть», ставившей своей целью воссоздание на территории России самостоятельного мусульманского государства⁴. Главным выразителем крымской «Совести» был Мустафа Курт-заде, который в своё время учился в Константинопольском военном училище и сохранял связи с турецкими пантюристами. В том же году деятельность в Крыму Мустафы-Курт-заде и других деятелей общества «Совесть» была прекращена. Тем не менее, позднее, по заданию Константинопольского панисламистского комитета в Севастополь были отправлены агенты Жордания и Церетели для пропагандистской обработки матросов⁵. Стоит ли говорить после этого о том, что грузинские националисты, несмотря на свою православную принадлежность, считали панисламизм реальной силой на Кавказе.

В Азербайджане в 1912 г. возникает подпольное общество «Мусават» (Равенство)¹. «Название это, по высказыванию одного из основателей организации, означало стремление общества добиться равенства прав мусульман с русскими, борясь в то же время за свободу всего исламского мира»². Мусаватисты издали манифест, в котором говорилось, что «благородный народ ислама в свое время касался одной рукой Пекина, а другой построил в дальнем конце Европы Алгамбрайский дворец», и выражалось сожаление по поводу упадка власти «мира Ислама»³.

В 1913 г. во главе «Мусавата» встал М.Э. Расулзаде – лидер, настроенный антироссийски и протурецки. Он сблизился с издателем «Тюрк юрду» Акчурой и в дальнейшем пропагандировал идеи панисламизма и пантюркизма, включившись в полемику о турецком языке, как объединяющем факторе тюркизма. После начала войны из Турции лидерам «Мусавата» пришло послание комитета «Единение и Прогресс», в котором, в частности, говорилось: «Национальный идеал нашего народа и нашей родины движет нас к уничтожению московской нечисти и к формированию таким образом границ, в которые будут включены и объединены также и наши кровные братья.. Религиозные соображения толкают нас к освобождению исламского мира от власти неверных»⁴. Вскоре Расулзаде разрабатывает собственную версию пантюркизма, которую сам же называет «романтическим пантюркизмом», тюркизмом, более приверженным «к сохранению общекультурных ценностей, чем утопической идее «Турана»⁵.

Деятельность пантюристских и панисламистских агитаторов уже на самом первом этапе вызвала ответную реакцию российских властей. Проблемы «паназиатского течения» обсуждались уже в конце XIX в. Это течение тогда называли «английским панисламизмом»⁶ и в меньшей степени рассматривали его как российскую проблему.

Впрочем, Обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев уже в 1905 г. писал: «Задумывается предоставление свободы мусульманской пропаганде. Это дело страшное.. Все государства,

¹ РГИА. Ф. 102. Оп. 15. Д. 34. Л. 119.

² РГА Республики Грузия. Ф. 157. Оп. 1. Д. 211. Л. 37–38.

³ Аршаруни А., Габидуллина Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. М., 1931. С. 102.

⁴ См. Королёв В. И. Северная Таврия в 1907–1917 гг. Симферополь, 1995, С. 40.

⁵ Королёв В. И. Северная Таврия в 1907–1917 гг. С. 43.

¹ См. Свиетоховский Т. // <http://www.kitabxana.org/site/sventoch.htm>.

² Свиетоховский Т. // <http://www.kitabxana.org/site/sventoch.htm>..

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Багирова Ираида Саид-кызы. Политические партии и организации Азербайджана в начале XX века. 1900–1917. Текстовый файл.

⁶ Климович А. Ислам в царской России. М., 1936. С. 216.

имеющие у себя многочисленное мусульманское население (Англия, Франция), не перестают держать его в строгой дисциплине надзора и предупреждения»¹.

Публицист В. Череванский ещё в 1901 г. написал двухтомное исследование «Мир ислама и его пробуждение», в котором писал, что «со стороны мусульманского мира грозит величайшая опасность государствам Европы»². Позднее, в 1906 г. Череванский предоставил на рассмотрение Особого Соединения по делам веры записку. В ней, в частности, он отмечал, что «всякое объединение в ближайшем времени разноплеменных мусульманских групп в одну религиозную татарскую общину было бы актом величайшего неблагоразумия»³.

Председатель Совета министров П. А. Столыпин в записке «О мерах для противодействия панисламскому и пантюркскому (пантюркскому) влиянию среди мусульманского населения» направленной 15 января 1911 г. в департамент духовных дел, писал: «Под влиянием внутренних и внешних событий 1904–1906 гг. движение в русском мусульманстве, руководимое из Турции переселившимися туда нашими подданными, преимущественно из татар, опирающимися на своих единомышленников в России, приняло за последнее время особенно интенсивный и даже угрожающий историческим задачам русской государственности характер...

В настоящее время последствия этого движения реально сказываются в следующих явлениях: 1) в совершившемся в 1905 г. отпадении нескольких десятков тысяч крещеных инородцев (частью тюркского, частью финского происхождения) в мусульманство и в интенсивно поставленной пропаганде мусульманства как среди слабых в вере крещеных инородцев Поволжья, так и среди полукочевых племен северо-восточной России, 2) в постепенном сосредоточении всей области духовного и культурного просвещения мусульман восточных и среднеазиатских областей в руках татарского или прошедшего татарскую школу духовенства... 5) в явно недоброжелательных, а часто и открыто враждебных выступлениях татарской интеллигенции и татарской печати против государственности и русской народности и 6) в нескрываемом тяготении к зарубежному мусульманству, установлении постоянных сношений с Турцией и Египтом, воспитании молодежи в турецких учебных заведениях...

Пропагандируя среди наших паломников, отправляющихся в Мекку, привлекая в Турцию нашу мусульманскую молодежь, высылая эмиссаров для пропаганды в Россию, особенно в Поволжье и Туркестан, а равно в Бухару и Хиву, издавая в Константинополе журналы и газеты на турецком и русском языках, крайне враждебного для России направления, рассчитывая на распространение этих изданий специально в России, панисламисты, как сказано, насчитывают в настоящее время уже немало в своих рядах наших же подданных, преимущественно из татар Поволжья, поселившихся и действующих в Константинополе. Ради вящего успеха своей пропаганды панисламисты выставляют в настоящее время для русских мусульман переходную к панисламизму идею о пантюркстве (пантюркизме), т.е. идею об объединении всех народностей тюркского происхождения. С этою целью имеется в виду не только поднять магометанский фанатизм, но и внедрить в мусульманскую школу, при посредстве соответственно подготовленных учителей, убеждение в необходимости единения на пантюркских национальных основаниях. Такое положение вещей очевидно вынуждает государственную власть обратить на татарско-мусульманское движение самое серьезное внимание и принять меры к обезвреживанию его для государственных интересов»¹.

Для противодействия панисламистским и пантюркистским влияниям в империи Столыпин предлагал направить усилия по трем направлениям: «1) по пути укрепления положения православной церкви в области ее государственно-культурной деятельности – меры духовно-просветительные, 2) по пути урегулирования школьно-образовательного дела, в соответствии с интересами населения и государственной пользой – меры культурно-просветительные и 3) по пути упорядочения государственно-правового положения мусульманства и усиления правительственного контроля за его проявлениями – меры административные»².

В записке от 4 августа того же г. Столыпин предложил «образование особых курсов для изучения мусульманства и тех языков, которые у нас преимущественно с ним связаны, и оборудование периодического органа, специально посвященного изучению всего исламского мира». На это дело было выделено 32 870 рублей³. «Ответственным редактором данного журнала, получившего

¹ Красный Архив. Т. 5 (18). 1926. С. 217 – 218.

² Климович А. Цит. соч. С. 217.

³ Там же. С. 223.

¹ Материал с www.tatar-history.narod.ru/library.

² Там же.

³ Там же.

название «Мир ислама», был назначен известный профессор факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета В.В. Бартольд, который с группой соратников осуществлял его издание в 1912 г. Однако вскоре Бартольд из-за разногласий с высшим руководством покинул редакцию. Журнал, уже с другим составом сотрудников, выходил в свет и на протяжении 1913 г., затем его выпуск прекратился¹.

В 1913 г. в газетах «День» и «Баку» были помещены статьи следующего содержания: «В министерстве иностранных дел обращено серьезное внимание на появившиеся в печати указания о командировке в Россию тайных эмиссаров младотурецкого комитета «Единение и Прогресс» с целью пропаганды среди русских мусульман панмусульманских идей и сбора пожертвований в фонд священной войны»². Писалось о том, в целях этой войны должны быть устранены внутриисламские разногласия между шиитами и суннитами. «Проницательный наблюдатель происходивших в Закавказье событий, Воронцов-Дашков, в докладе царю в 1913 г. следующим образом оценивал политические воззрения местных мусульман:

«Я должен отметить, что если нам когда-либо придется иметь дело с сепаратистским движением среди какого-либо из народов, населяющих Кавказ, то это может быть только среди мусульманского населения по причине его численного превосходства над другими этническими группами и возможности вспышки религиозного фанатизма, подогреваемого близостью Кавказа к исламским государствам... Поэтому, – делал он вывод, – признавая право на самобытность мусульманских народностей и на свободное вероисповедание, необходимо воздействовать на них посредством приобщения их к русской культуре и насаждения среди них начал русского правосознания»³.

В целом вопрос противодействия пантуранизму вызвал целый ряд правительственных мер. «Курс общеимперской политики по «мусульманству» согласовывали особые совещания – специальные междуправительственные обсуждения предложений и рекомендаций по решению этого актуального для монархии Романовых вопроса. Такие совещания... неоднократно созывались в столице империи в течение 1905–1914 гг. с участием в них представителей МВД, Ми-

нистерств народного просвещения и финансов, Святейшего Синода и других центральных ведомств, а также чиновников из губерний и областей со значительным присутствием «магометанского элемента». Процесс проходившего обсуждения фиксировали «журналы» – ежедневные записи хода заседаний и высказанных на них мнений, в конце которых обычно помещались итоговые протоколы.

Деятельность особых совещаний способствовала появлению разнообразных материалов по исламской тематике – записок, заключений, обращений, представлений, проектов, справок, циркуляров и т.д.»¹.

В 1913–1914 гг. турецкие усилия, направленные на пропаганду панисламизма, приняли откровенно милитаристский характер. Турецкие эмиссары: Емен Хайрулла-оглы под именем Омри-эффенди, генерал-консул в Карсе Гасан-бей, члены младотурецкой партии Мезар Аркали Мевглю-ага и его брат Риза – под видом скупщиков скота «должны направиться сначала в Закавказье. . . а затем обойти и остальной Кавказ, с целью собирания пожертвований с сельчан и горожан на священное дело борьбы ислама с христианством»². Уинстон Черчилль писал о кануне мировой войны: «Османские шпионы в России крутились вокруг Олту, Ардагана и Карса и деловито учитывали запасы зерна у мусульман-гурок, основной массы крестьянского населения тех мест. Злаки предназначались для турецких колонн, действующих по ущелью Чорох и против русского тыла»³.

Панисламистские устремления младотурецкого правительства были направлены, как уже говорилось, и в сторону Британской Индии. В 1906 г. была создана Всеиндийская мусульманская Лига, впрочем, это создание произошло во многом как противовес Индийскому Национальному Конгрессу. Лидерами индийских мусульман были Ага Хан и Амир Али. Внутри Лиги организовалась и панисламистская группа, сплотившаяся вокруг издателей газеты «Камрад» – братьев Шаулета и Мухаммеда Али и газеты «Заминдар» – Зафар-Али-Хана. Известный индийский борец с английским колониализмом Бартакулла в 1911 г. посетил Константинополь и начал издавать журнал «Эль-Ислам»⁴. Отношение Бартакуллы к событиям

¹ Предисловие Д. Ю. Арапова к записке П.А. Столыпина «О мерах для противодействия панисламскому и пантуранскому (пантюрокскому) влиянию среди мусульманского населения» // www.tatar-history.narod.ru/library.

² РГА Республики Грузия. Ф. 157. Оп. 1. Д. 266. Л. 40.

³ Черчилль У. Мировой кризис. Т. 1. Гл. 17 // www.livejournal.ru.

⁴ Митрохин Л. В. Идеи будущего устройства Индии в работах индийских мусульманских революционных демократов. – Общественная мысль Индии: проблемы человека и общества. М., 1992. С. 246.

¹ Предисловие Д.Ю. Арапова к записке П.А. Столыпина «О мерах для противодействия панисламскому и пантуранскому (пантюрокскому) влиянию среди мусульманского населения». Там же.

² Газета «Баку». 24 апреля 1913 год, № 90. С. 7.

³ Свиетоховский Т. // <http://www.kitabxana.org/site/sventoch.htm>.

мировой войны хорошо показывает его статья, опубликованная в 1919 г. в Ташкенте – «Большевизм и исламская политическая система». В ней Бартакулла пишет: «Благородное правительство Единства и Прогресса под руководством Талаат Паши, Энвер Паши и Джемаль Паши и весь оттоманский народ за четыре года войны проявили чудеса героизма и величие духа во имя свободы и независимости страны, пожертвовав миллионы жизней, о чём человечество будет всегда помнить и восхищаться. Жаль, что предатель Шериф Мекки вступил в сговор с англичанами и в месяц Шабан 1334 г. [Хиджры] поднял флаг восстания против правительства Халифата. Он плёл тайные заговоры и, поощряемый англичанами и их союзниками–узурпаторами, вступил в союз с близорукой партией «Итилаф» в самом центре и сердце Халифата.

Так, на исламском кладбище была погашена единственная свеча, и к этому приложили руку также и другие деспотические мусульманские руководители, которые молились лишь одному идолу – как выгоднее торговать своей родиной»¹.

Летом 1913 г. при непосредственном турецком влиянии в Индии было организовано панисламистское общество «Худам-и Каабах» («Слуги Каабы»), главной целью которого провозглашалось «сохранение и неприкосновенность» трёх святынь ислама: Мекки, Медины и Иерусалима. Они должны были оставаться под властью халифа – турецкого султана. Английские и французские «неверные» должны были очистить эти территории². В 1914 г. в Берлине образовался «Центр освобождения Индии»³, и было сформировано «временное правительство Индии» под руководством Мохендры Пратапа⁴. «Центр» разрабатывал планы восстания в Пенджабе и восточной Бенгалии.

Вновь пробуждается Ваххабитский Орден. Однако усилилась деятельность ваххабитов лишь в 1916 г., когда стоявшему в это время во главе Ордена Нимаяту Улле, воспользовавшемуся тем, что значительные силы англичан, стоявшие на англо-афганской границе, были переброшены на европейский театр войны, удалось поднять

против англичан ряд приграничных афганских племён. Но, ввиду отсутствия у нападавших достаточного количества военных припасов и, главным образом, огнестрельного оружия, атака была отбита. Этот успех англичане поспешили подкрепить золотом, подкупив самого руководителя Ордена Нимаят Уллу и при его тайной помощи арестовав приверженцев Ордена, находившихся внутри Индии¹.

Другим центром антианглийского протурецкого движения было радикальное течение индийского панисламизма во главе с руководителем Деобандского центра Махмудом Хасаном. В 1914 г. был создан «революционный фонд», финансирувшийся крупной мусульманской буржуазией. В период войны Хасан вёл переговоры с Афганистаном, Турцией, ездил в Мекку, где убеждал поддержать восстание глав других мусульманских стран². Эта бурная деятельность Хасана была не слишком заметной, так что только в 1918 г. англичане случайно узнали о плане восстания и приняли меры предосторожности – Хасан был сослан на Мальту³. Однако все это время на западе Индии с турецкой помощью Хасаном готовилось восстание, – формировалась целая армия, названная им «Армия Бога». Целью её действий было: «сбросить англичан в Индийский океан»⁴.

В соседнем с Индией Афганистане среди политических группировок, борющихся за влияние на эмира Хабибуллу, две наиболее значительные выступали против Англии. Староафганцы во главе с братом эмира Насрулло-ханом призывали выступить на стороне Турции и Германии против России и Англии. Противниками войны выступали только немногочисленные и невлиятельные слои афганского общества, такие как купцы, ведущие торговлю с Индией и Туркестаном. Но в связи с началом войны торговля с Россией и Индией резко сократилась, поэтому и в этих кругах многие положительно относились к перспективам войны, что позволяет говорить о желании практически всех слоёв афганского общества поддержать Турцию в её войне с Антантой. Младоафганцы, ведомые сыном эмира – Амануллою и прогрессивным деятелем Махмуд-беком Тарзи, выступавшие за реформы и независимость Афганистана, также не были склонны поддерживать Британию. На страницах выпускаемой Тарзи газеты «Сирадж ал-ахбар-и афганиа» часто публиковались панисламистские материалы. Существовали и тес-

¹ Мохаммед Бартакулла. Большеизм и исламская политическая система (перевод с англ. Л. В. Митрохина). – Общественная мысль Индии. Проблемы человека и общества. М., 1992. С. 270–271.

² Гордон-Полонская Л. Р. Мусульманские течения в общественной мысли Индии и Пакистана. М., 1963. С. 19–22.

³ Hamid A. Muslim Separatism in India. A Brief Survey 1858–1947. Lahor, Karachi, Dacca, 1971. P. 102.

⁴ Bose A. C. Indian Revolutionaries Abroad. 1905–1922. Patna, 1971. P. 91.

¹ Ibid. P. 167–174.

² Пономарёв Ю. А. История мусульманской лиги Пакистана. М., 1982. С. 52.

³ Khaliquzzaman Ch. Pathway to Pakistan. Lahor, 1961. P. 32.

⁴ Камов А. Мусульмане Индии. М., 1930. С. 54.

ные связи младоафганцев с младотурками. Реорганизацией афганской армии, в частности, занимался турецкий офицер Хайри-бей, направленный в Афганистан лично Энвером. Другой турецкий военный специалист – Махмуд-сами обучал офицерский состав личных эмирских войск.

«Пантюрецкие территориальные амбиции и виды на устройство всей государственной жизни воплотились в четком военном плане»¹ – так писал о деятельности пантюкистов в период войны У. Черчилль.

Отклик на деятельность пантюков в Индии дошел и до России. «Газета «Игбал», в которой в это время сотрудничали М. Э. и М. А. Расулзаде, поместила в октябре-ноябре 1913 г. в восьми своих номерах заметки о митингах в пользу Турции среди индийских мусульман. Мусульмане осуждали враждебную Турции английскую политику и требовали от своего правительства, чтобы оно помогло Турции и не дало возможности врагам разорить ее. о том, какое воздействие оказали эти заметки, и не только на Бакинских мусульман, говорит полицейское донесение, в котором отмечается, что после их опубликования и в Батуми возник «панисламистский комитет». Это и явилось одной из причин закрытия «Игбала»².

С началом войны в Европе, пантюкистские настроения в правительстве усилились: «...приемную военного министра Энвер-паша ежедневно заполняли эксцентрично разодетые люди, твердившие Энвер-паше о «туранском пути», «туранском завоевании» и добивавшиеся наград и милостей. Они гадали Энвер-паше, толкуя, что седые волосы на его голове – примета «завоевателя», подносили ему касыды о «туранском завоевании»³.

В 1914 г. видный деятель младотурецкого движения Омер Наджи, известный как вдохновитель агрессивного политического курса Турции в отношении Кавказа, был назначен главным инспектором партии «Единение и Прогресс» по Азербайджану и Восточному Кавказу⁴. Вскоре известные пантюкистские пропагандисты Бахаэддин Шакир-бей и Рушани-бей были направлены через Эрзурум на Кавказский фронт, где Энвер задумал удар по России⁵. Также к началу войны относится план создания независимого му-

сульманского государства (будущего Азербайджана), созданный в кругах бывших членов организации «Дифай». Сразу после начала войны с Россией, их посланник, Аслан-хан Хойский, племянник Фатали-хан Хойского, одного из лидеров «Мусавата», секретно пересек линию фронта и в феврале 1915 г. прибыл в штаб Энвер-паша в Эрзеруме. Целью этой поездки было получить одобрение Турции на создание республики, в состав которой вошли бы Бакинская, Елизаветпольская и Эриванская губернии, а также Дагестан и Терек. «В 1914 и 1915 гг. отмечалось несколько случаев саботажа, распространения листовок антироссийского содержания, и правительство сочло необходимым закрыть несколько азербайджанских газет»¹.

К 1914 г. относятся сведения русской разведки о кружке панисламистов «Муджаидин», действующем в Нахичевани. «Вероятно, здесь имеется в виду организация «Муджахид», имевшая в Нахичевани довольно сильные позиции во время иранской революции 1905–1911 гг. и возобновившая свою деятельность во время первой мировой войны. Организация насчитывала более 60 членов и возглавлялась Гаджи Мир-багиром Гейдарзаде. Членами организации были также персидскоподданные братья Кафар и Рауф бек Сафаралибековы»². Основным направлением в деятельности организации была агитация в мечетях, чайханах и других общественных местах, сводившаяся к мысли о единении мусульман независимо от их принадлежности к шиитам или сунитам и оказании всевозможной помощи Турции в войне против России. Использовалась при этом и пантюкистская идеология.

«Пропагандистскую работу вели в основном Мир-багир Гейдарзаде и Р. Сафаралибеков. На одном из собраний организации во время наступления турок в Южном Азербайджане Мир-багир Гейдарзаде требовал немедленно начать открытое восстание против русских, но остальные члены организации не поддержали его, найдя эту крайнюю меру преждевременной и предложив приступить к подготовке разрозненных пока вооруженных групп, которые можно было бы впоследствии обратить в партизанские отряды»³. Один из полицейских чиновников сокрушался, что в результате работы Мир-Гейдарзаде в Ордубаде, местные жители «из лояльных

¹ Черчилль У. Мировой кризис. Т. 1. Гл. 17. // www.livejournal.ru.

² Багирова Ираида Саид-кызы. Политические партии и организации Азербайджана в начале XX века. 1900 – 1917. Текстовый файл.

³ Алиев Г. З. Турция в период правления младотурок. М., 1972. С. 270.

⁴ Свиетоховский Т. // <http://www.kitabxana.org/site/sventoch.htm>.

⁵ Алиев Г. З. Цит. соч. С. 288.

¹ Свиетоховский Т. // <http://www.kitabxana.org/site/sventoch.htm>.

² Багирова Ираида Саид-кызы. Политические партии и организации Азербайджана в начале XX века. 1900–1917. Баку, 1997. Текстовый файл.

³ Там же.

русских граждан стали ненавистниками России и преданными сторонниками турок»¹.

После начала войны действия организации стали принимать угрожающий для властей характер. В декабре 1916 г. в Нахичевани было арестовано 11 человек во главе с М.Б. Мир-Гейдарзаде, в Джульфе – Р.Б. Сафаралибеков, в Хое – 9 человек. В селениях было арестовано 40 человек, Из них 30 из Нахичеванской уездной тюрьмы были отправлены под конвоем в Эриванскую тюрьму².

Приняла участие в подготовке мусульманской диверсии на Кавказе и Германия. Ее внимание было направлено на Грузию, обладавшую большими запасами стратегического марганца, необходимого для производства военной стали. «24 сентября 1914 г. по требованию министерства иностранных дел Германии Георгий Мачабели и Михаил Церетели представили письменно свой план «Отделения Закавказья от России и его последующего политического устроения»...

Центральное место в этом плане занимали организация вооруженного мятежа и срыв мобилизационного плана в Закавказье, подрыв боеспособности русской Кавказской армии и осуществление других акций, могущих привести к ослаблению России в целом и склонению ее к заключению мира с Германией. После отделения от России, по представлению авторов плана, Закавказье должно было конституироваться как независимая федеративная республика... Для формирования грузинских «добровольческих отрядов» срочно выделили 200 тыс. немецких марок. Соответствующим ведомствам было дано указание о сборе нужного количества трофейного оружия, а также о выявлении среди русских военнопленных лиц грузинского происхождения и осуществлении их соответствующей обработки.

К середине октября 1914 г. действительно было собрано нужное количество трофейного оружия. Эшелон из 26 вагонов с этим оружием был направлен из Кенигсберга в Константинополь. Что же касается набора живой силы в диверсионно-повстанческие отряды, то тут опять произошел конфуз. В 19 обследованных лагерях для русских военнопленных лиц грузинского происхождения оказалось всего лишь 881 человек, в их числе 7 офицеров, один врач и один гражданский чиновник... Несмотря на уговоры эмигрантов и специально выделенных для этого немецких офицеров, большинство тех

пленных, которые были в состоянии нести службу, не пожелали идти в добровольческий отряд. В результате к началу боевых действий на Кавказском фронте удалось собрать лишь небольшой отряд в составе около 300 человек, получивший от немцев весьма громкое название – «грузинский легион». Он был сколочен в основном из грузин-мусульман – жителей Турции... То, что турки не смогли найти опору в Грузии, зафиксировал даже Особый отдел царского полицейского департамента. В информации отдела о положении в Закавказье от 30 ноября 1914 г. говорится: «В Грузии трудно найти человека, который сознательно высказывал бы желание стать на стороне турок»¹.

Можно констатировать, что пантюркистская и исламистская пропаганда не привела на Кавказе и Крыму к массовым выступлениям мусульманского и тюркского населения Российской империи против правительства, или к дезертирству из армии. Не удалось младотуркам и разжечь в России огонь джихада.

Османская империя была государством, в котором существовали две власти. При чем власть гражданская в большей степени уступала власти духовной – религиозной. Не случайно авторитет султана дополнялся и освящался халифатом – духовным лидерством турецкого султана над всеми мусульманами. Младотурецкий кабинет, при всей своей, на первый взгляд, светскости, также не избежал влияния идеологических и духовных факторов. Роль таких факторов и сыграли лидеры пантюркистского и панисламистского движений. Если в делах внешней политики заметны были только члены «триумvirата» Энвер-Талаат-Джемаль, то в вопросах внутренней политики этим троим приходилось подчиняться курсу, который вырабатывался другим «триумvirатом» – доктор Бехаэдин Шакир² – доктор Мехмет Назым – Зия Гёкальп. Это были поистине «серые кардиналы» младотурецкого правительства, образовавшие

¹ Пипия Г. В. Германский империализм в Закавказье в 1910–1918 гг. М., 1978. С. 62–65.

² Бехаэдин Шакир (?–1922), турецкий политический деятель. Политическую деятельность начал в салоницком отделении общества младотурок. По поручению комитета действовал в качестве шпиона в столице, будучи личным врачом при одном из наследников престола. За антигосударственную деятельность был сослан в провинцию, но в 1908 г. тайно вернулся в Стамбул. В 1913 гг. был назначен секретарем ЦК партии «Единение и прогресс». По окончании войны бежал из Турции, захватив с собой партийный архив и уничтожив документы, свидетельствующие об уничтожении армян, жил в Берлине под чужим именем. 17 апреля 1922 г. вместе с Джемалем Азием был убит армянскими мстителями Арамом Еркяном и Аршавиром Ширакяном.

¹ ГАППОД Азербайджанской Республики. Ф. 276. Оп. 8. Д. 513. Л. 18.

² Там же. Л. 59, 71.

«ядро новой структуры в высших эшелонах власти... Их образ действия определялся главным образом националистическими целями, которые подразумевались в результате перехода от концепции всеохватывающего оттоманизма к исключительно тюркскому»¹. Главными теоретиками младотурецкого идеологического центра были Зия Гёкальп и доктор Назым. Бехаэдин Шакир бал стратегом и проводником новой идеологии.

С Энвером у доктора Шакира и доктора Назыма образовались самые дружественные связи, и именно это делало военного министра самой влиятельной фигурой в правящем младотурецком триумвирате, и именно его решения и именно его выбор становился выбором всей империи, а вел этот выбор к перспективной цели – созданию Великого тюркского государства – Турана.

«Хусейн Джавид в своей статье «Долгожданный день», опубликованной в самом начале Первой мировой войны, воодушевленно писал, что война предоставила для турецкого народа историческую возможность наконец-то расквитаться с врагами. Настал день возмездия. Возмездие должно было быть безгранично жестоким. Поэты во главе с Зией Гёкальпом живо отозвались на это событие стихами:

Торопись, пусть вновь развивается алый флаг над Плевной,
Пусть днем и ночью кровь течет по Дунаю...

Великая миссия возлагалась на Энвер-пашу, действия которого возвестили бы «всему миру о спасении турок»... Действия Энвер-паши на Кавказе и в Иране противоречили логике военного искусства и могли быть объяснены лишь страстным желанием осуществить вековую мечту»².

Конечно, младотурецкие лидеры видели, что пантюркистская пропаганда не столь результативна в отношении российских и британских территорий, населенных тюркскими народами, и приписывали это противодействию великих европейских держав. В своем выступлении на съезде партии «Единение и прогресс» в 1916 г. Талаат-паша говорил: «Мы окружены вражеским кольцом, все хотят нашей гибели.. Мы не претворили в жизнь доктрину «панисламизма», а просто вели разговоры о возможности ее внедрения. а наши враги решили прикончить нас, пока дело не дошло до практики. «Пантурсизм» тоже остался лишь теорией; как только мы сдела-

ли вид, что им занимаемся или будем заниматься, нам тут же был вынесен смертный приговор». Тем не менее, в резолюции, принятой съездом, выражается «уверенность в победе справедливости, несмотря на вражеское окружение»¹.

Современное положение в Турции также несёт на себе отпечатки событий начала века. Не говоря уже о том, что само существование Новой Турции напрямую связано с итогами войны, события этого времени находят отражение в современной турецкой культуре. В частности, идеи пантюркизма отнюдь не исчезли с распадом Османской империи. В современных учебниках по истории Турции, вышедших уже в 1990-е гг., можно прочесть о принадлежности к тюркам шумеров, троянцев, этрусков, майя, ацтеков. «Согласно современным историкам, – пишется в учебнике для турецких лицеев 1993 г., – тюрки привили всем другим народам основы права, организации и государственного строительства... Тюрки стали первым обществом на Земле, которое взрастило политические кадры, разработало законы»². Остаётся и связь пантюркистской идеологии с панисламизмом. «Дунайские булгары, приняли христианство, и поэтому растворились среди славян»³. Греки рассматриваются в турецких школьных учебниках как враги турок номер один, хотя «... у турок много врагов; друзей, кроме турок, у турок нет»⁴. Тансу Чиллер, будучи премьер-министром Турции, заявила в 1998 г., что «у турецкой версии происходящей глобализации нет никаких препятствий. XXI век станет веком тюркского глобализма» Основной проект, на который работает Турция, – создание Великого Турана, Турецкого Союза, Соединенных Штатов Турции из всех тюркских республик бывшего СССР и РФ. Эти регионы – «жизненные сферы турок»⁵.

«Сторонники неоевразийства сегодня навязывают идеи «православно-мусульманского двуединства» или даже некоего «славяно-тюркского суперэтнуса». При этом «суперэтнос» в турецком пони-

¹ Там же.

² Исаев А. Свои и чужие, – «Родина», № 5 – 6, М., 1998. С. 165. Примечательно основание этих заявлений – «тюрки, научившись управлять стадами животных, перенесли эти навыки на людей».

³ Исаев А. Цит. соч. С. 166. Аналогичной точки зрения придерживался уже Текин Альп, утверждавший, что причиной «детюркизации» таких народов, как венгры и болгары, явилась как раз их христианизация». Танер Акчам. Турецкое национальное «я» и армянский вопрос. Текстовый файл.

⁴ Исаев А. Указ. соч. С. 165.

⁵ Eurasian Studies, TIKA, 2000, № 18. P. 74.

¹ Ваакн Дадрян. Геноцид армян: содержание преступления. Ереван, 2005. С. 9.

² Танер Акчам. Турецкое национальное «я» и армянский вопрос. Текстовый файл.

мании означает постепенное отуречивание и исламизацию русских. Сущность неоевразийства сводится к тому, что:

1. Турция и пантюркизм не опасны для России.
2. Турция не имеет намерений образовать империю Турана.
3. Тюрко-мусульманские народы России составляют основу российского государства, способны навести мосты между Россией и Турцией, создать новую цивилизацию «русского леса и тюркской степи» на почве экономического, культурного и нравственного сближения.
4. Русский суперэтнос лишен национальной самоидентификации, является наследием тысячелетней традиции объединения и этнического структурирования древнего тюркского суперэтнуса.
5. Русское (российское) государство в результате монголо-татарского нашествия отошло от византийского (восточнохристианского) наследия»¹.

«Возрождение цивилизаторской и освободительной роли России на международной арене – главное условие организации эффективного противодействия пантюркизму и агрессивным геополитическим и геоэкономическим устремлениям Турции. Подобная роль России – это не только великая миссия русского народа, но и историческая возможность возвращения статуса великой державы, от чего Россия не может отказаться в силу своего объективного положения и места (географического, экономического, геополитического, военного, цивилизационного) в системе международных отношений» – пишет по этому поводу современный историк армянин А. Сваранц².

3. Германское военное присутствие и его роль в вовлечении Турции в мировую войну

После прорыва в Чёрное море «Гебена» и «Бреслау», вопрос о выступлении Турции на стороне Австро-Германского блока стал всего лишь вопросом времени.

Правительства и дипломаты Антанты пытались настоять на высылке из Турции немецких военных моряков и техников с «купленных» кораблей, однако добились обратного результата: 15 августа «адмирал Лимпус и все офицеры британской военной миссии были внезапно замещены в командовании турецкими офицерами»

¹ Сваранц А. Пантюркизм во внешнеполитической стратегии Турции в 90-х годах // Армянский вестник. № 1–2. 2000.

² Там же.

(телеграмма Бомонта – Грею от 17 августа 1914 г.). Члены миссии, впрочем, были приписаны к посольству и оставались в Турции еще месяц¹.

16 августа представители фирмы Армстронг (строившей для турок один из реквизируемых Адмиралтейством дредноутов) получили от турецкого правительства официальную бумагу, в которой к фирме предъявлялось требование выплатить за невыполненный заказ сумму в 15 миллионов фунтов. В противном случае, османское правительство угрожало представить дело на рассмотрение Гаагского трибунала².

Вскоре состоялось совещание германских и турецких военных лидеров: Энвер-паши, Лимана фон Сандерса, Вильгельма Сушона, Кресса фон Крессенштерна и Бронсарта фон Шеллендорфа. Обсуждался вопрос об ускорении турецкой мобилизации, проходящей по восточному неспешно, и о возможном начале боевых действий против России и Великобритании. Сандерс предложил десантировать турецкий отряд в районе Одессы, однако стратеги посчитали, что выход военных кораблей в Черное море может подтолкнуть Англию на штурм Дарданелл, укрепление и перевооружение фортов которых было еще не завершено. Поэтому предварительно было решено сосредоточиться на районе Суэцкого канала и угрозе Египту. Это отвлекло бы союзников от Константинополя и Проливов, вызвало бы в турецком обществе прилив патриотизма (ведь Египет рассматривался в Османской империи как своя территория), и пресекло бы пути подвоза британских подкреплений из колоний на Западный фронт. Лиман фон Сандерс, реально оценивавший силу турецких вооруженных сил, пытался протестовать против этой, по его мнению, авантюры, но безуспешно³.

28 августа глава морской миссии Лимпус писал Черчиллю: «Я полагаю, что Константинополь сегодня почти полностью находится в немецких руках. Мне кажется, что Энвер и армия приветствуют это. Джавид видит, что любое действие, кроме сохранения нейтралитета, означает крах. Талаат, возможно, понимает это тоже.

¹ Белая книга Дипломатическая переписка Англии, предшествовавшая войне с Турцией. Пг., 1915. С. 9. Впрочем, по сообщению Лорея, «не все англичане исчезли из турецкого флота. Много времени спустя в константинопольском училище попались английские офицеры, терпимые и прикрываемые турками и действовавшие против германского руководства во флоте». Лорей. Операции германо-турецких морских сил в 1914–1918 гг. С. 45.

² Beaumont to Grey, no. 546, 16 August 1914 // PRO Adm 137/HS19.

³ Miller G. Straits: British Policy towards the Ottoman Empire and the Origins of the Dardanelles Campaign // www.flamboroughmanor.co.uk.

Что касается Джемаля, то он со своими французскими видами вне игры. Менее влиятельные министры и остальная масса политиков и народа в целом против германофильской политики немногих высших руководителей, но, поскольку армия остается под немецким контролем, они ничего не могут поделать»¹. Несколькими днями ранее из Болгарии пришло сообщение, что в Турцию через Софию проехала большая группа немецких морских офицеров, в числе едва ли не 90 человек. Это была заказанная Джемалем команда морских военных и инженеров под началом Гвидо фон Узедома, целью которой было скорейшее укрепление Дарданелльских укреплений и фортов². Специалистов, впрочем, было не 90, а 70.

Одним из кардинальных вопросов турецкой политики этого периода была проблема Капитуляций³, по сути превращавшая страну в вечного должника западных держав. Младотурки ставили одним из сильнейших популистских лозунгов своей программы требование уничтожить режим Капитуляций. «Из мемуаров Джавид-бея видно, что 3 сентября 1914 г. в доме у Саида Халим-паши состоялось новое секретное совещание шести министров (кроме садразамы, присутствовали Талаат-бей, Ибрагим-бей, Джавид-бей, Энвер-паша и Джемаль-паша). Энвер-паша и Талаат-бей, не придававшие серьезного значения переговорам с Антантой, настойчиво утверждали, что «дело в конце концов должно завершиться вступлением в войну на стороне Германии, что позволит ликвидировать капитуляционный режим. Двумя днями позже, на очередном заседании этих министров, было вынесено решение о полной ликвидации режима капитуляций.

8 сентября совет министров одобрил подготовленный текст»⁴.

¹ Limpus to Churchill, 26 August 1914 // WSC Comp. Vol. III. Pt. I. P. 56–60.

² Bax-Ironside to Grey, no. 66, 25 August 1914 // PRO Adm 137/800.

³ Режим капитуляций, определяющий отношения европейских граждан с Османской империей сложился к середине XIX в. из суммы договоров, трактатов и соглашений. Подданные европейских стран пользовались привилегиями, которыми не обладало местное податное население. Согласно Капитуляциям, судебные дела между европейцами разбирались в консульских судах, а суда с участием европейцев и местных жителей – в судах с участием консульских представителей. Европейцы освобождались от большей части местных налогов, пользовались правом учреждать собственную почту, селтльменты (поселения с закрытым доступом для местных жителей), иметь свою полицию и администрацию. Иностранным банкам и фирмам предоставлялось право открывать свои отделения и проводить финансовые и залоговые операции в обход местных законов, а также получать концессии с чрезвычайно широкими правами. См. Р. Пуанкаре. На службе Франции. 1914–1915 гг. М., 2002. С. 738–739.

⁴ Алиев Г. З. Цит. соч. С. 238–239.

9 сентября турецкое правительство разослало всем державам сообщение, в котором объявляло о своём решении отменить Капитуляции с 1 октября 1914 г. Согласно султанскому ираде от 8 сентября отменялись все Капитуляции, заключенные Османской империей с любым государством, и все привилегии и льготы, связанные с этими Капитуляциями или вытекающие из них. Все административные, судебные, налоговые и прочие преимущества англичан и французов тем самым подлежали ликвидации. Это решение привело к очередному витку антитурецких настроений в Англии и Франции, заинтересованных в «особом» режиме турецкой экономики¹. И, хотя экономически пострадала больше всего Франция, большее недовольство односторонним демаршем турок высказали англичане. Посол Маллет саркастично спрашивал великого визиря: «Вы будете судить английского подданного в военном трибунале, в составе которого будут немецкие офицеры? Что же это такое?»²

Россия отнеслась к отмене Капитуляций спокойно, она не была заинтересована в усилении за счет своего соседа экономик европейских держав. Еще в начале 1914 г. «Петербург выступил с предложением об отмене международного контроля над финансами Османской империи и о расширении полномочий представителя Турции в Совете оттоманского долга»³. В конце сентября 1914 г. «турецкий посол в Петрограде Бахреддин-бей (Румбей-оглы) сообщил, что, «если Турция будет придерживаться нейтралитета, Россия в конечном счете примет ее решение по вопросу капитуляций»⁴.

Отношение Германских политиков к отмене режима Капитуляций сразу же по опубликовании заявления было резко негативным. Вангенгейм считал поддержку Германией отмены Капитуляций платой за вступление Турции в войну на стороне Центрального блока. То, что младотурки сделали это, не посоветовавшись со своим высоким покровителем, взбесило могучего немца. Джавид-бей описывает свою встречу с ним так: «Вскоре пришел Вангенгейм. Мне показалось, что передо мной взбесившаяся собака. Он не говорил, а выл. В течение двух часов между нами продолжался спор.. надо было, чтобы наши германофилы видели эту сцену.. Посол говорил о том, что мы поступили не по-союзнически, не посоветовавшись предварительно с Германией.. что это решение вынесено в крайне

¹ История дипломатии. Т. 2. М., 1945. С. 270–271.

² Алиев Г. З., Цит. соч. С. 239.

³ Писарев Ю. А. Цит. соч. С. 219.

⁴ Алиев Г. З., Цит. соч. С. 239.

неподходящих условиях и не соответствует интересам союзников, что завтра англо-французский флот нападет на проливы и союзники ничем не помогут Турции..., что это решение окажет чрезвычайно неблагоприятное впечатление в Берлине и что он сам, захватив с собой военную миссию, завтра же покинет Турцию и т. д.»¹ Более того, Вангенгейм стал угрожать, что Германия прекратит военные действия в Европе и, объединившись со странами Антанты, повернет оружие против Османской империи, чтобы восстановить капитуляционный режим². Однако, посоветовавшись с руководством в Берлине, Вангенгейм снизил тон и от имени своей страны признал уничтожение режима Капитуляций. Австро-Венгрия последовала за своим союзником.

13 сентября «султанским ираде от 13 октября устанавливался «Временный закон о ликвидации старинных обязательств», имевший целью «упорядочить» отношения между подданными Османской империи и иностранцами. Вступительная часть закона обобщала ликвидацию режима капитуляций в области юрисдикции»³. 27 сентября турецкий совет министров опубликовал «заявление о правомочности правительства свободно поступать в сфере тарифов, идентичности турецких налоговых законов и европейских»⁴.

Переговоры о Капитуляциях проходили в течение всего периода сентября – начала октября 1914 г. Как Россия, так и её союзники по Антанте не признали отмену Турцией Капитуляций в одностороннем порядке, однако Россия была не против отменить части, касающиеся экономических санкций к Турции, оставив юридические, регулирующие правовой статус иностранцев в Турции. Посол России в Константинополе полагал, основываясь на переговорах с министром финансов Джавид-беем, предлагавшим «обеспечение неприкосновенности личности и жилища иностранным подданным и консульское содействие в суде», что таким образом можно было бы даже добиться турецкой демобилизации. Эту инициативу поддержали в Петрограде. «Турецкий посол в Петрограде Бахреддин-бей (Румбей-оглы) сообщил, что, «если Турция будет придерживаться нейтралитета, Россия в конечном счете примет ее решение по вопросу капитуляций»⁵. Однако прагматично настроенные западные

страны инициативу России не поддержали¹. Даже «Соединенные Штаты Америки предъявили отдельную ноту, требовавшую главным образом сохранения капитуляций в области юрисдикции»².

Упорство держав привело к тому, что турки применили силовые методы давления, отразившиеся, в первую очередь, на положении России. В день обнародования совместного заявления держав Антанты о непризнании действий турецкого правительства, 27 сентября 1914 г. «германский генерал Вебер, командующий обороной Проливов, с согласия Энвер-паши отдал приказ заминировать Проливы (был оставлен лишь узкий проход для торговых судов, сопровождаемых турецкими лодчманами)»³. Державы выразили протест, чем дело и закончилось, а Россия оказалась отрезана от своих союзников.

Стоит немного сказать о позиции Греции в начавшемся европейском конфликте, поскольку именно Греция считалась самым непримиримым противником Османской империи, чья территория непосредственно примыкала к важнейшим административным и экономическим центрам Турции – Константинополю и Проливам. Участие Греции в войне с Турцией значительно упростило бы державам Антанты их положение и способствовало победе над ослабленной империей.

С началом войны правительство Греции объявило нейтралитет. У греков имелся действующий договор с Сербией (заключенный в Бухаресте по результатам Второй Балканской войны), однако он был направлен на военную помощь друг другу в случае войны с Болгарией, а не Австро-Венгрией. Впрочем, премьер-министр Греции Элефтериос Венизелос всеми силами стремился ввести страну в орбиту европейских держав, в первую очередь, Великобритании. Его реформы начала XX в. показывают стремление принять основные европейские ценности правового, экономического и политического устройств.

С другой стороны, король Греции Константин был женат на родной сестре германского кайзера Вильгельма II. Последний, исходя из родственных чувств, обратился 31 июля к Константину с предложением военного союза. Кайзер использовал также тот факт, что отец греческого короля, Георг, был также, как и Франц-Фердинанд

¹ Писарев Ю.А. Цит. соч. С. 219. Окончательно Капитуляции Турции были отменены только в 1923 году на Лозаннской конференции. Советское правительство отменило их одним из первых своих актов в начале 1918 г.

² Алиев Г. З., Цит. соч. С. 240.

³ Там же. С. 241.

¹ Там же.

² Feroz Ahmad. The Late Ottoman Empire // The Great Powers and the End of the Ottoman Empire. London, 1996. P. 28.

³ Алиев Г. З., Цит. соч. С. 238.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 240.

убит в результате покушения, и Вильгельм, пригласив кузена в Берлин, предложил ему союз «в память о погибшем отце»¹. Одновременно Вильгельм сказал, что только союз с центральными державами поможет Греции в Борьбе с российским нарастающим давлением на Балканах (упоминались и российские претензии на Константинополь и Проливы). Спустя два дня Константин ответил, что Греция не примет активного участия в австро-сербском конфликте, и что для его страны невозможно «сотрудничать с врагами своего союзника – Сербии»². Он также заметил, что Греция настаивает на сохранении статус-кво, определенном бухарестскими соглашениями. «Такой образ мысли я разделяю со своим народом» – завершил свой ответ греческий король.

Вильгельм, по сообщению мемуаристов, воскликнул после прочтения ответа Константина: «Какой вздор!» Однако велел послать кузену в Афины пристойную телеграмму с сожалениями³.

18 августа уже Россия предложила министру иностранных дел Греции Стрейту начать переговоры о возможной помощи Сербии в ее войне с Австро-Венгрией. Стрейт сообщил Венизелосу, что «русские предлагают нам выставить против Австрии 150 тысяч человек». Венизелос отказался говорить с русским представителем до тех пор, пока Греция не получит общесоюзного предложения. Дело приняло вполне благожелательный для Антанты оборот. Английский король послал в Афины телеграмму, в которой благодарил Георга за согласие принять участие в общесоюзном деле. Российский и французский представители в Антанте выразили общую удовлетворенность. Проход в Турцию двух германских крейсеров серьезно обеспокоил всю греческую общественность, так что казалось, что имеются все основания для успешных переговоров о вступлении Греции в войну на стороне Антанты.

20 августа 1914 г., Венизелос разработал план войны с Турцией и захвата Стамбула-Константинополя, где располагается главная святыня православия – собор Святой Софии. Он предполагал активное участие Греции в этой операции, совместно с войсками других стран Антанты: Британии, России и Франции. Свой план он предоставил министру иностранных дел Британии Э. Грею, вместе

с предложением широко использовать для общего дела греческие вооруженные силы. Генеральным штабом Греции был разработан детальный план операции с высадкой войск на Булаирском перешейке полуострова Галлиполи при поддержке британского флота. Грей, прекрасно зная позицию России в вопросе о Проливах, отказался, по английской традиции пообещав Венизелосу обсудить все с другими членами правительства. Однако, никто иной, как Черчилль греческие предложения поддержал и заимел намерение прислать в поддержку грекам английский флот. 31 августа Черчилль обсуждал эту проблему с Китченером, после чего назначил двух морских офицеров Имперского Главного штаба для разработки плана захвата Галлиполийского полуострова совместно с греками¹.

Одновременно греческую инициативу отправили на экспертизу в недра Военного Совета. «1 сентября было созвано совещание из представителей морского и сухопутного ведомства, на котором и было предложено рассмотреть Дарданелльский вопрос»². На совещании начальник Оперативного управления генерал Колвелл доложил, что операцию против Дарданелл он считает очень трудной и что, по его мнению, для нее требуется не менее 60 000 человек. Эту операцию Колвелл считал возможной произвести греческими войсками. Но от Англии греки потребовали кое-что еще.

«В результате совещания 1 сентября контр-адмиралу Керру (британскому адмиралу на службе Греции) ... было поручено столкнуться с греческим командованием и выяснить возможность операции против Дарданелл. Греки ответили, что они считают возможным захват Галлиполийского полуострова, но при условии совместного выступления с Болгарией, так как поведение последней заставляет сомневаться в ее нейтралитете. Затем, в случае выступления греки обязывались своими средствами перевезти десант с материальной частью, причем английское адмиралтейство должно было лишь усилить греческий флот двумя линейными кораблями, одним броненосным и тремя легкими крейсерами и флотилией миноносцев. На этом, собственно, переговоры с Грецией и закончились»³. Дипломаты оказались в патовой ситуации. Страх Греции перед болгарской военной силой выносил на повестку дня участие в войне Румынии, Румыния же не могла ничего предпринять, пока Россия не получит преимущества на австрийском фронте, а для этого надо было, чтобы

¹ G. F. Abbott. Greece and the Allies 1914–1922. London, 1922 // www.gutenberg.com

² Ibid.

³ Ibid. Эти переговоры не были неизвестны англичанам. Глава Британской морской миссии в Греции вице-адмирал Марк Керр сообщал в Лондон, что Георг получил из Берлина телеграммы, одну из которых он прочитал вслух ему, Керру. Потом король приказал отослать вежливый отказ. The Times, 9 Dec., 1920.

¹ Laffin J. «Damn the Dardanelles»: The Agony of Gallipoli. Sydney, 1980. P. 20.

² Коленковский А. Дарданелльская операция. М., 1938. С. 11.

³ Hickey M. Gallipoli. Pp. 11–12.

Сербия оправилась от удара, нанесенного ей австрияками в начале войны... Ситуация на Балканах, как всегда, напоминала костяшки домино, когда падение одного из звеньев, вызывала крушение всей политико-дипломатической конструкции. Впоследствии греческое участие в галлиполийской операции было решительно отвергнуто Россией

Однако Греция хотела в ответ на участие в войне получить от союзников гарантии соблюдения своих геополитических интересов, а также получить материальную помощь, в первую очередь военную, без которой перспективы ее армии в войне были довольно призрачными. Греция не входила в число держав, способных обеспечить современную армию оружием, боеприпасами и боевой техникой. Но здесь возникла заминка. Ведь греческие аппетиты были известны всему миру своим размахом. Венизелос был сторонником политики восстановления «эллинского мира» – или «Мегалос идея» (Великая идея), согласно которой Греция должна была восстановить свои античные владения в Малой Азии – от развалин Трои на севере, до Смирны на юге, а также контроль над Проливами и христианский статус константинопольских храмов. Однако Венизелос не озвучивал эти идеи перед представителями великих держав.

Западные державы, занятые великими битвами на Западном фронте, не спешили с гарантиями для нового возможного союзника с таким потенциальным территориальным аппетитом. Франция в неясных формулировках пообещала кредит, британское правительство, игнорируя советы военных специалистов, предложило свести участие Греции к контролю над выходом турецких военных кораблей из Проливов. Крупная же военная операция откладывалась на неопределенный срок.

Венизелос, так ратовавший за союз с Антантой, попал, как отметил острый на язык король Константин, «в глупое положение». Огорченный и негодующий, премьер подал в отставку, которую король не принял¹. Раздоры в руководстве греческой монархии, несомненно, играли на руку туркам. В целом, недалекость европейских политиков привела к тому, что Турция продолжала оставаться под сильным влиянием Германии, что и привело к событиям конца октября.

В сентябре Россия, Франция и Британия, получив ощутимые «щелчки» на германском фронте, все же обратились к греческому правительству с очередными предложениями, но встречи они бы-

ли в стране куда как более прохладно. Антанте были предъявлены все спорные моменты на Балканах: позиция и перспективы участия в войне Болгарии и Румынии, вопросы о Македонии, Кавале, Албании. Более того, на очередных встречах с представителями Антанты по поводу войны с Турцией и участием в Дарданелльском проекте, неожиданно греческие члены заговорили о греческом населении Малой Азии. Венизелос, узнав об этих намеках (связанных с упомянутой идеей Великой Греции и претензией на территории как Турции, так и Болгарии и Сербии), сказал, несмотря на свои личные предпочтения: «Греция не должна идти на это безрассудство, поскольку, как только она вступит на землю Малой Азии, это ввергнет ее в конфликт не только с Турцией, но и с Великими державами»¹. Эти слова оказались пророческими, поскольку послевоенная попытка захватить азиатское побережье привела к величайшей национальной катастрофе греческого народа в 1922–1923 гг. Так или иначе, решить все поставленные греками вопросы быстро не было никакой возможности, и греческое участие в войне снова откладывалось, хотя переговоры и встречи на самом различном уровне продолжали происходить.

Венизелос, продолжающий отстаивать позицию присоединения к Антанте, оправился от морального удара, нанесенного ему осенью, только к февралю. Это был период завершения подготовки к морскому штурму Дарданелл. «Второй Перикл» был уверен, что Греция станет одним из самых активных участников Галлиполийского предприятия, возглавляемого лучшим другом Греции – Британией. Он сыпал похвалы и восторги ее лидерам и армии. В одном из выступлений греческий премьер сказал: «Во всех войнах, в которых она участвовала, Британия неизменно выигрывала самую важную битву – последнюю»². Начался последний этап борьбы за Грецию и борьбы Греции за участие в Дарданелльской экспедиции, в которой союзники по Антанте потерпели одно из первых поражений, сопровождавших весь ход Галлиполийской операции.

Османская империя, живущая в долг, остро испытывала нехватку средств даже в мирное время. Мобилизационные мероприятия потребовали новых значительных расходов. Взять их было совершенно неоткуда. Казна была пуста, население – бедно, торговля и промышленность – разорены революцией и войнами. «Государственный бюджет на 1914 г. был определен в 34 млн лир золотом,

¹ Ibid.

² Eleftherios Venizelos. Historical Album. Chania, 2003. P. 20.

¹ G. F. Abbott. Greece and the Allies 1914–1922 // www.gutenberg.com.

из них 14 млн – на погашение части государственной задолженности¹. В результате Энвер и Талаат пошли на авантюристический шаг, которому пытался безуспешно сопротивляться министр финансов Джавид – повторно взять в долг средства, выделенные для погашения государственных долгов.

Не снимался с повестки дня и вопрос о компенсации туркам за реквизированные Черчиллем линкоры. Представители фирм, под давлением Первого лорда Адмиралтейства оттягивали решение вопроса, а Черчилль выдвинул схему, которая вряд ли могла устроить турок. Предлагалось «арендовать» линкоры до окончания военных действий, после чего все же выдать туркам корабли, а, если они будут повреждены или уничтожены в ходе боевых действий, отремонтировать или построить новые. В качестве «арендной платы» Черчилль предложил смешную сумму в 1000 фунтов в день², то есть 365 тысяч фунтов в год за оба линкора. Учитывая, что стоимость каждого корабля превышала 5 миллионов фунтов, компенсация была поистине смехотворной. Неудачливые заказчики смогли бы на нее отстроить новые корабли только через четверть века.

Совершенным контрастом с действиями бриттов выглядит эпопея немецкого военного финансиста капитана фон Ринтелена³, обе-

спечивавшего материально миссию адмирала Сушона. 15 августа, в субботу, Сушон выслал в Берлин радиogramму, требуя денег и специалистов. К вечеру вопрос был решен положительно лично Вильгельмом. Фон Ринтелену было сказано, что турецкое правительство отказывается принимать ассигнации, но требует присылки 2 млн золотых марок. Чиновник отправился в уже закрытый Рейхсбанк, где ему предложили прийти в рабочее время, однако, зная, что вице-президент банка живет рядом, фон Ринтелен направился к нему на дом и, приведя в банк, добился выдачи золота немедленно. Рано утром фон Ринтелен отправил ящики с золотом под присмотром сопровождающего из числа служащих банка австрийским поездом. Сушону отправили сообщение, что 16 августа золото направлено в Константинополь. В 4 часа вечера поезд пересек австрийскую границу. Однако в понедельник утром австрийского посла в Берлине разбудила секретная телеграмма из Вены. В телеграмме сообщалось, что сербский шпион с германскими документами задержан в Вене с крупной суммой германских же денег. Полиция в Вене просила узнать посла источник золота. Спустя час фон Ринтелен был в курсе инцидента и после полудня «шпиона» (а это был тот самый банковский служащий, сопровождавший «посылку») освободили. С извинениями и поспешностью его посадили на Бухарестский экспресс. Далее дело пошло без задержек. 19 августа агент был в Бухаресте, 20 – в Софии. Наконец 22 числа из Константинополя фон Ринтелену пришла шифрованная телеграмма, что золото прибыло в целостности¹.

А деньги младотуркам требовались действительно срочно. «Дебаты в правительстве по вопросу изыскания средств на мобилизацию 800-тысячной армии и ведение военных действий затянулись... 5 сентября между Джавид-беем, Энвер-пашой и Талаат-беем произошло резкое столкновение... По требованию Энвер-паши 13 сентября 1914 г. вопрос о финансировании армии вновь был поставлен на обсуждение совета министров. Энвер-паша требовал для армии 2 млн лир ежемесячно. В результате категорического возражения

гражданин Эмиль Гаше» был арестован и препровождён в Тауэр. Никаких показаний он не дал. 13 апреля 1917 г., уже после вступления Америки в войну, его отправили в США, где он содержался в тюрьме Томбс до 1921 г. После этого он переехал в Англию, так как решил порвать с германской разведывательной службой и рассказать всё, что он знает о методах немецкого шпионажа. Он остался в Англии и откалзлся иметь какие-либо дела с нацистами накануне и во время Второй мировой войны. Умер Франц фон Ринтелен 30 мая 1949 г. в Лондоне.

¹ Miller G. Straits... // www.flamboroughmanor.co.uk.

¹ Алиев Г. З., Цит. соч. С. 251.

² Miller G. Straits... // www.flamboroughmanor.co.uk.

³ Франц фон Ринтелен – немецкий разведчик. Родился в 1877 году. После службы в германском военно-морском флоте в течение нескольких лет работал представителем одного из ведущих германских банков в Нью-Йорке. С началом войны вернулся на службу в имперский военный флот в качестве финансового советника в ранге капитана. Его светские и финансовые связи помогли ему войти в круг самого кайзера, и в конце 1914 г. фон Ринтелен был послан для выполнения особой миссии в Соединенных Штатах. У него был паспорт на имя швейцарского гражданина Эмиля Гаше. По прибытии в Нью-Йорк Ринтелен встретился с военно-морским и с военным атташе, капитаном Бой-Эдели и капитаном Папенем, для которых он привез новый секретный код. Затем с помощью знакомой дамы Ринтелен связался с российским военным атташе в Париже графом Игнатьевым и с его помощью наладил импорт французского вина «Кларет» в США. Затем фирма Ринтелена предложила Игнатьеву расширить бизнес путём поставок для русской армии. Был заключен контракт на поставку русской армии сёдел, мясных консервов, полевых кухонь, мулов, ботинок, сапог и т. д. Были подписаны контракты, которые были зарегистрированы в российском посольстве в Вашингтоне. Первое же судно с грузом для русской армии (консервы и амуниция) было сожжено в открытом море миной, подложенной агентами Ринтелена. Количество несчастных случаев увеличивалось. 5 июля 1915 г. Милуков представил Думе доклад о том, что задержки с поставками из США становятся всё более серьёзными и что необходимо принять меры для расследования всех случаев и наказания виновных. Ринтелен, почувствовав опасность, воспользовался своим швейцарским паспортом и письмом графа Игнатьева, и на пароходе «Ноордам» отбыл в Европу. 13 августа 1915 г. на рейде в Англии «швейцарский

ряда министров во главе с министром финансов Джавид-беем эта сумма была сокращена до 0,5 млн лир»¹. Джавид, имевший до войны тесные связи с британскими и французскими финансовыми кругами, не стал просить у них отсрочить выплату внешних долгов, полагая, как он писал в мемуарах, что «это «святая обязанность государства.. его честь и совесть...» В результате «...Энвер-паша и Талаат-бей через голову Джавид-бея обратились к Германии за финансовой помощью и получили у нее заем с условием вступления Турции в войну на стороне Германии... На заседании совета министров 27 сентября 1914 г., как пишет Джавид-бей, по настоянию Энвер-паши было принято соответствующее решение. Турецкому послу в Германии Махмуду Мух-тар-бею было дано указание начать переговоры по этому вопросу»².

Официальный финансовый договор с Турцией о займе был заключен 20 октября Вангенгеймом, Энвером-пашой, Джемалем-пашой, Халил-беем и Талаат-беем. «Германия обязалась предоставить Турции аванс в 5 млн лир золотом из 6% годовых следующими частями: 250 тыс. лир – через 10 дней после подписания договора, 750 тыс. лир – через 10 дней после объявления Турцией войны России или Англии, а остальная часть – через 30 дней после начала военных действий в виде ежемесячных взносов по 400 тыс. лир»³.

В середине сентября британский посол жаловался Грею, что «Константинополь и его окрестности представляют собой натурально германский военный лагерь. Прибывает все больше германских солдат и офицеров, и теперь здесь, очевидно от 3 до 4 тыс. немецких армейских и морских специалистов, а мы все, включая Его Высочество (султана), по сути, находимся на положении военнопленных Лимана и военного министра»⁴. При этом, англичане не прилагали никаких усилий, чтобы хоть как-то привлечь турок на свою сторону материально. Все было как раз наоборот. Черчилль откровенно приказывал бизнесменам из Армстронга и Виккерс не возвращать туркам деньги за корабли, поскольку в случае выступления турок на стороне Германии, полученные из Морского фонда Османской империи деньги, без обиняков пойдут на усиление Флота Его Величества. Это вызвало ответные финансовые рестрикции со стороны младотурок.

С 1 октября 1914 г. с иностранцев в Турции стал взиматься налог теметтю, который ранее был бременем только подданных султана. Временным законом от 17 октября на иностранных граждан были распространены юрисдикция и законы Турции. По временному закону от 20 ноября были увеличены таможенные пошлины с 11 до 15%. Страны Антанты выступили с совместным протестом. Для Германии появился очередной повод воздействовать на Турцию в смысле вступления в войну, в каком случае вопрос о Капитуляциях отпадал бы сам собой.

«Германское правительство через своего посла Вангенгейма передало туркам согласие на расширение территории Османской империи на Востоке за счет присоединения к ней некоторых областей Закавказья. Однако, имея в виду собственные интересы в Закавказье, германское правительство точно не указывало, какие именно области Закавказья оно намерено отдать Турции. В соответствующем письме Вангенгейма великому визирю Саиду Халиму по этому поводу говорилось лишь о расширении территории Турции на востоке таким образом, «чтобы она имела прямую связь с мусульманскими элементами в России»¹.

Всякие перспективы стран Антанты на сохранение турецкого нейтралитета были похоронены. Ситуация усугублялась антиросийскими, антифранцузскими и антибританскими настроениями турецкой общественности, раздраженной конфискацией линкоров, ждущей освобождения от финансовой кабалы и напуганной претензиями держав на большую часть османских территорий. Это послужило причиной того, что известия о разгроме российских войск при Танненберге были постоянно и радостно повторяемы в Турции, а относительные успехи французов в битве на Марне не получили почти никакого отражения в прессе и официальных заявлениях². В Турции сложилось мнение, что победа Германии в европейской войне уже близка. Это способствовало ускорению мобилизации, поддержанной в самых широких слоях турецкого общества.

Быстрыми темпами происходило и укрепление турецкого флота, который должен был обеспечить охрану столицы и Проливов. Контр-адмирал Сушон затребовал из Германии, помимо золотых миллионов, 2 адмиралов, 10 морских офицеров, а также матросов для укомплектования турецких кораблей. Как пишет Г. Лорей: «С горячно-

¹ Алиев Г. З., Цит. соч. С. 257.

² Там же. С. 258–259.

³ Там же. С. 259–260.

⁴ The Dardanelles & their Story. L., 1915. P. 86.

¹ C. Mühlmann. Deutschland und Türkei 1913–1914. С. 97: цит. по: Пипия Г. В. Германский империализм в Закавказье в 1910–1918 гг. С. 49.

² Fulton L. Bruce. France and the End of the Ottoman Empire // The Great Powers and the End of the Ottoman Empire. London, 1996. P. 155.

стью набросились германские офицеры, унтер-офицеры и матросы на обучение турок, зная, что только после разрешения этой задачи им снова придется встретиться с неприятелем»¹. 9 сентября состоялся первый ночной поход. Начиная с середины сентября, корабли стали выходить в Черное море сперва поодиночке, а затем – соединениями, с целью приучения команд к морю.

Присутствие миссии Липмуса в Константинополе стало совершенно нежелательно. Липпус передал бумаги послу Маллету, и, с членами миссии, 16 сентября сел на итальянский пароход. В Греции пароход сделал остановку, чтобы высадить одного из членов бывшей миссии, лейтенанта ле Пажу, который, по просьбе российского Адмиралтейства, был придан русскому Черноморскому флоту в качестве офицера связи и разведки. Ле Пажу было строго запрещено возвращаться в Турцию и вообще ступить на территорию Османской империи. В Россию он ехал через Болгарию. Сам же Липпус 20 сентября прибыл в Мальту, где располагалась штаб-квартира Средиземноморского флота и ее командующего вице-адмирала Сэквила Кардена².

Казалось, англичане, сами способствовали ускорению турецкого вовлечения в войну. 27 сентября английская эскадра, получившая предписание не выпускать ни одного иностранного военного судна из Дарданелл (имелись в виду «Гебен» и «Бреслау», которые английский морской закон отказывался считать турецкими), задержала выходящий в Эгейское море настоящий турецкий миноносец. По всем морским правам это было действие, которое однозначно расценивалось как враждебное. Комендант Дарданелл, приняв английский демарш за объявление войны, немедленно закрыл Проливы, расположив на входе ряд мин. Турки потребовали отвода английской эскадры, контролирующей вход в Дарданеллы, на остров Лемнос, но англичане отказались это сделать³. «14 октября англичане обстреляли турецкий самолет. Такие вызывающие действия со стороны английских дозорных сил возбудили неприязненное отношение турок к Англии»⁴.

Нельзя, впрочем, сказать, что общественность Англии не понимала, какого выгодного союзника Германия получит в случае вступления Турции на ее стороне. Военный корреспондент «Таймс»

писал еще до начала европейской войны: «Для Германии альянс с Турцией является выгоднейшим делом. Турция замечательно расположена на стыке трех континентов, она традиционно враждебна России, чьи людские ресурсы являются в ночных кошмарах душам германских стратегов, Турция обижена на Англию из-за недавних унижений, а также потери Крита и Египта. Поэтому Турция может служить надежным оружием против России или Англии по желанию. Воюющая на стороне Германии Османская империя должна стоять в глазах не только военных германского милитаризованного государства, но и здравомыслящих немецких политиков, и заботящихся о своем кармане немецких торговцев»¹. Одним из главных негативных моментов германо-турецкого союза практически единогласно называлось закрытие Турцией Проливов и прекращение соединения Англии с Россией через них. Однако реальные действия английских политиков никак не гармонировали с рассуждениями и выводами журналистов. Положение посла Британии в Османской империи Л. Маллета было поистине плачевным. Дипломатия явно проигрывала политике и экономике. Маллету досталась незавидная участь выслушивать справедливые турецкие претензии, не имея возможности ни оправдаться, ни обещать, ни даже извиняться.

В середине сентября командующий военно-морскими силами Турции Сушон доложил, что флот и оборона Проливов находятся в боевой готовности. Однако 10 октября в Румынии умер король Кароль, всегда симпатизировавший Австро-Венгрии. Для германских интересов это был в определенной степени удар. Даже твердый Вангенгейм заколебался в своем желании вовлечь Турцию в войну. Он полагал, что в сложившихся условиях следует дать Турции время для окончания мобилизации, пополнении пустой казны и перевооружения.

Чтобы ускорить ход событий, Сушон предложил Энверу устроить демонстративный поход флота вдоль болгарского и румынского побережья. Энвер-паша сперва выразил свое согласие, но под давлением германского посланника, просившего не предпринимать ничего, что могло бы отрицательно повлиять на Румынию, чья позиция теперь была под вопросом, взял согласие назад². Но прибытие 22 числа заключительного германского золотого транша, отсланного 18 октября из Берлина по проторенному капитаном Рин-

¹ Лорей Г. Цит. соч. С. 60.

² Miller G. Straits... // www.flamboroughmanor.co.uk.

³ Мурхед А. Цит. соч. С. 28.

⁴ Лорей Г. Цит. соч. С. 71.

¹ Cit. Barker A. J. Turkey: the unknown quantity // The History of the First World War. Vol. 1. Is. 16. P. 425.

² Мурхед А. Цит. соч. С. 71.

теленем маршруту, решило дело окончательно. Кроме золота из Берлина был послан в Стамбул в качестве чрезвычайного эмиссара Рихард фон Кюльманн, целью миссии которого было устранить трения между посольством и военной миссией. Кюльманн был баварцем, рожденным в Константинополе, его отец был директором Анатолийской железнодорожной кампании. Он стал послом Германии в Турции в 1915 г., наследовав этот пост у Вангенгейма¹.

20 октября министерство иностранных дел России послало командующему Черноморской эскадрой адмиралу Эбергарду телеграмму, в которой, в частности, говорилось: «В связи с получением Турцией от Германии золота возможно в ближайшие дни ее выступление против России»². Однако Эбергард все-таки проморгал начало войны.

22 октября Энвер уведомил начальника ставки германского командования генерала фон Мольтке о своем приказе, согласно которому турецкий флот без объявления войны должен добиться господства на Черном море путем нападения на русский флот. Время нападения должно было быть определено адмиралом Сушоном.

24 октября Энвер-паша, после встречи с Джемалем-пашой и Талаат-беем, передал Сушону в запечатанном конверте приказ от 22 октября, в котором ему был дан карт-бланш на проведение боевой операции против России: «Турецкий флот должен добиться господства на Черном море. Установите местонахождение русского флота и атакуйте его без объявления войны, где бы вы его ни нашли»³.

25 октября Сушон получил от Джемал-паши адресованные турецким военачальникам секретные приказы, в которых они обязаны были подчиняться распоряжениям Сушона.

У командующего флотом Сушона был свой план, который заключался в следующем: совершенно неожиданно напасть на русские черноморские порты, действуя одновременно всеми боеспособными кораблями объединенного германо-турецкого флота, и произвести настолько значительные разрушения, чтобы ни Россия, ни Турция

не могли уже пойти на попятную. Только вечером 28 октября, когда общая атака на русские базы на Черном море была в полном ходу, Сушон получил радиограмму от германского посольства с указанием, что «под давлением политической обстановки желательно, чтобы Турция возможно скорее выступила»¹.

В столице Турции было официально объявлено, что нападение на российские порты было совершено в ответ на постановку российским флотом мин у пролива Босфор².

Детальное описание первого боевого похода турецкого флота под началом германских командиров против России дал непосредственный участник событий Герман Лорей.

«27 октября 1914 г. все находившиеся в боевой готовности корабли и миноносцы турецкого флота вышли из Босфора для радиотелеграфной практики и упражнения по дозорной службе. В 15 ч. 45 мин. На «Гебене» состоялось заседание, на котором германские и турецкие командиры получили указания о предположении начать военные действия против России, а турецкие командиры кроме того – приказы морского министра, требовавшие от них подчинения командующему флотом...

В то же время был отдан оперативный приказ, который содержал задания на три дня.

ОПЕРАТИВНЫЙ ПРИКАЗ

Сведения о противнике. Многие сведения указывают на то, что русский черноморский флот подготавливает нападение.

Намерения. Энергично начать военные действия против России, в первую очередь при этом уничтожить русские морские силы, во вторую очередь – важное в военном отношении государственное и частное русское имущество и пригодные для военных целей торговые суда за исключением нейтральных.

Выполнение. Атака должна быть произведена внезапно и по возможности одновременно в различных пунктах: на Севастополь – флагманский корабль, заградитель «Нилуфер» и 2 эсминца; против Керченского пролива и Новороссийска – «Бреслау» и «Берк»; на южный берег Крыма – «Гамидие»; на Одессу – 2 эскадренных миноносца и заградитель «Самсун»; перерыв кабеля Севастополь – Варна – крейсер «Пейк»...

Таким образом, жребий был брошен. Турция объявила войну России, притом именно на том море, на котором в течение почти

¹ Trumpener U. Germany and the End of the Ottoman Empire // The Great Powers and the End of the Ottoman Empire. London, 1996. P. 109. В ноябре 1917 г. Кюльманн стал министром иностранных дел Германии, а в январе 1918 г. – главой германской делегации на переговорах с большевистской Россией в Брест-Литовске (в ситуации, схожей с распадом Османской империей). См. Уткин А.И. Унижение России: Брест, Версаль, Мюнхен. М., 2004. С. 17–18.

² Лорей Г. Цит. соч. С. 72, прим.

³ Там же. С. 73.

¹ Там же. С. 71.

² Киреев Н. Г. Цит. соч. С. 100.

40 лет не показывался ни один турецкий корабль. Соединения турецкого флота выступили для выполнения возложенных на них задач.

«Гебен» (командир капитан I ранга Аккерман) с заново отремонтированными котлами (была произведена частичная замена труб) на рассвете 29 октября в полной боевой готовности находился перед Севастополем...

Отряд шёл 10-узловым ходом. Было принято 2 русских радио. Первая в 4 час.: «Одесса. «Кубанец» взорван, вражеский военный корабль ходит по одесской гавани и взрывает корабли» и в 4 ч. 45 м.: «Война началась». Неудивительно поэтому, что Севастополь был наготове. В 6 ч. 28 м. береговые батареи открыли по «Гебену» ураганный огонь, а в 6 ч. 30 м. «Гебен» начал отвечать. Он открыл обстрел форта «Константин» с дистанции в 78 км (40 каб.), а затем перенёс огонь на суда, стоявшие в порту, на арсенал и военный порт (120 км – 65 каб.), ведя огонь залпами крупной и средней артиллерии. Всего было выпущено 47 снарядов 28-см и 12 снарядов 15-см. Большая часть снарядов «Гебена» легла на берегу в районе госпиталя, угольных складов, полотна железной дороги и Корабельной слободки, меньшая – на рейде между кораблями без попадания в них. После десятого залпа он получил три попадания крупными снарядами близ кормовой дымовой трубы; однако несмотря на множество осколков повреждения на верхней палубе оказались незначительными.. В 6 ч. 48 м. «Гебен» прекратил огонь, а в 6 ч. 50 м. прекратили стрельбу форты...

Подход к Одессе прошёл при хорошей погоде и без всяких происшествий за исключением ряда аварий механизмов, быстро и умело исправленных германским личным составом. В 1 час 29 октября на левом карамболе, в расстоянии 5–6 миль, показалось зарево большого города. Это была Одесса. В 2 часа эскадренные миноносцы повернули на W и пошли к Одессе. Относительно входа в порт ничего не было известно; не имелось сведений ни о наличии и расположении минных и боновых заграждений, ни о вероятности противодействия со стороны неприятеля. К тому же ночь была тёмная и безлунная. При такой обстановке проникновение в чужую гавань представляло большие трудности. Случай пришёл на помощь: из Одессы выходили в это время 3 корабля в кильватерной колонне, причём головной, очевидно брандвахтенное судно, шёл с огнями.. Воспользовавшись этим обстоятельством, оба эскадренных миноносца разошлись с ними контркурсом в расстоянии 50 м и направились ко входу в порт с зажжёнными ходовыми огнями, чтобы не возбуждать

подозрений. Всё было спокойно в гавани, когда эскадренные миноносцы малым ходом огибали волнолом. В расстоянии 80 м от оконечности волнолома стояла русская канонерская лодка типа «Донец». Заметив в последний момент входившие неизвестные корабли, канонерская лодка подняла тревогу, но пущенная с головного эскадренного миноносца «Гайрет» торпеда попала ей в борт, и она сейчас же затонула. «Муавенет», обогнав «Гайрет», уничтожил артиллерийским огнём и торпедами вторую канонерскую лодку «Кубанец», стоявшую у внутреннего мола...

Артиллерийским огнём были обстреляны и потоплены многие пароходы, стоявшие в гавани. Снаряд, попавший в электрическую станцию, внезапно погрузил порт в глубокий мрак... При отходе эскадренные миноносцы своим огнём подожгли несколько цистерн в нефтяной гавани; зарево этого пожара было видно ещё много времени спустя...

Минный крейсер «Берк» (под командой германского офицера) отправился в Новороссийск, имея на борту только небольшую германскую вспомогательную команду. Подготовка турецкого личного состава на нём стояла на особенно низком уровне – турецкий командир и старший инженер-механик не имели никакого опыта, поэтому плавание «Берка» совершалось в особо трудных условиях и германскому командиру приходилось преодолевать необычайные затруднения. Кроме всего прочего турецкий личный состав страдал морской болезнью, вследствие чего относился ко всему происходившему с апатией и безразличием. Только благодаря энергии и предусмотрительности молодого командира и самоотверженной работе немногочисленного германского личного состава крейсеру удалось выполнить возложенную на него задачу. На рассвете 29 октября «Берк» подошёл к Новороссийску.. В 10 ч. 50 м. «Берк» открыл огонь по русской позиции. Несмотря на плохие результаты стрельбы турецких комендоров, 300–400 русских спешно оставили эту позицию. Вскоре появился крейсер «Бреслау» (командир кап. II ранга Кеттнер). Он приказал крейсеру «Берк» уничтожить радиостанцию и находившиеся в порту суда. Несколькими 10,5 см залпами радиостанция была разрушена и кроме неё также несколько складов и бараков...

В ночь с 28 на 29 крейсер «Бреслау» направился к Керченскому проливу и в 6 час. поставил при входе в него 60 мин (углубление 2,5 м, с интервалами по 50 м), после чего 18-узловым ходом направился к Новороссийску. На этом заграждении в тот же день погибли пароходы Российского общества пароходства и торговли «Ялта»

и «Казбек». Получив донесение от минного крейсера «Берк», крейсер «Бреслау» вошёл на рейд и с застопоренными машинами остановился перед молом. С 10 ч. 50 м. до 12 ч. 40 м. с дистанции 12–40 км (6–20 каб.) «Бреслау» обстрелял два больших нефтяных склада – в общей сложности 50 цистерн, 14 пароходов, несколько зерновых складов и кран цементного завода. Было сделано 308 выстрелов...

Германский обстрел нанёс городу страшные повреждения. Командир крейсера «Берк» сообщает: «Мы видели, как пылающая красная нефть стекала вдоль улиц в море и жуткая дымовая туча обволакивала город и его окрестности. Мы покинули пылающий город и, отойдя на 80 миль от него, всё ещё видели похожий на раскалённый кратер, охваченный огнём Новороссийск». Командир крейсера «Бреслау» пишет: «Пылающие нефтяные цистерны, над которыми на сотни метров вверх поднимался густой чёрный дым, были явным доказательством нашего успеха»...

Лёгкий крейсер «Гамидие» (под командой германского и турецкого командиров) подошёл к 20 октября в 6 ч. 30 м. к Феодосии, на южном берегу Крыма. Два офицера, германский и турецкий, отправились на паровом катере в порт с предупреждением, что через два часа начнётся обстрел портовых сооружений, ввиду чего населению предлагалось очистить город. С крейсера было видно, что вместе с гражданским населением покинули город и некоторые сухопутные части. Командир не обстреливал войск, чтобы не подвергать опасности женщин и детей. Во время обстрела, произведённого между 9 и 10 час., было израсходовано 150 снарядов, разрушивших портовые краны, вокзал, водопроводную башню и склады. Во время похода вдоль крымского берега, в 15 час. крейсер утопил парусное судно в 300 т вместимостью с грузом соли; команду её взяли в крейсер. В 17 ч. 30 м. был потоплен посредством открытия кингстонов русский пароход «Шура» в 1233 т вместимостью, шедший из Николаева в Новороссийск без груза; команда его была также принята на борт. За время дальнейшего плавания вдоль западного черноморского побережья больших судов не было встречено. 31 октября в полдень крейсер «Гамидие» вошёл в Босфор.

Все корабли, участвовавшие в операции, вернулись в невредимости, целиком выполнив возложение на них задачи. Командующий флотом в донесениях об операции пишет, между прочим: «Не забывая, что удача и погода исключительно способствовали выполнению операции, мы всё же должны отнести полный успех за счёт отличного поведения и специальной подготовки германского личного состава. Все трудности, требовавшие высшей степени самоотверже-

ния, железной силы воли, бодрости и мужества, ложились главным образом на немцев, командированных на турецкие корабли. Во многих случаях были проявлены выдающаяся находчивость и энергия в преодолении препятствий»¹.

«По поводу этой операции Сушон дал фантастические объяснения, будто он был атакован русскими, чего на самом деле не было. Он заявил, что в то время как турецкие корабли находились в Черном море, «Прут» и несколько миноносцев показались около Босфора и пытались поставить там мины, чтобы перерезать путь турецким кораблям»². Также показательно для этого похода то, что турецкие миноносцы, обстрелявшие Одессу, шли под русскими флагами и отличительными огнями»³.

В Англии, получившей известие о нападении в 5.45 вечера 29 октября, тем не менее, считали, что Турцию еще можно удержать от войны. Грей направил Маллету радиogramму: «Если великий визирь не обладает достаточным влиянием, чтобы арестовать и наказать виновных, и принести России извинения и компенсировать ущерб, я не знаю, можно ли будет избежать войны, но мы не должны делать первый шаг»⁴.

В правительстве же младотурок царил форменная паника. Великий визирь, министр финансов и еще три министра подали в отставку. В посольства стран Антанты направились: Саид Халим – к Маллету, Джавид – к Бопару. Первое время казалось, что Турция близка к очередному правительственному перевороту. Однако трезво мыслящий американский посол Генри Моргантау в тот же вечер посоветовал Маллету собирать вещи»⁵.

В Россию все же были отправлены письма от имени правительства султана с извинениями, но 30 октября, в 8:15 вечера последовал ультиматум: Британия потребовала прекратить враждебные действия и дала Турции 12 часов на выдворение военной и морской миссий Германии, но требование выдворить из Турции всех немецких офицеров, которое совместно выставили российский и британский МИД, было явно невыполнимо»⁶.

¹ Лорей Г. Цит. соч. С. 74–89.

² Вильсон Х. Линкоры в бою. 1914–1918 гг. М.: Изографус, ЭКСМО, 2002. С. 232.

³ Масловский Е. Мировая война на Кавказском фронте 1914–1917 гг. Париж, 1933. С. 20.

⁴ Grey to Mallet, 29 October 1914 // WSC Comp. Vol. III. Pt. I. P. 233.

⁵ Miller G. Straits... // www.flamboroughmanor.co.uk

⁶ Черчилль У. Мировой кризис. Т. 1. Гл. 17 // www.livejournal.ru.

В тот же день российский посол Гирс получил приказ затребовать паспорт и 31 октября отбыл из Царьграда

2 ноября, не согласовывая своих действий с союзниками, Россия объявила войну Турции. 3 ноября царь обнародовал манифест к российскому народу.

БОЖИЕЮ МИЛОСТИЮ МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРОЙ,

Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляем нашим верным подданным:

В безуспешной доселе борьбе с Россией, стремясь всеми способами умножить свои силы, Германия и Австро-Венгрия прибегли к помощи Оттоманского Правительства и вовлекли в войну с нами ослепленную ими Турцию.

Предводимый германцами турецкий флот осмелился напасть на наше Черноморское побережье.

Немедленно после сего повелели Мы Российскому послу в Царьграде, со всеми чинами посольскими и консульскими, оставить пределы Турции.

С полным спокойствием и упованием на помощь Божию примет Россия это новое против нее выступление старого утеснителя христианской веры и всех славянских народов.

Не впервые доблестному русскому оружию одолевать турецкие полчища – покарает оно и на этот раз дерзкого врага Нашей Родины. Вместе со всем народом Русским Мы непреклонно верим, что нынешнее безрассудное вмешательство Турции в военные действия не только ускорит роковой для неё ход событий, но и откроет России путь к разрешению завещанных её предками исторических задач на берегах Чёрного моря.

Дан в Царском Селе, в двадцатый день Октября, в лето от Рождества Христова тысяча девятьсот четырнадцатое, Царствования Нашего в двадцатое.

На подлинном собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано:

«НИКОЛАЙ».

Турция распорядилась погасить все маяки на Чёрном море и заменить весь французский персонал, обслуживающий управление маяков. Это означало окончательное закрытие Проливов для России.

5 и 6 ноября вслед за Россией, объявили войну Турции Англия и Франция. 9 ноября английский премьер сказал в речи: «Турецкая

империя совершила суицид и своими собственными руками вырыла себе могилу»¹.

Комитет «Единение и Прогресс» опубликовал циркулярное письмо, где провозглашал: «Национальный идеал нашего народа и нашей страны требует уничтожения московского врага, чтобы тем самым достигнуть естественных государственных границ... Наше религиозное чувство побуждает нас освободить мир ислама от господства неверных»². Однако только 11 ноября 1914 г. по султанскому ирадэ была объявлена война с Россией. В тот же день шейх-уль-ислам прочёл 5 фетв о провозглашении джихада против держав Антанты: «Россия, Англия и Франция проявляют все старания, – говорилось в одной из них, – да упасёт от этого Аллах! – погасить великий свет ислама... Поэтому все мусульмане, проживающие на территории стран Антанты, должны выступить против своих правительств»³.

В воззвании к народу говорилось:

«Центральная Европа не избежала бедствий, вызванных на Ближнем и Дальнем Востоке Московским правительством, которое, стремясь уничтожить благотворение Аллаха, этого дара нациям и народам, имеет лишь одну цель поработить человечество... Правительство-притеснитель, которое носит имя Тройственного Соглашения, не только похитило в течение последнего века у мусульманских народов Индии, Центральной Азии и большей части Африканских областей их политическую независимость, их управление и даже их свободу, но, в течении более полувека, благодаря взаимной поддержке трёх держав, которые её составляют, заставило нас потерять наиболее драгоценную часть Оттоманской Империи. Наконец, в эпоху не столь отдалённую, вчера так сказать, в течении балканской войны, которую они спровоцировали, подстрекая и покровительствуя нашим соседям, оно было моральной и материальной причиной уничтожения сотен тысяч невинных мусульман, насилования тысяч мусульманских девушек и фанатичного осквернения священных для Ислама предметов... Очевидно, что те, кто преследует мусульманскую религию (творение происшедшее по внушению самого Создателя, всемогущество и силу кары которого человек не способен понять), будут рано или поздно жертвами небесного гнева, который их раздавит морально и физически. Вследствие этого

¹ The Dardanelles & their Story. L., 1915. P. 97.

² Киреев Н. Г. Цит. соч. С. 100–101.

³ Там же.

Слуга двух Священных Городов, Халиф мусульман и Глава верующих, рассматривает как величайшую обязанность магометанского Халифата призвать к Священной войне все мусульманские народы... дабы прибегнуть ко всем мерам и всему мужеству веры, чтобы с божественной помощью предохранить от оскверняющего прикосновения могилу Пророка, зрачок глаз верующих, Иерусалим, Неджеф, Кербелу, Престол Халифата, наконец, все местности мусульман, где находятся пророческие места, также как и могилы святых и мучеников, и умолить Всемогущего даровать его карающую помощь для уничтожения врагов Ислама... Халифат призывает к оружию всех без исключения подданных от 20 до 45 лет, живущих под его скипетром... как Императорские Армию и Флот, так и Улемов, профессоров богословия и учителей, которые до сего времени посвящали свою жизнь распространению образования, студентов богословия и науки – надежду религии и нации, – большую часть служащих и сынов отечества – поддержку бедных семейств и стариков-родителей, – он отдал всем верующим приказ принять участие в Священной Войне... По этим же обстоятельствам... все мусульмане, живущие в странах, подверженным опасностям гонений со стороны вышеназванных государств-притеснителей, как в Крыму, в Туркестане, Бухаре, Хиве и Индии, или проживающие в Китае, Афганистане, Персии, Африке и других странах, должны вместе с Оттоманами, считать своей наиболее повелительной религиозной обязанностью участие в Священной Войне лично и имуществом, чтобы, таким образом, как указывают священные стихи Корана, не только избежать мук, которые их могли бы поразить и в этом и в загробном мире, но и заслужить вечное блаженство...

О мусульмане, верные слуги Аллаха,

Те, кто примут участие в Священной войне для счастья и спасения правоверных и вернутся живыми, вкусят счастья; что касается тех, которые найдут смерть, они будут иметь право на звание мученика. Сообразно с божественным обещанием, те, кто пожертвуют собой за правду, обретут славу и счастье здесь на земле и рай в небесах...

Воины мусульманские.

С помощью Аллаха и духовной поддержкой пророка, вы победите и сокрушите врагов веры и вы наполните вечной радостью сердца мусульман, следуя небесному завету»¹.

Подписали: Хаири (Шейх-уль-Ислам), Зиа-эд-Дин, Мусса Кязим и Ессад (бывшие шейх-уль-Исламы), Али Хайдар (фетва-емини),

¹ Масловский Е. Ф. Указ. соч. Приложение.

и т. д. (девять «сазакие»), Ибрагим Евлия (советник шейх-уль-исламата), Хусейн Киамиль (президент совета по религиозному изучению), двенадцать высших улемов.

Также было обнародовано воззвание к армии и флоту.

По согласованию с Форин Офисом, британский флот до официального объявления войны Турции получил приказ начать боевые действия против нового врага одновременно с истечением срока ультиматума. 1 ноября два британских эсминца вошли в Смирнский залив и потопили у причала гружённую минами турецкую яхту. 2 ноября в памятной записке британского посла в Петрограде Сазонову говорилось: «По мнению правительства его величества, Турция и не заслуживает того, чтобы с ней считались, так как она показала себя неисправимой и невыносимой»¹. Впрочем, на заседании правительства Грей сообщил, что ситуация в Турции продолжает оставаться неясной.

Однако здесь на первый план выступил Первый лорд Адмиралтейства. В тот же день Черчилль отослал адмиралу Карден приказ обстрелять внешние укрепления Дарданелл с безопасной для судов дистанции².

«На рассвете 3 ноября Карден подошел ко входу в Дарданелльский пролив, дав французским линейным кораблям³ задачу обстрелять форты Орkanie и Кум-Кале, а сам с крейсерами «Индемитабл» и «Индефатигабл» начал бомбардировку фортов Хеллес и Седюльбахир (Седд-эль-барт – авт.). В течение 4 часов англичане выпустили 76, а французы 30–30,5 см снарядов. Турки отвечали недоделками. Во время бомбардировки на форту Седюльбахир произошел сильный взрыв, так как английский снаряд попал в главный пороховой погреб (по германским источникам). Взорвалось 360 снарядов и 10 000 кг пороха. Во время взрыва на Седюльбахире были временно выведены из строя все 6 орудий, из которых четыре были приведены в боевое состояние через несколько дней, а два бездействовали долгое время. В Кум-Кале было всего 4 попадания, и еще два снаряда разорвались перед батареей. Англичане считают, что на Седюльбахир было убито и ранено до 80 человек, а на Кум-Кале – 600 человек, из коих 40 немцев; Ларшер в своем труде, заслуживающем полного доверия, указывает турецкие потери в 2 человека убитыми...

¹ Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. II. От империалистической войны до снятия блокады с Советской России. М. 1925. С. 25–27.

² Черчилль Уинстон С. Мировой кризис. Т. 1. Гл. 17, текстовый файл.

³ Линкоры «Сюффрен» и «Верите».

После демонстрации 3 ноября англо-французский флот вернулся к острову Лемнос, стал в Мудроской бухте, вполне оборудованной, как безопасная стоянка под защитой береговых батарей минных заграждений и двойного бона с сетями, и не проявлял никакой активности»¹. Турецкое правительство заявило о совершении британским флотом военного преступления, однако и турецкий флот совершил аналогичное преступление по отношению к российским береговым сооружениям в Севастополе, Одессе, Новороссийске и Феодосии.

Как пишет Дж. Миллер, Черчилль начал свою личную войну с Турцией². По поводу этой бомбардировки Первый морской лорд Фишер саркастически спрашивал Черчилля в начале января: «Что хорошего дала последняя бомбардировка (3 ноября)? Отвлекла ли она с Кавказа хоть одного турка?»³

Однако успех Флота в Седд-эль-барре очень воодушевил многих политиков и военных Англии. Сентябрьские планы боевых действий в Дарданеллах были извлечены из папок.

В те же дни войска российской Кавказской армии «вторглись в Турцию, выйдя на фронт Ардост, Экрек, Кош, Али-килиса, Хоросан, овладели проходом Кара – Дербент, служившим для связи между Эрзерумской и Алашкертской группами турок, и вторглись в Баязетскую и Алашкертскую долины»⁴. Узнав о нападении, Энвер-паша 5 ноября выпустил приказ «перейти в наступление и разбить разрозненные группировки русских, сковав их части, находившиеся в Азербайджане, действиями курдских и других местных формирований. Этот приказ начал выполняться с опозданием на двое

суток»¹. «Русским войскам, предпринявшим контрнаступление, в первые же дни удалось отразить нападение турок и даже отбросить их за первоначальные позиции, занимаемые ими на центральном участке до начала боевых действий... К 6 ноября, преодолев сопротивление турок, части русской армии овладели Кеприкейскими укрепленными позициями у Пассинской долины, примыкавшей с запада непосредственно к Эрзерумскому укрепленному району. Однако в результате просчетов, допущенных командованием, части русской армии не смогли закрепиться на достигнутых рубежах...»².

Встречные сражения продолжались в течение двадцати дней, в них были вовлечены значительные силы, особенно, учитывая, что начало войны было таким внезапным. Турки сосредоточили на границе курдский корпус и семь пехотных дивизий. В Эрзерум был направлен дополнительно армейский корпус, размещенный в Самсуне. 12 ноября эти силы начали общее наступление на русские позиции, однако казачьи части Кавказской армии выстояли. Однако, «чтобы избежать обхода с фланга, русские войска 12 ноября отошли на линию Али-Калиса – Ардос – Хорасан»³.

В конце ноября, получив подкрепление, русские войска перешли в наступление. «В бурную ночь с 8 на 9 ноября (21–22 ноября) 3-я турецкая армия начала общий отход; многие ее части были охвачены паникой... Свое внезапное отступление Гасан-Изет-паша объяснял нехваткой боеприпасов и желанием вследствие этого оторваться от наседавших русских. Он предполагал выждать подход остальных двух дивизий 10-го корпуса, после чего вновь перейти в наступление»⁴. Однако начавшиеся в декабре морозы помешали этим планам. Войска с обеих сторон были отведены на зимовку.

В ходе встречных боев в ходе Кеприкейского сражения «потери турок достигли 15 тысяч человек (в том числе 3 тысячи дезертиров); русские потеряли 6 тысяч человек»⁵. «Соединения русских войск сражались, проявляя свойственные им упорство и отвагу. В этих боях особо отличились солдаты 1-й кубанской пластунской бригады генерала Крыжановского. Солдаты этой бригады в течение суток дважды под покровом ночи форсировали бурный Аракс: под утро 17 ноября, перейдя на левый берег реки, они стремительным

¹ Коленковский А. Дарданелльская операция, 1938. С. 15–17. Черчилль, приказавший произвести демонстрацию, честно признавался впоследствии: «Резонность проведенной демонстрации оспаривается самым серьезным образом. Причины обстрела просты, хотя и не очень весомы. Британская эскадра месяцами томила в ожидании у входа в Дарданеллы. Началась война с Турцией. Казалось естественным открыть огонь по врагу, как это полагается на фронте, в столкновении с неприятельской армией. Флот должен был точно определить эффективную дистанцию огня турецких орудий и выяснить, как можно войти в заблокированный порт. Утверждают, что бомбардировка была неразумным предприятием: турки озаботились защитой Дарданелл и укрепили оборону. После объявления войны мы, в любом случае, не миновали бы такого исхода. о степени влияния бомбардировки на оборонительное строительство остаётся лишь гадать». Черчилль У.С. Мировой кризис Т. 1. Гл. 17, текстовой файл.

² Miller G. Straits... // www.flamboroughmanor.co.uk

³ Лихарев Д.В. Цит.соч. С. 143.

⁴ Корсун Н.Г. Кампания 1914 г. на Кавказском фронте // <http://www.retropressa.ru/kampaniya-1914-g-na-kavkazskom-fronte/>

¹ Там же.

² Пипия Г. В. Указ. соч., с.53.

³ Там же.

⁴ Корсун Н. Г. Указ.соч // <http://www.retropressa.ru/kampaniya-1914-g-na-kavkazskom-fronte/>.

⁵ Там же.

ударом разгромили двигавшуюся вдоль реки турецкую пехотную дивизию; затем, на исходе дня, с наступлением темноты, части бригады снова вернулись на правый берег Аракса и своим внезапным появлением перед позициями противника обратили в бегство другую турецкую пехотную дивизию, намередавшуюся было предпринять наступление на русские позиции»¹.

«Обе стороны получили возможность организовать зимовку своих войск. Это было особенно необходимо для турок ввиду отсутствия теплой одежды. Зима сильно сказалась на курдских частях, начавших разбегаться по домам. Из общего числа 18 тысяч бойцов в курдском корпусе осталось в строю лишь 2 800 человек»².

В 18-м Северском короля Христиана IX Датского драгунский полк (полковник Копачев) взводным унтер-офицером 5-го эскадрона был С.М. Буденный. Полк входил в состав Кавказской кавалерийской дивизии. Буденный получил крест 4-й степени на турецком фронте, в конце 1914 года. 5 декабря 1914 г. дивизия продолжала поход на Карс, откуда двинулась вдоль персидской границы в обход озера Урмия на турецкий город Ван. «Кавказская кавалерийская дивизия продолжала свой поход на Карс, откуда ее предполагалось бросить на Эрзурум, но обстановка изменилась, и полки дивизии из Карса двинулись вдоль персидской границы, в обход озера Урмия на турецкий город Ван.

В бою за город Ван я со своим взводом, находясь в разведке, проник в глубокий тыл расположения противника, а в решающий момент боя атаковал его батарею в составе трех пушек и захватил ее. За это меня вновь наградили Георгиевским крестом 4-й степени. Вместе со мной были награждены и некоторые солдаты взвода. Вполне возможно, что это был единственный Георгий будущего маршала.

Продолжились и боевые действия на Черном море. 5 ноября миноносцы Черноморского флота выставили более 200 мин в районе западного входа в Босфор, а броненосец «Ростислав» и крейсер «Кагул» на следующий день обстреляли угльный район Зонгулдак, потопив несколько угольщиков и буксиров. На обратном пути русская эскадра потопила 3 парохода с военным грузом для турецкой кавказской армии³. «18 ноября у берегов Крыма произошел бой меж-

ду «Гебеном» и «Бреслау» и русской эскадрой под командой в.-адм. Эбергарда в составе старых линейных кораблей-додредноутов «Златоуст», «Евстафий» и «Пантелеймон», вооруженных каждый четырьмя 305-мм орудиями в двух башнях и многочисленными 203-мм или 152-мм орудиями. Германские корабли, имея преимущество в ходе, могли выбирать дистанцию и избегать коротких дистанций, на которых сказалось бы преимущество более тяжелой артиллерии трех русских кораблей; после нескольких минут стрельбы на значительной дистанции германские корабли ушли. По имеющимся данным, «Гебен» получил попадания 305-мм снарядами в броню и потерял много личного состава»¹. По российским источникам на «Гебене» было убито 12 офицеров, 103 матроса, ранено 7 офицеров и 52 матроса². На «Евстафий» накрывающим залпом с «Гебена» была выбита вся офицерская команда 6-й команды и камбузная команда. Всего было убито 5 офицеров из общего количества 29 человек, 24 человека – ранено, многие из которых умерли от ран³. Потрепанный «Гебен» развернулся и скрылся в тумане. Адмирал Эбергард преследовать раненного врага не стал из-за малого запаса угля, израсходованного во время трехдневного похода.

Турецкое руководство сразу же ответило на объявление войны Англией и Францией силовыми мерами, правда, довольно оригинальными. «В Константинополе дорожные знаки на французском языке, стоявшие годами, были уничтожены, ни один магазин не мог использовать таблички на иностранном языке, торговцам приказали уволить иностранных работников и взамен нанять турок. Но около 3000 британцев и французов, обосновавшихся в Турции, не уехали из страны и не были интернированы»⁴.

С Россией состояние войны турки, по обыкновению восточной дипломатии, с опозданием объявили только 5 ноября. У мусульманских народов должно было создаться впечатление, что миролюбивая Турция не по своей воле ответила на очередную «вероломную» агрессию северного соседа. Правящий триумvirат младотурок разъехался по стране. Талаат, впрочем, остался в столице.

Энвер, раздраженный неудачами Кеприкейского сражения, отправился на Кавказ, чтобы лично встретить заклятого врага – москвитя.

¹ Вильсон Х. Линкоры в бою. 1914–1918 гг. М.: Изографус, ЭКСМО, 2002, с. 233.

² Петров М.А. Два боя. Л., 1926. С. 26.

³ Там же. С. 30.

⁴ Мурхед А. Цит. соч. С. 98.

¹ Пипия Г.В. Цит. соч. С. 53.

² Корсун Н.Г. Цит. соч. // <http://www.retropressa.ru/kampaniya-1914-g-na-kavkazskom-fronte/>

³ Шерешков О.С. Неизвестная война на Черном море 1914–1917 гг. Львів, 1999. С. 3–4.

Джемаль был назначен генерал-губернатором Сирии и Палестины и отправился в присинайские пустыни готовить диверсию против Суэцкого канала и англичан¹. Еще в октябре англичане были обеспокоены активностью турок в районе Суэца. «Отряды бедуинов рыли колодцы на границе. Имелись определенные указания о разработке планов минирования Суэцкого канала»². Разведка англичан не ошиблась. «По замыслу турецкого военного руководства, «эта операция... должна была укрепить германо-турецкое влияние в Египте, в странах Магриба и обеспечить вступление арабов в «священную войну» против Антанты. Но турецко-германское командование Четвертой армии не располагало достаточными силами и средствами для выполнения этой трудной задачи. Против хорошо вооруженной 35-тысячной армии, защищавшей канал и поддерживаемой объединенным англо-французским средиземноморским флотом, Турция смогла выставить всего 20 тыс. человек»³. Подготовка операции против Суэца затянулась.

«Четвертая армия, не имевшая достаточно транспортных средств, после 13-дневного перехода через песчаную пустыню Синайского полуострова в условиях бездорожья и отсутствия воды вышла 27 января 1915 г. в район канала. Но встретив упорное сопротивление англичан и, потеряв 3 тыс. человек, войска Джемаль-паша 3 февраля начали отступать»⁴.

Энвер-паша, перед своим отъездом на Кавказ, 14 ноября 1914 г., совершил акт сакрального вандализма. В Сан-Стефано, месте подписания знаменитого договора, даровавшего свободу Болгарии, была взорвана часовня, выстроенная в память русских воинов, погибших в войне 1877–78 гг. Это событие было запечатлено на первом в истории документальном кинематографическом фильме, созданном турецким автором Фуатом Узкинаем – бывшим офицером османской армии – и спонсированном военным министерством Энвера.

Осенью 1914 г. просчеты русского командования 1-й и 2-й армий во время проведения Восточно-Прусской операции привели к поражению и неисчислимым жертвам. Командующий 2-й армией генерал Самсонов покончил с собой 30 августа. Несмотря на то, что более удачно развивались боевые действия против Австро-Венгрии, масштабы войны оказались слишком велики для российской эко-

номики. Уже в Лодзинской операции в ноябре 1914 г. армия испытывала недостаток в винтовках, патронах и снарядах. Российские войска отходили на большей части линии фронта.

В конце декабря 1914 г. Кавказская армия Энвера начала масштабное наступление в районе Карс-Ардаган-Сарыкамыш. Гасан Иззет-паша был отставлен, и Энвер принял командование над турецкой III Армией. В качестве начальника штаба к нему был прикомандирован немецкий генерал Бронзарт фон Шелендорф¹. Энвер сосредоточил на направлении главного удара большие силы. «Турки имели значительное превосходство над русскими на Ольгинском направлении: в пехоте – в 6 раз, в артиллерии – в 3 раза»². Российская Кавказская армия практически исчерпала резервы, а неудачи на германском фронте не давали возможность перевести на Кавказ ни одной дивизии. Этому также препятствовали союзнические обязательства, по которым Германия и Австро-Венгрия считались основным противником. Британский МИД официальной нотой от 14 ноября советовал России основные силы направлять против Германии, а в войне с Турцией вести оборонительные действия, «до разрешения конфликта с Германией».

Поэтому, с началом турецкого наступления, предполагая возможные проблемы, российское военное командование потребовало от союзников поддержки в войне с Турцией. 2 января британский посланник в Петрограде Бьюкенен передал своему правительству послание Великого князя Николая Николаевича, в котором содержалась просьба о военном воздействии на Турцию, с тем, чтобы России не пришлось снимать войска с германского фронта.

«Великий князь Николай Николаевич... запрашивал... «не сможет ли лорд Китченер организовать какого-либо рода демонстрацию силы где-нибудь против турок, морскую или сухопутную, и так распространить информацию, чтобы заставить весьма чувствительных к изменению ситуации турок отвести часть своих сил, ныне воюющих против русских на Кавказе, и тем самым облегчить положение русских на этом фронте»³. Английскому представителю при русской Ставке было заявлено, что русское Верховное командование посылает IV Сибирский и Гвардейский корпуса на Варшавский фронт и будет продолжать наступательные операции, чтобы облегчить положение союзников на западном фронте, хотя следо-

¹ Field Marshal lord Carver. Turkish Front 1914–1918. London, 2003. P. 7.

² Корбетт Ю. Указ. соч. Т. 1. С. 404.

³ Алиев Г. З. Цит. соч. С. 292–293.

⁴ Там же.

¹ Пипия Г.В. Цит. соч. С. 55.

² Н. Корсун // <http://www.retropressa.ru/kampaniya-1914-g-na-kavkazskom-fronte/>

³ Мурхед А. Цит. соч. С. 33.

вало бы эти войска послать на Кавказ, но как компенсацию Ставка потребовала от Англии произвести диверсию в Турции. 3 января англичане ответили русскому правительству согласием на демонстрацию¹.

В этих условиях союзники, понимавшие, что Россия на Восточно-европейском фронте отвлекает значительные силы противника, и ее поражение неминуемо поставит под угрозу Западный фронт, решили прийти на помощь союзнику. Кроме того, Британию серьезно волновала проблема турецких великодержавных замыслов, угрожавших ее колониальным интересам. Так, в недрах британского правительства и штабов снова и окончательно возникла идея, которая в результате вылилась в тяжелейшее поражение Англии на Востоке – Дарданелльскую операцию.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ПРОБЛЕМА ЧЕРНОМОРСКИХ ПРОЛИВОВ И НАЧАЛО ГАЛЛИПОЛИЙСКОЙ ОПЕРАЦИИ

1. Британские планы войны с Турцией

6 сентября 1914 г. британский военный атташе в Константинополе полковник Ф. Канлифф-Оуэн прислал в Лондон неофициальный доклад относительно турецкой обороны в районе Проливов. Это было пунктуальное сообщение, в самом начале которого говорилось, что к тому времени, когда бумага дойдет до Адмиралтейства, оборона скорее всего будет усилена в результате энергичных мер, предпринимаемых немцами. Канлифф-Оуэн сообщал, что ему известно о том, что из Германии уже отправлены орудия, предназначенные для усиления артиллерии Дарданелльских фортов. По этой причине он указывал, что в случае вступления Турции на стороне Центрального блока и проведении операции в районе Проливов, форсировать укрепленные форты силами одного флота будет сложно.

Несмотря на то, что турецкий флот не представляет серьезной силы, тем не менее, присутствие в числе турецких кораблей «Гебена» потребует для его нейтрализации супердредноута. Кроме того, если не будет достигнуто полное уничтожение береговой артиллерии, то самая незначительная батарея турок, расположенная в узких частях Проливов создаст препятствия для продвижения кораблей с углем, нефтью и вспомогательных судов. Флот, даже прорвавшись к столице Империи окажется в изоляции, без топлива и снарядов. Следовательно, делал вывод атташе, сразу после открытия Проливов, необходимо будет высадить сухопутные силы в районе бухт Безик или Килид Бар. Только в случае очистки берега от вражеской артиллерии можно рассчитывать на удачные действия флота.

Эти предупреждения так и не были услышаны в руководстве Имперского Военного Флота. Они ни разу не упоминаются в документах, касающихся разработки и проведения Дарданелльской морской кампании.

Вступление Турции в войну на стороне Австро-Германского блока полностью закрыло для России Босфор и Дарданеллы и резко ухудшило её экономическое положение. Недостаток в винтовках, артиллерийских снарядах, пулемётах в обмен на российское зерно

¹ Коленковский А. Дарданелльская операция, 1938. С. 17.

для Европы стал одной из основных причин неудач российской армии в кампаниях лета 1915 года, и повлёк за собой фатальные дипломатические неудачи конца 1915 г. на Балканах. Нахождение в Чёрном море турецкого флота, усиленного приобретением «Гебена» и «Бреслау», стало постоянной угрозой южным российским городам. На конец декабря 1914 г. фон Сандерсом была намечена крупная десантная операция в Одессу, которая, впрочем, вылилась в «авантюристическую» высадку 24 кавалеристов, одетых в русскую форму «с целью разрушения железной дороги Бендеры – Рени» и поджогом близлежащих деревень»¹. Все диверсанты были выловлены и перебиты.

15 ноября 1914 г. в Константинополе Энвер-паша встретился с иранским послом в Турции по вопросу о военном союзе Персии и Турции. Переговоры затянулись, но в период их проведения резко усилилась пропаганда джихада в Иранском Азербайджане. Духовные лидеры шиитских мусульман, вдохновлённые обещанием немцев передать им некоторые святыне места, находившиеся на территории Османской империи, направили правительству Ирана телеграмму с призывом выступить на борьбу с неверными на стороне Турции. Аналогичные призывы посылались и вождям иранских и курдских племён.² В Урмии, практически на границе с Россией, курдский шейх Абдуль Кадыр выпустил фетву, разосланную ханам местных племён, согласно которой они должны были объявить джихад по приказу султана Турции – халифа всех мусульман. Эти действия, отодвигавшие возможные боевые действия все ближе к границе Индии и Кавказа очень тревожили английское и российское военное руководство.

Британия сразу же воспользовалась началом войны с Турцией, чтобы упрочить свое положение в районе Персидского залива. 6 ноября Экспедиционные силы «D», составленные из индийских войск, высадились в северной части залива, около нефтеперегонного завода, скорее с ограниченными политическими целями, нежели для оккупации Басры. Англичане намеревались возбудить местное арабское население к вооруженному восстанию против турецкого владычества, а также воспрепятствовать подобным же выступле-

ниям в Британской Индии¹. Тем не менее, спустя три недели силы «D» были увеличены, а Басра занята британскими войсками. Выхватить этот «каштан» руками арабов не удалось. Турецкий контингент в Ираке, слишком малочисленный и слабо вооруженный отступил вверх по течению Евфрата к Кут-эль-Амаре. Губернатор Басры послал англичанам депутацию, умолявшую «спасти город от арабов-грабителей»².

Однако этот участок войны с Турцией не мог быть решающим, никакие успехи в Ираке не могли вывести турок из войны.

В то же время, стало ясно, что европейская война принимает затяжной характер, планы молниеносной победы в войне, как со стороны Германии, так и со стороны Антанты провалились. Невиданные потери под Марной охладили пыл генералов блицкрига.

«Не лучше обстояли дела и в водах метрополии...

22 сентября британский флот потерпел одну из величайших катастроф за всю войну. Рано утром в тот день старые броненосные крейсера «Абукир», «Кресси» и «Хог», водоизмещением по 12 000 т каждый, несли дозор в проходе между британскими минными полями, протянувшимися от устья Темзы до голландского берега.. В 6.30 утра произошел сильнейший взрыв у правого борта «Абукира», и он начал тонуть. Подводных лодок не было видно, и сначала предположили, что он натолкнулся на мину. В то время еще не был отдан приказ, запрещающий британским кораблям приближаться к тонущим товарищам, если подозревалося присутствие подводной лодки, и «Хог» пошел на помощь «Абукиру», но тотчас же получил две торпеды. «Абукир» затонул через 25 мин. после попадания, «Хог» – через 10 мин. «Кресси» не ушел, что было бы единственно правильным образом действий, а оставался неподвижным, оказывая помощь находившимся в воде. Как только он дал ход, в него попала сначала одна торпеда, затем – вторая. «Хог» перевернулся и пошел ко дну.

Столь успешная атака была осуществлена подводной лодкой «U-9» (капитан-лейтенант Отто Веддиген), водоизмещением 500 т, вооруженной 4 торпедными аппаратами. Это событие стало самым выдающимся подвигом подводной лодки за годы Первой мировой войны, когда, в сущности, совсем крохотное суденышко с экипажем в 28 человек отправило на дно, один за другим, 3 броненосных

¹ Лорей Г. Цит.соч М., 1934. С. 69.

² Святыне места шиитов, в частности город Кербела, находились в Турецкой Месопотамии, на территории союзника Германии, поэтому обещания немцев выглядят, мягко говоря, не деликатными в отношении своего союзника. Тем не менее, религиозное ослепление шиитского духовенства не позволило увидеть этой, не столь уж глубоко спрятанной, лжи «Ходжи Вильгельма».

¹ Kent Marian Great Britain and the End of the Ottoman Empire 1900-23 // The Great Powers and the End of the Ottoman Empire. London, 1996. P.177.

² Корбетт Ю. Операции английского флота в мировую войну. Т. 1. М.-Л., 1941. С. 438.

крейсера и вместе с ними 62 офицера и 1397 матросов. Еще 857 человек были подобраны голландскими пароходами «Флора» и «Титан». Подвиг Веддигена стал возможен скорее благодаря неправильным действиям англичан, плохой тактике и ошибкам морского штаба, который несколько дней подряд направлял злополучные крейсера в один и тот же район...

15 октября все тот же Веддиген на «U-9» потопил бронепалубный крейсер «Хок», водоизмещением 7350 т. Вместе с ним погибли 525 матросов. 27 октября 1914 г. во время ходовых испытаний у берегов Северной Ирландии на германскую мину наварлся линейный корабль «Одешес». Его агония продолжалась около 8 часов. За это время с него удалось снять всю команду, насчитывавшую свыше 1000 человек, но корабль спасти не удалось. Он затонул во время буксировки. «Одешес» был новейшим дредноутом, водоизмещением 23 500 т и вооруженным десятью 343 мм орудиями главного калибра. Его потеря явилась чувствительным ударом для британского флота и долгое время тщательно скрывалась»³.

Главы флота – Черчилль и Первый морской лорд Луи Баттенберг, которым досталось от прессы уже после прорыва «Гебена» и «Бреслау», стали подвергаться все более жесткой критике. «Началась травля Луи Баттенберга в бульварной прессе. Сразу вспомнили, что Баттенберги являются младшей ветвью дома Гогенцоллернов, что принц Луи через свою жену состоит в довольно близком родстве с принцем Генрихом Прусским, который, как известно, не только родной брат Вильгельма II, но и главнокомандующий военно-морскими силами Германии. Естественно, что первое обвинение, предъявленное первому морскому лорду Англии, состояло в том, что он – германский шпион»⁴.

Родственные связи Баттенберга отвлекли внимание общественности от Первого лорда Адмиралтейства, который незамедлительно воспользовался ситуацией.

«Идея о возвращении Фишера в Адмиралтейство, по-видимому, неоднократно посещала морского министра с начала войны... «Лорд Фишер чистенько заглядывал в Адмиралтейство, и я украдкой наблюдал за ним, пытаясь оценить его физическое самочувствие и умственные способности. Ни то, ни другое, не вызывало ни малейшего сомнения». Полученное 19 октября письмо от Роберта Холдена, в котором говорилось, что возвращение Фишера и Уилсона

«заставит страну почувствовать, что на военный флот вернулся старый боевой дух», окончательно укрепило морского министра в его намерении»¹. В свойственном Черчиллю фамильярно-безапелляционном духе он писал в воспоминаниях: «Луи Баттенберга заменят «два хорошо ощищенных цыпленка один 74, другой 72 лет...»² Вряд ли новатор Фишер и фанат Флота Уилсон были достойны такого определения.

27 октября 1914 г., в день гибели «Одешеса», Черчилль добился аудиенции у Георга V, на которой предложил кандидатуру Фишера в качестве преемника Баттенберга. Король отказался наотрез. Он не любил Черчилля, считая его излишне самоуверенным и амбициозным политиком, нарушающим сложившиеся традиции монархии. Это же касалось и Фишера – известного новатора и человека, который со многими во флоте испортил отношения, будучи в первый раз Первым лордом. «Георг V предложил кандидатуру Хедуорта Мекса, старинного недруга Фишера. Морской министр заявил, что никогда с ним работать не будет. Затем Черчилль так же безапелляционно отклонил кандидатуры Генри Джексона и Доветона Стэрди, которые монарх пытался ему навязать. Таким образом, между королем и его волевым морским министром произошла очередная ссора. Раздраженный Георг V заявил, что не согласится на кандидатуру Фишера до тех пор, пока не узнает мнения премьер-министра»³.

Асквиту удалось с большим трудом отстоять кандидатуру Фишера.

30 октября назначение состоялось. Фишер тотчас же принялся за наведение порядка в морском ведомстве, как он это понимал. 1 ноября он написал своему другу: «...Разве не забавно возвратиться назад! Некоторые чертовы дураки думали, что я умер и закопан! Я уже занялся некоторыми из них!» Сразу же были произведены значительные кадровые перемещения, добавившие Фишеру и Черчиллю недругов. В декабре Герберт Ричмонд записал в дневнике: «К несчастью, Фишер опять за любимым делом, кажется больше занят притеснением своих врагов, чем врагов своей державы. Он уже преследует «Беркли Гебена» (т. е. Милна), как он его называет, а в данный момент еще и Стэрди. Он уже избавился от Левесона, и капитан Томас Джексон занял его место. Очень огорчительно видеть, что эта страсть обуяла его в такое время»⁴.

¹ Там же. С. 123.

² Черчилль Мировой Кризис. Т. 1: Цит по: Лихарев Д.В. Цит. соч. С. 124.

³ Лихарев Д. В. Цит. соч. С. 124.

⁴ Там же. С. 130.

³ Лихарев Д. В. Цит. соч. С. 121.

⁴ Там же. С. 122.

Тем не менее, начало новой карьеры Фишера было стремительным. На совещании 3 ноября Фишер представил обширную программу, в которую входили контракты на постройку 5 линейных крейсеров, 64 подводных лодок, 37 мониторов, 200 самоходных десантных барж и т. д., всего военных кораблей и вспомогательных судов числом 612¹.

Вскоре два линейных корабля были отправлены к Фолклендским островам, где Фишер задумал ловушку для хозяйничавшей в Южной Атлантике эскадры германского адмирала фон Шпее.

25 ноября 1914 г. состоялось заседание английского Военного Совета, на котором было решено определить перспективные направления дальнейшего участия британских вооруженных сил в войне. Результатом явился подготовленный спустя месяц так называемый «меморандум Хэнки», названный по имени своего творца – секретаря Военного Совета майора Мориса Хэнки². В меморандуме указывались четыре перспективные цели возможной войны на Востоке – с Османской империей.

Первая цель – это столица Турции – Константинополь – основной промышленный центр, в том числе центр военной промышленности. Угроза, а тем более прямое наступление на столицу, по мнению Хэнки должно было сильно поколебать политическую устойчивость младотурецкого кабинета, а захват или блокада столицы практически лишала турецкую армию всех ее материальных средств и, следовательно, боеспособности.

Следующая цель восточной войны – открытие Проливов и сообщения с Россией, особенно учитывая начало зимы. В обмен на свое зерно Россия могла получить столь необходимые ей денежные средства, оружие и боеприпасы для своей многочисленной армии.

¹ Там же. С. 131.

² Уинстон Черчилль так характеризует Мориса Хэнки и его положение в британском правительстве: «Этот морской офицер, будучи еще молодым капитаном, в 1912 г. стал секретарем комитета имперской защиты. На его ответственности лежало составление Военной книги, на основании которой в 1914 г. вся британская жизнь была переведена с мирного на военное положение. Он вел и приводил в порядок записи о всех главнейших делах, докладывавшихся сначала военной комиссии кабинета, а затем и самому военному кабинету как во время войны, так и во время перемирия. Он знал все; он мог заняться любым вопросом; он был знаком со всеми; он ничего не говорил; он пользовался общим доверием; наконец, по желанию всех он стал единственным секретарем, записывавшим в течение решающих шести недель переговоры, которые велись между президентом Вильсоном, Клемансо и Ллойд Джорджем и в результате которых были окончательно выработаны условия мира». Черчилль У. // www.militaria.lib.ru

Третья цель – с помощью успешных военных действий против Турции склонить к участию в войне на стороне Антанты Балканские страны – Болгарию, Грецию, Румынию, а также Италию, пообещав каждой приобретения за счет османской империи.

Наконец, успешная война с Османской империей могла содействовать основной цели всей британской политики на Востоке – создать прямой коридор из Европы в Индию¹.

На основании меморандума Хэнки стали разрабатываться конкретные планы войны с Турцией.

Первый план – высадки десанта в Александrette, порту в Сирии, встретил серьезное сопротивление Франции, считающей районы Сирии и Палестины зоной своих влияний², в то время как англичане имели более в виду Суэцкий канал и Египет, но вряд ли упустили бы возможность укрепить своё положение и в Святой Земле. Какое-то время «сирийская операция» была едва ли не главным антитурецким проектом. «Александретта представляла собой объект действий, намеченный планом Китченера. За выбор этого пункта и против Дарданелльской операции имелись весьма веские доводы. Из Александretty открывались возможности нападения на обе железные дороги – Багдадскую и Геджасскую... К тому же такая операция требовала меньших сил, чем Дарданелльская»³.

Не вызывает поэтому удивления, что, даже после принятия решения о прорыве флотом Дарданелл, 20 января адмирал Фишер пишет распоряжение по Адмиралтейству, в котором говорится: «Как только начнётся нападение на Дарданеллы, должно состояться занятие Александretty. Таким путём, если мы не сможем открыть себе дорогу через Дарданеллы, мы сможем утверждать, что это была лишь демонстрация, цель которой заключалась в том, чтобы прикрыть занятие Александretty»⁴.

Александретта также устраивала и Россию, для которой боевые действия, ставящие под настоящее разрешение вопрос о статусе Проливов, были нежелательны. Однако, имея интерес в Сирии, Франция в результате поддержала план Галлиполийского десанта.

К тому же в Сирии произошёл эпизод, заставивший англичан перенести военные действия в другой район. «В Дамасском вилай-

¹ Hart P., Steel N. Defeat at Gallipoli. L., 1995. P. 7–8

² Емец В. А. Очерки внешней политики России. 1914–1917 гг. М., 1978. С. 129.

³ Ю. Корбетт. Операции английского флота в мировую войну. Т. 1–5. М.–Л., 1927–1931. Т. II // www.militaria.lib.ru.

⁴ Константинополь и Проливы. По секретным материалам бывшего Министерства иностранных дел. Т. 1–2. М., 1925–1926. Т. II. С. 20.

ете были арестованы все британские подданные, и главнокомандующий турецкими войсками в Сирии Джемаль-паша¹ угрожал их казнить в случае обстрела Александретты или других незащищённых городов»². Англичане заявили, что в условия будущего мирного договора с Турцией войдёт требование выдачи Джемала и его последующего наказания, однако боевые действия в Сирии отложили.

Автором первого плана, получившего название «Диверсия на Востоке» был Ллойд Джордж. Вторым был выдвинут морским министром Уинстоном Черчиллем, и стал в результате основой Дарданелльской операции. Оба плана исходили из того факта, что в результате вступления Турции в войну Россия оказалась стратегически отрезана от союзников. Проливы, закрытые Турцией, отсекали Россию, испытывающую нехватку вооружения, техники и боеприпасов, от самого быстрого и удобного пути их доставки. Англия и Франция боялись, что Германия, почувствовав слабость России, уменьшит количество войск на Восточном фронте и перебросит их на Западный театр военных действий. Кроме того, была и опасность переброски российских войск на Кавказ, где развивались основные события Азиатского фронта мировой войны³. В Сарыкамышской операции Россия потеряла убитыми на Кавказе свыше 20 тысяч солдат и нуждалась в усилении своих армий и корпусов.

Европейские державы стали думать о привлечении на свою сторону «малых» стран, в первую очередь – Балканских: Греции, Болгарии, Румынии. Несмотря на сильное положение на Балканах России – освободительницы славян – военная необходимость диктовала странам запада идти на союз с балканским миром и принимать во внимание их интересы. Ллойд Джордж писал в своих мемуарах: «Из общей численности 50 миллионного населения Австро-Венгрии лишь 12 миллионов являлись немцами и 10 миллионов – венграми. Почти 30 миллионов принадлежали народностям, родственными нациям, с которыми Австрия воевала или была на грани войны»⁴.

¹ 18 ноября 1914 г. морской министр Ахмед Джемаль-паша был назначен командующим Четвёртой армией – «Армией освобождения Египта». Численность её была до 100 тыс человек. После начала Дарданелльской операции несколько дивизий Четвёртой армии были отозваны. Лудшвейт Е. Ф. Турция в годы первой мировой войны 1914–1918 гг. М., 1966. С. 128.

² Корбетт Ю. Цит. соч. Т. II. С. 98.

³ Коленковский А. Дарданелльская операция // Военно-исторический журнал, № 6, 1940 г. С. 24.

⁴ Ллойд Джордж. Военные мемуары. Т. I – VI. М., 1934–1938. Т. I. С. 255–256.

Он оценивал численность армий Румынии в 900 тысяч штыков, Греции и Болгарии – по 400 тысяч. Все эти страны, как считал Ллойд Джордж, были лояльны к Британии, и имелась возможность использовать это в нажиме на противника.

План Ллойд Джорджа был соотнесён именно с этой возможностью, тем более актуальной ввиду больших потерь и началом окопной войны на Западном фронте. «Германский фронт на западе может быть сдерживаем лишь силою, достаточной для осады, в то время как военные действия должны вестись в другом месте» – писал Ллойд Джордж¹. Поля Фландрии и Эльзаса были как нельзя лучше приспособлены для окопной войны, и Ллойд Джордж полагал, что Балканские горы и долины дают больше шансов для победы в маневренной военной операции.

«Диверсия на Востоке» предполагала создание нового участка фронта на Балканах, что, при условии активной обороны на основном участке, дало бы возможность подключить к боевым действиям до полутора миллионов солдат Греции, Болгарии и Румынии. Черчилль пишет: «1 января канцлер Казначейства Ллойд Джордж распространил очень важную записку. Он указал, что бытующий оптимистичный взгляд на военную ситуацию не имеет оснований, особенно из-за усиливающейся слабости России, предложил распространить военное действие на Балканский полуостров и увлечь за собой Грецию и Болгарию»². При этом, Россия не была склонна принимать греческую помощь в деле захвата Константинополя. «В начале 1915 г. Греция предоставила в распоряжение Англии и Франции свой флот и свои транспорты для Дарданелльской операции. Но царское правительство считало нежелательным содействия Греции взятию Константинополя, и предложение Константина не имело никаких положительных результатов»³. Российское недопущение Греции было поддержано министром иностранных дел Англии Э. Греем, который, скорее всего, рассчитывал после войны на международный статус Константинополя. За отказ принять греческую помощь он будет в дальнейшем подвергнут резкой критике английской общественности и правительственных кругов, когда Дарданелльская операция потерпела полный провал. Ллойд Джордж жаловался в своей книге: «Его (Грея) совет Греции в 1914 году

¹ Там же. С. 268.

² Черчилль У. Мировой кризис. Т. 1. Гл. 20 // www.livejournal.ru.

³ Впрочем, Павлович М., П. Греческий империализм в эпоху мировой войны // Новый Восток, № 16–17, М., 1927. С. 135.

не присоединяться к союзникам был катастрофой, которая стоила нам Галлиполи и привела к разгрому Сербии»¹.

Еще одним фактором в пользу союзников, по мнению Ллойд Джорджа, было то, что Балканский участок был более опасен для Германии и Австрии, которые, таким образом, оказались бы в кольце фронтов и потеряли бы оперативные возможности манипулирования своими войсками – любое ослабление позиций на каком-либо участке (Западный фронт, Российский фронт и Балканский фронт) создавало бы угрозу прорыва войск Антанты. Также и Турция стала бы перед фактом прямой угрозы своей столице – Стамбулу исходящей не от ограниченного десанта, а от постоянных армий противника. Ллойд Джордж выдвинул следующие принципы предстоящей операции по открытию антитурецкого фронта на Балканах:

«На мой взгляд, нападение на Турцию требует соблюдения четырех условий.

Наступление на Турцию не должно потребовать таких значительных сил, выделение которых ослабило бы наступление на главных фронтах.

Мы должны действовать на недалёком расстоянии от моря, с тем, чтобы не затрагивать больших сил на поддержание коммуникаций, и в случае необходимости, пользоваться поддержкой флота.

Наше наступление должно заставить Турцию вести борьбу на большом расстоянии от своих баз и в условиях, для неё невыгодных.

Наступление должно дать нам возможность одержать сенсационную победу, которая позволит поднять настроение внутри страны и, соответственно, вызвать упадок настроения у наших врагов»².

Положение на Западном фронте позволяло Англии и Франции снять часть войск – Ллойд Джордж предполагал общую численность Балканского контингента в 1400–1500 тысяч человек, в числе которых были бы и сербы, и греки, и румыны. В случае успешного начала можно было также рассчитывать на то, что на стороне союзников выступит Болгария, чья армия была наиболее боеспособной среди всех балканских стран³.

Базой нового фронта должны были стать Салоники⁴. Перевозку и обеспечение войск могли обеспечить средиземноморская эскадра

Англии и французский флот. Открытие Балканского фронта должно было также повлиять на Италию, заставить её определить свою позицию в мировом конфликте.

В дальнейшем, поддержку десанта должны были осуществлять совместные силы, включая армии Балканских стран.

Второй частью операции должна была стать атака на Турцию по двум направлениям: на Константинополь с Балкан и на Суэцкий канал из Египта. Для препятствования переброски войск к Суэцу Ллойд Джордж предполагал высадку 100 тысячного десанта в Сирии.

По плану Ллойд Джорджа, силы союзников и Антанты для высадки первого десанта в Салониках должны были распределяться следующим образом:

Австралийцы и новозеландцы (включая кавалерию) – 39 000

XXIX дивизия – 19 000

Морская дивизия – 10 000

Матросы – 4000

Французская дивизия – 15 000

Русские – 10 000

Всего 97 000¹

Ллойд Джордж представил свой план Китченеру, который, по словам самого Ллойд Джорджа, отнесся к нему не как «профессионал, отвергающий предложения любителя. Напротив. Он выразил значительную меру согласия с моей основной темой».²

2 января Ллойд Джордж, ободренный поддержкой Военного министра, отправил письмо сэру Джону Френчу, главнокомандующему британскими войсками во Франции, предложив ему выделить часть войск для операции на Балканах. Френч сперва воспринял план положительно, однако, вступив в переговоры с французским командованием, изменил свое мнение. Французы, в первую очередь, военное командование, восприняло предложение снять часть британских войск и отправить их из Франции на Балканы, едва ли не как предательство. Вопрос о посылке на балканский фронт регулярных войск отпал. Ллойд Джордж пытался добиться рассмотрения возможности отправки в Салоники Территориальных дивизий. «Территориалы» – молодые добровольцы, набранные и поставленные под началом отставных офицеров и сержантов, были предметом шуток в британских вооруженных

¹ Ллойд Джордж. Цит. соч. Т. I. С. 90.

² Там же. С. 265.

³ Там же. С. 267.

⁴ Там же. С. 265–273.

¹ Там же. С. 280–292.

² Там же. С. 294.

силах. Ллойд Джордж совершенно бесплодно пытался говорить Китченеру о «революции», которая произошла в уровне подготовки «территориалов». Посылать их на отдаленный фронт никто не собирался.

Таким образом, этот план «восточников» – как называли сторонников открытия Турецкого фронта¹ – несмотря на поддержку группы военных и политиков в Англии и Франции, в том числе обоих премьеров – Асквита и Пуанкаре² – не был принят. Он остался резервным, на случай провала основного плана турецкой кампании Англии – Дарданелльской операции, но подготовительные мероприятия, как отмечал сам Ллойд Джордж, не были проведены, что говорило о нежелании руководителей Антанты ставить под угрозу свои единоличные интересы в отношении Османской Империи и района Проливов.

Непопулярность в английском общественном мнении российско-го стремления к Проливам объясняется тем фактом, что этот шаг связывали с панславянской идеей. В. Жаботинский, лидер сионистского движения в начале 20 века, по этому поводу писал: «Однако даже если бы на Балканах и вовсе не было славян, или если бы Россия была не славянской, а латинской или китайской империей, её стремление овладеть Проливами оставалось бы и в этом случае очевидной и естественной необходимостью»³. Участие в операции значительных сил Сербии, Болгарии, России означал для английского обывателя сдачу стратегически важной мировой позиции чужеродному союзу. Даже участие Греции не могло склонить общественность к принятию этого салонического проекта Ллойд Джорджа. Такое же мнение высказывала американская пресса. «Нью-Йоркская газета «Уорлд» опубликовала следующее заявление: «Россия – это будущий большой враг Англии. Усилия Англии овладеть Дарданеллами, захватить Константинополь и передать его самому боль-

шому сопернику Англии является не чем иным, как политическим безумием»¹.

Ещё одним предлогом отказа от «Диверсии на Востоке» была уверенность военных в том, что они прорвут Западный фронт в 1915 г. и Балканская линия фронта станет лишь распылением необходимых сил для главного удара. Хотя Китченер и сообщил в палате лордов, что война «может продлиться три года»², вскоре он заявил, что незачем посылать войска на Балканы, поскольку Восточный фронт достаточно успешно ведётся Россией. Сама же Россия ничего не знала о дебатах, ведущихся в Лондоне и Париже по поводу открытия «второго восточного фронта» и продолжала ценой жизни сотен тысяч своих солдат, испытывая острейшую нехватку вооружения и боеприпасов, не могущих пройти к ней через Проливы, удерживать «первый».

Первый лорд Адмиралтейства в это время был занят разработкой планов действия Флота в европейских водах. В ноябре-декабре 1914 г. его можно было отнести к лагерю «западников», а не «восточников». В этом он выступал в паре с новым Первым морским лордом. и Фишер, и Черчилль главную угрозу для флота видели в Германии. Поэтому был разработан план, позже названный «Балтийским проектом». Он предусматривал создание большого числа низкоскоростных судов, оснащенных тяжелой артиллерией. С их помощью планировалось обстреливать побережье мелкого Балтийского моря с целью запереть германский флот внутри Балтики. После совещания 3 ноября «в течение нескольких месяцев конца 1914 – начала 1915 гг. было заложено огромное количество судов, предназначенных для действий против побережья противника, в том числе свыше 200 самоходных десантных барж и 37 мониторов. В сооружении последних Фишер и Черчилль принимали самое живейшее участие. Когда представитель американских судостроительных фирм сообщил, что у них имеется несколько 356 мм двухорудийных башен, предназначавшихся для греческих дредноутов, строившихся в Германии, морской министр и первый морской лорд немедленно решили их приобрести. Башни установили на 4 больших мониторах, которые, кстати сказать, вызвали впоследствии нарекания некоторых специалистов». К. Дж. Дьюар, командовавший одним из мониторов

¹ Дюпон Р.Э., Дюпон Т.Н. Всемирная история войн. С. 785, Коленковский А. Дарданелльская операция // Военно-исторический журнал, № 6, 1940. С. 25. «Западники» – противники открытия «второго фронта» были принципиально против активных действий против Турции. Их наиболее влиятельный сторонник – сэр Френч заявлял: «Атаковать Турцию – значит играть на руку Германии, которая именно это имела в виду, когда вовлекала турков в войну, а именно, ослабить для себя военное давление на самых решающих участках, в Европе». French Field. 1914. London. 1914. P. 323. Идею «восточников» «западники» называли восточной фантазмагорией. Higgins T. Winston Churchill and the Dardanelles. New York – London, 1963. P. 101.

² Емец В. А. Очерки внешней политики России. 1914–1917 гг. С. 128.

³ W. Jabotinsky, Turkey and the War. London, 1917. P. 169.

¹ Международные отношения. Политика. Дипломатия. XVI–XX вв. М.: Наука, 1964. С. 179.

² Коленковский А. Дарданелльская операция // Военно-исторический журнал, № 6, 1940. С. 25. Это «предвидение» фельдмаршала позже часто вспоминали те, кто надеялся на быстрое окончание европейской бойни.

данной серии, вспоминал впоследствии: «Эти мониторы представляли собой плавсредства диковинного вида. На означенном имелись два 14-дюймовых орудия в башне в носовой части и противоминная наделка, торчавшая вдоль корпуса, как кринолиновые оборки. Она защищала его от торпедной атаки, но снижала максимальную скорость до 6 узлов. Изначально они строились лордом Фишером как часть флота, предназначенного для операций в Балтийском море, но один бог знает, что бы они там делали, если бы туда добрались, и я сомневаюсь, знал ли это сам Фишер. и хотя «Балтийский проект» так никогда и не материализовался, на нем лежит ответственность за пустую трату денег и труда»¹.

Положение усугублялось тем, что большая часть германских подводных лодок действовала вблизи основных английских морских баз и на европейских коммуникациях в Английском канале и Северном море. Это делало само присутствие здесь военных кораблей без специальной защиты чрезвычайно опасным. Однако «адмиралтейство не собиралось подчиняться воле неприятеля, какие бы формы его действия не принимали»². Тем не менее, планы использовать флот на более отдаленных и пока безопасных театрах боевых действий стали актуальными. В Адмиралтействе обсуждались возможность операций в Адриатике, в районе Салоник, и, наконец, в Проливах. Морское руководство разделилось на группы, позже названные «восточниками» и «западниками». Между группами «планировщиков» возникла ситуация силового, но не жесткого «перетягивания каната».

Как раз в разгар борьбы «западников» и «восточников» 2 января 1915 г. Россия выразила желание, чтобы союзники оказали «воздействие на Турцию в наиболее уязвимых и чувствительных её местах»³. Россия несла тяжёлые потери в Сарыкамышской операции, результаты которой были еще непредсказуемы, и, вполне естественно, ждала от союзников помощи. На Западе эту просьбу восприняли, как решение русского командования перебросить войска с германского фронта на турецкий, ввиду чего было решено ускорить нападение на Турцию.

Черчиллю, увязшему в спорах относительно «Балтийского проекта», встретившего серьезное сопротивление как специалистов, так и некоторых британских военных руководителей, не терпе-

лось теперь проявить себя на более серьезном геополитическом пространстве. Он хотел, под видом помощи России, удачным маневром в Галлиполи усложнить для союзницы Британии ее тернистый путь к Царьграду и Проливам.

План морского десанта был для этой цели как нельзя более кстати, тем более, что он упреждал и занятие Константинополя Россией, в случае, конечно, его удачного завершения. «Министр Черчилль мечтал с самого начала войны об атаке на Дарданеллы... Он очень хотел любым путём попасть в Константинополь... При этих условиях, призыв России о помощи в начале 1915 г. явился скорее поводом, нежели причиной выполнения плана, который вынашивался с первых дней войны» – так писал о начале Дарданелльской операции ближайший соратник Черчилля по военным операциям генерал Колвелл¹.

При этом, выгоды как военно-стратегического, так и экономического характера давали возможность «продвигать» идею Дарданелльского рейда на самых верхах. «Экономические и финансовые выгоды были не менее многообещающими. С открытием Дарданелл восстанавливался экспорт русского зерна, столь необходимого западным державам, перед которыми уже стоял грозный продовольственный вопрос, а Россия получала возможность восстановить свои пошатнувшиеся финансы. С прекращением экспорта и падением на иностранных биржах ценности рубля, ее затруднения в снабжении сильно возросли. Кроме всех этих вопросов, не менее важен был и вопрос с тоннажем. Колоссальнейшие требования, предъявлявшиеся войной к судоходству, заставляли с каждым днем все больше и больше задумываться над положением; с тоннажем. В русских портах Черного моря было заперто не менее 129 пароходов, русских, союзных, нейтральных и конфискованных неприятельских, с общим тоннажем в 350 000 тонн, которые с открытием Дарданелл могли быть использованы»².

То, что Черчилль ухватился за Дарданелльскую идею, не вызывает удивления, но то, какими средствами он решил ее реализовывать, оказалось довольно оригинальным.

Тем не менее, в конце декабря Черчилль все еще «предлагал два варианта действий. 1) «Вторжение со стороны моря в Шлезвиг-Гольштейн сразу же поставит под удар Кильский канал и позволит Дании присоединиться к нам. Присоединение Дании откроет путь

¹ Лихарев Д.В. Цит. соч. С. 133.

² Корбетт Ю. // www.militaria.lib.ru

³ Международные отношения в эпоху империализма. Т. VI. Ч. 2. № 718.

¹ Churchill W. S. His Complete Speeches. V. 70, London – New-York, 1974. Col. 2351.

² Корбетт Ю. // www.militaria.lib.ru

на Балтику. Британский контроль над Балтикой позволит русским армиям высадиться в 90 милях от Берлина». 2) Высадиться на Дарданеллах, завладеть Галлиполийским полуостровом, войти флотом в Мраморное море, продвинуться к Золотому Рогу и захватить Стамбул, принуждая турок сдаться и одновременно вовлекая в свою коалицию Грецию, Болгарию и Румынию. В обоих планах, как пишет Рой Дженкинс, расстояние между ртом и кубком было слишком большим», но Черчилль попросту не умел заниматься мелочами и «жевать колючую проволоку во Фландрии»¹.

В Германии хорошо понимали значение Проливов. Начальник генерального штаба Германии генерал Фалькенгайн писал: «Если проливы, соединяющие Средиземное и Черное моря не будут постоянно закрыты для движения кораблей Антанты, все надежды на успешное окончание войны уменьшатся в очень значительной мере. Россия высвободится из своей изоляции, которая более чем военные победы гарантирует, что слабеющий Титан рухнет автоматически»². Проведенная 3 – 4 ноября англичанами демонстрация силы в Проливах заставила турок в срочном порядке заняться укреплением Галлиполийских укреплений и усилить оборону Проливов. Относительно артиллерии фортов и крепостей, немцы сделали тот же вывод, что и англичане. Она была доступна для разрушения флотом. Специалисты предложили своим турецким союзникам заняться подвозом к Проливам маневренных артиллерийских расчетов среднего калибра, дальности стрельбы которых хватало бы, чтобы перекрыть узкий пролив, и которые можно было бы легко спрятать при обнаружении в складках пересеченной местности.

Меры, предпринятые Турцией при поддержке немецких военных, заключались в следующем. Основные средства обороны сосредотачивались в центральной части Проливов вне досягаемости и обзора неприятельской судовой артиллерии. Были поставлены десять рядов минных заграждений на подступах и в самом Дарданелльском проливе – всего 375 мин.

Далее:

1. Ставятся тяжёлые артиллерийские батареи для борьбы только с флотом.

2. Устанавливаются прожектора для наблюдения за зоной Проливов.

3. На берегах устанавливаются торпедные станции.

¹ Уткин А. И. Черчилль. М., 2002 // www.militaria.lib.ru/

² Там же.

4. Под воду опускаются противолодочные сети¹.

Таким образом, укрепления и форты, построенные в основном в 1877–1878 гг. английскими и французскими инженерами, были значительно усилены. Одновременно Германия начала снабжать Турцию через Румынию и Болгарию современной военной техникой и прислала значительное число офицеров и военных специалистов. Турецкий флот расположился в Мраморном море.

Ещё ранее в районе Босфора для защиты столицы (в первую очередь от болгар и греков) была сформирована 1-я армия под руководством фельдмаршала фон дер Гольца, силы которой также могли быть использованы против англичан в случае бездействия российских войск и благоприятной ситуации на Балканах.

Англичане продолжали действовать. «В воскресенье 13 декабря лейтенант Норман Холбрук через канал Нэрроуз проник в Дарданеллы на подводной лодке «В-11». Войдя в пролив, как только турецкие прожектора потухли с наступлением рассвета, он пробрался сквозь минные поля и после четырех часов плавания поднял перископ. Он обнаружил перед собой большой двухтрубный корабль – турецкий линкор «Мессудие» – на якоре в Сари-Сигла-Бэй и выстрелил в него свои торпеды с дистанции 500 метров. Подождав достаточно долго, чтобы убедиться, что цель уничтожена, Холбрук совершил срочное погружение. Держась самого дна, он добрался до глубоководной части и вышел в открытое море. За эту победу Холбрук был награжден Крестом Виктории»².

«... Успех В-11 оказался весомым аргументом в пользу начала операции. Адмиралтейство охотно разрешило перебросить на Средиземное море несколько более крупных лодок, чтобы развить успех. Из Англии были отправлены 7 лодок типа «Е», еще одну такую лодку выделил Королевский Австралийский Флот»³. В походе «В-11» английские подводники применили свое новое изобретение. «Командир отряда подводных лодок капитан-лейтенант Г. Н. Паунелл долго размышлял над проблемой форсирования минных полей и спроектировал специальные ограждения, защищающие лодку от мин»⁴. Германские специалисты стали придумывать способы отвести и эту угрозу.

¹ Коленковский А. Дарданелльская операция // Военно-исторический журнал, № 6. М., 1940. С. 27.

² Мурхед А. Цит. соч. С. 31–32.

³ Кемп П. К. Подводные лодки Его Величества. М., 2003. С. 92.

⁴ Там же. С. 94.

В Черном море русский флот также проявлял активность. «6 ноября командующий флотом, адмирал Эбергард, находясь в крейсере, заминировал вход в Босфор, бомбардировал Зонгулдак – порт Гераклийского угольного района – и потопил 4 турецких транспорта, часть которых была с грузами, а часть с войсками. Через неделю русский адмирал снова вышел и 17 ноября бомбардировал Трапезунд – порт, снабжавший турецкую Кавказскую армию. В это время пять турецких транспортов находились в море, следуя в Трапезунд под эскортом «Гамидие» и «Меджидие», а адмирал Сушон, опасаясь, чтобы они не оказались отрезанными, вышел с «Гебеном» и «Бреслау» к ним; на поддержку.

Русская эскадра, израсходовав запасы угля, принуждена была возвратиться в Севастополь¹.

18 ноября 1914 г. русские моряки вывели из строя крейсер «Гебен». «Русская эскадра находилась в 20 милях к югу от Крымского побережья, дозорный крейсер «Алмаз» донес о появлении впереди «Гебена» и «Бреслау». Сильный туман, бывший утром, несколько рассеялся, но мгла оставалась.

С 40 кабельтовых началась оживленная перестрелка, продолжавшаяся лишь четверть часа, так как немецкие корабли, пользуясь значительным преимуществом в ходе, вышли из-под огня. Русский флагманский корабль «Евстафий», на котором «Гебен» сосредоточил огонь, получил 4 попадания, потеряв 5 офицеров и 500 матросов убитыми и ранеными². «Гебен» получил 3 попадания 12-дюймовыми и 11 – снарядами меньших калибров. На корабле вспыхнул пожар, было убито 105 и ранено 59 человек. «Гебен», получив более серьезные повреждения, чем русский флагман, ушел в Константинополь. Ремонтировался он до первых чисел декабря, а уже 26 декабря подорвался на mine, поставленной русскими у входа в Босфор, и вновь встал на ремонт, который продолжался с перерывом в конце марта до 1 мая³.

2 декабря 1914 г. у Фолклендских островов сработала ловушка Фишера, в результате чего была уничтожена эскадра немецкого адмирала фон Шпее. «Из пяти неприятельских крейсеров и трех угольщиков, составлявших эскадру адмирала Шпее, один крейсер и один угольщик ускользнули»⁴. Остальные суда были потоплены.

¹ Корбетт Ю. www.militaria.lib.ru

² Там же.

³ Дюпюи Р. Э., Дюпюи Т. Н. Всемирная история войн. Кн. 3. СПб. М., 1998. С. 774.

⁴ Корбетт Ю. // www.militaria.lib.ru

Это вселило в некоторые умы в английском военном руководстве уверенность в непобедимости британского Флота, и склонило большинство в Военном Совете к принятию решения о прорыве Дарданелл силами военных кораблей¹.

План Дарданелльской операции, принятый в упорной борьбе как политиков, так и военных, не отличался большой продуманностью. У. Черчилль, о котором в английской прессе писали, что в Галлиполийском поражении он был повинен больше, чем турки, не был большим специалистом в военном деле. Турцию как военного соперника, тем более соперника военно-морского, он явно недооценивал. Поручив разработку плана прорыва Проливов Кардену, он рассчитывал, что морской адмирал поддержит идею захвата силами только флота, прославленного своими победами. Данные о турецких береговых укреплениях были неточными, экономическая отсталость Турции позволяла считать, что серьезных мер по обороне Проливов они предпринять не успеют. Не учли англичане и начавшуюся в 1915 г. германскую подводную войну, легко распространившуюся на весь мировой океан.

Показательна в этом отношении история британского военного атташе в Константинополе и вице-консула в турецком Чанаке подполковника Чарльза Канлифф-Оуэна. Этот энергичный и предприимчивый разведчик в 1914 г. по собственному почину предпринял поездку на Галлиполийский полуостров и детально его обследовал. В процессе своей «инспекции» он передавал через диппочту массу информации, касающейся турецкой обороны полуострова: расположение и мощность артиллерийских расчетов, места минным полем, топографические схемы различных укрепленных районов с местными и армейскими коммуникациями. Канлифф-Оуэн вернулся в Лондон после разрыва дипломатических отношений с Османской империей, однако его опыт и знания оказались в военном ведомстве, занятом разработкой операции против Турции, совершенно не нужными. Его ни разу не пригласили даже в качестве эксперта, а его рапорты и отчеты не были просмотрены ни Черчиллем, ни офицерами, которым было доверено возглавить операцию по взятию столицы Османской империи. Уже после провала морской операции и через несколько месяцев после начала десанта, Канлифф-Оуэн был назначен на Галлиполи в качестве простого артиллерийского офицера².

¹ Higgins T. Winston Churchill and the Dardanelles. London, 1963. P. 99.

² Laffin J. "Damn the Dardanelles": The Agony of Gallipoli. Sydney, 1980. P. 15–16.

Решение о Дарданелльском прорыве принималось с трудом. 2 января 1915 г. лорд Китченер послал Черчиллю телеграмму по поводу обращения русского Великого князя:

«Не вижу, как мы можем серьёзно помочь русским на Кавказе.

Турция, со всей очевидностью, забирает большую часть войск из Адрианополя для операции против России: возможно, что на Чёрном море.

Дела России на Кавказе и в северной Персии нехороши.

У нас нет сил для высадки где-либо. Демонстрация против Смирны бесполезна и может обернуться избиением христиан. Александретта уже испробована и я не жду значимого результата от второй попытки. Действия на побережье Сирии бесперспективны. Единственное место, где демонстрация может возыметь действие и остановить переброску подкреплений на восток – Дарданеллы. Возможно – как это пишет Великий князь – с одновременным распространением сведений об угрозе Константинополю.

Мы не будем готовы к чему-то значительному ещё несколько месяцев»¹.

В тот же день Китченер направил еще одну телеграмму британскому послу в Петербурге: «Прошу вас уверить Великого князя в том, что мы займёмся приготовлениями демонстрации против турок, но опасаемся, что любое действие – предпринятое или продекларированное – не окажет заметного влияния на численность врага на Кавказе и не вынудит Турцию к отводу войск».²

Однако в эти же дни дерзкий план «восточной кампании» выдвинул Первый лорд Адмиралтейства Джон Фишер. Военственный моряк не был хорошим дипломатом, но зато был ярым патриотом британского флота, поэтому ко многим проектам своих сотрудников по правительству он присоединялся с условием большего значения и последующей славы для действий флота.

«3 января 1915 г.

Дорогой Уинстон,

Хэнки передал мне, что Военный совет соберётся в следующий вторник: думаю, что это будет похоже на игру в кегли! Каждый принесёт свой план и одна упавшая кегля обрушит все соседние!

Я считаю, что удар по Турции оставит за нами поле! но лишь немедленный удар. Иначе нет. Наш же придворный совет затянет дело

ещё на пару четвергов. (NB: Когда вы встречались в последний раз и что из этого вышло???)

Мы сойдёмся на бесполезной бомбардировке Дарданелл и износим в ней орудия «Индефатигебла»: их нельзя восстановить и, возможно, придётся поменять. и что хорошего даст нам этот обстрел? Уберут ли турки хотя бы и одного солдата с Кавказа? Война продолжится своим чередом. Вам нужен ОДИН человек!

Вот турецкий план.

I. Назначить сэра В. Робертсона – сейчас генерал-квартирмейстера – командующим экспедиционными силами.

II. Немедленно заменить всех индийцев и 75 000 опытных солдат Джона Френча территориями и т.п. из Англии (вы сами это предлагали), составить турецкий экспедиционный корпус, погрузить на суда – якобы для защиты Египта – и, со всей поспешностью отправить в Марсель! и высадить в бухте Безик, прикрываясь до последнего ложными манёврами одновременно с атакой теперешних египетских войск на Хайфу и Александретту. Наши египетские части получают реальное дело: тот и другой город связаны с нефтяными полями Эдема прямым рельсовым сообщением, их значение неопределимо. Безмерная турецкая концессия – последнее дело архиврага Британии, Маршалля фон Биберштейна, привела германцев в Александретту: мы выйдем их оттуда!

III. Ко времени нашей высадки в Безике, греки идут в Галлиполи, болгары – на Константинополь, а русские, сербы и румыны – на Австрию (всё это – ваши слова!).

IV. В то же самое время Стёрди форсирует Дарданеллы «маджестиками» и «канопусами». Помоги ему, Господи!

Но великий Наполеон говорил – «ГЕРОЙ» – без этого – «ПОРАЖЕНИЕ». За всю мировую историю хунта ни разу не выигрывала. Вам нужен ОДИН человек!

Ваш, Ф.»

«Так, – пишет Черчилль – появилось предложение форсировать Дарданеллы старыми линейными кораблями»¹.

Британские историки Стил и Харт называют план Фишера абсурдно амбициозным². Однако план использовать старые броненосцы для атаки на Стамбул прочно засел в голове друга Фишера и его коллеги по флотскому руководству, Уинстона Черчилля. Так, пишет современный историк Дж. Миллер, благодаря Фишеру, идея

¹ Черчилль У. Мировой кризис. Т. 1. Гл. 20. // www.livejournal.ru.

² Там же.

¹ Там же.

² Hart P., Steel N. Defeat at Gallipoli. London, 1995. P. 9.

демонстрации против турок в районе Дарданелл, превратилась в идею форсировать Проливы¹.

Состояние же самого Фишера вполне показывает тот факт, что на следующий день после этой «героической» записки, 4 января Первый морской лорд подал прошение об отставке, мотивируя его своей неспособностью защитить территорию Англии от налетов цеппеллинов. Простение Фишера не было удовлетворено премьер-министром. «В дневнике Асквита имеется следующая запись, датированная 5 января 1915 г.: «Старик Фишер всерьез предложил в ответ на рейды цеппеллинов расстреливать всех немецких пленных, и когда Уинстон отказался воплотить в жизнь это по-государственному мудрое решение, он послал формальное прошение об отставке. Но мне кажется, что к этому времени он уже одумался»².

Черчилль 3 января 1915 г. направил послание адмиралу Сэквилу Кардену:

«Является ли, по Вашему мнению, прорыв в Дарданеллы одними морскими силами целесообразной операцией?

Предполагается использовать старые линкоры, оснащенные противоминными амортизаторами, впереди которых будут идти угольщики и другие коммерческие суда, используемые в качестве амортизаторов и тральщиков.

Значительность результатов должна оправдывать тяжелые потери.

Сообщите мне Ваше мнение».

5 января пришел ответ Кардена: «В отношении третьего пункта Вашей телеграммы не считаю, что с Дарданеллами можно торопиться. Их можно прорвать путем масштабных операций с большим количеством кораблей»³.

В тот же день, премьер-министр Асквит присутствовал на заседании Адмиралтейства, где были установлены четыре возможных альтернативных варианта действий Флота, которые следовало обсудить на ближайшем Военном Совете. В частном письме Асквит определяет их так: 1. Шлезвиг (Уинстон); 2. Салоники или Далмация (Лл.-Дж.); 3. Галлиполи или Константинополь (Китченер); 4. Смирна или Эфес (Ф. Смит и другие – и мне это тоже нравится)»⁴.

Из британского морского генерального штаба под руководством адмирала Джексона того же 5 января вышла записка под многозначительным названием «Записка о форсировании Проливов Дарданеллы и Босфор союзным Флотом в целях уничтожения турецко-германского эскадрона и угрозы Константинополю без содействия армии»¹, «в заключение которой говорилось, что как бы ни были удачны действия флота сами по себе, все равно они не будут иметь решительного успеха без содействия сухопутных войск для занятия Константинополя. В его плане, очень сходном с планом Кардена, намечалось содействие русской Черноморской эскадры, которая должна была запереть устье Босфора, чтобы неприятель не мог скрыться в Черное море»². Выводы Джексон основывал, в частности, на результатах первого обстрела Дарданелльских укреплений. Он писал: «Прежде попытки прорыва чрезвычайно желательно, чтобы орудия, расположенные в фортах, были полностью выведены из строя, что требует более широких действий, чем ноябрьская бомбардировка, и включает высадку подрывных партий для разрушения передовой линии артиллерии фортов... Это будет сопряжено с определенными потерями»³. Без высадки подрывных партий он исчислял потери Флота в прорыве минимум в 12 крейсеров или линейных кораблей. Относительно Константинополя Джексон писал, что, даже в случае сдачи города, его занятие будет невозможно без войск. Однако до Черчилля записка дошла не сразу. Кроме того, в этот насыщенный событиями день в Англии узнали о том, что «Гебен» подорвался на русской мине и встал на ремонт на полтора-два месяца.

Поскольку Дарданелльский план оказался, в числе других, на повестке дня Военного Совета, а обстоятельства, казалось, благоприятствовали союзникам, 6 января Черчилль снова телеграфировал Кардену: «Ваши соображения получили одобрение высших авторитетов. Сообщите в подробностях, что нужно для операции крупного масштаба. Сколько, по вашему мнению, будет потребно для нее судов, и какие могут быть достигнуты результаты?»⁴. Карден поручил двум своим штабным офицерам: коммодору А. Рэмси и капитану У. Годфри из Королевской морской легкой пехоты разработать детальный план прорыва флота в Проливы и действий десантных групп⁵.

¹ Miller G. Straits: British Policy towards the Ottoman Empire and the Origins of the Dardanelles Campaign // www.flamboroughmanor.co.uk.

² Лихарев Д. В. Цит. соч. С. 135.

³ Мурхед А. Цит. соч. С. 36–37.

⁴ Miller G. Straits... // www.flamboroughmanor.co.uk.

¹ PRO Adm 137/96.

² Корбетт Ю. // www.militaria.lib.ru

³ PRO Adm 137/96.

⁴ Churchill to Carden, no. 4, 6 January 1914 // PRO Adm 137/96.

⁵ Travres T. Gallipoli 1915. L., 2001. P. 21.

7 января на заседании Военного Совета был отвергнут «балканский» план Ллойд Джорджа. Англичане не хотели ввязываться в распутывание узла отношений Болгарии, Греции, Сербии и Италии. Черчилль, который до января продвигал «северное направление» для действий Флота, теперь окончательно отступил от него в пользу Дарданелл. Китченер заключил обсуждение вопроса об альтернативной Западнему фронту операции словами: «Дарданеллы представляются наиболее подходящим объектом, поскольку наступление здесь может быть произведено при содействии Флота. В случае успеха, оно приведет к восстановлению сообщения с Россией, решит ближневосточные вопросы, привлечет на нашу сторону Грецию и, возможно, Болгарию и Румынию, освободит для нас пути перевозки зерна и суда, запертые сейчас в Черном море». Всего для операции выделялось до 150 тысяч войск, в основном, индийские и австралийские, а также египетский контингент генерала Максвелла. Кроме того, Китченер одобрил проведение дополнительной атаки против турок в Александrette, чтобы прервать турецкие коммуникации в направлении к Суэцкому каналу и от него, для чего он считал достаточным группировки в 30–50 тысяч человек¹. Обсуждение более конкретного плана действий в Дарданеллах было намерено провести 13 января.

Адмирал Карден 11 января представил предположения по захвату Проливов Флотом Его Величества. Карден предлагал усилить флот новейшими дредноутами, после чего, разрушая поэтапно внешние, срединные и внутренние линии обороны Проливов, достигнуть Мраморного моря, после чего войти в Босфор и, достигнув столицы произвести выстрелы вдоль побережья, где в пределах досягаемости корабельной артиллерии находились все жизненно важные правительственные объекты турок, а также большое количество производственных предприятий. Далее предполагалось высадить десант для захвата Константинополя, либо (что тоже учитывалось в плане) Флот должен был с достоинством покинуть Проливы в случае сильного сопротивления турок. Тогда операция считалась бы просто диверсионной или демонстративной. В любом случае, турецким военным пришлось бы озаботиться о более плотной обороне столицы, а, следовательно, российская просьба была бы удовлетворена. Для снижения опасности для кораблей, Карден указал на чрезвычайное значение воздушной разведки в регионе, также в его плане принималось во внимание зависимость хода операции от по-

годных условий: тумана, волнения на море и т. д.¹. Плана развития операции после форсирования Проливов не существовало, если не считать планы, включавшие участие стран, ещё не вступивших в войну, так что они не могли быть планами военно-тактическими². К плану была приложена брошюра службы разведки Адмиралтейства, выпущенная в 1908 г. В ней говорилось о тактически слабом размещении турецких батарей в Проливах: «можно полагать, что оборона слишком рассеяна и недостаточно сильна в критических местах», что делает ее неэффективной для противодействия «быстрому прорыву военных кораблей»³.

Узнав о возможно «демонстрационном» характере Дарданелльской операции, к ней неожиданно снова подключился Фишер. В действиях Флота возникал перерыв, и Первый морской лорд предложил использовать турецкие форты в качестве мишеней для пробных стрельб новейшего супердредноута «Куин Элизабет», оснащенного невиданными 15-дюймовыми орудиями главного калибра. «Если это возможно, – написал Фишер командиру эскадры адмиралу Оливеру 12 января, – он должен отправиться [в Средиземное море], поднять флаг Кардена и произвести артиллерийские испытания»⁴.

Однако операция против Турции столкнулась с новыми препятствиями в недрах английского политического организма.

13 января состоялось намеченное заседание Военного Совета. Присутствовавший на нем Д. Френч, главнокомандующий силами Британии на Западном фронте, объявил о планах нового наступления в Фландрии. В воздухе запахло столь большого масштаба новыми жертвами, что перспектива выделить 180-200 тысяч человек для экзотических операций против Турции становилась очень проблематичной. Впрочем, одновременно, Френч заявил о необходимости того, чтобы нажим России на Германию не ослабевал. В это самый момент Черчилль и выступил с предложением осуществить в Дарданеллах штурм силами одного Флота! Как писал Морис Хэнки: «Мистер Черчилль сообщил о своем обмене телеграммами с вице-адмиралом Карденом, относительно возможности морской атаки

¹ Hart P., Steel N. Op. cit. P. 10. ««Время, требуемое для операции, в основном зависит от боевого духа врага, попавшего под обстрел, гарнизон значительно подкреплён немцами. Кроме того, повлияют и погодные условия. Сейчас время штормов. Все можно завершить примерно за месяц». Мурхэд, Цит. соч. С. 38.

² Коленковский А., 1940. С. 28.

³ Naval Intelligent Department. Turkey Coast Defences, 1908. P. 8, 11 // Travres T. Op. cit. P. 21.

⁴ Fisher to Oliver, 12 January 1915, Oliver mss. // NMM Olv 5.

¹ Minutes of the War Council, 7 January 1915 // PRO Cab 42/1/11.

на Дарданеллы. Смысл ответа Кардена заключался в том, что прорыв невозможен, но, по его мнению, возможно разрушение фортов один за другим. Для этой цели Карден выработал план»¹.

Далее Черчилль вкратце очертил этот план: требовалось три новых дредноута и 12 старых. Все они могли быть выделены без ослабления других участков морского театра военных действий. Упомянул он и о предложении Фишера использовать для разрушения фортов «Куин Элизабет». Хэнки пишет о возникшей вдруг атмосфере необычайного оптимизма и энтузиазма. Взамен вязкого и душного траншейного противостояния на Западном фронте вдруг представилась скоротечная и победоносная операция против слабого союзника Германии – великий Флот одним своим видом повергает в прах диких осман, Россия освобождается от тяготы очередной Кавказской войны, Британия решает свои задачи в Персии и Аравии, да и всем союзникам останется немало от жирного османского пирога.

В результате было решено, основываясь на смутных планах злосчастного адмирала Кардена, подготовить в феврале морскую операцию «для бомбардировки и захвата (!) Галлиполийского полуострова и Константинополя как конечной целью». Доволен остался и Френч, которому было обещано переправить к середине февраля две территориальные дивизии². «И никто – кроме Китченера, предупреждавшего, что войск нет – не потрудился подумать, как это флот может захватить полуостров, а потом оккупировать столичный город с населением более миллиона человек»³.

Сложный в политическом и дипломатическом исполнении и полный неопределенностей в возможности привлечения армий балканских стран и Италии план Ллойд Джорджа даже не рассматривался.

В дни принятия судьбоносного решения на Совете 13 января, в Проливах начались проблемы, которые преследовали операцию еще до ее начала. 15 января «французская подводная лодка «Салфир», вопреки категорическим приказам, запрещавшим лодкам проходить внутрь, попыталась последовать примеру английской «В-11», но оказалась менее счастливой. В проливе она села на мель и погибла»⁴.

Однако Черчиллю помогли неудачи британской дипломатии. «23 января начались переговоры с Грецией относительно ее вступле-

ния в войну на стороне Сербии на условиях территориальных компенсаций, и 27 января от нее был получен ответ. Греция соглашалась начать военные действия при условии выступления Болгарии, если же Болгария ограничится благожелательным нейтралитетом, то Греции требовалось тогда помощь Румынии. В случае невозможности гарантировать болгарский нейтралитет Греция, кроме содействия Румынии, желала обеспечить себя такими силами союзников, которые обезопасили бы ее со стороны неустойчивой соседки. Для последнего, по заявлению Венизелоса, требовалось два английских или французских армейских корпуса. Подобные условия исключали возможность Салоникской операции, что окончательно склонило британское командование к операции в Дарданеллах»¹.

Ллойд Джордж пытался в конце января снова обратить внимание на Балканы, написав Китченеру письмо об отчаянном положении Сербии и возможной перемены позиции Болгарии, могущей обеспечить Германии прямой путь в Константинополь, однако председатель Военного совета ответил, что опасности эти кабинету известны, но повлиять на Болгарию внешнеполитическое ведомство Британии не может. и более того, помощь Сербии, скорее всего, еще более оттолкнет Болгарию от Антанты².

23 января Галлиполийская операция еще более определилась территориально. Связано это было с тем, что в планирование операции против турок включилась Франция. Еще в декабре 1914 г. «Comité de l'Asie Française» потребовал защиты принадлежащей ему железнодорожной линии в Киликии и северной Сирии. Узнав о начале планирования боевых действий против Турции, французские политики сразу же стали выторговывать себе особые условия в отношении этих территорий. Делькассе, министр иностранных дел Франции настаивал на том, чтобы военная операция имела целью только Константинополь и Проливы и не распространялась на Малую Азию³. «23 января 1915 г. морской министр Оганьер был срочно направлен к Черчиллю. Прибегнув к нажиму в ходе переговоров, он добился компромисса. Франция получила право осуществлять контроль над сирийским побережьем, вплоть до Яффы, за счет полной передачи британскому флоту контроля над проливами. Черчилль отказался от высадки войск в Александrette, получив обещание от Оганьера принять участие в военных операциях

¹ Miller G. Straits... // www.flamboroughmanor.co.uk.

² Minutes of the War Council, 13 January 1915 // PRO Cab 42/1/16.

³ Дарданеллы станут нашей могилой // www.militaria.lib.ru

⁴ Корбетт Ю. Указ.соч. // www.militaria.lib.ru

¹ Там же.

² Ллойд Джордж. Цит. соч. Т. I. С. 290.

³ Fulton L. Bruce France and the End of the Ottoman Empire // The Great Powers and the End of the Ottoman Empire. London, 1996. P. 155.

в Дарданеллах»¹. Не только Салоники, но и Александретта и вообще азиатское побережье из планов операции против Турции исчезли. Впрочем, уже 9 февраля Делькассе начал прощупывать в Англии возможность начала переговоров о распределении «зон интересов» в Азиатской Турции с целью их последующего раздела между державами². Эти переговоры вылились в 1916 г. в заключение известного договора о разделе Азиатской Турции Сайкса-Пико.

2. Российские претензии на Константинополь и черноморские проливы

Неудачи российской дипломатии в XIX в. не дали возможности осуществиться величайшей российской геополитической мечте – овладению или получению полного контроля над черноморскими проливами. Крымская война, угроза начать новую войну в 1878 г., если Россия займет Галлиполийский полуостров, ясно показали, что европейские державы сделают все возможное, чтобы не допустить России к Проливам. Но от самой идеи Россия не отказалась. «Одним из организаторов плана захвата Проливов стал сотрудник русского посольства в Константинополе А. И. Нелидов. В декабре 1882 г. Нелидов представил Александру III записку «О занятии Проливов». В записке указывалось на нестабильное положение Османской империи и возможность ее распада, что таило угрозу позициям России на Балканах и ее причерноморским владениям. Нелидов выдвигал, в зависимости от обстановки, три варианта занятия проливов: 1) открытой силой во время Русско-турецкой войны; 2) неожиданным нападением при внутренних сложностях с Турцией или внешней опасности; 3) мирным путем с помощью союза с Портой... В январе 1885 г. Нелидов³ подал Александру III новую записку «О задачах русской политики в Турции». Указывая на враждебные России действия европейских держав, на их все более активную экспансию в Малой Азии, Нелидов указывал на настоятельную необходимость занятия Босфора и даже Дарданелл. По мнению Нелидова, предпочтителен был мирный путь, основанный на договоренности (подкупе?) с турецкими чиновниками.

В сентябре 1885 г. Александр III направил начальнику Генштаба Н. Н. Обручеву письмо, где заявлял, что главная цель России – за-

нятие Константинополя и Проливов. Император писал: «Что касается собственно Проливов, то, конечно, время еще не наступило, но надо быть готовыми к этому и приготовить все средства. Только из-за этого вопроса я соглашаюсь вести войну на Балканском полуострове, потому что он для России необходим и действительно полезен». По сути дела это было поручение Обручеву готовиться к войне.

В октябре 1885 г. Военное и Морское министерства совместно подготовили доклад об организации десантного отряда и обеспечении его транспортными средствами. Причем, по мнению авторов доклада, подготовка этого отряда не должна была вызвать трудностей, поскольку отряд планировалось сформировать на основе двух пехотных дивизий Одесского военного округа. Транспортные средства, предоставляемые Черноморским пароходным обществом и Добровольным флотом, также признавались достаточными.

В 1886 г. Александр III приехал в Москву. На встрече его московский городской голова Н.А. Алексеев, не мудрствуя лукаво, призвал царя водрузить крест на Святой Софии. При этом Алексеев не только не был наказан, но получил от царя орден Анны 2-й степени, а речь его по царскому указу была полностью напечатана в газетах, к ужасу министра иностранных дел Н.К. Гирса (отца будущего посла России в Турции М.Н. Гирса).

В июне 1895 г. в Петербурге состоялось совещание, рассмотревшее ход выполнения программы строительства Черноморского флота. Военные заявили о готовности к занятию Верхнего Босфора 35-тысячным десантом. Право свободного прохода русского флота через Дарданеллы предполагалось получить потом дипломатическим путем¹. Нерешительность молодого императора Николая, а затем неудачи в войне с Японией поставили крест и на этом этапе борьбы России за Проливы.

Развитие революционных событий в Османской империи и освобождение от османской зависимости славянских балканских народов создали новую возможность для России осуществить возжеленную мечту. Оправившись от японского фиаско и внутренних потрясений 1905 г., Россия вновь обратила свой взор на южный морской коридор в Средиземное море. «Генерал-квартирмейстер Данилов в одном из своих докладов доносил военному министру: «... современная политическая обстановка может вынудить нас занять

¹ Первая мировая война и международные отношения. СПб, 1995. С. 107.

² Fulton L. Bruce France and the End of the Ottoman Empire. P. 155.

³ В июле 1883 г. Нелидов назначен полномочным послом России в Османской империи.

¹ Широкоград А. Россия – Англия. Неизвестная война, 1857–1907. М., 2003 С. 383–385.

войсками часть территории Турции и на первом плане – Верхнего Босфора»¹.

«В 1908 г. в Морской Генеральный Штаб ВМФ поступали различные записки и предложения от военных моряков, в частности, от вице-адмирала Л.А. Брусилова. Летом 1908 г. состоялось Особое совещание, которое получило Высочайшее одобрение. На его основе были составлены оперативные разработки под грифом «совершенно секретно» по организации десантной операции на Босфоре. Там же ставились и основные цели по захвату проливов и объяснялись причины, почему этот захват необходим. Вот что говорилось в одном из этих документов: «В случае благоприятного исхода главной Босфорской операции, обстоятельства военного времени могут вызвать наступления нашего флота совместно с сухопутными силами на Босфор»². «Капитан 2 ранга Каськов записал: «На совещании МИД 21 июля 1908 г. решено: 1) Посылка 2-х судов в Средиземное море для совместного с эскадрами держав действия. 2) Создать организацию на Черном море для мирного(!) занятия В[ерхнего] Б[осфора], но так как в стратегическом отношении такое решение о пункте неправильно, то и организация должна быть приспособлена лишь для направления (одного) – а именно экспедиция на Босфор»³. Однако прощупывание дипломатическим путем позиции Франции и Британии показало, что понимания в этом вопросе Россия не найдет.

Новый этап борьбы за свои права на Проливы Россия начала в период Балканских войн, когда успех армий балканских стран мог привести к тому, что район Проливов оказался бы в руках Греции или Болгарии. Это никак не устраивало Россию. «В феврале 1913 г. черноморский флот получил приказ быть готовым выступить в Босфор. В штабе начальника отдельного отряда судов Черноморского флота проводились заседания и обсуждались планы операций прорыва через Босфорский пролив, в случае начала войны с Турцией, а также план действий судов Черноморского флота при высадке десанта в Константинополе»⁴. Однако под давлением Франции и Британии Россия согласилась не начинать войну с Турцией ценой уступки ей Адрианополя Болгарии.

23 ноября 1913 г. министр иностранных дел России Сазонов представил царю доклад, определявший цели и задачи российской политики на Балканах и в районе Проливов. Первая часть этого доклада была полностью посвящена отношениям России с Османской империей. «Сомнение в прочности и долговечности Турции, – писал министр, – связано для нас с постановкой исторического вопроса о проливах и оценки всего значения их для нас с политической и экономической точек зрения»...

Руководитель внешне политического ведомства отмечал, что имеются два пути для решения этой проблемы: военный и мирный. Первый путь предполагает захват проливов силой, второй – дальнейшее развитие двусторонних мирных отношений с Турцией при сохранении ее суверенитета над проливами. Министр решительно высказывался за второй путь, выдвинув в защиту своего предложения два соображения: незаинтересованность России в появлении в районе проливов более сильного, чем Турция, государства, во-первых, и ее неподготовленность к войне за проливы, во-вторых. Обосновывая первое положение, Сазонов отмечал, что для России одинаково опасен как непосредственный переход проливов в руки великих держав или их марионеток, так и англо-французский план интернационализации (нейтрализации) проливов и установления над ними контроля международной комиссии. Преобладание в ней морской державы – Англии или Германии, которая располагала самой мощной армией, писал Сазонов, лишило бы Россию возможности оказывать влияние на решения этой комиссии. «Проливы в руках сильного государства, – предостерегал министр, – это значит полное подчинение экономического развития всего юга России этому, государству». Сазонов отмечал и другую сторону вопроса: контроль за проливами обеспечивал западным державам влияние на Балканах и Ближнем Востоке. «Владеющий проливами имеет ключ для наступательного движения в Малую Азию и для гегемонии на Балканах» Турция казалась царскому правительству менее опасным соперником. «Турция не слишком сильное и не слишком слабое государство, не способна угрожать нам и в то же время вынуждена считаться с более сильной Россией». «Скорое распадение Турции, – делал вывод Сазонов, – не может быть для нас желанным». Возражая сторонникам военного захвата проливов, министр отмечал неподготовленность России к войне. К записке была приложена справка Морского генерального штаба о состоянии военно-морских сил, подтверждавшая этот вывод. «В настоящее время, – резюмировал Сазонов, – приходится говорить не только о невозможности

¹ Там же. С. 395.

² Мультатули П. В. Император Николай II во главе действующей армии и заговор генералов // <http://gosudarstvo.voskres.ru/multat/p2g7.htm>

³ Широкоград А.Б. Цит. соч. С. 395–396.

⁴ Там же.

активных выступлений против Турции, но и о недостаточности наших оборонительных средств»¹. Доклад министра был положительно принят царем. Однако другие державы имели свои виды на наследие Османской империи, никак не согласующиеся с надеждами России.

Спустя месяц, 23 декабря, узнав о прибытии в Константинополь военной миссии Лимана фон Сандерса, «после получения телеграммы от посла М. Н. Гирса и военно-морского агента капитана 1-го ранга А. Н. Щеглова... С. Д. Сазонов подготовил доклад на имя царя, предложив созвать Особое совещание для обсуждения вопроса о чрезвычайной ситуации, возникшей в районе черноморских проливов. Оно состоялось 8 февраля 1914 г.»² Российская дипломатия решила взять курс на улучшение отношений с Турцией. Для этого была предпринята попытка протащить на международном уровне об отмене международного контроля над финансами Османской империи и о расширении полномочий представителя Турции в Совете оттоманского долга. Посол Гирс сообщил об этом лидерам турецкого правительства³, однако проект был изначально мертворожденным. «21 февраля 1914 г. состоялось совещание под председательством Сазонова с участием генерала Жилинского, адмирала Григоровича и посла в Турции Гирса по вопросам десантной операции в Босфоре, и Жилинский, и Сазонов считали, что десантную операцию возможно осуществить только в условиях общеевропейской войны. Адмирал Григорович также считал операцию невозможной в настоящее время, из-за малоудовлетворительного обеспечения войск транспортными судами. «Я помню, – вспоминал Сазонов, – под каким безотрадным впечатлением нашей полной военной неподготовленности я вышел из этого совещания. Я вынес из него убеждение, что, если мы и были способны предвидеть события, то предотвратить их не были в состоянии. Между определением цели и ее достижением у нас лежала целая бездна. Это было величайшим несчастьем России»⁴. Пессимизм военных предопределил последующую перемену отношения российской дипломатии к Турции и ее новому правительству.

Новая турецкая программа России была представлена общественности С. Д. Сазоновым «в апреле 1914 г. в его внешнеполитическом

докладе Государственной думе. Министр подчеркнул, что Россия заинтересована в развитии добрососедских отношений с Турцией, обеспечивающих стабильное положение в Черноморском бассейне, на Ближнем Востоке и Балканах в целом. Он остановился также на вопросе о статусе проливов, выдвинув два главных принципа русской политики: сохранение верховного суверенитета над проливами за Турцией и учета последних интересов России и причерноморских государств. Речь Сазонова широко комментировалась турецкой прессой. Большинство газет приветствовало миролюбивые заявления руководителя российского внешнеполитического ведомства. Так, влиятельная газета «Терджумен-хаккикат» писала в конце апреля: «Ранее Россия считала нас за врага.. Теперь балканский вопрос разрешен... и мы не видим повода для омрачения наших отношений». Орган правящей партии «Единение и прогресс» газета «Жен Тюрк» в майском номере разделяла предложение С.Д. Сазонова о статусе проливов. «Мы признаем, – писала газета, – что свобода морской торговли через проливы является для России вопросом первостепенной важности. Мы не сомневаемся, что Россия убеждена в нашей лояльности и искренности и будет благожелательна к нам со своей стороны». В то же время значительная часть прессы выступила с критикой доклада царского министра, возражая против его предложения о пересмотре Лондонской морской конвенции 1871 г. о проливах»¹.

На расширенном совещании в Морском генеральном штабе 13 мая 1914 г., где обсуждались проблема проливов и вопрос о заключении русско-британского морского договора, «участники совещания приняли решение просить Англию в случае войны России с Германией оставить часть своих военно-морских сил в Средиземном море для охраны коммуникаций, а контроль за проливами сохранить за Турцией. При этом была сделана оговорка, что если Турция все же вступит в войну – осуществить временную оккупацию проливов объединенными силами Тройственного соглашения»².

Эта позиция сохранялась и после начала европейской войны. Даже спустя две недели после заключения германо-турецкого договора, 16/29 августа, когда в Петербурге стало известно о выходе в Черное море турецко-германской эскадры во главе с «Гебеном» и «Бреслау». С.Д. Сазонов дал указание директору дипломатической канцелярии при Ставке Н.А. Кудашеву предостеречь коман-

¹ Писарев Ю. А. Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М., 1985. С. 196–197.

² Там же. С. 214.

³ АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 134. Л. 61.

⁴ Мультатули П.В. // <http://gosudarstvo.voskres.ru/multat/p2g7.htm>

¹ Писарев Ю. А. Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. С. 220.

² Там же. С. 222.

дующего Черноморским флотом адмирала А. А. Эбергарда от ответных действий. «Продолжаю придерживаться мнения, что нам важно сохранить мирные отношения с Турцией»¹ – сообщал министр и приказ при встрече с турецкой эскадрой «действовать по усмотрению» был заменен на приказ «не искать встречи с турецким флотом, если он не займет явно угрожающего положения». В результате «Черноморский флот до начала войны с Турцией, при своих выходах в море не удалялся от Севастополя более нежели на 60 миль»².

На следующий день министр встречался с французским послом в России Морисом Палеологом, и снова он очень обтекаемо говорил о российских претензиях на Проливы: «Даже в случае победы мы будем соблюдать независимость и неприкосновенность Турции, если она останется нейтральной в этой войне, самое большее, что мы потребуем: установления нового режима проливов, который будет одинаково приемлем для всех государств, лежащих на берегу Черного моря, – для России, Болгарии и Румынии»³. Адмирал А.Д. Бубнов вспоминал: «Весьма показательным в этом отношении является нижеследующий случай: однажды, в начале войны, за завтраком в вагоне-ресторане у великого князя Николая Николаевича, мой сослуживец В.В. Яковлев и я, сидя за одним столом с генерал-квартирмейстером генералом Ю.Н. Даниловым, завели с ним разговор о решении вопроса о проливах, на что он нам ответил: «Об этом поговорим позже, когда будем на реке Одере», – иными словами, после победы над Германией»⁴.

Даже в конце сентября, когда союзники России по Антанте, возмущенные односторонним отказом Турции от режима Капитуляций, были на грани объявления ей войны, Сазонов продолжал политику сдерживания. «10/23, сентября в министерстве иностранных дел под председательством С.Д. Сазонова состоялось совещание с участием представителей Морского генерального штаба, обсудившее вопрос о позиции России в случае перехода Турции к более активным действиям, которые могли бы привести к войне. Совещание высказалось за соблюдение крайней осторожности»⁵.

¹ АВПР. Ф. Политархив. Д. 4142. Л. 2. Цит. по: Писарев Ю.А. Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. С. 223.

² Петров М.А. Два боя. Л., 1926. С. 12.

³ Пуанкаре Р. На службе Франции: Воспоминания. Т. 1. М., 1936. С. 64.

⁴ Бубнов А.Д. В Царской Ставке. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1955. С. 278.

⁵ АВПР. Ф. Политархив. Д. 1142. Л. 4. Цит. по: Писарев Ю.А. Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. С. 223.

Однако после нападения турецкого флота на российские порты и началом войны с Османской империей, российская политика вернулась к своей излюбленной теме – захвату Проливов. Это засвидетельствовали слова из манифеста Николая II: «нынешнее безрассудное вмешательство Турции в военные действия... откроет России путь к разрешению завещанных её предками исторических задач на берегах Чёрного моря». Союзники отнеслись к претензиям России, на сей раз сочувственно. 1 ноября, сразу же после турецкой провокации, английское министерство иностранных дел, как сообщал об этом своему правительству французский поверенный в делах, заявило, что оно «уже отнюдь не считает нужным падить Высокую Порту» и что Турция, по мнению англичан, «не может более быть стражем проливов». На следующий день «английское посольство в Петрограде в памятной записке, вручённой русскому министру иностранных дел, указывало: «По мнению правительства его величества, Турция и не заслуживает того, чтобы с ней считались, так как она показала себя неисправимой и невыносимой»¹. 14 ноября английское правительство выразило желание, чтобы России все силы направить против Германии и ограничиться обороной против Турции «впредь до разрешения конфликта с Германией». Взамен, заявлялось, что «поведение Турции сделало неизбежным полное решение турецкого вопроса, включая вопрос о проливах и Константинополе, который должен быть разрешен в согласии с Россией»².

Ободренные этим политическим прорывом в вопросе, который всегда вызывал у союзников негативную реакцию, российские военные стали вплотную разрабатывать проекты операции в Проливах. «24 ноября 1914 г. старший лейтенант Левицкий подал в Главный штаб ВМФ свой проект, который назывался «Записка по вопросу об организации десантной операции для завоевания проливов». В ней говорилось: «России в ближайшем будущем предстоит, надо надеяться, окончательно разрешить в свою пользу давно назревший вопрос о проливах. Задача эта может быть решена при дружном сотрудничестве флота и армии. Если в настоящий момент главная роль по подготовке решения вопроса принадлежит флоту, тогда как армия, до полного нашего господства на море и до выяснения обстановки на Западном фронте, не имеет возможности приложить

¹ Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. II. От империалистической войны до снятия блокады с Советской России. М. 1925. С. 25–27.

² Kent Marian Great Britain and the End of the Ottoman Empire 1900–23// The Great Powers and the End of the Ottoman Empire. London, 1996. P.177

к этому делу все свои силы, то взамен этого, когда господство на Черном море будет всецело в наших руках, главную роль будут разделять армия и флот, причем более сложная задача ляжет на первую, именно выполнение самой десантной операции»¹.

В то же время «лондонские и особенно парижские газеты повели агитацию за необходимость установления равных прав всех держав в проливах»². В Петрограде стало известно и об активной агитации греков в пользу интернационализации Константинополя и стремления их обеспечить греческому принцу пост верховного комиссара союзников в городе³. Российское министерство иностранных дел настоятельно потребовало устранения возможности греческого участия в военных действиях на Босфоре, опасаясь возрастания на Балканах англо-греческого влияния. Наиболее откровенно выразил точку зрения союзнических кругов английский посол в Париже лорд Битти, ярый консерватор: «Считают целесообразным – заявил он, чтобы Англия и Франция заняли Константинополь раньше России, дабы москвитин не имел возможности совершенно самостоятельно решать вопрос о будущем этого города и Проливов»⁴.

План английского прорыва в Дарданеллах вызвал в России не самое сочувственное отношение. Правительство снова постаралось заручиться гарантией соблюдения своих интересов в зоне Проливов. Министр иностранных дел в беседе с французским послом М. Палеологом заявлял: «Нам нужно получить прочные гарантии на Босфоре. Что касается Константинополя, то я лично не желал бы изгнания из него турок. Я ограничился бы тем, что оставил бы им старый византийский городок. Но не более»⁵. Позднее, это пожелание Сазонова нашло отражение в стратегических планах российского военного командования по поводу Проливов.

Гарантии союзников учитывать российские интересы в районе Константинополя и Дарданелл были даны, однако события на Кавказском фронте изменили расстановку сил в российской армии – теперь, после крупной победы над турками под Сарыкамышем, она могла высвободить определённые силы для Константинополь-

ской операции. Министр Сазонов послал в Ставку запрос, «можем ли мы в настоящую минуту оказать англичанам просимую им помощь и в случае удачного оборота дела сыграть в занятии Проливов подобающую России роль?»¹ Впрочем, большинство российских военных специалистов не верило в возможность захвата Стамбула и Проливов силами десантной операции, памятуя о том, что лучшие силы турецких вооружённых сил стоят на страже её столицы – и справедливо не верило.

Общественность России в связи с намеченной союзниками операцией пришла в возбуждение. Сазонов в своей речи в Государственной Думе 27 января 1915 г. еще очень скромно определял цели России на Босфоре. Говоря о победе под Сарыкамышем, министр заявил: «Совершившиеся на русско-турецкой границе события, надеюсь, откроют глаза туркам и помогут им понять, что германская опека неудержимо ведет их к гибели. События эти не только увенчали новой славой наше оружие, но и приблизят минуту разрешения экономических и политических задач, связанных с выходом России к свободному морю».

Слова министра были восприняты депутатами восторженно. С Думской трибуны говорилось о скорейшем выполнении давней миссии утверждения на берегах Босфора и Дарданелл², утверждалось полное признание союзниками российских прав в отношении Проливов и Константинополя, ещё до получения ответа от Англии и Франции³, заявлялось о необходимости отрядить для выполнения «исторической» задачи войска в помощь Англии. Депутат Левашов выразил всеобщее желание в следующих словах: «проливы, составляющие выход из Чёрного моря, вместе с соответствующими участками суши на европейском и азиатском берегах, должны непременно поступить во владение России»⁴. Еще дальше пошел в российских претензиях депутат Ковалевский: «В первую очередь приходится поставить завершение векового нашего спора с Турцией относительно Босфора и Дарданелл. Обращая взоры на запад, мы твердо уверены, что Червоная Русь, Русская Буковина и с ними Угорская Русь будут окончательно присоединены

¹ Мультатули П.В. //gosudarstvo.voskres.ru/multat/p2g7.htm

² Емец В. А. Цит. соч. С. 140.

³ Константинополь и Проливы. Док. № 97, 98.

⁴ Берти Ф. За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже, Лондон, 1929. С. 45. Английский министр иностранных дел Э. Грей писал: «Британская операция против Дарданелл почти испортила наши отношения с Россией» Архив русской революции. Т. 18, Берлин, 1922. С. 119.

⁵ М. Палеолог. Царская Россия во время мировой войны. М. 1923. С. 105.

¹ Емец В. А. Цит. соч. С. 130.

² Государственная Дума. Четвёртый созыв. Сессия III. Заседание первое. Стенографический отчёт. 27 января 1915 г. Стб. 7, 10, 17, 39, 50, 58, 79.

³ РГАСПИ. Ф. 579. Д. 1455. Л. 1. Речь П.Н. Милюкова на закрытом заседании бюджетной комиссии Думы.

⁴ Государственная Дума. Четвёртый созыв. Сессия III. Заседание первое. Стенографический отчёт. 27 января 1915 г.

к России»¹. П.Н. Милюков за свою «особую» позицию в отношении Проливов получил прозвище «Милюков-Дарданелльский»², подытожил общее мнение: «Мы с удовлетворением выслушали сообщение руководителя нашей внешней политики и узнали из него, что осуществление наших национальных задач стоит на верном пути. Мы уверены, что для выполнения главнейшей из задач – приобретения проливов и Константинополя (голоса: bravo!) будет обеспечено как дипломатическими, так и военными средствами»³. Британский посол в Петербурге приводит кардинальное мнение Милюкова: «Надо противиться нейтрализации проливов и настаивать на праве их укрепления»⁴. Мнение, согласно которому Россия не в состоянии послать на Босфор войска, неожиданно изменилось.

¹ Там же.

² «Меня называли «Милюковым-Дарданелльским», – эпитет, которым я мог бы по справедливости гордиться, если бы в нем не было несомненного преувеличения, созданного враждебной пропагандой, в связи с незнанием вопроса. В Ежегоднике «Речи» за 1916 г. можно найти проект решения этого вопроса в смысле, для меня приемлемом до соглашения 1915 г. Сазонова с союзниками (Привожу эту цитату: «Пишущий эти строки неоднократно высказывался в том смысле, что простая «нейтрализация» проливов и международное управление Константинополем не обеспечивают интересов России. Права интернациональной торговли в Черном море, несомненно, должны быть вполне обеспечены, по возможности, не только во время мира, но и во время войны. Исходной точкой для обеспечения этих прав мог бы служить доклад комиссии международного союза арбитража, представленный на конференцию союза в Брюсселе в 1913 г. (я сам готовил доклад для следующей конференции. – П. М.) ...В состав этих прав (минимальных. – П. М.) не входит ни отказ от суверенитета над берегами проливов, ни обязательство срыть укрепления проливов, ни обязательство пропускать военные суда через проливы.. Между тем, право суверенитета над берегами и право возводить укрепления вполне признано за Соед. Штатами в Панамском канале договорами Гей-Паунсфота (1901) и Гей-Брюно-Варилья (1904). Режим этого канала и должен служить образцом для будущего режима проливов под суверенитетом России. Дальше этого идет лишь требование о запрещении военным судам проходить через проливы. Но это требование неизбежно вытекает, как из всей предыдущей истории русских претензий в проливах и особенно из прецедентов 1798, 1805, 1833 гг., так и из того обстоятельства, что Черное море есть закрытый бассейн, а не одна из мировых междоокеанских дорог. Прибрежным государствам Черного моря, конечно, должно быть предоставлено право свободного прохода военных судов наравне с Россией». Здесь еще не предполагается овладение Константинополем, обоими берегами проливов и ближайшими островами; но, конечно, признается, что самая «позиция, занятая Германией», «создала исключительно благоприятное положение для осуществления Россией ее главнейшей национальной задачи». Милюков П. Н. Воспоминания 1859 – 1917. Нью Йорк, 1955. С. 186.

³ Историческое заседание государственной Думы // Морской сборник, 1915, № 5. С. 40. Сторонником «нейтрализации» Проливов и Константинополя, управляемых эмиссарами от крупнейших европейских стран был министр С. Д. Сазонов.

⁴ Бьюкенен Д. Воспоминания. М. – Пг., 1923. С. 154–155.

Ремонт «Гебена», казалось, облегчал задачу высадки десанта. Но нехватка вооружения и события на германо-австрийском фронте отодвигали этот проект на неопределённое время.

На фоне шумной газетной и парламентской кампании, в Дарданеллах начались военные действия. Пришлось в спешном порядке продумывать планы участия российских войск в операции в районе Проливов, чтобы не уронить себя в глазах общественного мнения, считающего, что от решения Константинопольского вопроса зависит дальнейшее участие России в войне и внутренний мир в стране. Был приглашён эксперт – генерал Куропаткин, и в генштабе подняли на свет старые планы решения проблемы Проливов, доработать которые поручили вице-адмиралу Беляеву и его помощникам – Капнисту и Немитцу. Стал разрабатываться план десантной операции с привлечением 10 пехотных корпусов¹. Ещё один участник, наметивший общеполитические основания «вопроса о Константинополе», был Н.А. Базили.

Памятная записка вице-директора канцелярии российского министерства иностранных дел Н.А. Базили² «О целях наших на Проливах» была написана в ноябре 1914, когда Дарданелльская операция ещё не была утверждена, но вопрос о втором турецком фронте уже возник на горизонте европейской политики³.

Базили указывает на важность Проливов для России – в первую очередь в связи с тем, что 37% всего российского вывоза составляет вывоз через Дарданеллы. Российская внешняя торговля во многом, а юга России – целиком зависит от выхода торговых судов в Средиземное море. Не меньшее значение имеют Проливы и как страте-

¹ Международные отношения эпохи империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств 1870–1917. Серия 3. 1914–1917. М., 1940. Т. VII. Ч. 2. № 265. Записка с основными положениями для подготовки к выполнению десантной операции, имеющей целью овладение проливами. 14/27 февраля 1915 г.

² Базили Николай Александрович (1883–1963 гг.) – статский советник, камергер (1913 г.). Учился в Александровском лицее. С 1903 служил в МИД, в 1905–1908 – при его канцелярии. 2-й секретарь российского посольства во Франции (1908), вице-директор канцелярии МИД (1912–1916 гг.), директор Дипломатической канцелярии при Ставке верховного главнокомандующего (1916–1917 гг.). По поручению генерала М. В. Алексеева составил проект акта об отречении Николая II, который был подписан последним с некоторыми изменениями. С апреля 1917 г. – советник российского посольства во Франции. В 1918–1919 гг. принимал участие в создании и деятельности Русского политического совещания, направленного на объединение всех антибольшевистских сил в России и за границей. С осени 1939 г. жил в Америке, служил в крупном банке (National City Bank of New York).

³ Константинополь и Проливы. Т. 2. С. 156–181.

гический плацдарм. Закрытие Проливов отсекало Россию от большинства стран-союзников.

Однако события последних лет, когда турки трижды закрывали Проливы: во время Итало-турецкой войны 1911–1912 гг., Балканских войн 1912–1913 гг., а также в сентябре 1914 г., «показали, что когда Турции оказывалось выгодным, она закрывала Проливы, и даже на продолжительное время, не считаясь с нашими интересами»¹. Закрытие Проливов в сентябре 1914 г. было воспринято в Петрограде как акт враждебности Турции по отношению к России

Таким образом, Базили пишет о необходимости гарантии освобождения от «унизительной для российского престижа» зависимости от Турции. Кроме того, возможный близкий развал Османской империи может открыть дорогу к Проливам другому враждебному и более сильному сопернику – Англии или Германии, что ещё более усугубит обстановку на юге России. Пример прорыва «Гебена» и «Бреслау», появление которых в Дарданеллах резко изменило военно-стратегическую ситуацию на Чёрном море в пользу Турции и изменило позицию Болгарии в вопросе вступления в войну на стороне Антанты, ясно на это указывает. «Активная стратегическая задача на Проливах, – пишет Базили, – требует... того же, решения, как и задача обеспечения экономического выхода нашего в Средиземное море» – т.е. овладения Проливами и островами Имброс, Тенедос, Лемнос и Самофракия. С политической стороны, господство над Босфором и Дарданеллами не только «открывает двери влиянию на бассейн Чёрного и Средиземного морей, но является ещё источником преобладания над балканским миром и Передней Азией, т.е. над странами, в судьбе которых Россия исторически наиболее заинтересована»².

Наиболее выгодным для России считалось решение вопроса о Проливах путём установления Россией власти над Босфором и Дарданеллами с частью Эгейских островов на выходе в море. Это реализовывало решение основных задач – экономических и стратегических – овладение обоими Проливами или, как вариант, – одним Босфором. Однако экономическая сторона требовала значительных затрат по обеспечению и содержанию крупных военных сил, сооружение крепостей, отвечающих современным требованиям, и гарнизонов. На это требовалось около 300 – 400 млн рублей в год. Записка

¹ Там же. С. 158, 243.

² Там же. С. 164–165.

Базили обосновывала необходимость принятия максимальных требований при решении вопроса о Проливах.

В целом, Базили предлагает несколько решений проблемы Проливов и намечает поэтапную их реализацию.

Нейтрализация Проливов, как для экономических, так и для стратегических задач России является опасной и ненадёжной. Международные гарантии ненарушимости плавания через Проливы создадут лишь некоторую моральную преграду для государства, которое пожелает их закрыть... При нейтрализации Проливов захват их с моря будет даже облегчён, благодаря сыртью укреплений.

Подчинение России одного Босфора с охраной остальной части союзными силами Англии, Франции и России ставит нас в зависимость от меняющейся международной обстановки. и если союзническая связь России и Франции была довольно прочна, то об отношениях с Англией этого сказать было нельзя.

Подчинение Проливов путём заключения соглашения с Турцией, и последующего распространения влияния в ней и подчинения её политики российским интересам – сложнореализуемая задача, которая потребовала бы активизации сил, не меньших, чем при действительном владении Проливами. Кроме того, этот путь может встретить противодействие других держав.

Промежуточным этапом в овладении Проливами может быть требование к Турции о предоставлении права России держать в Проливах военный флот, после чего – начать овладевать территориями.

Далее следует овладение островами Мармара, при условии срытия Турцией всех укреплений по обоим берегам Босфора.

Следующий этап – создание крепости на Босфоре, стоимостью 150–200 миллионов рублей, – как на европейском, так и на азиатском берегу и сооружение аналогичной крепости на Галлиполийском полуострове.

Наконец, последним этапом получения господства в районе Проливов должно быть получение островов у входа в Дарданеллы с постройкой на них артиллерийских батарей и включение в российскую зону фракийской равнины с городом Адрианополь¹.

Дальнейшее развитие планы России в отношении Проливов получили в Памятной записке начальника черноморской оперативной части морского генерального штаба капитана 2-го ран-

¹ «...для обеспечения нами свободы международной торговли через Проливы, нам необходимо получить также острова Мраморного моря, а также Имброс и Тенедос» – из послания министра иностранных дел России А.Д. Сазонова российскому послу в Великобритании графу Бенкендорфу.

га А.В. Немитца¹ «Предварительные соображения константинопольской операции», от 1\14 декабря 1914 года»².

В части, посвящённой политическому значению получения господства над Проливами, Немитц указывает, что «Балканский кризис 1912–1913 гг., поставил на близкую очередь конечное решение «восточного вопроса... Только став прочной ногой на Босфоре и Дар-

¹ Род А. В. Немитца берет начало из рыцарского дома «Бобровый камень» на Рейне. Предположительно в начале XVIII века Немитцы переселились в Польшу, а затем и в Россию, где приобрели землю в Хотинском уезде Бессарабской губернии. Александр Васильевич Немитц родился 26 июля 1879 г. Отец его имел высшее юридическое образование и работал мировым судьей в Одессе. Мать – Софья Апполоновна урожденная Кузнецова из дворян Херсонской губернии, служивших в военном флоте. В 1899 г. А. В. Немитц заканчивает с отличием Морской кадетский корпус и начинает службу на эскадре Черноморского флота.

В 1902 г. мичмана Немитца отправили с поручением к русскому послу в Турцию. На попытку посла Германии привлечь Александра Васильевича на свою сторону напоминанием о его якобы немецкой крови, молодой мичман ответил: «Если я, как офицер, дал присягу, то никогда не должен ей изменить, а оставаться верным ей во всем, всегда! До последней капли крови, независимо от того, какого бы рода эта кровь ни была».

В 1903 году, после окончания курса Артиллерийского офицерского класса, А. В. Немитц становится артиллерийским офицером на кораблях, одновременно являясь преподавателем школы комендоров и гальванеров. В 1907 г. лейтенанта Немитца назначают на должность штаб-офицера Морского Генерального штаба. Работая в Историческом отделе Морского Генерального штаба, А. В. Немитц детально знакомится и изучает архив русско-японской войны 1904–1905 гг. Результатом этого явились его научные работы: «Стратегическое исследование русско-японской войны на море» (издано Морской академией в 1909–1910 гг.); «Исследование русско-японской войны на море периода командования флотом адмирала Макарова» (напечатано в «Морском сборнике» в 1912–1913 гг.); «Русско-японская война на море» (15-й том «История русской Армии и флота», 1913 г.); «Очерки по истории русско-японской войны» (издано Морской академией в 1912 г.); «Очерк морских операций русско-японской войны» (издано Морской академией в 1912–1913 гг.). Войну капитан 2 ранга А. В. Немитц встретил в должности штаб-офицера Черноморской оперативной части Морского Генерального штаба и с самого ее начала был распределен в Ставку Верховного Главнокомандующего. В 1915 г. отпросился у Верховного Главнокомандующего на флот и был назначен командиром канонерской лодки «Донец». В последующие годы принимал участие в боевых действиях Черноморского флота на различных должностях, проявил при этом умение, героизм и мужество. После Октябрьского переворота и установления советской власти контр-адмирал А. В. Немитц перешел на сторону большевиков. С 1922 по 1924 гг. А. В. Немитц выполняет особые поручения при Реввоенсовете СССР, далее – на преподавательской работе. В 1941 г. советское правительство присваивает А. В. Немитцу воинское звание вице-адмирала. Умер А.В. Немитц в 1967 году в Севастополе и похоронен с воинскими почестями. См. Лебедев В. Г. Вице-адмирал А. В. Немитц // Гражданская война в России: Черноморский флот. М., 2002. С. 269–290.

² Константинополь и Проливы. С. 181–198.

данеллах, Россия действительно сможет выполнить своё историческое призвание, которое заключается в государственном объединении, внутреннем умиротворении и в даровании «европейской» культуры народам всей восточной Европы и большей части Азии... Для русского народа тем лучше, чем больше славянских народов будут жить самостоятельно»¹. Солидаризируясь с Базили, он также пишет, что Проливы в руках чужого государства означают подчинение всего юга России этому государству.

Таким образом, Россия ведёт отечественную войну с «такими положительными политическими целями:

- разрешить справедливо по отношению к западным и южным славянам общий «славяно-германский» вопрос;
- разрешить соответственно русским интересам «восточный» вопрос.

Два главных препятствия на пути к решению этих задач, т.е. – овладении Проливами – это противодействие двух держав, одна из которых – Германия является противником в войне, а другая – Англия – союзником. В результате войны оба эти препятствия, по мысли Немитца, практически устранены, поскольку Великобритания, стремясь показать свою лояльность к России как союзнику, даёт согласие на овладение Проливами, а Германия будет неминуемо разгромлена и исключена из дальнейшего хода рассмотрения этого вопроса.

Однако Турция без борьбы не примирится с потерей Босфора и Дарданелл, поэтому встаёт острая необходимость в скорейшей выработки плана военного захвата Проливов, т. е. Константинопольской операции. Война может продлиться от 4–6 месяцев до 2-х лет, поэтому действовать надо без промедления.

Немитц далее переходит к стратегическим соображениям получения господства над Проливами и, для начала, отделяет вопрос о Стамбуле–Константинополе от вопроса о Проливах.

Константинополь, указывает он, фактически является «мировым» городом, военный захват которого по сути ничего не даст. В Константинополе соединены как религиозные (католические, православные и мусульманские) миры, так и финансово-политические интересы большинства держав – Англии, Франции, России, Германии. Для России было бы невыгодно вызвать противодействие всех этих сил в случае прямого военного захвата Константинополя и присоединения его к российской территории. К тому же,

¹ Там же. С. 182–184.

Город Святой Софии является желанной целью для славянских государств – в первую очередь – Болгарии и Греции, чьё участие в войне остаётся ещё под вопросом.

Поэтому Немитц, как и Базили, предполагает поэтапное решение вопроса о Проливах.

Россия «на правах полного государственного обладания... приобретает оба берега Босфора, для устройства крепости и базы эскадры Чёрного моря.

Получает группу Принцевых островов.

Далее на Галлиполийском для устройства морской крепости приобретается Булаирская позиция.

Азиатский берег Дарданелл и Мраморного моря остаётся турецким и не переходит в руки других государств.

Европейский берег Мраморного моря может быть без опаски передан Болгарии, а остров Лемнос – Греции, при условии, что остальные острова у входа в Дарданеллы приобретаются Россией.

Константинополь не присоединяется к владениям Российской империи, а «выделяется Константинополь с прилегающим к городу районом в вольный и нейтральный город с самоуправляющейся городской общиной, организация которой предоставляется Европе.. России необходимо только получить контроль над городом в том отношении, чтобы никто не сооружал на территории... никаких военных сооружений и чтобы от нашего наместника зависело самостоятельно принимать соответствующие решения»¹.

Позднее, в начале 1915 г., интересные соображения по поводу Проливов и Константинополя высказал князь Г.Н. Трубецкой², российский посланник в Сербии.

¹ Там же. С. 195.

² Григорий Николаевич Трубецкой (1874–1930). Князь. Сын князя Николая Петровича Трубецкого (1828–1900) от брака с Софьей Алексеевной Лопухиной; братья – известные философы Сергей (1862–1905) и Николай (1863–1920) Трубецкие. Окончил Московский университет. Занимал дипломатические посты в Вене, Берлине и Константинополе (1896–1906). Посланник в Сербии (1914–1915). Участник Московского поместного Собора (1917–1918). С 1920 г. в эмиграции. Жил в Австрии. Проживал в городе Баден (под Веной). гг. Затем переехал в Париж. Общественный и церковный деятель. Один из организаторов и член приходского совета Сергиевского подворья в Париже. Член учредительного комитета Свято-Сергиевский православный богословский институт в Париже. Активный прихожанин православного храма в городе Кламар близ Парижа. Поддерживал Русское студенческое христианское движение (РСХД). Член-основатель общества «Икона» в Париже (1927). Участвовал в евразийском движении. Скончался в Париже. Сборник его памяти напечатан в Париже в 1930 г.

13 февраля он пишет Сазонову: «Если невозможно разрешить вопрос в нашу пользу..., то наименее плохим из последующих решений было бы оставление на Проливах Турции с установлением нашего военно-морского контроля на Проливах».

В письме к С.Д. Сазонову от 24 февраля 1915 г. уже после начала Дарданелльской операции, он уточняет свою позицию: «Для нас допустимы только два решения. Одно полное, т. е. Линия Мидия-Энос, а в Азии береговая полоса, достаточная с точки зрения военнотехнической, и острова Имброс и Тенедос... Если, по нашим грехам, нам сейчас нельзя надеяться на это решение, тогда, возможно пока такое, которое служило бы ему этапом и ничего не портило бы в будущем. Это решение было бы установление военно-морского контроля России в районе Проливов... Нейтрализация Проливов – это наверняка ссора с союзниками и вся Россия затаит на них справедливый гнев за то, что они выезжали на наших спинах, а наших прав и интересов не признали... Ещё что мне кажется, не следует допускать ни под каким предлогом, это доступа Болгарии и Греции к побережью Мраморного моря... Фердинанду, при его мегаломании, конечно, трудно примириться с мыслью, что с утопией коронования в Святой Софии ему приходится расстаться»¹.

Соображения российского военного и дипломатического руководства, естественно, повлияли на отношение России к намечаемой Великобританией Дарданелльской операции. Вопрос открытия Проливов был жизненно необходим для России, испытывающей острую нехватку вооружения и боеприпасов, которое невозможно было коротким морским путём перевезти из Франции. Генерал Янушкевич называл в конце 1914 г. этот вопрос «кровавым»². Несмотря на победы в Галиции и общее отступление Австро-Венгрии, граничащее с разгромом, и относительные успехи на Кавказском фронте, связанные с Сарыкамышской операцией, эти победы достались России слишком большой ценой и открытие константинопольского фронта считалось в российской Ставке невозможным. Поэтому изыскивались возможности дипломатическим путём решить вопрос и о Проливах.

Уже в октябре 1914 г. турецкий посол в Берлине Мухтар-паша писал великому везиру Саид Халиму-паше:

«Вопрос о Проливах, по-видимому, уже разрешён в положительном для России смысле...

¹ Там же. С. 203–204.

² Емец В. А. Цит. соч. С. 96.

Для Англии было бы желательным, чтобы Россия не властвовала на Проливах, но принимая во внимание те преимущества, которые Англия надеется извлечь из общих результатов соглашения, она в крайнем случае сможет принудить себя пойти на эту невыгодную уступку, которую как-нибудь она сумеет смягчить». Далее Мухтар-паша делает интересное замечание: «Под этим углом зрения, вот что обращает на себя внимание: английский флот, дав возможность немецким судам [«Гебену» и «Бреслау»] спастись и укрыться в Мраморном море, с макиавеллизмом, характеризующим Foreign Office, лишил всякого значения эту статью англо-русской конвенции»¹.

В течение октября-декабря 1914 г. Россия всеми путями стремилась склонить Великобританию к признанию российских прав на Проливы. Англичане сперва всячески поощряли Россию в ее претензиях на проливы. «27 минувшего октября сэр Эдуард Грей сказал графу Бенкендорфу [российскому послу в Великобритании] что, в случае поражения Германии, вопрос о судьбе Проливов и Константинополе не мог быть разрешён иначе, как согласно нашим пожеланиям»².

7 ноября 1914 г. министр иностранных дел С. Д. Сазонов послал великобританскому послу в Петрограде Дж. Бьюкенену памятную записку, в которой, в частности, говорилось:

«Императорское правительство приняло к сведению намерение правительства его британского величества аннексировать Египет, как только внутреннее положение этой страны сделает это необходимым, о чём сэр Джордж Бьюкенен сообщил ему в памятной записке от 5 ноября 1914 г.

Императорское правительство после заявления, сделанного его превосходительством сэром Эдуардом Греем графу Бенкендорфу относительно судьбы Проливов и Константинополя, спешит заявить со своей стороны правительству его британского величества, что оно признаёт отныне и впредь аннексию Египта Великобританией»³.

В январе – феврале 1915 г. турецкое командование предприняло попытку атаки на Египет. Флот, занятый приготовлениями к операции в Проливах, и обладавший уже значительными силами, при-

нял в отражении атаки самое деятельное участие. 18 января французский гидросамолет обнаружил скопление от 8 до 10 тысяч турецких войск в районе Беэршеба, после чего корабли союзников вошли в канал и заняли места согласно боевым планам. Гидросамолет обнаружил лагерь сосредоточения 8-го турецкого армейского корпуса, предназначенного для атаки на Суэцкий канал.

Один из лидеров младотурок, Джемаль-паша, руководивший наступлением, решил провести армию не по старой дороге, ведущей вдоль берега через синайскую пустыню, но внутренними караванными тропами. Это привело к тому, что сосредоточение заняли гораздо больше времени, а войска прибывали к месту измотанными, на грани истощения от жажды и голода.

Турки, проведя в конце января несколько отвлекающих атак, 3 февраля начали общее наступление силами до 20 000 штыков, при поддержке 9 батарей полевой артиллерии. Джемаль-паша решил провести фронтальную атаку по всему фронту английской обороны¹. Для форсирования канала были приготовленные специальные шлюпки, укрепленные оцинкованными листами, и вмещавшие до 30 человек. Из шлюпок и плотов, представлявших собой связанные керосиновые канистры, должны были составиться понтоны, для переправы основных сил, однако миноносцы и старые броненосцы союзников разбили переправы. Небольшие партии турок смогли закрепиться на английском берегу канала, но и они были выбиты индийскими и новозеландскими войсками, занимавшими все выгодные высоты и позиции в районе канала. Вся экспедиция Джемаль имела одно или два орудие крупного калибра, способное отвечать артиллерии флота, однако одно из орудий было разбито выстрелом с французского корабля береговой обороны, другое, очевидно, вышло из строя. Как пишет австралийский военный историк Бин, «способ линейной стрельбы турецкой пехоты был на редкость прост и патетичен. Линия турецких стрелков, подняв ружья, блестящие на солнце, медленно опускала их, наводя на британский берег. Эту сверкающую линию тотчас же брали на мушку индийские и новозеландские снайперы. Затем над опустившимися ружьями осторожно появлялись головы турок, пытающихся совершить выстрел. В ту же секунду турецкий стрелок становился жертвой выстрела индуса или новозеландца»². Потери турок в первый день операции оказа-

¹ Константинополь и Проливы. Т. I. С. 225.

² Константинополь и Проливы. Т. I. С. 236–237. «12 ноября английский король в разговоре с русским послом произнес решающие слова: «Константинополь принадлежит вам». Через два дня Джордж Бьюкенен объявил русскому правительству: «Вопрос о Константинополе и проливах должны будут быть разрешены согласно с желаниями России». Р. Пуанкаре. На службе Франции. 1914–1915 гг. Т. I. С. 557. Однако, воодушевляя Россию признанием её прав на Проливы, британская дипломатия не забывала и о своих интересах.

³ Константинополь и Проливы. Т. I. С. 237.

¹ Корбетт Ю. Цит. соч. С. 143–144.

² Bean C.E.W. Official History of Australia in the War of 1914 – 1918. Vol. 1–2. The Story of ANZAC. Sydney, 1921. Pp. 158–159.

лись так велики, что все оставшиеся на плаву лодки после наступления темноты занимались лишь переправой на восточный берег канала убитых и раненых.

На следующий день попытки турок снова начать наступление были пресечены артиллерийским огнем батарей и кораблей. Несколько окопавшихся ночью турецких отрядов были выкошены огнем пулеметных команд, занимавших доминирующие высоты. Подходу подкреплений помешала и начавшаяся в пустыне песчаная буря. В результате Джемаль остался также без связи со своим атакующим авангардом. Англичане провели атаку силами кавалерийской бригады и двух батальонов пехоты, которым удалось захватить неприятельский караван в составе 90 верблюдов, везущий основным силам боеприпасы. «Потеря верблюдов, по словам турок, была чрезвычайно тяжелой и нарушила весь турецкий план операции»¹. К вечеру сражение превратилось в перестрелку между окопавшимися снайперами, которую новозеландцы и английские офицеры воспринимали как увлекательную охоту². К тому же в подкрепление подошли английские регулярные войска.

Новое наступление турок так и не состоялось. Часть турецких командиров отказалась вести солдат под огонь кораблей. Немецкий генерал Кресс фон Крессенштейн, начальник штаба 8-го турецкого корпуса, согласился, что, поскольку понтоны разбиты (оставалось всего три лодки), попытка пересечь вплавь канал будет безумием³. Операция была прекращена, войска – отведены. 7 февраля воздушная разведка сообщила об отходе турецких войск из лагеря, расположенного в нескольких милях от канала⁴.

Всего в этой операции турки потеряли более 1000 человек убитыми, не считая утонувших в канале. Было взято значительное число пленных. Так только на одном посту были захвачены три пулемета, в плен сдались 190 человек, а среди убитых был опознан немецкий офицер фон ден Хаген. Потери англичан были незначительны – 32 убитых и 131 раненых⁵. Джемаль-паша в своих мемуарах деликатно сообщает, что еще до начала операции не верил в возмож-

ность форсировать Суэцкий канал, а всю турецкую авантюру называет «удачной демонстрацией»¹.

К 11 февраля угроза Суэцу отпала, и судоходство по каналу было восстановлено. В Египет были направлены индийские войска и австралийско-новозеландский армейский корпус (АНЗАК).

На Черном море крупных боевых действий почти не происходило. Русские миноносцы продолжали выставлять мины у турецких портов. 11 ноября были заминированы порты Самсун и Трабзон, 21 декабря – восточный вход в Босфор. На минах подорвались минные заградители «Нилюфер» и «Рон», а 26 декабря на двух русских минах получил повреждения сам «Гебен». Корабль принял 600 тонн воды и был отбуксирован в Босфор, где встал на ремонт до 28 марта 1915 года².

Что же касается военного участия в намечаемой союзниками операции против Турции в Дарданеллах или в Салоникском десанте, то оно встретило сопротивление в российских кругах, поводом к чему послужили неудачи на германском фронте. Россия хотела иметь гарантированный захват Проливов, и не желала зависеть в этом вопросе от Англии.

Но и открывать новый фронт, по мнению русских военачальников, было с военной точки зрения невозможно. Наиболее ярко эту позицию выражал князь Н. А. Кудашов³. «Одни мы захватить Проливы не можем ни под каким видом...»⁴ Примеры: 1) Болгария и Греция в войне с Турцией, а Россия и Италия с Австрией; мы тогда можем справиться с Турцией без помощи Франции и Англии. 2) Мы заключаем сепаратный мир с Австрией, а балканские страны остаются нейтральными; тогда мы можем направить все силы на Германию, уделив достаточно войск для захвата самостоятельно

¹ Djemal-Pasha. P. 168.

² Шерешков О.С. Неизвестная война на Черном море 1914–1917 гг. Львів, 1999. С. 4–5.

³ Николай Александрович Кудашев (1868–1925). Сын директора частного банка в Киеве князя Александра Сергеевича Кудашева (1830–1877) от брака с Софьей Ивановной Орловой. 1-й секретарь российского посольства в Токио с 1902 г., посольства в Константинополе с 1906 г.. В 1910–1913 гг. временный поверенный в делах России в США. В 1914–1916 гг. директор Дипломатической канцелярии в Ставке Верховного Главнокомандующего, осуществлявшей координацию деятельности Ставки и МИДа. В 1916–1917 гг. посланник в Китае. Продолжал занимать пост посланника до 1920 г., когда китайские власти закрыли русские дипломатические представительства.

⁴ См. также записку Базили – Сазонову от 15\28 января 1915 г.: «...рассчитывать на самостоятельное осуществление нами операции захвата Проливов... нельзя». Константинополь и Проливы. Т. I. С. 119..

¹ Корбетт Ю. Цит. соч. С. 147.

² Bean C.E.W. Op. cit. P. 163.

³ Djemal-Pasha. Memories of a Turkish Statesman – 1913 1919. N-Y, 1922. P. 166–167.

⁴ Bean C.E.W. Op. cit. P. 164.

⁵ Корбетт Ю. Цит. соч. С. 147–148.

Проливов»¹. Великий князь Николай Николаевич, ввиду необходимости сосредоточения всех сил России против главного врага – Германии, признал необходимым уменьшить количество войск даже на Кавказе, что представляло опасность не только для русских, но и для общесоюзных интересов.

12 января 1915 г. Кудашов отправил Сазонову ответ для великого князя Николая Николаевича, в котором высказывал соображения по поводу Дарданелльской операции и возможному участию в ней России:

«...мы рады бы оказать союзному флоту содействие, но обещать его мы не можем ни флотом, ни сухопутным войском», – писал он. Присутствие «Гебена» в Чёрном море сковывают возможности российской Черноморской флотилии, а масштабную сухопутную операцию Россия не может себе позволить по материальным соображениям. Однако это, по его мнению, не означает отказа от Дарданелльской операции, но вестись она может силами одних союзников без поддержки российского оружия. Поэтому нельзя «расхолаживать англичан». В поддержку своей позиции, князь приводит следующие доводы:

Завладение Проливами союзным флотом считается трудноосуществимым, почти невозможным².

Попытка такого завладения для нас полезна и, с военной точки зрения, даже желательна;

Даже в случае неудачи, она принесёт нам пользу;

В случае удачи, опасности не представляет, а пользу принесёт ещё больше;

¹ Константинополь и Проливы. Т. I. С. 122. Однако, генерал-квартирмейстер Ю. Н. Данилов считал, что даже при заключении сепаратного мира с Австрией, «нам невозможно будет отвлечь с Западного фронта достаточно силы для операции против проливов, тем более, что может к этому времени потребуются усиление наших войск на Кавказе». МОЭИ. Т. II, № 4. Необходимо отметить, что предположение о сепаратном мире с Австрией входило в противоречие с Лондонским соглашением от 23 августа 1914 г., согласно которому Великобритания, Франция и Россия «обязуются не заключать сепаратного мира в течение настоящей войны». Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архива царского и временного правительства. Серия III. Т. VI. Ч. 1. С. 214.

² При этом, Джулиан Корбетт пишет, что «Из русских источников стало известно, что маршал фон-дер-Гольц, осмотрев в середине января Дарданеллы, пришёл к такому же заключению, что и адмирал Карден [командующий английским флотом в Дарданелльской операции] и заявил, что при существующем состоянии фортов Проливы могут быть форсированы флотом». Корбетт Ю. Операции английского флота в мировую войну. Т. II. С. 141.

Содействие наше этому предприятию в настоящее время ничем выразиться не может.

Десант, сколько-нибудь значительный мы сможем послать только когда определится несомненная и окончательная наша победа над Германцами»¹.

Посланник России в Сербии Трубецкой тоже отрицал возможность для России самой захватить Проливы: «Завладение проливами (Англией и Францией) без нас было бы прямо пагубно... и в этом случае Константинополь стал бы в будущем могилою нынешнего нашего союза», писал он Сазонову².

В то же самое время перспективные стратегические планы действий в районе Проливов также разрабатывались в министерстве иностранных дел.

9 февраля 1915 г. было созвано узкое правительственное совещание под председательством его главы Горемыкина с участием Сазонова, Сухомлинова, Григоровича, посла Гирса, начальника генштаба генерала Беляева, начальника морского генерального штаба вице-адмирала Русина и его помощников – капитанов Капниста и Немитца³. Горемыкин сообщил о прямом указании царя «воспользоваться настоящей войной для завладения Босфором и Дарданеллами»⁴. Совещание имело непосредственные результаты, которые сводились к двум важным моментам: во-первых, Россия получила необходимую программу территориальных требований к союзникам в отношении Проливов. Основой стали разработки Немитца, Базили и Капниста. Во-вторых, Морское министерство провело большую работу по подготовке десантных судов и обещало обеспечить в ближайшее время переброску одного – двух корпусов в район Проливов⁵.

15 января адмиралу Кардену дали приказ начать приготовления к прорыву эскадры в Проливы. Все просимые им усиления были

¹ Константинополь и Проливы. Т. II. С. 134–136.

² Писарев Ю.А. Тайны первой мировой войны: Россия и Сербия 1914–1915 гг. М.: Наука, 1990. С. 117.

³ Никонов А. Д. Вопрос о Константинополе и проливах во время первой мировой войны. 1914–1915 гг. Канд. дисс... канд.ист.наук. М., 1948. С. 135–142.

⁴ Емец В. А. Цит. соч. С. 135.

⁵ Там же. С. 137. «Морской министр сообщил, что уже приступлено к оборудованию пароходов и несколько из них приспособляются к перевозке войск, и заявил, что в начале апреля будет готово до 70 пароходов с общей подъёмной силой до одного корпуса, а в середине мая будет готово до 140 пароходов».

присланы, а в дополнение был обещан новейший супердреднот «Куин Элизабет»¹.

Однако в верхах начались проблемы. «Спор начался по поводу размеров Большого флота в Северном море. Фишер считал, что в связи с потребностями Дарданелльской операции этот флот до такой степени ослабляется, что теряет превосходство над германским флотом и может сам подвергнуться атаке, находясь в неблагоприятных условиях»². 25 января неугомонный Фишер представил своим возражения с планом морского прорыва в виде меморандума, в котором упрекал премьер-министра Асквита в непрофессиональном вмешательстве в дела Флота.

В нем Фишер писал: «Мы сыграем на руку немцам, если рискнем вести бои морскими силами в любой такой вспомогательной операции, как бомбардировка или атака укреплений без армейской поддержки, поскольку тем самым мы увеличиваем возможность того, что немцы смогут воевать с нашим флотом, достигнув некоторого равенства в силах. Единственное оправдание обстрела береговых укреплений и атак их силами флота, таких, как намечаемый длительный обстрел Дарданелльских фортов, состоит в том, чтобы ускорить вынужденное сражение в море, а иначе это нечем обосновать.

То, что для прорыва в Дарданеллы намечалось использовать наполовину устаревшие линкоры, – продолжал он, – ни в коей мере меня не убеждает, если эти корабли будут потоплены, будут потеряны моряки, а это как раз те люди, которые нужны для управления новыми кораблями, сходящими со стапелей.

А поэтому, – утверждал Фишер, – Британия должна вернуться к блокаде Германии и удовольствоваться этим. Уже имея, – писал он в заключение, – все, что этот могучий флот может дать стране, нам следует спокойно продолжать пользоваться этим преимуществом, не распыляя наши силы на операции, которые не улучшат ситуацию»³. В меморандуме была приписка: «Первый лорд, я не имею желания продолжать бесполезное сопротивление в Военном совете планам, которые не совпадают с моим мнением, но я хотел

бы попросить, чтобы прилагаемое было отпечатано и вручено членам совета до начала следующего заседания. Ф.»¹

Кроме того, Фишер вполне логично заявлял, что без параллельной сухопутной операции корабли, во-первых, вряд ли смогут добиться успеха, во-вторых, результат, даже в случае прорыва, будет не столь ошеломляюще результативен, а в-третьих, нахождение флота в узком проливе, и его отход будет сопряжен с тяжелыми потерями². Фишер особенно напирал на известный флотский императив, высказанный великим адмиралом Нельсоном: «атаковать форты с моря без поддержки армии является глупостью»³.

Премьер посчитал демарш адмирала следствием честолюбия последнего, не желавшего, чтобы кто-либо вторгнулся в занятую им область управления. Асквит поспешил к Черчиллю, вместе с которым они посетили Китченера, председателя Военного Совета.

28 января на девятом заседании Военного Совета Фишер оказался единственным его членом, который воспротивился морскому прорыву в Проливы. Дело снова дошло до угроз отставки. Принятие окончательного решения было отложено до вечера, а днем Черчилль с Китченером посетили адмирала. Черчилль «в дружественной беседе убедил Фишера поддержать свои планы проведения морской операции, сулившей столь быстрые и легкие плоды»⁴. Китченер добавил, что «ради сохранения единства в Военном Совете, адмиралу следует согласиться с предложенным планом». Он это сделал»⁵. Сам Фишер пояснял, отвечая на вопросы Дарданелльской комиссии в 1916 г.: «Лорд Китченер... настоял, что долг перед страной требует от лорда Фишера продолжения исполнять обязанности Первого морского лорда»⁶.

Вечером заседание было возобновлено. Черчилль указал, что он уже сообщил Великому князю Николаю Николаевичу и французскому адмиралтейству проект морской операции против Дарданелл, что русское командование приветствовало это, а французское адмиралтейство предложило свое содействие. Морской министр обрисовал великолепные перспективы, ожидающие союзников в слу-

¹ Там же.

² Hart P., Steel N. Op.cit. P. 11.

³ Fisher J. Memoirs. N-Y., 1920. P. 76.

⁴ Moorhead A. Gallipoli. London, 1997. P. 43.

⁵ Hart P., Steel N. Op.cit. P. 11. «Потом он говорил: «Мнение моряков было единодушным. Все они были на стороне господина Черчилля. Я был единственным мятежником». Мурхед А. Цит. соч. С. 49.

⁶ Fisher J. Memoirs. P. 90.

¹ «Куин Элизабет», должен был вот-вот отправиться в безопасные воды Средиземного моря для калибровочных стрельб. и вот было решено, что, если план будет одобрен, этот корабль направится к Дарданеллам и будет калибровать свои 15-дюймовые орудия на турках». Мурхед А. Цит. соч. С. 38.

² Там же. С. 47.

³ Мурхед А. Цит. соч. С. 48.

чае удачи: «Турецкая империя будет разрезана надвое, ее столица будет парализована, мы объединим Балканские государства в борьбе против наших врагов, спасем Сербию, поможем Великому Князю в проведении большого наступления и, сократив его продолжительность, спасем множество жизней»¹. Черчилль закончил совещание сообщением, что командующий эскадрой Средиземного моря Карден надеется на успех, и что суда, предназначенные для усиления эскадры Кардена, находятся уже в пути к острову Лемносу².

Британское Адмиралтейство было обеспокоено возможностью поддержки турецких сил австрийцами. «В Париже и в Лондоне, где готовили Дарданельскую экспедицию, все время ожидали, что австрийская эскадра выйдет в море с целью прорваться в Константинополь. 10 января главнокомандующий был извещен о том, что эскадра вышла из Пола курсом на юг; все имевшиеся в готовности корабли: десять линейных кораблей, пять больших крейсеров, восемнадцать миноносцев, две подводные лодки крейсировали в течение двух дней на параллели Линьетты, однако никто не появился. Британское адмиралтейство выражало, впрочем, пожелание более непосредственного боевого воздействия на противника. 27 января первый лорд Уинстон Черчилль писал французскому морскому министру: «Мы глубоко убеждены в весьма значительных выгодах, которые явились бы результатом решительного наступления, если бы оно было сочтено возможным на Адриатическом театре, с точки зрения общего политического положения на юго-востоке Европы». «Как только представится возможность, – отвечали из Парижа, – мы предпримем против австрийского флота самое решительное наступление, считаясь с значением такового с точки зрения общей политической обстановки»³.

В результате сложения всех политико-дипломатических и военно-стратегических векторов, единственной реально исполнимой в ближайшей перспективе операцией была операция флота в Дарданеллах. Поскольку морские эксперты не пришли к общему мнению относительно выполнимости ее целей, решение должны были принять члены Военного совета Британии.

29 января Черчилль приказал начать сосредоточение в Средиземном море военно-морских сил, предназначенных для прорыва в Дарданеллах. У Фишера удалось получить разрешение на участие в операции еще двух современных дредноутов – «Лорда Нельсона»

и «Агамемнона» в дополнение к «Куин Элизабет» и «Инфлексибл». Средиземноморский флот был усилен двумя опытными адмиралами. Контр-адмирал де Робек стал заместителем Кардена, а контр-адмирал Вемисс, который «за время командования западным патрулем проявил столько такта при сношении с французами и сумел установить с ними такие исключительно хорошие отношения»¹, был назначен на должность начальника базы морских и сухопутных сил экспедиции.

В ожидании успехов прорыва английской эскадры через Дарданеллы русская дипломатия начала готовить проект перемирия с Турцией, учитывающий её цели в Проливах. Поскольку союзники были связаны договором о незаключении сепаратного мира с противниками до окончания войны, речь могла идти только о перемирии с Турцией, что позволило бы русским войскам сосредоточиться на так пугавшем их в то время западном враге и, одновременно, оттянуть решение вопроса о Босфоре и Дарданеллах. Предполагалось распространить перемирие на Кавказский фронт с «обезоруживанием верхов Эрзерума» и отходом турецких войск от этой крепости, обсуждался и вопрос о статусе Проливов и турецкой столицы. Впрочем, отношение к результативности этих переговоров было пессимистическое: «намеченные в общих чертах пункты перемирия столь тяжки, что турки добровольно не согласятся принять их»².

Ещё более усугубили обстановку вокруг Проливов российские неудачи начала 1915 г. на германском фронте. Не последнюю роль сыграли и расхождения Ставки российского командования и министерства иностранных дел, в результате чего русские войска так и не добрались до Дарданелл. Так, военные авторитеты не всегда разделяли желание Сазонова и российской общественности видеть главную цель войны для России в овладении Проливами. «...Далеко не все в России так рьяно стремились овладеть Константинополем, Более того, восходящая звезда русской стратегии – генерал Алексеев – даже в значительной мере склонялся к заключению сепаратного мира с Турцией ради высвобождения Кавказской армии для решающей битвы против Германии. Россия и Запад должны были либо сокрушить Германию, либо погибнуть. «Любая другая цель, – писал Алексеев, – мираж; гораздо важнее возвратить Курляндию, чем завладеть Проливами»³.

¹ Дарданеллы станут нашей могилой // www.militaria.lib.ru

² Коленьковский А. 1938. С. 20–21.

³ Томази А. Морская война на Адриатическом море. М.-Л.: Военмориздат, 1940. С. 28–29.

¹ Корбетт Ю. Цит. соч. Т. 2. С. 170.

² Телеграмма Сазонова – Бенкендорфу от 16 февраля 1915 года. // Константинополь и Проливы. Т. II. С. 96.

³ Уткин А.И. Россия в первой мировой войне // <http://wordweb.ru/wwone/index.htm>

Тем временем, подготовка английского прорыва в Дарданеллах продолжалась.

7 февраля 1915 г. адмирал Карден подписал предварительные оперативные указания флоту, а спустя неделю были разосланы полные приказы морской операции¹. 16 февраля заседание Военного Совета наметило начало морской операции в Дарданеллах на 15 февраля².

Адмирал Джексон, начальник оперативного отдела, ознакомившись с планом Кардена, 15 февраля в докладе Адмиралтейству указал, что «понадобятся сильные десантные отряды для окончательного разрушения фортов. Присутствие же на Галлиполийском полуострове сильной турецкой армии сделает пролив флота через пролив невозможным даже после подавления всех фортов»³.

Фишер попытался в последний раз нажать на Черчилля: «Надеюсь, что вы убедите Китченера выслать дивизии на Лемнос завтра же! Без оккупации района Дарданелл армией мы не увидим ни единого пшеничного зерна с Чёрного моря, и наши потомки не устанут поминать удивительное дело – военные отказали в помощи флоту, имея в Англии полмиллиона солдат»⁴. Но Черчилль уже твердо стоял за морской план. «Что делать после успешной морской атаки, когда британский флот войдёт в Мраморное море? Конечно же, я размышлял над этим – упорно, долго и пришёл к выводу: когда и если турецкие форты начнут падать, к нашим услугам окажется вся греческая армия. Я надеялся, что появление британского флота у стен Константинополя, бегство или гибель «Гебена» и «Бреслау» вызовут далеко идущую политическую реакцию, правительство Турции начнёт переговоры или уведёт войска в Азию. Я верил, что дипломаты всецело и скоро воспользуются случаем великого военного события и убедят Болгарию идти на Адрианополь. Я, наконец, полагал, что Россия, невзирая на прочие нужды, не оставит без внимания судьбу Константинополя и предоставит нам подкрепление. Я считал, что именно эти – на первый взгляд политические – факторы восполнят нашу военную нищету, добавят к любому, достигнутому моряками успеху и позволят воспользоваться прорывом флота»⁵.

¹ Hickey M. Gallipoli. London, 1995. P. 48.

² Fisher J. Memoirs. P. 91.

³ Белли В.А. Флот в Первой мировой войне. Т. 2. М., 1964. С. 210.

⁴ Черчилль У. Мировой кризис. Т. 2. Гл. 23. // www.livejournal.ru.

⁵ Там же.

На Военном совете 16 февраля присутствовал премьер-министр, и как пишет Черчилль, он стал «Днем Вердикта». Совет постановил:

1) 29-я дивизия в возможно кратчайший срок – желательно успеть за девять или десять дней – переправляется на Лемнос¹.

2) Подготовить экспедицию из Египта, сама переброска войск – по мере необходимости.

3) Указанные выше войска вместе с уже доставленными на место батальонами морской пехоты поддержат морскую атаку Дарданелл, если на то возникнет настоятельная потребность.

4) 29-я дивизия забирает с собой паромы для перевозки лошадей; Адмиралтейство обеспечивает сбор маленьких судов, буксиров и лихтеров в портах Леванта.

Совещание не приняло ясного решения об использовании армии в больших масштабах, но войска концентрировали с целью – если это потребуется – пустить их в дело². Для обеспечения армии было решено создать базу на острове Лемнос, и вице-адмирал Росслин Вемисс был назначен губернатором острова и начальником будущей базы флота и десанта³.

Однако на следующий день, узнав о решениях Военного Совета, французское командование потребовало оставить 29-ю дивизию для Западного фронта. По сути, англичанам был выставлен ультиматум, и Китченер созвал новое заседание Военного Совета 19 февраля, на котором заявил, что «не может согласиться с переводом 29-й дивизии на восток и выставил следующий аргумент: опасная слабость России – огромные массы германцев могут вернуться с восточного фронта на западный и атаковать нас во Франции». Это была откровенная уловка, и Совет отклонил предложение военного министра, однако немедленную отправку дивизии отложил. Морская атака на Дарданелльские форты повисла в воздухе без поддержки армии, однако откладывать ее никто не собирался. Китченер высказал мысль, что, в случае неудачи прорыва, его можно рассматривать как простую «демонстрацию»⁴.

¹ «Остров Лемнос принадлежал Греции, и с нашей стороны уже были сделаны попытки получить разрешение его использовать. Однако, сделать это без нарушения нейтралитета Греции было трудно. Тем не менее, Венизелос нашел выход. Хотя со временем последней Балканской войны Лемнос находился в оккупации Греции, Турция не переставала считать его своим. Таким образом, с уходом греческого гарнизона остров становился неприятельской территорией». Вместе с Лемносом англичане заняли также меньшие острова – Тенедос и Имброс. Корбетт Ю. Цит. соч. Т. 2. С. 154.

² Черчилль У. Мировой кризис. Т. 2. Гл. 23. // www.livejournal.ru.

³ Wemyss lord Wester. The Navy in the Dardanelles Campaign. L., 1924. P. 15.

⁴ Черчилль У. Мировой кризис. Т. 2. Гл. 23. // www.livejournal.ru.

19 февраля 1915 г. в тот самый день, в который в 1807 г. адмиралу Дукворту удалось форсировать Проливы¹, англо-французский флот предпринял бомбардировку Дарданелльских фортов и первую попытку морского прорыва к столице Османской империи. Русское командование было оповещено о начале прорыва с опозданием. Эбергард получил из Ставки сообщение о действиях союзников в разгар операции – днем 19 февраля. Ему было приказано оказать содействие демонстрацией в Босфоре, вплоть до занятия Босфора в случае удачи прорыва².

3. Поражение британского флота в Дарданелльской операции

Во главе вооруженных сил Британской империи к началу войны с Турцией стояли два выдающихся военных деятеля.

Гордость Британии, гарант ее мирового владычества – Флот Его Величества – управлялся Первым Морским лордом – адмиралом Джоном Фишером лордом Кильверстонским.

Армия Соединенного Королевства и всех ее колоний и доминионов стояла под началом Военного Министра, фельдмаршала лорда Герберта Горадио Китченера лорда Хартумского.

Именно эти два властных человека, типичные порождения великой Викторианской колониальной эпохи, определяли генеральные пути Армии и Флота, от их слова зависело принятие окончательно-

¹ «Адмирал Дукворт с эскадрой, вооружение которой состояло из 664 орудий, прошел проливы 19 февраля 1807 г., потеряв 38 чел. убитыми и 100 ранеными, и появился перед укрепленным Константинополем. Пока Дукворт находился перед Константинополем, турки усилили вооружение Дарданелл на 200 новых орудий. Положение Дукворта перед Константинополем делалось опасным, нужно было возвращаться в Архипелаг. Этот вторичный проход укрепленных проливов не имел выгод неожиданности, а потому и не прошел безнаказанно. При приближении английских кораблей, с укреплений был тотчас открыт огонь, продолжавшийся все время прохода мимо них судов Дукворта. Результаты для англичан были самые плачевные, некоторые корабли едва могли держаться на воде. Потери возросли – 197 убитых и 412 раненых. В письме лорду Коллингвуду Дукворт писал, что, промедлив он еще неделю, возвращение его эскадры было бы сомнительным. Если бы, кроме того, турецкая артиллерия имела хорошо обученную артиллерийскую прислугу, то, по мнению генерала Жомини, вся эскадра Дукворта погибла бы при обратном движении в Архипелаг... Пример адмирала Дукворта мы привели еще для того, чтобы подчеркнуть, что даже при слабом развитии техники обороны прорыв должен основываться на неожиданности. В то старое время дешевый деревянный корабль мог получить многие десятки попаданий и быть в строю, – теперь условия не те: одно, два удачных попадания часто выводят из строя корабль, стоящий десятки миллионов рублей». Коленковский А. Дарданелльская операция, 1938. С. 32–33.

² Белли В.А. Цит. соч. С. 211.

го решения о начале и завершении стратегических операций, окончательные оценка и анализ работы штабов, назначение и снятие высших военачальников, оба не любили делиться властью.

Строго говоря, у Королевского Флота в это беспокойное время было два шефа – гражданский и военный. Морским министром – Первым лордом Адмиралтейства – был молодой честолюбивый политик Уинстон Черчилль. и именно от Черчилля исходила инициатива возвращения в военно-морское ведомство Джона Фишера, человека, который уже был Первым морским лордом в 1904–1910 гг. Фишера британский флот любил, уважал и был готов ему подчиняться.

Джон Арбэнтот Фишер родился на Цейлоне в 1841 г. Он был по своей военной специальности морским артиллеристом. Когда в 1860 г. в Англии был спущен со стапелей корабль, изменивший облик военного флота – сделанный полностью из железа крейсер «Уориор» – одним из артиллерийских офицеров на этом судне стал Джон Фишер.

Затем Фишер закончил Спартанскую артиллерийскую школу и начал службу на судне «Экселент», с которым судьба связала его надолго. В 1870 году Фишер был отмечен за выдающиеся успехи и занялся на «Экселент» экспериментами с новым торпедным аппаратом, аппаратом, к которому старшие морские офицеры относились подозрительно, но молодой Фишер разглядел потенциал нового оружия флота. Фишер всегда умел воспринимать технические новинки, что увеличивало как число его сторонников, так и число его недоброжелателей. Но Фишер был еще и настоящим воином и смело ввязывался в борьбу на самых верхах британского флотского руководства.

В 1878 г., будучи старшим морским офицером под началом адмирала Хорнби, Фишер побывал в Дарданеллах, и хорошо изучил укрепленный район Проливов. Это было время, когда Россия, разгромив Турцию, вполне могла войти в Константинополь и получить власть над Проливами. «Британское правительство, стремясь не допустить полного разгрома Турции, отдало приказ командующему Средиземноморским флотом адмиралу Хорнби ввести военные корабли в Босфор и Дарданеллы. Англию захлестнула волна анти-русских настроений»¹. Это способствовало заключению Берлинского договора, явно невыгодного для России. Но султан Абдул-Хамид

¹ Лихарев Д. В. Эра адмирала Фишера. Политическая биография реформатора британского флота. Владивосток: изд-во ДВУ, 1993. С. 29–30.

был благодарен английскому флоту, сохранившему для него Пролиты. «17 марта 1879 г. турецкий султан дал торжественный обед в честь англичан. Фишеру довелось быть в числе приглашенных. На обеде присутствовало около тридцати человек, из них десять английских адмиралов и офицеров. Султан показался Фишеру «человеком маленького роста с крючковатым носом и коротко подстриженными бакенбардами. Султан выглядел несколько утомленным, но когда он говорил, на его лице неизменно была обворожительная улыбка»¹.

В 1882 г., во время бомбардировки Александрии, отдавшей Египет под протекторат Британии, Фишер был уже капитаном самого совершенного линкора Средиземноморского флота – «Инфлексибл». В ходе захвата Александрии под началом Фишера оказались многие личности, сыгравшие впоследствии большую роль в организации и управлении британским флотом. «Среди «пловцов в пруду Фишера» на эскадре были капитан 1-го ранга Артур Уилсон, лейтенант Перси Скотт, мичман Реджинальд Бэкон, принц Луи Баттенберг и Джон Джеллико. Тут же были и люди, впоследствии составившие антифишеровскую партию. Будущий главный недруг Фишера Чарльз Бересфорд командовал канонерской лодкой «Кондор»... Другим офицером, также примкнувшим впоследствии к противникам Фишера, был будущий победитель при Фолклендах, а тогда еще лейтенант, Доветон Стэрди»².

В 1890 г. brave капитан сошел на берег: сначала он стал руководителем артиллерийской школы, затем Директором отделения торпед. В том же 1890 г. Фишер получил звание контр-адмирала и должность Третьего Морского лорда. В Военно-морском ведомстве он имел репутацию прекрасного специалиста и мастера морской технологии, как в оборудовании, так и в тактике боя. Однако вскоре Фишер становится также великим мастером политической игры, поскольку технические нужды флота крепко связали его с Адмиралтейством и правительством.

В 1890-х Фишер становится одним из лидеров новой морской программы, благодаря которой Британия стала законодательницей мод в строительстве «бронированных морских крепостей» – броненосцев. В 1899 г. именно Фишер отстаивал интересы Британии на конференции в Гааге, на которой по инициативе российского царя Николая II обсуждался вопрос об ограничении вооружений и организации международного арбитража для предотвращения военных

конфликтов. Фишер – замечательный оратор, сумел выпутаться из сложных политических дебатов и сохранить для Британии ее морскую монополию в мире.

Вслед за этим успехом Фишер был назначен командующим наиболее ответственного участка морского пространства для Британской империи – Средиземноморского флота. Одновременно этот флот был самым мощной морской командой в Британии.

Вообще, около века, начиная с Трафальгарской битвы, Флот считал себя элитными войсками. Стройные и мощные крейсера сверкали начищенной сталью артиллерии, белели трубами котлов – все было вычищено до блеска, вымыто и отдраено. Боевые корабли напоминали яхты современных миллионеров, а морские офицеры, сходя на берег, вели себя примерно так же, как сами миллионеры. Они были в центре внимания любой светской партии.

Фишер умел и любил эту великосветскую жизнь, однако когда дело касалось работы, он не давал спуска своим «аристократическим» подчиненным. Проведя тщательную инспекцию на каждом судне, Фишер сместил изрядное число не только офицеров, но и несколько капитанов. Для флота это было шоком. Но Фишер не только наказывал. Несколько офицеров младшего ранга, по его представлению, были повышены и в званиях, и в должностях. Флот почувствовал над собой твердую, но справедливую руку.

«В ноябре 1900 г. Гошена на посту морского министра сменил лорд Селборн. Фишер, не теряя времени, пишет ему пространное послание, в котором обосновывает необходимость всемерного усиления Средиземноморского флота: «Средиземное море в силу необходимости является жизненно важным центром морской войны, и Вы не в силах этого изменить, так же как не в силах сдвинуть с места гору Везувий; географическое положение, Севастополь и Тулон, Восточный вопрос приведут к тому, что Армагеддон развернется на Средиземном море»¹.

За два года, исполненных титанического труда, Фишер завоевал всеобщую любовь офицеров и матросов, однако нажил несколько врагов среди адмиральского состава. После этого адмирал получил очередное назначение – Фишеру предложили стать вторым лицом в Военно-морском ведомстве. В его распоряжении были отданы все морские школы, а также внедрение технических инноваций и утверждение новых назначений. Фишер начал строить свой флот – «Флот Фишера».

¹ Там же. С. 31.

² Там же. С. 36.

¹ Там же. С. 54.

В 1904 г. он стал Первым Морским лордом, и смог добиться от правительства для своих новых людей новых кораблей. Он списал полторы сотни старых судов и заложил целые флотилии новых миноносцев, крейсеров и среди них – знаменитый «Дредноут», заложенный в строжайшем секрете осенью 1905 г. и спущенный на воду в декабре 1906 г. Немцы, реализующие свою военно-морскую программу 1898 г., были посрамлены, а преимущество Британии сохранилось еще на годы.

Фишер, одним из первых в политическом руководстве осознал угрозу, которую представляла британскому морскому владычеству германская военная программа адмирала фон Тирпица. «Первый морской лорд как минимум дважды, в конце 1904 и в начале 1908 гг., обращался к Эдуарду VII с предложением «копенгагировать»¹ германский военный флот, пока его мощь не достигла критических для Британии размеров. Оба раза его предложение было отвергнуто. В первом случае король воскликнул: «Мой бог, Фишер, вы, должно быть, сошли с ума!» Однако во второй раз этот план не показался Эдуарду таким уж безумным»². К этому времени германский флот мог на равных противостоять британскому. В 1908 г. состоялась и знаменательная встреча английского короля с императором Николаем II в Ревеле. Фишер находился в свите Эдуарда и имел возможность познакомиться с руководителями русской политики. «Из всех официальных лиц с русской стороны наибольшее впечатление на Фишера произвел Петр Аркадьевич Столыпин. Адмирал охарактеризовал его как «самого великого, самого смелого и в высшей степени самостоятельного премьер-министра, какого Россия когда-либо имела»... Столыпин имел продолжительную беседу с первым морским лордом, в ходе которой были затронуты вопросы военной стратегии на случай конфликта с Германией. Столыпин высказал опасения относительно уязвимого положения Санкт-Петербурга в случае войны и неоднократно возвращался к мысли о целесообразности перенесения столицы в Москву.. Столыпин дал понять, что Англия, обладая морской мощью в 5 раз превосходящей германскую, могла бы оказать огромную помощь своим союзникам, предотвратив превращение Балтийского моря в «германское озеро»³.

В 1909 г. Фишер получает высшее звание – адмирал Флота и звание лорда – лорд Фишер Кильверстоунский – однако на горизон-

¹ В 1801 году эскадра Нельсона неожиданно появилась в районе датской столицы Копенгагена и потопила без объявления войны датскую эскадру.

² Лихарев Д. В. Цит. соч. С. 101.

³ Там же. С. 109.

те его карьеры замаячили тучи. Борьба со старым коллегой адмиралом лордом Чарльзом Бересфордом, которого Фишер публично раскритиковал как некомпетентного командующего на посту Средиземноморской эскадры, оказалась не в пользу Фишера. В британском флоте разгорелся скандал, который можно с полным правом назвать предшественником «Уотергейта» – «Бэконгейтом». В 1906 г. Фишер конфиденциально попросил своего протеже – капитана Реджинальда Бэкона – писать ему о том, что происходит в кают-компаниях Средиземноморского флота, командующим которым был недруг Фишера Бересфорд. «По признанию самого Бэкона им было написано 6 или 7 писем, некоторые по 20 страниц мелким почерком... Каким-то образом два письма Бэкона, наиболее компрометирующие из них, – от 21 марта и от 15 апреля 1906 г. – попали в руки старинного недруга Фишера сэра Джорджа Армстронга; 2 апреля 1909 г. Армстронг сделал публичное заявление об этих письмах, а 23 апреля написал о них в «Таймс»... заявление о существовании писем Бэкона произвело сенсацию и дало убийственное оружие против Фишера в руки Бересфорда и его сторонников, обвинивших первого морского лорда в насаждении системы шпионажа на флоте... Правительственная комиссия по расследованию положения дел в Адмиралтействе провела 16 заседаний за период с 27 апреля по 13 июля... «Истцами» выступали главным образом Бересфорд и Кастенс. От имени Адмиралтейства свидетельствовал Маккенна. Фишер не принимал активного участия в перепалках с Бересфордом и на заседаниях комиссии вел себя довольно пассивно...

13 июля комиссия завершила свою работу. 12 августа протоколы заседаний были опубликованы в качестве парламентского документа. Документы представляли собой два довольно увесистых тома, отпечатанных убогим шрифтом: 328 страниц протоколов заседаний и 245 страниц приложений. Бересфорду, Маккенне и другим свидетелям было задано 2600 вопросов... В октябре 1909 г. подготовка к уходу Фишера из Адмиралтейства была завершена»¹.

В январе 1910 г. Фишер подал в отставку. Впрочем, жаловаться 70-летнему адмиралу вроде бы не приходилось. Он вполне достиг возраста и заслуг для спокойного отдыха. Спустя четыре месяца, 6 мая 1910 г., отошел в иной мир его главный защитник и друг – король Эдуард VII. Фишер с обнаженным адмиральским клинком в полной парадной форме шел впереди гроба монарха².

¹ Там же. С. 123–125.

² Там же. С. 126.

Первым морским лордом стал сослуживец и единомышленник Фишера адмирал Артур Уилсон.

До начала войны оставалось четыре года. Фишеру же не сиделось на месте. Он принял приглашение работать в Адмиралтействе, в комиссии по нефти, и здесь очень близко сошелся с начинающим играть первую скрипку молодым политиком, недавно переметнувшимся от либералов, давшим ему путевку в жизнь, к юнионистам, Уинстоном Черчиллем¹. Решение о переводе флота на нефть было принято Черчиллем в мае 1912 г. «17 июля 1913 г. морской министр провозгласил перед парламентом страны, что в истории британского военного флота открыта новая глава. и хотя уголь еще некоторое время будет оставаться базовым топливом для военных кораблей, его место постепенно займет нефть»².

В 1913 г. Фишер разработал меморандум о роли подводных лодок в будущей морской войне. Он был представлен 15 мая и был охарактеризован Черчиллем как «эпохальный». Адмиралтейство стало настаивать на скорейшей разработке противолодочных мероприятий и строительстве новейших субмарин, с двигателями на жидком топливе. Фишер писал: «Подводные лодки водоизмещением больше 1700 тонн теперь становятся доминирующим фактором морской войны. Еще никем не разработан способ уничтожения подводной лодки. Субмарина будет господствовать на морях дольше, чем дредноут»³.

К началу войны Фишер влиял на флот не меньше, чем Первый морской лорд Луи Баттенберг, сменивший Уилсона. Неудачи начала войны способствовали тому, что Фишер снова занял кресло первого лица в военном флоте.

Вот как описывает дальнейшие события А. Мурхед.

«Он (Фишер – ред.) не был министром и не имел полномочий решать вопросы политики, и все-таки для общества и даже внутри Уайтхолла он представлял собой нечто большее, чем Первый морской лорд, он был олицетворением самого Флота. Со своим чудным угловатым лицом, придававшим ему чуть ли не восточный вид, со своей непочтительностью и энергией, с великолепным знанием флота он соответствовал всем требованиям концепции, как именно должен выглядеть британский моряк. В прошлом адмиральская задиристость вызывала жаркие споры на флоте, но все это осталось

в прошлом. Он стал надежным и испытанным, как его собственные дредноуты. Если его власть не была так же велика, как у Китченера, но у него было то, чего не доставало фельдмаршалу, а именно проницательный, оригинальный, с чувством юмора ум, позволявший ему проникнуть в суть всякой проблемы на языке, которым каждый пользовался и который всякий понимал. Китченера уважали, но Фишера действительно любили.

Именно Черчилль вернул Фишера в Адмиралтейство из отставки в возрасте семидесяти четырех лет вскоре после начала войны, и между старым адмиралом и молодым министром возникли близкие дружеские отношения. Вместе они составили великолепную команду. На флоте подул свежий ветер. Фишеру было достаточно разработать план, а Черчилль оперативно проводил его через кабинет и палату общин. Так вместе они привлекли Джеллико к командованию Большим флотом, они обеспечили снабжение флота горючим, заставив правительство финансировать бурение скважин в Персидском заливе, и они же приступили к программе кораблестроения, которая превратила Британию в сильнейшую морскую державу мира.

Черчилль любил работать поздно ночью, а Фишер предпочитал раннее утро. Таким образом, над Адмиралтейством был обеспечен непрерывный контроль. Между ними шел поток протоколов, записок и писем, и ни одно решение не принималось одним из них без согласия другого. Фишер, придя на работу в четыре или пять часов утра, находил на своем столе плоды труда Черчилля за предыдущую ночь, а Черчилль, приезжая в офис позже, был уверен, что его ожидает письмо со знаменитой зеленой буквой F, нацарапанной внизу страницы»¹.

«Естественно, возникает вопрос, насколько далеко такая сильная личность, как Черчилль, была способна теснить Фишера и других адмиралов за ту черту, которую сами они не хотели бы переступать. На флоте моряков воспитывают с детства в духе веры в установленную систему и подчинения приказам, там не спорят, потому что старший офицер знает лучше. Дисциплина и преданность – вот два императива. Фишер и его коллеги-адмиралы считали своей обязанностью никогда не проявлять открытое несогласие со своим министром или на заседании Военного совета. Не имеет значения, согласны ли они с ним или нет, но они сидели молча: и это молчание воспринималось как одобрение. В Адмиралтействе адмиралы,

¹ См. Hickey M. Gallipoli. London, 1995. P. 14–17.

² Лихарев Д.В. Цит. соч. С. 139.

³ Цит.по: Лихарев Д.В. Цит. соч. С. 140.

¹ Мурхед А. Борьба за Дарданеллы. М., 2004. С. 45–46.

конечно, были свободны высказать свое мнение, но это не всегда было легко сделать. Пока остальные были старше, Черчилль был молод, он задавал темп, и эти самые блеск и энергия его ума могли и не воодушевлять его коллег на выражение тех неоформившихся идей, тех туманных непоследовательных вопросов, в которых иногда может содержаться начало понимания реальной истины – истины, которая не всегда раскрывается через логику»¹.

Изначально генеральная атака была намечена на 15 февраля, однако волнение на море заставило командование перенести ее на 19-е. Союзный флот располагал на начало прорыва большими силами. Под началом Кардена находились 7 английских крейсеров, 4 французских, 4 лёгких крейсера (всего 15 линкоров), 16 миноносцев и 7 подводных лодок. Артиллерия английских и французских крейсеров, как в количественном, так и в качественном отношении превосходила артиллерию турецких береговых укреплений.

В 9 часов 51 минуту 19 февраля был дан первый выстрел по форту Орkanie на азиатском берегу Дарданелл с линкора «Корнуолис». Началось «уничтожение орудий у гробницы Ахиллеса»². Вскоре все форты, кроме Орkanie прекратили стрельбу, и британские моряки решили, что первая цель достигнута, но в полдень гидросамолёт донёс, что все орудия на Орkanie, Кум–Кале и Седд-эль-барре целы. В действительности было разрушено только одно крупное орудие.

«В 4 часа 40 минут адмирал Карден сделал сигнал «Сюффрен» подойти ближе к фортам, а «Виндженс» – «Прекратить огонь, осмотреть форты».

К несчастью, «Сюффрен» неверно разобрал сигналы, поняв: «Прекратить огонь, подойти ближе к «Инфлексибл». Как раз в это время «Сюффрен» находился на очень удобной позиции, чтобы разрушить форт Орkanie, орудия которого, как было видно с «Сюффрен», стояли нетронутыми. Французский адмирал готовился атаковать этот форт, но счел себя обязанным исполнить сигнал и начать поворот. Одновременно адмирал де Робек, выполняя приказание осмотреть форты, шел хорошим ходом прямо в середину прохода. Совершенно неожиданно Орkanie и Хеллес открыли по «Виндженс» огонь, словно не тронутые бомбардировкой. Сюрприз был полный, явившись как бы зловещим предзнаменованием предстоящих трудностей. Адмирал де Робек не стал отходить и увеличивать дистанцию, а немедленно повернул на Хеллес и открыл по нему беглый огонь,

чем вызвал восхищение французов. Адмирал Гепратт писал в своем рапорте: «Отважные действия «Виндженс», который, невзирая на то, что огонь батарей ни в какой мере не был ослаблен, бросился в атаку, являются украшением дня»¹.

В 5 часов 30 минут последовал сигнал: «Прекратить огонь». Форт Хеллес, казалось, был приведен к молчанию, но Орkanie в момент отхода кораблей продолжал стрельбу. «В инструкциях, отданных Карденом перед операцией, подчеркивалась моральная необходимость избегать повреждений кораблей в первоначальной стадии операции. Кроме того, перед адмиралом стоял вопрос недостатка снарядов – вопрос, которому было суждено играть печальную роль до последней минуты всей операции»². Де Робек настаивал на продолжении обстрела, поскольку ни один из кораблей не получил сколько-нибудь серьезных повреждений. Карден разрешения не дал»³.

На следующий день погода испортилась, и продолжить прорыв союзный флот не смог. Турки могли смело записать себе в актив начало дарданелльского прорыва.

В Лондоне, после получения информации из Египта, 24 февраля снова собрался Военный Совет. Адмиралтейство настаивало на поддержке прорыва армией, однако мнение Китченера снова возобладало⁴. Бердвуду было направлены инструкции, согласно которым никакие сухопутные операции не должны были производиться до форсирования Дарданелл флотом.

25 февраля Черчилль подготовил документ, заключающий в себе оценку ситуации в Проливах, и отослал его Асквиту, Ллойд Джорджу и Бальфуру.

«1. Россия. Мы не должны надеяться, что Россия вторгнется в Германию. Это, в лучшем случае, произойдёт по прошествии многих месяцев. Наступательная сила России парализована; мы, впрочем, можем рассчитывать не только на успешную оборону русских, но и на то, что они удержат и задержат на своём фронте огромные силы германцев. Нет резона верить в способность Германии перебросить на запад 1 000 000 солдат, равно как и в то, что значимые для сегодняшнего баланса немецкие силы окажутся на западе до середины апреля.

2. Англо-французские линии на западном фронте исключительно прочны и устойчивы. Сегодняшние позиции и силы союзников

¹ Там же. С. 43–45.

² Там же. С. 48.

¹ Корбетт Ю. Цит. соч. Т. 3. С. 182.

² Там же. С. 181.

³ Там же. С. 184.

⁴ Там же. С. 189–192.

во Франции куда как солиднее чем в начале войны, когда мы встретились с тремя четвертями немецких войск первой линии. Мы можем только приветствовать массированную вражескую атаку, и имеем все шансы отбить её, но даже если неприятель и оттеснит нас на другую линию, превосходящие потери германцев станут хорошей компенсацией. В ближайшие три месяца положение на западе не должно вызывать беспокойства. Но, как бы то ни было, четыре или пять британских дивизий не могут решительно изменить ситуацию.

3. Главный пункт, единственное место, где мы можем захватить и развить инициативу – Балканский полуостров. Подходящая военно-морская кооперация, достаточные силы позволят нам с определённой уверенностью и к концу марта захватить Константинополь, пленить и уничтожить все турецкие войска в Европе (за исключением тех, что в Адрианополе). Мы можем нанести удар до окончательного падения Сербии, устраним Турцию, как военный фактор, и, тем самым, решим судьбу Балкан.

4. Для немедленного использования доступны:

В Англии {29-я дивизия,	
прочие территориальные дивизии}.....	36 000
На Лемносе: части Морской дивизии,	
в ожидании приказа.....	12 000
В Египте, 2 австралийские дивизии.....	39 000
Французская дивизия (так заявлено).....	20 000
Русская бригада (так заявлено).....	8 000
Итого:	115 000

5. Если не медлить с приказами, то все перечисленные войска выйдут на исходные для атаки Булаирского перешейка позиции к 21 марта; предположим, что к этому времени флот не добьётся успеха: тогда они начинают наступление на Галлиполийском полуострове и обеспечивают проход кораблей. Как только мы откроем Дарданеллы, армия может действовать трояким образом: (а) полностью уничтожить силы Турции в Европе действуя из Константинополя; (б) идти через Болгарию на помощь Сербии, в том случае если София откликнется на предложение объявить войну Турции и получить территорию вплоть до линии Энос-Мидия; (в) идти на помощь Сербии через Салоники, в том случае если Болгария сохранит умеренно дружественный нейтралитет, а Греция присоединится к союзникам.

У.С.Ч.

25 февраля 1915 г.¹.

На заседании 26 февраля соображения Черчилль не были даже рассмотрены, и он был настолько раздражен происходящим вокруг разработанной им операции, что отказался от всякой ответственности за ее результат и обратился к премьер-министру с просьбой повлиять на решение об отправке 29-й дивизии в Дарданеллы. Асквит ответил, что не может отменить решение Китченера, за которым стоят генштаб и французские союзники. Он писал: «Если 19 февраля стало Днём Вердикта, а 20-е – Днём Отступления, то 24 и 26 февраля можно назвать днями Компромисса и Полумер»¹.

В конце февраля англо-французское командование предложило России послать свой десант к Константинополю². Русская Ставка 3 марта ответила, что армейский корпус будет отправлен к Босфору, как только союзный флот осуществит прорыв в Дарданеллы. Ремонт «Гебена» и снятие вооружения с некоторых других турецких судов упрощали эту операцию. Однако политические события не благоприятствовали союзному взаимодействию. Военные специалисты морского министерства требовали полтора – три месяца для подготовки переброски всего одного корпуса.

Российские правители, обеспокоенные началом прорыва и сообщениями в прессе об успехах союзного флота в Проливах, предприняли отчаянные попытки добиться твердых гарантий соблюдения своих интересов. «Уже 19 февраля на заседании Совета Министров И.Л. Горемыкин довел до сведения министров, что великим князем Николаем Николаевичем получена «директива Государя Императора о необходимости воспользоваться настоящей войной для завладения Босфором и Дарданеллами»³. МИДу было предписано осуществить дипломатическое давление на союзников.

На этом этапе переговоров снова начались трения по поводу участия в Константинопольской операции греков. Премьер-министр Греции Венизелос, уверенный после успешной бомбардировки фортов, что дарданелльская операция увенчается полным успехом, заявил посланникам Антанты, что Греция намеревается вступить

¹ Там же.

² 28 февраля Россия получила приглашение в нужный момент принять участие в завоевании Стамбула. Корбетт Ю. Цит. соч. Т. 2. С. 190. Черчилль 5 марта 1915 г. писал: «Великобританское правительство самым серьёзным образом надеется, что когда наступит момент прорыва английского флота в Мраморное море, русский флот, одновременно с началом атаки Дарданелл союзниками начнёт систематическую, с дальнего расстояния бомбардировку внешних фортов Босфора, чему придаётся первостепенное значение». Корбетт Ю. Цит. соч. Т. 2. С. 212.

³ Мультатули П.В. Император Николай II во главе действующей армии и заговор генералов <http://gosudarstvo.voskres.ru/multat/p2g7.htm>.

¹ Черчилль У. Мировой кризис. Т. 2. Гл. 24. www.livejournal.ru

в войну против Германии и ее союзников и желает послать в Проливы десантные силы и флот. 1 марта Венизелос сообщил, что его правительство готово выделить целый армейский корпус – три полных дивизии – для десантирования на Галлиполи. Английское давление на Грецию вынудило к ответным действиям Россию и Францию, также опасавшуюся чрезмерных успехов английской дипломатии. Греки снова выдвинули в качестве цены за своё участие предоставление им острова Кипр, а также «территориальных и других компенсаций... для охраны прав и интересов эллинизма». «Интересы эллинизма» предполагали восстановление владением древнегреческими территориями в Малой Азии, включая Смирну, район раскопанной Шлиманом Трои, а также родину великих философов – ныне заброшенные города Милет и Эфес. На этой почве и развернулась основная борьба. Российский министр Сазонов, узнав о предложениях Венизелоса, 3 марта заявил, что греческое участие в покорении Турции вовсе необязательно. «Мы вполне благоволим к вашим компенсациям в Малой Азии, но что касается Константинополя, мы предпочитаем, чтобы ваших вооруженных сил там не было. Такое стало бы осложнением для вас и источником недовольства для нас», – писал он своему визави в Афинах¹. «Русский посол в Афинах, следуя правительственному приказу, активно препятствовал и сопротивлялся греческому вмешательству. Так, король Греции получил уверения, что его армия ни в коем случае не будет пущена в Константинополь. Русские согласились на одну греческую дивизию, «в подобных обстоятельствах король не сможет лично выехать на поле боя». Стоит ли удивляться тому, что Константин, принц немецких корней, человек с прогерманскими симпатиями, отступил и вернулся к прежней, скрытой враждебности»².

4 марта Сазонов направил обоим послам союзников памятную записку, в которой заявлялось однозначно: «Ход последних событий приводит е. в. императора Николая к мысли, что вопрос о Константинополе и проливах должен быть окончательно разрешен и сообразно вековым стремлениям России». Сазонов потребовал для России владение обоими берегами Проливов, взамен чего гарантировал соблюдение интересов Франции и Великобритании в отношении любых территорий Османской империи³. Что касается Малой

Азии, на счет этих территорий свои планы были у Франции и Британии, уже готовивших проект раздела их между двумя державами. Делькассе поддержал российскую позицию не привлекать греков к участию в Дарданелльской операции, и английскому министру иностранных дел Э. Грею не осталось ничего, как согласиться с желанием своих союзников. Энтузиазм Венизелоса был так велик, что испугал также короля Греции. Константин думал, что, если бы, подобно Сушону, Венизелос совершил необратимый шаг, вынуждающий Грецию вступить в войну, последствия для Греции могли бы стать самыми печальными. Даже в случае победы над Турцией, Греция была бы вовлечена в сербские дела, что немедленно дало бы повод Болгарии присоединиться к странам Центрального блока, и напасть на Грецию. Константин, чьи чаяния войти победителем в город своего имени были разрушены Россией, решительно отверг план Венизелоса, и отправил премьера в отставку.

Черчилль 5 марта написал Грею отчаянную записку, в которой заявлял, что, в случае, если Россия будет настаивать на исключении греческих войск из предстоящей военной операции, следует отказать ей в претензиях на Проливы¹.

«Заклинаю вас: не делайте ошибки, не отступайте перед давлением потока событий нынешнего кризиса. Работа вполсилы погубит всё; война затянется, и будет губить людей миллионами. Трудитесь неистово и отважно. Все козыри на руках. Наш флот форсирует Дарданеллы. Ни одна армия не войдёт в Константинополь без разрешения Британии, но нам не нужен сам этот город – нам нужна лишь победа.

Скажите русским, что в вопросе Константинополя мы будем добросердечны и благожелательны, но не потерпим преград на пути сотрудничества с греками. Мы должны иметь союзниками Грецию и Болгарию, буде они к нам придут. Я очень боюсь, что мы потеряем Грецию, и будущее всего мира окажется в руках России. Если русские помешают сотрудничеству с Афинами, я сделаю всё, чтобы им не достался Константинополь. Разбитая держава воспользовалась нашей помощью, но не может взять город средствами одной лишь измены – ей этого не удастся.

Если вы не поддержите теперешнюю Грецию – Грецию Венизелоса – то окажетесь перед другой страной, покорной немецкой воле»².

¹ G. F. Abbott. Greece and the Allies 1914–1922. London, 1922. www.guttenberg.com.

² Черчилль У. Мировой кризис. Т. 2. Гл. 24. www.livejournal.ru

³ Международные отношения эпохи империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств 1870–1917. Серия 3. 1914–1917. М., 1940. Т. VII, Ч. I. С. 392–393.

¹ Miller G. Straits: British Policy towards the Ottoman Empire and the Origins of the Dardanelles Campaign // <http://www.manorhouse.clara.net/book2/index.htm>.

² Черчилль У. Мировой кризис. Т. 2. Гл. 24. www.livejournal.ru

Однако на следующий день пришло известие об отставке Венизелоса. Вопрос об участии Греции в Дарданелльской операции отпал, и записка Черчилля осталась неотправленной¹.

Однако отношения внутри Сердечного Соглашения уже накалились до предела. Заявление Сазонова 4 марта о возможной своей отставке и замене министром из числа приверженцев «старой системы союза трех императоров: России, Германии и Австро-Венгрии», в случае, если союзники будут продолжать свои возражения против перехода Проливов к России, не была блефом². Россия чувствовала себя «используемой» союзниками, вследствие того, что в борьбе на два фронта – с германо-австрийскими и турецкими войсками она оттянула на себя более половины сил противника. Экономическая истощенность не давала повода смотреть с оптимизмом в будущее, в то же время союзники не слишком охотно откликались на российский интерес к Проливам. Дело дошло до того, что Сазонов использовал германские предложения о сепаратном мире. В России были сторонники этой идеи в самых высших эшелонах власти. В частности, сторонником её был граф С. Ю. Витте, узнав о смерти которого 13 марта 1915 г., французский премьер Пуанкаре записал в своём дневнике: «Эта смерть чуть ли не имеет для Антанты значение выигранного сражения»³.

В Британии также было известно, что «Германия уже выработала соблазнительный план привлечения России к сепаратному миру и отречению от союзников... По этим соображениям, с полного согласия лидеров оппозиции, было решено предоставить России контроль над Проливами, которого она так долго жаждала»⁴.

История этого «соблазнительного плана» чрезвычайно показательна, поскольку именно Проливы фигурируют в нем в качестве козырной карты. Через фрейлину Васильчикову императору Николаю было передано германские предложения, однако фрейлина использовала форму частного письма, в котором сообщала темы бесед с некими австрийскими высшими руководителями (она упоминает фон Ягова и герцога Гессенского): «Ни здесь в Австрии, ни в Германии нет никакой ненависти против России, против русских; в Пруссии император, армия, флот сознают храбрость и качества нашей ар-

мии, в этих обеих странах большая партия за мир, за прочный мир с Россией. Теперь все гибнет: гибнут люди, гибнет богатство страны, гибнет торговля, гибнет благосостояние, – а там и страшная желтая раса; против нее стена одна – Россия, имея во главе Вас, государь. Одно Ваше слово, и Вы к Вашим много численным венцам прибавите венец бессмертия». Я была совсем изумлена, когда мне все это высказали. На мое возражение, – что могу я, – мне отвечали: – «Теперь дипломатическим путем это невозможно, поэтому доведите Вы до сведения русского царя наш разговор, и тогда стоит лишь сильнейшему из властителей, не побежденному, сказать слово и, конечно, ему пойдут всячески навстречу». Я спросила – «а Дарданеллы?» – Тут тоже сказали: – «Стоит русскому царю пожелать, и проход будет свободен».

Первоначальный ответ британского МИДа на записку Сазонова был отослан 6 марта. В нем сообщалось, что Грей согласен с Сазоновым, однако «формальное соглашение должно быть подвергнуто обсуждению с Францией»¹. Позиция же французского руководства, и это было известно Грею, была негативной. Требование Сазонова относительно обоих берегов Проливов лидеры республики назвали «неприятным инцидентом». Президент Пуанкаре заявил: «Россия все еще не принимает участия в Дарданелльских операциях... Если Константинополь падет, в этом не будет заслуги России... Если же она получит гарантию, что ей будет отдан Константинополь, она потеряет всякий интерес к ведению войны против Германии»². Последовавший 8 марта ответ французского МИДа обескуражил Сазонова. Мило соглашаясь с российскими претензиями, Палеолог имел честь заявить, что «императорское правительство может вполне рассчитывать на доброжелательное отношение правительства республики в том, чтобы вопрос о Константинополе и проливах был разрешен сообразно с желаниями России. Этот вопрос, а также вопросы, которые интересуют Францию и Англию на Востоке и в других местах и которые императорское правительство со своей стороны соглашается разрешить сообразно с пожеланиями Англии и Франции, найдут свое окончательное разрешение в мирном договоре, который согласно декларации 4 сентября 1914 г. должен быть обсужден сообща и подписан одновременно всеми тремя союзными державами»³. Это означало, что никаких официальных гарантий Россия не получала до окончания войны!

¹ Емец В. А. Очерки внешней политики России в период I мировой войны. М., 1977. С. 143.

² Там же. С. 145.

³ Пуанкаре Р. На службе Франции. 1914–1915 гг. Т. 1. М., 2002. С. 514.

⁴ History of the Great War. Naval Operations. V. 2. P. 204; Емец В. А. Цит. соч. С. 145–146.

¹ МОЭИ. Серия III. Т. VII. Ч. I. С. 416.

² Цит. по: Готлиб В.В. Цит. соч. С. 137–138.

³ МОЭИ. Серия III. Т. VII. Ч. I. С. 424–425.

Однако английское правительство, обескураженное падением в Греции кабинета Венизелоса, направило Грею указание, в котором говорилось, что «сила сложившихся обстоятельств неодолима» и сообщалось общее решение правящей и оппозиционной групп в правительстве обещать России Константинополь¹. 12 марта Англия памятной запиской посольства согласилась удовлетворить требования российского правительства при условии: «если война будет доведена до успешного конца и если будут осуществлены пожелания Великобритании и Франции как в Османской империи, так и в других местах»². При этом англичане потребовали передачи ей персидской нейтральной зоны. Однако Франция оставалась твердой. Делькассе даже нарушил правило французской дипломатии не привлекать президента, настояв, чтобы Пуанкаре написал лично в Петроград³. Дипломатические споры тут же увязли в финансовых интересах Франции в Османском долге и других константинопольских концессиях. Россия согласилась на признание интересов союзников в турецкой столице, хотя и предполагала для себя особые права. Сазонов направил в Главный штаб ВМФ секретный документ «Об установлении штата временного управления Императорского Российского Главноуполномоченного в Царьграде»: «Между нами, Францией и Великобританией установлено, что в случае занятия союзными войсками Константинополя, ввиду имеющихся там весьма значительных экономических интересов наших союзников и во внимание к сложным международным вопросам, связанных с занятием нынешней Османской столицы, управление Царьградом будет временно осуществляться тремя Державами. При этом предполагается вверить гражданское управление городом и прилегающей территорией трем Главноуполномоченным: Русскому, Французскому и Английскому. Необходимо иметь ввиду, что установление прочного порядка в Царьграде важно, главным образом, для России, которой придется в дальнейшем будущем управлять краем...»⁴.

Выговорив себе приобретение после войны Сирии и Киликии, Франция присоединилась к Англии в вопросе признания российских условий в районе Проливов только 10 апреля⁵.

В попытке сдержать российские претензии, Французские политики стали разыгрывать еще одну карту, еще не задействованную в игре – итальянскую. Если англичане были недовольны тем, что Россия сдерживает Грецию, французы были более обеспокоены позицией Италии, обладавшей внушительной, если не уменьем, то, во всяком случае, числом армией¹. «В тот день, когда Сазонов преподнес своим союзникам требование Константинополя и проливов, французский министр иностранных дел стал настаивать на «привлечении Италии к союзным операциям против Турции»². Имея значительные территориальные споры с Австро-Венгрией на своих восточных границах, в Тироле, Македонии и Албании, Италия была самым перспективным возможным союзником Антанты. Но эти же интересы Италии на Балканах заставляли косо смотреть на ее участие в войне России. Еще большие опасения выражала Сербия, премьер которой Пашич осенью 1914 г. писал Сазонову, что Далмация будет сопротивляться Риму с оружием в руках³. и это сдерживало итальянских политиков, мечтавших сделать Адриатическое море своим внутренним, как это было в славные годы могущества Венеции. Еще в сентябре 1914 г. Джулиани писал: «Мы не можем менять кошмар австрийской угрозы на кошмар славянской угрозы. Вот почему мы требуем солидных гарантий»⁴.

В начале марта дипломаты начали усиленную работу по согласованию условий вступления Италии в войну на стороне Антанты. Позицию Франции Делькассе в конце марта высказал очень выразительно: «Мы взяли за оружие, чтобы спасти Сербию... но мы не сражаемся за то, чтобы осуществить химерические мечты славянизма. Жертва Константинополя вполне достаточна!»⁵ Черчилль отнесся к планам вовлечь Италию в войну с воодушевлением. «5 марта

¹ Итальянские политики утверждали, что в войне могут принять участие 1800 тыс. солдат, но французские источники говорят о миллионе. Готлиб В.В. Цит. соч. С. 449, 455. «Второго марта посол в Бухаресте передал в Лондон слова премьер-министра Румынии: глава правительства всё более убеждается в «скором движении» Италии. «Мой русский коллега дважды виделся с послом Италии и услышал, что ... Италия ... встанет на нашу сторону; посланник Рима часто говорил об этом и раньше, но именно на двух последних встречах высказался весьма определённо и чуть ли не настойчиво. Он говорил о приобретениях на берегах Адриатики и возможной доле из территорий Турции. ...Через месяц Италия подготовит к делу армию в 1 800 000 солдат». Черчилль У. Мировой кризис. Т. 2. Гл. 24 // www.livejournal.ru.

² Готлиб В. В. Цит. соч. С. 455–456.

³ Там же. С. 465.

⁴ Там же. С. 459–460.

⁵ Там же. С. 481–482.

¹ Готлиб В. В. Цит. соч. С. 135.

² МОЭИ. Серия III. Т. VII. Ч. I. С. 452. Решение об этом было принято за два дня до этого британским кабинетом министров. Higgins T. Winston Churchill and the Dardanelles. London, 1963. P. 156.

³ Kent Marian Great Britain and the End of the Ottoman Empire 1900–23// The Great Powers and the End of the Ottoman Empire. London, 1996. P.177.

⁴ ЦГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 274.

⁵ Емец В. А. Цит. соч. С. 147.

я направил записку Эдварду Грею: «Позиция Рима очень важна. Если мы сможем привлечь Италию на нашу сторону, то совершенно нейтрализуем флот Австрии и превратим Средиземное море в безопасное английское озеро. Уверен, нам стоит несколько потрудиться и сдвинуть Италию с места. Пусть Рим выйдет из союза с Германией, тогда до объявления войны останется лишь один шаг». Министр иностранных дел ответил: «Не упущу и единой возможности»¹. Однако под воздействием России, Грей был менее склонен к принятию итальянских претензий на Адриатическое побережье, и переговоры на время зашли в тупик.

Все это время Россия очень ревниво наблюдала за действиями армий и флотов союзников в Дарданеллах. Внутриполитическое положение империи обнаружило новые факторы кризиса. «В 1915 г. на конференции в Циммервальде социалисты предложили принципы такого выхода из войны – мир без аннексий и контрибуций. Чтобы... Россия могла взять на себя инициативу заключения всеобщего мира, она должна была первой отказаться от территориальных и имущественных претензий к Германии, Австро-Венгрии и Турции»². В думских кулуарах начались споры относительно обоснованности российских претензий на столицу Турции. Но лидеры влиятельных фракций, соглашаясь с требованиями либерализации политической жизни, отступать от геополитических требований не собирались.

Одновременно, в ожидании захвата столицы Турции, британский МИД задумался о дальнейшей политической судьбе Турции. Для этих целей в феврале был отправлен в Болгарию бывший драгоман британского посольства в Константинополе Джеральд Фитцморис, имевший близкие контакты с турецкими диссидентами. Грей писал послу в Софии Бэкс-Айронсайду: «Я хочу, чтобы Фитцморис был на Ближнем Востоке. Поэтому я посылаю его в Софию, официально приписав к посольству. Но это номинальное назначение, поскольку ему надлежит находиться там, где можно будет лучшим образом использовать его знания и опыт в балканских делах, и особенно в делах турецких. Если операции в Дарданеллах будут успешны, ему будет легче всего именно из Софии установить контакты с антигерманской турецкой партией в Константинополе, которая ему хорошо известна. Я просил его через вас уведомлять меня

о ситуации на Балканах... но также уполномочил его сообщать мне непосредственно через британского адмирала в Дарданеллах любую информацию или предложения, которые его знание турецких дел позволит получить, если эта информация покажется ему полезной для ведения наших морских и военных операций»¹.

Еще одну попытку решить турецкий вопрос дипломатическими методами сделал руководитель британской морской разведки Халл. В Салоники были отправлены два британских эmissара, которые через главного раввина города должны были связаться с Талаатом-пашой и предложить ему за деньги пролоббировать выход Турции из войны и открытие Проливов. Это предполагало, по сути, новый государственный переворот. Агенты были уполномочены довести сумму откупных до 4 миллионов фунтов.

4 марта Халл информировал о своих замыслах Мориса Хэнки, который довел информацию до сведения Черчилля. Халл был вызван в Адмиралтейство, где встретился с Черчиллем и Фишером. Первым делом Черчилль поинтересовался, кто уполномочил агентов распоряжаться суммой в 4 миллиона. Халл ответил, что эту сумму назвал он сам. «Но кабинет ничего об этом не знает», удивился Первый лорд Адмиралтейства. «Но, если это откроет нам проливы, кабинет с готовностью заплатит», парировал глава разведки. Вмешавшийся Фишер со свойственной ему горячностью заявил, что никаких денег не потребуется, потому что флот прорвется в Константинополь буквально через пару дней. Вопрос был решен, и 16 марта эmissары покинули Салоники². Один из них, Иди позже жаловался: «Вся страна [Турция] желал мира и ее лидеры приняли бы практически любые наши условия, если бы мы смогли уверить их в том, что Константинополь останется у них»³.

В Турции 3 марта состоялось совещание между турецким командующим флотом, генерал-адъютантом Сали-пашой и генерал-фельдмаршалом фон дер Гольцем относительно обороны Дарданелл. На совещании было решено, что оборона Проливов является важнейшей задачей армии. Открытие сухопутных сообщений через Балканы зависело от удачи австро-венгерских войск в Сербии, а также усложнялось неустойчивым положением Румынии. Германская помощь, таким образом, была бы, в случае успеха английского флота, недостаточной.

¹ Черчилль У. Мировой кризис. Т. 2. Гл. 25.

² Брачев В.С., Шубин А.В. Масоны и Февральская революция 1917 г. // http://allconspirology.org/books/BrachevV-S---SHubin-A-V-_Masonry-i-Fevralskaya-revolutsiya-1917-goda-/24

¹ Grey to Bax-Ironside, 21 February 1915, Personal, Grey mss. // PRO FO 800/43.

² Miller G. Straits: British Policy towards the Ottoman Empire and the Origins of the Dardanelles Campaign // <http://www.manorhouse.clara.net/book2/index.htm>

³ Ibid.

После этого совещания адмирал Сушон передал в распоряжение дарданелльских укреплений все мины, оружие и артиллерию с боевым запасом, без которого можно было обойтись, не нарушая боеспособности флота. Из крепости Эдирне (Адрианополь) была также привезена артиллерия к Дарданеллам¹. При этом общественное мнение в Турции было действительно близким к панике. «В начале марта началось бегство из Константинополя. Государственные архивы и банковское золото были отправлены в Эски-Шехр, делались попытки захоронить наиболее ценные произведения искусства. Первый из двух специальных поездов, один для султана и его свиты, другой для иностранных дипломатов, стоял в готовности в Хайдар-Паша на азиатском берегу, а более зажиточные турки начали отправлять своих жен и свои семьи в глубь страны, используя каждое возможное средство... Талаат реквизирует мощный «мерседес» бельгийской дипломатической миссии, и сейчас машина набита доверху вещами, снабжена при этом дополнительными баками с горючим и готова к путешествию. Поскольку расстояние от Галлиполи до Константинополя – всего 150 миль, считалось, что первые британские боевые корабли появятся в Золотом Роге в течение двенадцати часов после их прихода в Мраморное море»².

Младотурки даже приняли меры для уничтожения столицы, лишь бы город не достался союзникам. Американский посол Моргантау обратился с просьбой пощадить хотя бы Святую Софию, но Талаат ему ответил: «В комитете «Единение и Прогресс» не наберется шести человек, которых бы волновала такая старина. Все мы любим новые вещи»³.

10 марта Карден направил в Лондон довольно пессимистическое послание, в котором особенно указывал на трудности обнаружения и уничтожения турецких передвижных батарей. На следующий день Черчилль ответил, что необходимо, несмотря на риск, высадить десанты для уничтожения батарей, после чего протралить как можно более глубоко пролив и подготовить суда к решающим действиям против внутренних фортов Дарданелл. Хотя Черчилль, очевидно, имел в виду попутное разрушение всех препятствий, на флоте сложилось мнение о начале «прорыва». Коммодор Гибсон с «Альбиона» писал 13 марта: «Все или почти все, я думаю, понимали, что будет безумием просто прорваться через них [укрепления]. Узость,

несомненно, заминирована... Лично я чувствовал, что это решение является следствием давления наших политиков... Большая армия в 60 или 70 тысяч уже собирается для совместных действий – единственных, способных принести нужный результат. Так почему же не дождаться ее?»¹

На следующий день Гибсон был еще более критичен: «Капитаны Дент и Кэмпбелл дали нам дали нам схему массированной атаки Узости. Большинство людей в душе, безусловно, понимали, что это огромная ошибка не дождаться солдат, и что совместные действия с ними необходимы для успеха. Вице-адмирал [Карден] был очень озабоченным, он вообще выглядит не так, как должен выглядеть человек, могущий исполнить эту работу»².

Неудачи в Дарданеллах привели английское командование к идее дополнительной морской операции в другом районе Османской империи, желательно вблизи от Проливов.

«Первой альтернативой являлись действия у Александретты. За [эти] операции... в Англии раздавались голоса некоторых авторитетов, считавших предпочтительным скорее использовать свободные войска там, чем в Персидском заливе»³. Однако французские интересы в Сирии напрямую затрагивали этот важный порт на Средиземном море. Даже как отвлекающий маневр, Александретта стала бы раздражающим моментом в отношениях союзников.

Вторым вариантом был второй по величине город Турции – Смирна (современный Измир). Здесь интересы союзников не сталкивались с такой остротой. Смирна, с ее значительным греческим населением, была, скорее, зоной «великогреческих» вожделений. Именно здесь и было решено устроить «отвлекающую» операцию. «Руководство операциями было возложено на адмирала Пирса, который 2 марта получил приказание выйти из Египта на линкоре «Эвриал» для соединения с линейными кораблями у входа в Смирнский залив.. Представителем союзников являлся русский крейсер «Аскольд», несший крейсерскую службу в составе французской эскадры на побережье Сирии.. Делать высадки не предполагалось, десантные операции были запрещены... Адмирал Пирс получил директивы бомбардировать и разрушить форты Смирны, чтобы иметь возможность установить тесную блокаду этого порта и оставить его открытым для захвата»⁴.

¹ Лорей Г. Цит. соч. С. 129.

² Мурхед А. Цит. соч. С. 72 – 73.

³ Там же. С. 74.

¹ Travers T. Gallipoli 1915. P. 25–26.

² Ibid. P. 26.

³ Корбетт Ю. Цит. соч. Т. 2. С. 238–239.

⁴ Там же. С. 239.

Оборона Смирны и порта состояла в артиллерии фортов Иени-Кале и Моун-и-Заффер и нескольких минных рядов между фортами под прикрытием береговых батарей. Данные английской разведки были получены еще до начала войны с Турцией, и, не учитывая мероприятий по укреплению, проведенных позднее при участии немецких специалистов.

«Придя с рассветом 5 марта к месту, Пирс немедленно приступил к операции. Днем корабли, однако, атаковали форт Гамидие. Условия погоды не оставляли желать лучшего, и «Эвриал» смог прекрасно класть свои 234-мм снаряды. Были замечены 32 попадания, сопровождавшиеся двумя сильными взрывами, по-видимому, погребов. Из-за дальности расстояния Иени-Кале молчал, остальные батареи также не сделали ни одного выстрела, и обнаружить их местонахождение не удалось. Около 4 часов Пирс отошел, намереваясь на следующий день приступить к тралению и затем, покончить с врагом с коротких дистанций»¹. Впрочем, ответный огонь с берега привел к повреждениям, как на «Эвриале» так и на втором линкоре – «Триумф». Среди экипажей кораблей имелись жертвы»².

«6 марта тральщики под прикрытием огня с кораблей приступили к работе. Но как только они подошли, чтобы тралить проход, замаскированные батареи, защищавшие заграждения, неожиданно открыли огонь... Огонь этих батарей был настолько метким и живым, что не могло быть и речи о тралении, пока они не будут приведены к молчанию. Тральщиков отозвали, и корабли открыли огонь по батареям с дистанции от 40 до 35 кабельтовых. Батареи отвечали весьма энергично. Форт Иени-Кале сделал только один залп, и, казалось, что он выведен из строя предыдущей бомбардировкой. Но фактически дело обстояло иначе. На нем было сбито только одно орудие.. После часового обстрела батареи замолчали, и днем последовала новая попытка протралить заграждение. Как только корабли приблизились и начали обстрел, не обнаруженные на холмах батареи снова заговорили хотя форт и молчал, но батареи по-прежнему стреляли метко и не дали возможности что-либо сделать.

Однако операции у Смирны прекратились не сразу, так как в эту же ночь адмирал Пирс получил уведомление адмиралтейства о том, что цель может быть достигнута другими средствами»³. Черчилль послал ему телеграмму следующего содержания:

«Секретно. Вали Смирны, открыто порицающий войну, недавно высказывал дружеское расположение Британии и Франции. Войдите с ним в контакт под флагом перемирия или иным путем после разрушения фортов... Не обещайте ему сразу свободу от бомбардировок города, но только в случае принятия предложений. Гарантируйте ему продолжение исполнения им его обязанностей по сохранению порядка и наше желание уберечь вилайет Смирны от ужасов войны... Сообщите ему о скором падении Константинополя. Можете использовать 50 000 фунтов без отчета, если деньги облегчат отношения с вали или другими турецкими чиновниками... Ваш такт должен руководить вашими действиями. До получения дальнейших инструкций оставайтесь на месте. Действуйте от имени союзников...»¹.

7 марта, выполняя полученный приказ, Пирс направил вали Рахми-бею послание с предложениями о переговорах и продолжил обстрел фортов, однако результаты были такие же, как и в Дарданеллах. Борьба с береговыми батареями принесла малый успех, а минные поля не позволяли судам приблизиться к берегу настолько, чтобы огонь артиллерии был достаточно точным и разрушительным. Кораблям не удалось подавить огонь соперника и хотя бы начать траление входа в порт. На следующий день бомбардировка продолжилась, и часть расчетов турки отвели с фортов. Ночью англичанам удалось протралить часть бухты, но при этом один тральщик был потерян.

Утром 9 марта стрельба была приостановлена, поскольку ожидался ответ от вали Смирны. «Эвриал» и «Триумф» под парламентским флагом приблизились к фортам. С одного из фортов по «Триумфу» был дан залп, однако вскоре недоразумение прояснилось, и шлюпка с турецким переговорщиком подошла к эскадре. В результате переговоров было заключено перемирие до 10 часов утра 11 марта.

«Начало сулило успех, но возникло сомнение, сможет ли губернатор побороть оппозицию со стороны военных начальников. В случае, если бы влияние военного командования одержало верх, на успех дальнейших переговоров рассчитывать не приходилось...

Через сутки после заключения перемирия авианесущее судно «Энн Рикмейрс» было подорвано миной, как тогда полагали, при

¹ Там же.

² Miller G. Straits... // <http://www.manorhouse.clara.net/book2/index.htm>

³ Корбетт Ю. Цит. соч. Т. 2. С. 240–241.

¹ Churchill to Peirse, 6 March 1915 // Miller G. Straits... // www.flamboroughmanor.co.uk. Американский посол Генри Моргентхау сообщал: «В Смирне генерал-губернатор Рахми-бей часто критиковал центральное правительство и отказывался исполнять приказы и инструкции из столицы». U.S. Ambassador to Turkey Henry Morgenthau on the Anglo-French Setback at the Dardanelles, 18 March 1915. – Source Records of the Great War, Vol. III, National Alumni, 1923.

помощи небольшого катера, прибуксировавшего мину у нее под носом. Как выяснилось впоследствии, согласно турецким источникам, дело обстояло так: в ночь с 8 на 9 марта старый стотонный миноносец «Денирхиссар» под командой немецкого офицера, имея германский и турецкий экипаж, никем не замеченный вышел из Дарданелл и, обойдя Имброс, укрылся в Эгейском море. Затем миноносец вышел из залива и укрылся в Хиосском проливе, а в следующую ночь, приготовив запасную торпеду, снова пробрался в залив и в 2 часа ночи удачно выстрелил в «Энн Рикмейрс». 13 марта «Денирхиссар», израсходовав запас угля и не имея больше торпед, благополучно вошел в гавань Смирны¹. Перед атакой турецкий миноносец провел ночь в гавани порта Чесмы².

«Случай с «Энн Рикмейрс» Пирс мог рассматривать лишь как следствие бессилия генерал-губернатора Смирны в его борьбе с военным начальством. Он решил уйти на Митилену и там ждать инструкций. Перед уходом эскадры к адмиралу снова прибыл парламентар с просьбой не считать нарушением перемирия нападение на авианосец, которое было произведено «безответственным миноносцем, укrywшимся среди островов». Поэтому переговоры с генерал-губернатором были возобновлены на этот раз через посредство присланного генералом Бёрдвудом офицера генерального штаба. Последний вскоре убедился, что генерал-губернатор не сможет уладить разногласий с военным начальством. Тем временем турки затопили еще три союзных парохода и окончательно закрыли доступ в порт. Дальнейшие операции, не поддержанные крупными сухопутными силами, не имели смысла, и 15 марта Пирс получил приказание возвратиться в Египет»³. Кроме того, отставка Венизелоса 6 марта сделала операцию в Смирне бесполезной и для воздействия на Грецию. Почти все корабли были отправлены на Лемнос, для участия в большом прорыве в Дарданеллы.

Миноносец «Денирхиссар» находился в гавани Смирны до 15 апреля, когда он сделал еще одну вылазку в Эгейское море, едва не потопив английский транспорт, перевозящий войска для десанта на Галлиполи.

В Дарданеллах шли приготовления к очередному штурму. Джулиан Корбетт пишет: «Какие именно соображения заставили Китченера убедить большинство Совета в пользу Дарданелл – осталось

неизвестным, но возможно, что не последнюю роль сыграло то обстоятельство, что русские уже оправались от полученного удара. Готовность России к совместным действиям на новом направлении и обещание дать для этой цели армейский корпус оживляли надежду на достижение серьезных результатов. Вырисовывалась возможность крупного сосредоточения союзных сил на второстепенном театре, которое открывало перспективы полного поражения Турции, непосредственной связи России с западными державами и грозной наступательной операции против Австрии... Когда 10 марта собрался Военный Совет, Китченер заявил, что 29 дивизия может быть отправлена. Силы союзников, могущие быть направлены против Константинополя, он оценивал в 130 000 человек при 300 орудиях, при условии посылки Россией армейского корпуса в полном, составе предполагалось, что силы противника, с которыми ему, по всей вероятности, пришлось бы встретиться, достигали 60 000 у Дарданелл и около 120 000 в Константинополе. Союзная армия рассчитывала с ними справиться, имея в виду сильную морскую поддержку со стороны русских.

Инструкции, полученные адмиралом Эбергардом [командующий Черноморским флотом России – В. М.], содержание которых было сообщено в Лондон, сводились к следующему.

Пока франко-британская эскадра оперирует против Дарданелл, действия Черноморского флота должны ограничиваться лишь морскими демонстрациями, но с появлением Кардена у Принцевых островов, защищавших подход к Константинополю, русская эскадра должна была предпринять серьезную операцию против босфорских укреплений. Высадку войск не предполагалось делать до уничтожения турецкого флота и до соединения Черноморского флота с франко-английским, но адмиралу Эбергарду предоставлялась полная свобода действий для выполнения той или иной операции, которую он и Карден могли бы считать желательной.

Таким образом, объектом действий как русских, так и франко-английских войск оставалась столица Турции. Намерений форсировать Дарданеллы соединенными силами армии и флота все же не было, хотя адмирал Джексон и указывал на следующий день, что без занятия Галлипольского полуострова флот, даже в случае захвата пролива, не сможет удержать его свободным для прохода транспортов с войсками... это решение свидетельствовало о полном уклонении от традиционных принципов нашей имперской политики.

В течение всего XIX столетия считалось аксиомой, что Россия не должна быть допущена к контролю над Константинополем, причем

¹ Корбетт Ю. Цит. соч. С. 243–244.

² Лорей Г. Цит. соч. С. 154.

³ Корбетт Ю. Цит. соч. Т. 2. С. 255–256.

наш взгляд разделялся Францией, и Берлинский конгресс увековечил этот догмат. С началом нового столетия он стал колебаться и уже в 1903 г. комитет имперской обороны высказал взгляд, что недопущение России к проливам не вызывается ни военными, ни морскими интересами Великобритании. Поэтому ничто не стояло на пути к нашему согласию с Россией в этом вопросе, тем более что политическая обстановка момента настоятельно требовала, чтобы это согласие было наивозможно полным. Ради ослабления нажима на Францию Россия по всей линии своего фронта понесла тяжелые жертвы. Жертвы были настолько велики и тяжелы, что немцы, как стало известно нашему министерству иностранных дел, уже делали попытки склонить Россию покинуть ее союзников и заключить сепаратный мир. Поэтому нельзя было придумать ничего лучшего, как отказаться от нашей старой политики упорства. С одобрения лидеров парламентской оппозиции было решено не препятствовать России осуществить ее давнишнее желание. Единственным условием становилось доведение ею войны до победоносного конца, дабы британское и французское правительства могли быть обеспечены соответствующей компенсацией как в Османской империи, так и вне ее»¹.

Таким образом, британское командование считало свою позицию по отношению к России грандиозной уступкой, возможно, в ущерб своим геополитическим интересам. Многие в Британии считали эту уступку чрезмерной. В России же были не до конца уверены в «филантропических» действиях английского кабинета.

18 марта англо-французский флот предпринял самую масштабную попытку прорваться через Проливы. К этому времени в руководстве союзной флотилии произошло значительное изменение. Адмирал Карден заболел, и главный хирург медицинской службы эскадры настаивал на отправке адмирала на Мальту.

15 марта адмирал Карден собрал высших командиров флота и сообщил им об ухудшении своего здоровья. Он не мог даже принимать пищу. Товарищи призвали адмирала к мужеству и попытались уговорить его остаться с флотом, несмотря на мрачные прогнозы врача. Карден отказался.

«Это означало конец его карьеры, вице-адмирал де Робек и Кийс уговаривали его передумать. Но на следующий день специалист с Харли-стрит, служивший на флоте, осмотрел Кардена и объявил, что тот находится на грани нервного истощения, ему необходимо немедленно отправляться домой.

Атака должна была начаться в течение сорока восьми часов, а нового командующего еще предстояло спешно найти. Старшим по званию был контр-адмирал Росслин Вемисс, командир базы на острове Лемнос, но он сразу же отказался от назначения в пользу де Робека, который участвовал в боях с самого начала операции. 17 марта Черчилль сообщил по телеграфу о своем согласии с такой постановкой командного состава и отправил де Робеку следующее послание:

«Лично и секретно от Первого лорда.

Вверяя Вам с огромным доверием командование Отдельным Средиземноморским флотом, я полагаю.. что Вы после личного и независимого анализа придете к заключению, что предлагаемая скорейшая операция разумна и целесообразна. Если нет, не колеблясь, сообщите. Если да, выполняйте операцию без промедления и без дальнейших ссылок на первую благоприятную возможность...

Да сопутствует Вам удача».

Де Робек ответил, что, если разрешит погода, он завтра начнет атаку»¹.

Главной проблемой оставалась минная опасность. Ночное траление 13 марта и в последующие дни успеха не принесли. Глава минного комитета капитан «Альбиона» Хинидж и капитан «Иррезистибл» Дент предложили следующий план: атакующие корабли выстраиваются в две линии – суда с более дальнобойной артиллерией стреляют поверх более старых. Этот массированный огонь должен заставить на время замолчать береговые укрепления и другую артиллерию противника. Затем, при продолжающейся стрельбе дальней артиллерии, старые броненосцы подходят ближе к берегу и довершают разрушение фортов, после чего быстрые тральщики могут начать траление пролива.

Однако в этом плане было одно упущение. В составе флота не было быстрых минных тральщиков. Было предложено оснастить тралами двенадцать миноносцев из состава английской и французской эскадр. Но французский адмирал заметил, что не всякий миноносец сможет справиться с дарданелльским течением. С ним пришлось согласиться и командующему английских миноносцев капитану Куду. Карден, будучи еще здоровым, уже запрашивал Адмиралтейство относительно новых тральщиков, однако к 18 марта прибыло только шесть. Минную проблему разрешить так и не удалось².

¹ Там же.

¹ Мурхед А. Борьба за Дарданеллы. С. 60–61.

² Travers T. Gallipoli 1915. P. 26–27.

На де Робек давил Черчилль, и тому пришлось начать готовить флот к прорыву.

В распоряжении адмирала было 17 боевых кораблей – из них два – «Куин Элизабет» и «Инфлексибл» – самые последние достижения технической мысли британских корабелов. Эскадру сопровождали тральщики и миноносцы. По плану Кардена, основные силы флота были, как и 19 февраля, разделены на три дивизии. Первой дивизией командовал сам адмирал де Робек на флагманском корабле «Куин Элизабет». Второй – адмирал Садлер на линкоре «Оушн», третьей – французский адмирал Гепратт¹. Ян Гамильтон решил провести разведку боем будущего театра военных действий на одном из кораблей, «Франконию».

План операции предполагал проход в Дарданеллы Первой дивизии, которая в широкой части должна была начать бомбардировку укреплений Чанакской узости, после чего пропустить свежую Третью дивизию. Третья дивизия разрушает при поддержке Первой форты и уступает в свою очередь место Второй дивизии. После этого совместными усилиями эскадра форсирует Проливы и выходит к Константинополю. Минные тральщики и миноносцы должны были сопровождать эскадру. За месяц боевых действий моряки достаточно хорошо узнали район атаки, и была надежда, что их опыт поможет флоту избавиться от мин.

Впрочем, немного спутал карты французский адмирал Гепратт – человек импульсивный и воинственный. Да Робек отвел французским кораблям, старого класса и уступающим в вооружении и защите большинству английских, соответствующее место, заботясь об уменьшении потерь. Но Гепратт посчитал это умалением достоинства французского флота и предложил использовать свои корабли для «ближнего» боя с артиллерией фортов. На резонные вопросы commodора Гепратт отвечал, что боевой дух французских моряков готов к любым испытаниям. Француз оказался на редкость настойчивым и склонил на свою сторону несколько английских капитанов. В результате де Робек разрешил французским кораблям разделиться на две полусэскадры, одна из которых должна была обстреливать

путем близкого подхода к берегу галлиполийские форты, а вторая – форты в Кум Кале, на азиатском берегу¹. Эта воинственность французского адмирала будет дорого стоить французскому флоту.

Также подвела англо-французский флот разведка. В ночь с 8 на 9 марта турецкий миноносец «Нурсет» незаметно выставил мины в том районе входа в проливы, где по наблюдениям германских морских специалистов, корабли противника обычно делали маневр. Это была та самая «мертвая зона» вне досягаемости турецких орудий, и, возможно, она была оставлена намеренно. Руководил постановкой мин немецкий эксперт полковник Гель. Часть поставленных мин была российской. Немцы выловили их в Босфоре, когда русские корабли пытались установить минную блокаду у выхода в Черное море². Ни аэропланы, ни разведывательные десанты, ни морская разведка этот факт не обнаружили.

18 марта погода была благоприятна как для ведения стрельбы, так и для авиационной разведки, поскольку гидросамолеты могли отрываться от воды только при отсутствии волнения на море. «Утром дул южный бриз, небо было безоблачным. С рассветом английские тральщики донесли, что во время тральных работ ночью... до входа в узкую часть пролива, мин обнаружено не было, также не было найдено мин и французскими тральщиками... С восходом солнца утренняя дымка, стоявшая над берегом, рассеялась, и в 8.15 на флагманском корабле взвился сигнал начать операцию»³.

В 8 часов 45 минут все корабли снялись с якоря и в боевом порядке направились к Проливам⁴. В 10 часов 30 минут флотилия вошла в Дарданеллы и первая линия кораблей открыла огонь по промежуточным фортам⁵. «Куин Элизабет» вел огонь с расстояния примерно восемь миль по самому сильному форту – Гамидие, и турецкая артиллерия была не в состоянии отвечать. Остальная часть первого отряда вошла в проливы и начала бомбардировку с более близкого расстояния фортов Румели, Намазие и Гамидие II. В ответ она получила многочисленны попадания с промежуточных турецких батарей и маневренных береговых батарей. Тем не менее, начало операции развивалось согласно плану. В полдень «адмирал де Робек пришел к заключению, что фортам нанесен достаточный урон,

¹ «1-я дивизия (1-я и 2-я бригады) – под непосредственным управлением адмирала Робек: «Queen Elisabeth», «Inflexible», «Agamemnon», «Lord Nelson», 2-я дивизия – под командой Айе-Садлера. 3-я бригада – «Ocean», «Irresistible». «Albion», «Vengeance». 4-я бригада – «Swiftsure», «Majestic», 5-я бригада – «Canopus», «Cornwallis». 3-я дивизия – под командой Гепратта. 6-я бригада – французские корабли: «Suffren», «Bou-vet», «Gaulois», «Charlemagne». 7-я бригада – «Triumph», «Prince George». Коленковский А. Дарданелльская операция, 1938. С. 38.

¹ Travers T. Gallipoli 1915. P. 28.

² Ibid. P. 31.

³ Корбетт Ю. Цит. соч. Т. 2. С. 262.

⁴ Travers T. Gallipoli 1915. P. 28.

⁵ Hart P, Steel N. Defeat at Gallipoli. P. 23.

и поднял французскому адмиралу сигнал прорезать английскую линию и начинать действовать согласно боевому приказу»¹. Первая дивизия успешно сделала маневр и уступила место Третьей французской дивизии под командованием адмирала Эмиля Гепратта.

Однако вскоре отходящая Первая дивизия англичан стала получать серьезные повреждения, поскольку турецкая батарея 153-мм орудий, установленная в районе бухты Эрен-кей, смогла пристреляться. «Агамемнон» получил 12 прямых попаданий, а «Инфлексибл», двигавшийся ближе к азиатскому берегу Дарданелл, оказался в самом эпицентре турецкой стрельбы. Де Робек был вынужден отвести корабли дальше от берега, что ослабило точность и мощь ответных ударов. Французская эскадра, следуя намерениям Гепратта пошла вперед на близком расстоянии от берега, несмотря на опыт Первой дивизии. «Французский адмирал продолжал доблестно идти вперед и сблизился с фортами..., бомбардируя их своей крупной артиллерией»². В это время «Инфлексибл» получил попадание, вызвавшее пожар мостика. Начавшийся пожар вынудил капитана корабля Филлимора отвести его еще дальше.

Гепратт все же осознал опасность турецкого огня и приказал своим кораблям прекратить сближение с берегом. «Буве» и «Сюффрен» пошли вдоль азиатского берега, «Галуаз» и «Шарлемань» – вдоль европейского, обрушивая на форты тонны металла. «.. Гидросамолет, поднявшийся над фортами, донес, что на Дарданосе и Чemenлике прислуги у орудий не видно, но все остальные главные укрепления стреляют. Тем не менее, бомбардировка восьмью линейных кораблей все же начала сказываться и к 13 ч. 45 м. неприятельский огонь настолько ослабел, что де Робек решил начать траление пролива»³. Работу тральщиков прикрывал огонь Третьей дивизии Сандлера.

Американский репортер Ассошиэйтед Пресс Джордж Шрайнер наблюдал за началом операции из города Чанак, подвергшегося бомбардировке артиллерией английского флота. «Какое-то время вполне успешно делали свое дело. «Куин Элизабет» посылала свои огромные 15-дюймовки в форт Гамидие с поистине ужасающим результатом... В час двадцать союзники прекратили маневрирование и легли в боевом строю, ведя прицельный огонь с места... Форты отвечали достаточно эффективно..., несмотря на то, что, казалось, не-

возможно находиться в этих условиях... Ответная стрельба становилась все более точной»¹. Французские корабли получали одно попадание за другим, особенно пострадал «Галуаз», у которого были большие разрушения в носовой части. Гепратт вызвал крейсер «Дублин», чтобы тот держался поблизости от поврежденного корабля.

В 14 часов около азиатского берега пролива разразилась катастрофа. «Де Робек решает отвести французскую эскадру вместе с другими кораблями линии В и ввести свои шесть линкоров, ожидавших в арьергарде. Перемещение началось чуть ранее 14.00, и «Сюффрен», повернув на правый борт, повел свои однотипные суда в бой вдоль берегов залива Эрен-Кей на азиатской стороне. В 13.54 они почти поравнялись с «Куин Элизабет» и британской линией»². Французский крейсер «Буве» начал маневр именно в том месте, где по совету немцев были установлены мины. Неожиданно на других кораблях увидели столб огня и дыма в том месте, где маневрировал «Буве». Судно, движущееся на полной скорости, стремительно погрузились в воду и моментально затонуло со всем своим экипажем и капитаном. Из команды в 650 человек спаслось только 21³. Это было для эскадры полной неожиданностью. В последующих донесениях сообщалось, что «Буве» погиб «по неизвестной причине»⁴. Символично, что перед началом прорыва адмирал Гепратт не хотел, чтобы старый «Буве» участвовал в сражении, однако капитан Раже де ла Туше со слезами умолил своего командующего быть частью флота»⁵.

Шрайнер был свидетелем гибели французского линкора, находясь в непосредственной близости на азиатском берегу. Он писал:

«Столбы огня взвились с нескольких частей судна. Огромная черная колонна дыма выросла в центре, и вскоре судно сильно накренилось. В следующий момент наступила развязка драмы. Медленно корабль осел в воде, затем его нос стал уходить под воду. На мгновение корабль застыл, и в ярком солнечном свете был виден черный треугольник, который быстро исчез в волнах. «Буве» утонул. Было ровно два часа дня»⁶.

¹ Travers T. Gallipoli 1915. P. 30. Джордж Шрайнер, журналист «Ассошиэйтед пресс» получил разрешение посетить место дарданелльского прорыва союзной эскадры при содействии посла Генри Моргантау.

² Мурхед А. Цит. соч. С. 65.

³ Hart P, Steel N. Defeat at Gallipoli. P. 24.

⁴ Коленковский А. Дарданелльская операция, 1940. С. 34.

⁵ Travers T. Gallipoli 1915. P. 28.

⁶ Ibid. P. 30.

¹ Корбетт Ю. Цит. соч. Т. 2. С. 263.

² Там же. С. 264.

³ Там же.

Другой очевидец говорил, что корабль «просто скользнул вниз, как блюдце скользит в ванне». Все действие заняло 45 секунд. Катастрофа произошла столь быстро, что «Буве» ушел под воду, что называется, под всеми парами. Котлы и двигатели работали на полный ход. Миноносцы и шлюпки, находившиеся неподалеку, поспешили на помощь. «Агамемнон» и другие французские корабли, располагавшиеся ближе других, также подошли к месту гибели, однако спасти удалось лишь 48 человек, погибло свыше 600 человек. Часть шлюпок, спасавших остатки экипажа, была потоплена турецкими артиллеристами¹.

Трагедия «Буве» не остановила порыва флота. Корабли продолжали тяжелый обстрел берега согласно намеченному плану. Однако турки воодушевились, и ответный огонь усилился и стал более опасным.

Вскоре и так уже горящий «Галуаз» получил пробоину ниже ватерлинии и отошел назад, направляясь к острову Тенедос. К 14 часам 30 минутам французская дивизия, повернувшая назад, имела в своём составе только один неповреждённый корабль – кроме «Буве» и «Галуаза», от огня тяжелой артиллерии турецких батарей серьезно пострадал флагман французов «Сюффрен» – мина попала в арсенал, и корабль, на борту которого находился Гепратт, едва держался на плаву. Если бы не умелые действия артиллерийского офицера Франсуа Ланнюзеля, сумевшего потушить пожар и спасти своего адмирала, французскому флагману не суждено было бы вернуться из прорыва².

Наступил черед Второй английской дивизии кораблей. Ей удалось принудить к молчанию турецкие батареи, и в 16 часов вперед были отправлены шесть минных тральщиков. Им удалось уничтожить несколько мин, но турки снова начали обстрел, используя мобильные батареи. Миноносцы-тральщики отошли назад. Вскоре «Инфлексибл» дал сигнал о том, что он также получил повреждение от взрыва мины. «Было видно, как нос корабля ушел вниз, как крен все еще был значительным, пока судно направлялось к устью пролива в сопровождении крейсера «Фаэтон». Казалось весьма вероятным, что корабль уйдет под воду в любой момент. От взрыва мины затопило переднюю торпедную камеру, и помимо гибели двадцати семи моряков, находившихся в ней, были получены другие серьезные повреждения. Начали распространяться пламя и ядовитые

газы, не только погасло электрическое освещение, но не горели и масляные лампы, зажженные для подобных чрезвычайных случаев. В то же время прекратили функционировать вентиляторы, и жар внизу становился невыносимым. В таких обстоятельствах капитан корабля Филлимор решил, что нет необходимости держать на вахте обоих машинистов, и приказал одному из них подняться в относительную безопасность на палубу. Однако оба пожелали остаться внизу. Они работали в темноте, в дыму и прибывающей воде, пока не были закрыты все клапаны и водонепроницаемые двери. Остальная часть команды стояла в напряжении на верхней палубе, пока корабль проходил мимо остальных судов флота. Видевшим их казалось, что ни у кого из моряков боевой дух не был подавлен событиями этого дня или потрясен неминуемой перспективой утонуть, и они довели свой корабль до Тенедоса»¹.

Почти тут же произошла вторая крупная потеря союзного флота. На линкоре «Иррезистибл», который дрейфовал по течению с затопленными машинами, произошел сильный взрыв. «Командир сначала думал, что в его корабль попала торпеда, но вскоре убедился, что это была мина заграждения, стоявшая на якоре. Последствия взрыва оказались катастрофическими. Мина взорвалась под правой машиной, почти в диаметральной плоскости, и вода так быстро затопила отделение, что только 3 человека машинной команды успели выскочить наверх»².

Яркое описание картины произошедшей с линкором трагедии оставил офицер корабля Пауэлл:

«Вдоль всего пролива, впереди, сбоку, сзади были корабли Союзников. Вода кипела за кормой гигантских кораблей, а турецкие снаряды выбрасывали столбы воды, падая в промежутках между машинами. Это незабываемое зрелище... «Куин Элизабет» начал обстрел; его огромные 15-дюймовые снаряды мчались к цели, и целые облака желтого дыма поднимались каждый раз после выстрела... В это время «Иррезистибл» испытал первое попадание вражеского снаряда. Снаряд, это был скорее всего 14-дюймовый снаряд, упал где-то в носовой части. Все судно сотряслось, сначала слегка, затем корабль сильно встряхнуло, в месте попадания возник пожар. Шесть человек из числа команды вылетело за борт. Наш старый «Иррезистибл» наклонился на борт под углом 45 градусов, а корабельная артиллерия, задрав дула вверх, стала похожа на зенитные

¹ Корбетт Ю. Цит. соч. Т. 2. С. 265.

² Travers T. Gallipoli 1915. P. 30.

¹ Мурхед А. Цит. соч. С. 66–67.

² Корбетт Ю. Цит. соч. Т. 2. С. 267.

орудия. Поступила команда очистить казематы. Вскоре вся команда, за исключением орудийных расчетов, была наверху. Паники не было... Мы увидели спешащий к нам миноносец¹ – это было радостное зрелище... Турки, очевидно, увидели нашу беспомощность, поскольку огонь их батарей по нам усилился... В тот самый миг, когда последний отряд собирался покинуть корабль, вражеский снаряд разорвался прямо среди людей. То, что произошло дальше слишком страшно, чтобы описать... Там, где только что стояли полтора десятка человек, не осталось ничего... После того, как 600 человек команды перешли на борт миноносца, последний на полной скорости помчался прочь... Мы в последний раз глядели на наш бедный старый «Иррезистибл». Он лежал почти по палубу в воде, снаряды рвались вокруг него... На капитанском мостике стоял невозмутимый капитан Дент, который с десятком добровольцев остался на борту тонущего корабля... Позже мы услышали, что капитан Дент и его добровольцы были спасены. Эта новость была для нас радостной, как никакая другая!»²

Увидев, что произошло с «Иррезистибл», адмирал де Робек приказал другому кораблю – «Оушн» – идти на помощь и по возможности отвести поврежденный корабль в безопасное место³.

Теперь пришло время и Турции обрести своего героя. Им стал капрал Сейит, артиллерист, который после того, как 16 его товарищей были убиты или ранены огнем артиллерии кораблей, в одиночку зарядил последний 275-килограммовый снаряд и произвел выстрел, который поразил «Оушн». Вода затопила машинные отделения, лишив возможности доступа к ним для исправления, корабль стал валиться на правый борт. Положение сразу оказалось настолько критическим, что командир сделал знак проходившим мимо трем миноносцам эвакуировать команду. Под огнем с форта Дарданос и батарей с обоих берегов миноносцы сняли команду во главе с командиром второго отряда адмиралом Садлером. Корабль потерял управление и был вынесен на минные заграждения⁴.

¹ «Благодаря умелому и лихому управлению командира миноносца «Веар» молодецкой работе его команды, удалось снять 28 офицеров и 582 матроса, оставив на «Иррезистибл» десять человек охотников для подачи буксира на «Оушн». Там же. С. 268.

² Hickey M. Gallipoli. P. 73–74. «...де Робек послал для оказания помощи эсминца «Веа», и «Веа» доставил около шестисот членов команды «Иррезистибла», среди них несколько погибших и восемнадцать раненых. Старшие офицеры линкора остались на борту с десятью добровольцами, чтобы подготовить корабль к буксированию». Мурхед А. Цит. соч. С. 67.

³ Hickey M. Gallipoli. P. 74.

⁴ Gallipoli: The Turkish Story. P. 54.

В 1992 г. на месте подвига капрала Сейита скульптор Хуссейн Анка Озкан воздвиг монумент «Человек со снарядом»¹. А. Мурхед пишет в своей книге о турецких артиллеристах: «Моральное состояние солдат в течение этих долгих семи часов обстрела было восхитительным. Те, кто видел турецких канониров в Килид-Бар на галлиполийской стороне пролива, говорят, что они сражались с бешеным фанатизмом. Имам распевал молитвы, пока они бежали по своим огненным точкам. Это было нечто большее, нежели обычное возбуждение в бою. Люди были охвачены, вероятно, религиозным рвением, чем-то вроде неистовства против нападающих неверных. и при этом они с совершенным безразличием вели себя под летящей шрапнелью»².

Турки продолжали обстрел полузатонувших судов весь день. Вечером 19 марта в свете турецких прожекторов можно было видеть оба английских судна, дрейфующих по течению. Адмирал Кийс совершил попытку отбуксировать ночью суда для дальнейшего ремонта. Командиры обоих пораженных кораблей с миноносцами и шестью тральщиками отправились в пролив. Безрезультатные поиски продолжались до полуночи, никаких следов погибших кораблей найдено не было. Корабли затонули³.

Вскоре пришла еще одна беда. Турецкие артиллеристы пристрелялись, и «Куин Элизабет» уже поразили пять снарядов. На корабле было около ста убитых и раненых⁴. Это было слишком опасно для репутации флота. Сильно поврежден был также «Инфлексибл». Более того, турецкие расчеты на берегу не были уничтожены. Они продолжали стрелять, меняя дислокацию и нанося ущерб союзным кораблям.

¹ Major & Mrs Holt. Gallipoli. Battlefield Guide. P. 64–66. После войны турецкие газетчики попросили капрала Сейита продемонстрировать, как именно он совершил свой подвиг, но турецкому силачу не удалось даже оторвать снаряд от земли. Его сфотографировали около орудия с деревянным муляжом снаряда. Ibid.

² Мурхед А. Цит. соч. С. 77.

³ Hickey M. Gallipoli. P. 74. Этот ночной рейд, тем не менее, имел для адмирала Кийса и позитивное последствие: «Мною, – писал он впоследствии, – владело самое неизгладимое впечатление, что мы находились перед разбитым врагом. Я считал, что он был разбит в 14.00. Я знал, что он был разбит в 16.00, – и в полночь я знал с еще большей уверенностью, что он абсолютно разгромлен, а нам осталось только организовать достаточные силы для прочесывания и придумать какие-нибудь средства для борьбы с дрейфующими минами, чтобы пожать плоды наших усилий. Мне казалось, что эти орудия фортов и батарей, и спрятанные гаубицы, и передвижные полевые орудия уже не представляют для нас опасности. С минами как на якорях, так и с плавающими мы должны справиться». Мурхед А. Цит. соч. С. 70.

⁴ Travers T. Gallipoli 1915. P. 31.

Де Робек дал общий отбой. Во время отхода был выведен из строя ещё один английский линкор. Флот так и не смог ничего противопоставить манёвренным полевым батареям турецкой артиллерии, тем более, что бой происходил, в основном, в самых узких местах пролива. Потери турок были незначительны, было выведено из строя 8 орудий, из которых 4 окончательно, убито 48 человек и 74 ранено¹.

Несмотря на то, что турки могли праздновать победу, состояние их войск было удручающим. Солдаты и офицеры, испытав мощь огня английской корабельной артиллерии в полной ее силе, были близки к отчаянию. Множество артиллерийских расчетов покинули свои позиции еще во время боя. За ночь количество дезертиров значительно увеличилось в ожидании нового, еще более мощного наступления. Многие укрепления были полностью разрушены, но уничтожено было только восемь крупных пушек. Немецкие специалисты, оценивая мощь корабельной артиллерии противника, также были уверены в повторной атаке, и не могли вселить в своих подчиненных уверенность. Защитники Дарданелл приготовились к самому худшему². «Солдаты простояли у пушек все утро 19 марта, а когда все еще не было признаков врага, они предположили, что виной этому шторм, помешавший кораблям вернуться в пролив. Но непогода утихла, день шел за днем, флота все не было, и чувство изумленного облегчения сменилось надеждой»³.

Как это ни удивительно, но турки не сразу определили потери союзного флота. Через пять дней после атаки, 24 марта, шифрованная

¹ Коленковский А. Дарданелльская операция. 1940. С. 34; Erickson E. Ordered to Die. P. 80.

² Там же. «В эту ночь Нэрроуз (Проливы – В. М., Н.Н.) имел вид, немногим отличающийся от картин после воздушных налетов Второй мировой войны. Чанак, город с населением 16 000 жителей, был в руинах и почти пустын. При обстреле начались пожары, и хотя с наступлением ночи они стихли, но обломки все еще загромождали улицы и причалы. Земля вокруг фортов была изрыта воронками от снарядов, а в Дарданос, чуть ниже по течению на азиатском берегу, склоны холмов были разворочены и исполосованы, как поверхность Луны. Монеты и кусочки глиняной посуды, лежавшие в земле с классических времен, были выброшены вверх... Но был и такой человек в Константинополе, который вправе был заявить, что никогда ни капли не сомневался в этом удивительном исходе. Еще в начале февраля Энвер говорил своим приятелям в столице, что все это чепуха, нечего бояться, враг никогда не прорвется. В марте он съездил в Дарданеллы, чтобы понаблюдать за ходом сражения, и по возвращении заявил, что оборона совершенно прочная, у артиллеристов полно снарядов, а минные поля целы. «Я войду в историю, – сказал Энвер, – как человек, продемонстрировавший уязвимость британского флота. Если они не подключат большую армию, то окажутся в ловушке. По моему мнению, это глупая затея». Мурхед А. Цит. соч. С. 76–77, 95–96.

³ Там же. С. 95.

телеграмма Военного министерства сообщала о трех поврежденных кораблях противника, которые шли в Мальту для ремонта. Только 26 марта была проведена разведка, которая показала более или менее точные данные о потерях англо-французского флота, но даже донесение в столицу от 4 апреля указывает не все потери¹.

Смятение продолжало царить и в Константинополе. «В отсутствие какой-либо надежной информации с Дарданелл начали появляться всевозможные слухи. 40 000 британских солдат вот-вот высадутся в Золотом Роге. Женщин изнасилуют. Весь город предадут огню»².

Если бы на следующий день Робек повторил прорыв, то почти наверняка ему удалось бы форсировать Проливы, а форты были бы взорваны самими турками³. Поздно ночью он телеграфировал в Лондон о результатах атаки, перечислив потери флота. При этом, он сообщил о своем желании возобновить на следующий день прорыв.

В британской литературе долгое время преобладало мнение, что на турецких батареях был израсходован практически весь боевой запас, а с подвозом боеприпасов были проблемы. Однако открытие турецких военных архивов в конце 1980-х гг. опровергло это мнение. Оно сложилось на основании перехваченной английской разведкой переписки Лимана фон Сандерса с Константинополем. В одной из телеграмм, датированной 12 марта, Лиман просит ускорить доставку артиллерийских боеприпасов в район Дарданелл, ввиду возможного начала нового прорыва флота Антанты. В этой же телеграмме он сообщает, что в противном случае атака на форты может стать успешной. Однако в турецких архивах имеется ответ Сандерсу, в котором сообщается, что боеприпасы придут в самое ближайшее время. Проблем с боеприпасами в период проведения операции 18 марта у турок не наблюдалось, то есть требуемые снаряды были доставлены на дарданелльские батареи.

Согласно турецким архивам, 18 марта было расстреляно от 20 до 50 процентов снарядов на фортовых батареях, подвергшихся обстрелу флота и на маневренных батареях, так что оставалось более половины боекомплекта, причем практически на всех наиболее крупных фортах никакого беспокойства по этому поводу турки не испытывали. Так, в районе Эрен Кей оставалось 3634 снаряда, батарея Кефец выпустила 260 снарядов, оставив 658, 4-й отряд тяжелой артиллерии на азиатском берегу расстрелял 108 снарядов из 1100,

¹ Travers T. Gallipoli 1915. P. 31.

² Мурхед А. Цит. соч. С. 72.

³ Дюпюи Р. Э., Дюпюи Цит. соч. С. 812–813.

и только на батарее Кепездеки оставалось 452 снаряда из 2672. Во внутренних фортах, до которых союзный флот так и не добрался, артиллерийский запас оставался полным¹. Единственной проблемой был недостаток снарядов самых крупных калибров, однако при стрельбе в самой узкой части пролива даже менее крупные снаряды причиняли кораблям непоправимый ущерб.

Британское Адмиралтейство было полно решимости продолжать прорыв в проливы. Черчилль пишет: «В тот момент мне и в голову не пришло, что мы должны бросить дело и не рисковать в пределах задуманного пока, так или иначе, не решим задачу. Фишер и Вильсон думали одинаково со мной. Тем утром они встретили меня твёрдыми уверениями в борьбе до победы. Первый морской лорд тут же приказал двум линкорам, «Лондону» и «Принс оф Уэлс», идти на подкрепление отряда де Робека. Два броненосца – «Куин» и «Имплекейбл» – уже шли к Дарданеллам. Морской министр Франции телеграфировал, что высылает «Анри IV» заменить погибший «Бувэ». Мы направились на заседание правительства – Военный совет собирался в 11. Министры выслушали нас, выказали непреклонную решимость и постановили: «Первый лорд Адмиралтейства сообщает вице-адмиралу де Робеку, что морская операция может быть возобновлена в подходящий для этого момент». После заседания мы поощрили де Робека по телеграфу, известили об идущих на подмогу кораблях»².

20 марта де Робек сообщил Адмиралтейству подробности текущей работы по реорганизации противоминного дела. Казалось, он надеялся возобновить дело через несколько дней. В тот же день он телеграфировал, что боевые качества уцелевших кораблей не пострадали – повреждены лишь трубы, надстройки и палубы³.

Однако 23 марта, несмотря на согласие политиков продолжить операцию, де Робек, сославшись на минную опасность, отвел эскадру на Лемнос. Определенную роль сыграл в принятии этого решения и Гамильтон, пославший 19 марта телеграмму Китченеру, в которой выражал сомнение в целесообразности действий флота без поддержки сухопутных десантов⁴.

Единственным среди британского морского командования экспедицией, кто настаивал на продолжении морской атаки, был самый молодой адмирал Кийс. Из Средиземного моря уже шло подкрепление в количестве четырех британских и двух французских линкоров. Кийс набрал очередную команду на минные тральщики для ликвидации минной опасности. Но ни де Робек, ни Вемисс не поддержали его порыва. Через несколько дней на борту «Куин Элизабет» состоялось совещание, во время которого де Робек выразил мнение, что форсировать Проливы можно только совместными действиями флота и армии Гамильтона. Поскольку эти действия не были согласованы до сих пор, десантная операция на время откладывалась¹.

Гамильтон пишет в дневнике:

«Как только мы уселись, адмирал де Робек заявил: теперь совершенно ясно, что прорыв невозможен без моей помощи всеми имеющимися войсками.

Ещё в Англии, мы – я, Бёрдвуд и Брейтвейт – договорились не говорить морякам ни слова, будь оно в пользу или против сухопутной или амфибийной операций и не вмешиваться в работу флота, что бы мы, сухопутные люди, не держали в голове, пока сами моряки не придут к нам и не скажут, что оставили мысль о форсировании Проливы одной морской силой.

И вот они пришли...

Более слов не требовалось. Мы сразу же перешли к обсуждению сухопутной операции»².

В Адмиралтейство была отправлена телеграмма:

«Вице-адмирал де Робек, в Адмиралтейство.

23 марта 1915 г. (получено в 6:30 утра).

На сегодняшнем совещании с генералами Гамильтоном и Бёрдвудом, последний заявил, что армия не начнёт никаких военных операций до 14 апреля. Прорыв флота в Мраморное море требует безопасных коммуникаций и нам необходимо уничтожить все орудия, защищающие Проливы. Огонь с моря может разрушить лишь малую долю многочисленной береговой артиллерии. Высадка подрывных партий 26 февраля стала для неприятеля неожиданностью, но день 4 марта показал, что следующие попытки разрушить орудия натолкнутся на сильное и хорошо организованное сопротивление. Не думаю, что нам стоит высаживать десантные отряды изнутри

¹ TC Genelkurmay Baskangli. Birinci Dunya Harbi: V Nci Cilt, Çanakale Cephesi Harekati 1 Nci Kitap, Haziran 1914 – Nisan 1915 (Турецкий Генеральный Штаб. Турецкие вооруженные силы в Первой мировой войне. Военные операции на Галлиполи. Том 1. Июнь 1914 – апрель 1915 г.). Ankara, 1993. Рр. 267–269; цит по: Travers T. Gallipoli 1915. P. 32.

² Черчилль У. Мировой кризис. Т. 2. Гл. 26. www.lovejournal.ru

³ Там же.

⁴ Travers T. Gallipoli 1915. P. 32.

¹ Hickey M. Gallipoli. P. 75–76.

² Hamilton J. Gallipoli Diary. V. 1. P. 41.

Дарданелл. Уцелевшая береговая артиллерия запрет Проливы вслед за прорывом и сведёт на нет все усилия флота. Вероятно, расход боевых запасов будет велик и корабли не смогут удерживать открытый путь через Дарданеллы. Минная угроза не только сохранится, но примет куда как более грозные размеры и после прохода в Мраморное море. Необходимы скрупулёзные и осмотрительные приготовления к встрече со стационарными и плавающими минами; работы займут несколько времени, но будут закончены ко дню готовности армии. Полагаю наилучшим решением подготовиться и начать главные действия около середины апреля, но не идти на риск большого дела в поисках половинчатого результата»¹. Черчилль назвал эту телеграмму «ужасной». «Эта телеграмма решила всё. В Адмиралтействе она сплотила противников операции»².

В результате «действий одним только флотом» англо-французские войска потерпели первое крупное поражение в Дарданелльской операции. Союзный флот лишился трех судов, затонувших в Проливах – «Буве», «Иррезистибл» и «Оушн». Еще три корабля: «Галуаз», «Сюффрен» и «Инфлексибл» были отправлены на Мальту для ремонта. Англичане знали из опыта русско-японской войны о безнадёжности стрельбы по береговым батареям при отсутствии на берегу наблюдательных пунктов для корректировки стрельбы кораблей, тем не менее, в инструкциях, полученных Карденом, об этом обстоятельстве ничего не говорилось.

«Уничтожение орудий у гробницы Ахиллеса» оказалось провальным. Треть эскадры была потеряна: часть навсегда, часть – надолго.

Совокупный результат действий одним только флотом оказался еще более неутешительным.

«Результаты всех бомбардировок, начиная с 3 ноября, свелись к следующему:

1. Батареи, прикрывавшие вход в проливы (Оркание, Кум-Кале, Седюльбахир, Хеллес), были окончательно приведены к молчанию, но они представляли еще серьезное укрытие для пехоты.

¹ Черчилль У. Мировой кризис. Т. 2. Гл. 26. www.livejournal.ru

² «...британские начальственные круги вообразили оборону Дарданелл несокрушимой, – жалуется далее Черчилль, – Узости преградил ментальный барьер – невидимый, непроницаемый, ни одно оружие ничего не значило против этой стены. В умах утвердилось слово «Нет» и ничто не могло поколебать этого мнения. Я более не мог повернуть руководителей Адмиралтейства и Военный совет к решительным действиям, не мог подвинуть на дело и первого морского лорда. Любое собрание решало одинаково – «Нет!» и свинцовое отрицание крушило то, что я почитал надеждою всего воюющего мира.». Там же.

2. К югу от Эренкиоя (Эрен Кея) и Суан-Дере новые батареи мало пострадали, они были удобно и укрыто расположены и имели бетон.

3. В укрытые батареи Эренкиоя попали тысячи снарядов, но их крупновские орудия не переставали стрелять.

4. Форт Дарданос, несмотря на то, что в него попало 400 снарядов, потерпел еще меньше; его орудия 1885 г. и морские пушки, поставленные германскими моряками на соседних батареях, остались в полной исправности.

5. В Чанаке в главный форт Гамидие, находившийся под командой немца Вирле, 18 марта попало 36 тяжелых снарядов, тем не менее он сохранил достаточно сил, чтобы помешать подходу флота к Кефец, здесь были подбиты два 35,5-см орудия и на Намазие одно 21-см.

6. Килид-Бар пострадал совсем мало, гарнизон его вовсе не имел потерь»¹.

В столице Турции начались торжества по поводу потопления трех неприятельских линкоров и общей победы в морской битве берега против флота. Всем домовладельцам Константинополя было приказано вывесить на фасадах домов национальные флаги. Тем не менее, большинство турецких политиков, германских специалистов и простых жителей полагали, что грядет новая морская атака. Послы Германии – Вангенгейм и Австрии – Паллавичини на встрече с американским послом Моргантау выражали те же опасения, зная, что огневого запаса на фортах явно недостаточно. В беседе с журналистом Шрайдером, присутствовавшим при разгроме 18 марта, руководитель обороны Дарданелл немецкий генерал Мертенс проговорился, что на Кили-Баре, основной защитной силе на европейском берегу, осталось только 10 снарядов крупного калибра, а на Гамидие – 17. По словам Моргантау, Мертенс посоветовал американцу вечером 18 марта: «Лучше вам встать завтра пораньше, часов в шесть. Мы, во всяком случае, собираемся сделать именно это»². Один из лидеров младотурок – Талаат держал на азиатском берегу Константинополя несколько автомобилей с запасом бензина и постоянно дежурившими шоферами. В Адрианополе, местный лидер Хаджи Адил готовил, по сообщениям разведки, переворот против младотурок и был готов вступить с Антантой в переговоры о прекращении военных действий. Эти сообщения под-

¹ Коленковский А. Дарданелльская операция, 1938. С. 40–41.

² U.S. Ambassador to Turkey Henry Morgenthau on the Anglo-French Setback at the Dardanelles, 18 March 1915. // Source Records of the Great War, Vol. III, ed. Charles F. Horne. National Alumni 1923.

тверждались и настроениями в массах. Крестьяне, у которых отобрали даже посевное зерно, были готовы к восстанию. Когда лидеры младотурок начали бесплатную раздачу зерна, некоторые отказывались его принимать, говоря, что урожай все равно будет полностью отобран властями на военные нужды. Наступление союзного флота ожидалось в течение почти недели. Один Энвер продолжал сохранять спокойствие. Он сказал Моргентау, что появление в столице флота, не поддержанного сухопутными силами, является абсурдом. Впрочем, англичане больше не появлялись в Дарданеллах силами, которые могли бы вызвать опасение в столице Османской империи¹.

Генерал Ян Гамильтон, ставший свидетелем неудачи флота Его Величества, сообщал 19 марта Китченеру, что он склоняется к заключению, что «Дарданеллы гораздо сложнее преодолеть морскими силами, чем всё это время казалось»². Китченер незамедлительно отвечал: «Вы знаете мои взгляды по этому вопросу. Дарданеллы должны быть взяты. Если армия необходима, чтобы очистить путь [Флоту], она здесь будет»³. Политическая обстановка требовала продолжения операции и побед⁴. Италия пошла на союз с Антантой, и неудача в Турции могла оттолкнуть её руководителей от предполагавшегося вступления в войну⁵.

Адмирал де Робек, в своём отчёте Дарданелльской Комиссии говорил: «Все были за то, чтобы проводить совместную операцию [войсками и флотом], но нам приказали бомбардировать форты, что мы и делали»⁶.

¹ Ibid.

² Higgins T. Winston Churchill and the Dardanelles. London, 1963. P. 164.

³ Ibid. Part III. P. 12.

⁴ Победы могли быть добыты не только в Галлиполи. Морис Хэнки предложил план сухопутной операции в Хайфе для «предотвращения повторения морского фиаско». (Higgins T. Winston Churchill and the Dardanelles. P. 165). Операция должна была прервать, по его замыслу, турецкое сообщение с Египтом, районом Суэца и Месопотамией. Противниками дарданелльского десанта были и высокопоставленные военные и политики, например Генри Уилсон и лорд Фишер, однако полумесяцы Константинопольских мечетей сияли ярче.

⁵ Корбетт Ю. Указ.соч. // www.militaria.lib.ru.

⁶ Dardanell Commission. Final Report. P. I. P. 36–37. Совсем иной была позиция Черчилля: он говорил той же Дарданелльской комиссии: «Я рассматривал этот день (сражение 18 марта) всего лишь как первый в многодневном бою, хотя потеря потопленных или выведенных из строя кораблей огорчила. Ни на один момент мне не приходила мысль, что нам не следует продолжать натиск в тех границах риска, на которые мы решились, до тех пор, пока ситуация не разрешится так или иначе. Я видел тот же настрой у лорда Фишера и сэра Артура Уилсона. Оба встретились

27 марта адмирал отправил большое послание Уинстону Черчиллю, которое было выдержано в оптимистических тонах: «Я не считаю события 18 марта решающими и настаиваю на том, что флот может войти в Мраморное море. Ничто до 21 марта не изменило моего мнения, и я продолжал разрабатывать новую решающую атаку... 22 марта я имел совещание с генералом Гамильтоном и выслушал его предложения относительно совместной операции флота и армии... но он не может начать боевые действия ранее 14 апреля. Обсуждаемый нами план, по моему мнению, может дать решающий и подавляющий эффект... Начальный план форсирования Проливов силами одного флота основывался на допущении возможности полного разрушения фортов корабельной артиллерией. Это оказалось ошибочным, в случае судов, идущих на большой скорости. Так, форт 8 подвергался частым бомбардировкам и на дальнем и на ближнем расстоянии, однако было выведено из строя только одно орудие... Для уничтожения фортов требуются крупные десантные партии. Генерал Гамильтон еще не готов доставить эти партии в Проливы»¹.

Черчилль выслал немедленный ответ: «Я надеялся, что результата можно достичь согласно первоначальному плану без привлечения армии, но ваши доводы показывают, что необходима совместная операция. Время прошло, войска имеются, и скоро мы сможем приступить к действиям. Все ваши предложения будут подтверждены телеграммой Адмиралтейства. Я прошу вас продолжать командование вне зависимости от состояния здоровья Кардена»².

Как следствие этой переписки, в Лондоне произошло «бурное заседание Военного Совета. Черчилль усиленно ратовал за продолжение плана Кардена во всей его чистоте, употребляя пехотные десанты лишь для частичного разрушения того, что не разрушено артиллерией. Но представители адмиралтейства были против»³.

Первый морской лорд Джон Фишер был серьезно обеспокоен поражением союзной эскадры в Проливах. Он дал понять Черчиллю, что больше не намерен выделять корабли для Дарданелльской операции: «Мы знаем, что адмирал де Робек мужественный человек, и он уверен в своих силах, но эта уверенность основывается на необходимости совместных действий, в особенности же унич-

со мной в то утро (19 марта) с выражением твердой решимости бороться до конца». Мурхед А. Цит. соч. С. 93 – 94.

¹ Hickey M. Gallipli. P. 78–79.

² Ibid. P. 79.

³ Коленковский А. Дарданелльская операция, 1940. С. 41–42.

тожении всех орудий. Только это может обеспечить ему безопасность сообщений с морем и проход судов обеспечения и заправщиков... Я понимаю политическую необходимость дальнейших действий, но прежде, чем продолжать, необходимо изучить ситуацию в целом, чтобы быть уверенным, что в результате не пострадает основной театр войны... Провал или неудача в Дарданеллах не значит ничего – поражение в Северном море будет означать окончательное поражение!»¹

Фишер, «исходил из положения, что «следует держаться мнения и оценки лица, которое находится на месте». Асквит примкнул к Черчиллю, Китченер вместо ответа прочел собранию телеграмму Гамильтона:

«Я держусь, – пишет Гамильтон, – того мнения, что Дарданеллы не могут быть форсированы только флотом. Этим вопросом раньше я не занимался, но теперь вижу, что армия должна в этой операции играть существеннейшую роль и не в высадке малых отрядов для местных операций, а для наступательной операции в значительных силах, долженствующей обеспечить флоту проход через проливы»².

В результате де Робеку было запрещено использовать в Проливах супердредноут «Куин Элизабет», стрельбу с которого разрешалось вести только с безопасного расстояния. Кроме того, де Робек известили, что «Куин Элизабет», «Лорд Нельсон», «Агамемнон» и несколько других кораблей в любое время могут быть отозваны с Дарданелльского театра. Обеспокоенность потерями в битве 18 марта была всеобщей в руководстве британского флота.

«Седьмого апреля Второй, Третий и Четвёртый морские лорды направили Фишеру записку с просьбой объяснить некоторые вопросы общего хода войны. Считает ли Первый морской лорд – спрашивали морские начальники – опасным делом отступление от следующего принципа: Гранд Флит непременно должен занимать подобающие позиции и оставаться в подобающей силе, для встречи со всем вражеским флотом в любое время и с полной уверенностью в результате? Возможно, что атака Дарданелл – писали они – совершенно оправдана соображениями высшей политики, но позволительны ли потери кораблей и траты снарядов? В заключение, морские лорды просили Фишера подтвердить, что он согласен с настоящим ходом дел, и удовлетворён текущей политикой Адмиралтейства.

Официальный ответ последовал в тот же день. Лорд Фишер полностью согласился с фундаментальным принципом: непременно поддерживать должный уровень сил Гранд Флита.

Далее Фишер продолжал.

«Несомненно, что политический результат успешной операции у Дарданелл оправдывает все потери в материалах и людях: выигрыш дела приведёт новых союзников на восточный театр, расколёт германо-турецкий альянс, откроет, помимо прочего, Чёрное море и тем заметно сократит продолжительность войны.

Я согласился на операцию в некоторых колебаниях: вынужденные ограничения на число кораблей, скромные запасы снарядов и кордита; добавлю и неизбежный для морских атак наземных укреплений фактор неопределённости, опасности, сопутствующие действиям среди прикрытых с берега минных полей.

Но, как вы и сами указываете, дело это – вопрос высокой политики, компетенция Кабинета; в конечном счёте, перспектива бесспорных приобретений привела меня к точке зрения министров на операцию в Дарданеллах. В моей власти остаётся жёстко контролировать выделенные для операции морские силы – так, чтобы наше положение на решающем театре – на Северном море – ни в коей мере не стало бы опасным.

По моему мнению, сегодняшнего превосходства Британии достаточно для домашних вод; отправленные к Дарданеллам силы ограничены и не скажутся на итоге решительной встречи с Флотом Открытого Моря, буде последний выйдет на бой. В то же время, я полагаю, что мы подошли к абсолютному минимуму морских сил, должны стоять насмерть на этой точке зрения и не посылать более ничего, никуда и ни под каким видом. Я совершенно отчётливо высказал это первому лорду и если в будущем Кабинет вознамерится употребить власть чтобы потеснить меня в этом пункте, я обращусь за поддержкой к вам, коллегам-морякам...»¹

Более того, «Адмиралтейство нарочно отправило к Проливам несколько фальшивых броненосцев. Приказы об атаке Дарданелл, одобренные Фишером предписывали между прочего и следующее:

«Некоторое число торговых судов надлежит закамуфлировать под линейные корабли типа «Дредноут» или крейсера, так, чтобы их было невозможно распознать с расстояния в 3-4 мили. ... Ложные корабли необходимо расположить у входа в Дарданеллы, под видом резерва, не допуская опознания их неприятелем. Фальшивые

¹ Hickey M. Gallipoli. P. 79–80.

² Коленковский А. Дарданелльская операция, 1940. С. 42.

¹ Черчилль У. Мировой кризис. Т. 2. Гл. 29. www.livejournal.ru

броненосцы используются с расчётом обмануть германцев в численности британских сил домашних вод»¹.

Стало ясно, что операция силами флота потерпела окончательную неудачу. Черчилль проиграл свою битву туркам².

Флотское руководство было смущено, однако война продолжалась.

Провал операции «только силами флота» был предрешен еще на стадии планирования. Военный Совет, принимая решение, руководствовался не профессиональными мотивами, а желанием произвести на Турцию эффект, отвлекая как можно меньше сил с основного западного фронта. Такова была позиция всех членов Совета кроме двоих друзей-противников – Фишера и Черчилля. Первый лорд Адмиралтейства – молодой и неопытный, но напористый и честолюбивый – видел в запланированной им операции самый лучший политико-стратегический шаг, разом убивающий двух зайцев: удаляющий от Проливов Россию и приближающий к контролю над ними Британию. Он был единственный действительно верящий в успех операции член Совета. Второй – старый и мудрый, но привыкший к лести и традициям Первый Морской Лорд Джон Фишер – чутьём старого морского волка чувствовал авантюризм предстоящей операции, но не смог уйти от хитрости Черчилля и собственного нежелания быть белой вороной³.

¹ Там же.

² Сам Черчилль описывает провал мартовского морского прорыва так: «18 марта 1915 г. адмирал де Робек начинает обстрел дарданелльских укреплений, стараясь пробить себе дорогу. и здесь мы опять наталкиваемся на роковой момент. У турок очень мало мин, они бросили почти все те, которые у них были, но, на их счастье, несколько мин были заложены в непредвиденных местах. Огромные и плохо организованные эскадры не замечают их. Два или три корабля взорвались на воздух. На адмирала это производит самое зловещее впечатление. Ничто никогда не заставит его войти в эту незнакомую ему зону, полную таинственных опасностей. и хотя две недели спустя в его распоряжении уже целая эскадра тралеров, могущих в несколько часов очистить все то пространство, какое ему необходимо для того, чтобы окончательно занять укрепления, он не применяет их. Их команда, преисполненная храбрости и энергии, остается в полном бездействии. и в таком же бездействии пребывает и его флот, и он сам. Все они – только зрители совершающейся на их глазах военной трагедии. Мы сами осуждены на сухопутное наступление на полуострове Галлиполи. Теперь мы знаем, что там в то время не только не было больше мин, но что у орудий фортов крупного калибра – у тех, которые одни только и могли остановить бронированные суда – почти совсем не оставалось снарядов. Одна ночь, проведенная в окончательной очистке водного пути, одна утренняя бомбардировка обнаружили бы полное банкротство обороны. Но суждено было другое. Флот оставляет всякую мысль о проходе через Дарданеллы». Там же.

³ См. Hart P., Steel N. Defeat at Gallipoli. P. 12.

В последовавшие после провала Дарданелльской экспедиции годы разгорелись целые словесные баталии вокруг формулировки резолюции Военного Совета от 13 января, который принял план прорыва. «Адмиралтейству подготовиться к морской экспедиции в феврале с целью бомбардировки и взятия Галлиполийского полуострова вместе с Константинополем». «Невозможно, – говорилось в докладе парламентской комиссии по Дарданеллам в 1917 году, – читать все эти свидетельства или изучать объемистые отчеты, присланные в наш адрес, не оказавшись под воздействием этой атмосферы неопределенности и недостатка точности, которые, похоже, были характерной особенностью работы Военного Совета. Как, зададим вопрос, флот мог «взять» полуостров? и как он мог иметь своей целью захват Константинополя? Если имелось в виду – а очевидно, так оно и было, – что флот должен захватить и оккупировать город, то это полный абсурд»¹.

¹ Мурхед А. Цит. соч. С. 38–39.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Письмо-донесение третьего секретаря османского посольства в Санкт-Петербурге Абдур-Реззака адъютанту султана Дервиш-паше о положении российских мусульман

19 мая 1890 г.

Нижайшее донесение.

Видя нынешнюю степень ужесточения москвитями (maskoflar) ранее установленных правил, предпринятого с целью уничтожения религии татарских мусульман, в лице коих мусульманский мир ранее имел здесь могучую преграду против христианства и которые, претерпев кардинальный [исторический] перелом, оказались в плачевном положении в руках врагов веры; вынужденность в настоящее время почти всех из них, [даже и] имея в своей среде многих обладателей богатства и славы, заниматься услужением и тому подобными низкими занятиями, а также то, что в численном отношении, сравнительно с другими народами, занимая в Российском государстве второе место, ни один из них не состоит на сколько-нибудь заметной и почетной должности, а их падение открыло путь русским, которые, продвинувшись до Туркестана, являющегося источником витязей магометанской веры, схватили мир ислама за сердце и отняли у них политические свободы, не оставляя им надежды на выздоровление, невозможно не проводить осторожных изысканий по этому вопросу.

Таким образом, и Ваш покорный слуга со времени прибытия в Петербург до сего времени не только не пренебрегал изучением этих обстоятельств, но и, исполняя свои религиозные обязанности, принял участие в праздничном намазе во время прошедшего Праздника разговения. В связи с тем, что здесь не имеется мусульманской мечети и местом совершения праздничного намаза определен зал Городской думы (Belediye salonu), Ваш покорный слуга встретился со здешним татарским имамом Атауллахом-эфенди и известил его о своем намерении. Имам, сказав с укоризной, что до настоящего времени не было случая присутствия [на богослужениях] кого-либо из сотрудников нашего посольства, изъявил большую радость и добавил, что приготовит для меня место в первом ряду [молящихся]. В праздничное утро я, специально заказав богато украшенную карету, отправился к месту совершения намаза. Поднявшись по длинной лестнице и натолкнувшись на большое число нищих мужчин и одетых не по требованиям ислама женщин – мусульман и мусульманок, я вошел в зал, где будет совершаться намаз. Воистину первое

впечатление стало ошеломляющим. Со стороны киблы в зале [находились] большие завешанные портреты, а также еще весьма большие портреты: справа – незавешанный [портрет правящего] императора, сзади – покойных императоров Александра II, Николая и императриц, [причем] на головах упомянутых лиц [были изображены] кресты. Несуразным было и то, что слева виднелось именуемое по-французски «шапель» собрание изображений Иисуса, Марии и других, кому молятся христиане, с горящей лампадой. Вид около семи-восьми сотен мусульман, выстроившихся там рядами, мог бы удивить каждого. У большинства из них на голове была тюбетейка, а рядом – шляпа; у некоторых из них отсутствовали борода и усы, у некоторых были сбриты только усы, у некоторых были раздвоенные бороды – словом, наблюдаемый нами у европейцев, неуместный [для мусульман] внешний вид. Таким же удивительным было зрелище более чем двухсот человек в шляпах, стоявших в одной стороне мечети, то есть зала. Увидев, что входит некто в османской феске и сюртуке, люди стали расспрашивать обо мне у моего слуги, причем на их лицах мелькало выражение неуместного веселья. Имам, прочитав несколько хадисов о достоинствах садака-и фитр выступил и на татарско-турецком языке (который я отлично понял) с проповедью относительно опрятности одежды, после чего, взяв в руку длинный посох, взобрался с двух досок – ступеней импровизированного минбара – на свою скамью и прочел хутбу. Упомянув в ней священные имена четырех праведных халифов и прочтя некоторые известные коранические изречения, он, удовлетворившись фразой; «Давайте помолимся также за успех и здравие нашего государя Александра III, его престолонаследника, цесаревича Николая и его достопочтенной супруги», закончил хутбу, после чего был совершен намаз. Затем, после того как имам представил Вашему покорному слуге отставного генерала Чингизхана и многих «ханских отпрысков», содержащих рестораны, люди разошлись. Ваш покорный слуга, спускаясь по лестнице, во имя венца Его халифского величества раздал все имевшиеся при себе наличные деньги в качестве милостыни вышеупомянутым нищим.

Русские, с целью христианизации мусульман проведя необходимые исследования через посредство миссионерской организации, расположенной в городе Казани, начали постепенно вмешиваться в дела свободного отправления их культа и, прибавив для имамов условие получения образования и воспитания в русской школе, вынудили внести некоторые изменения и в хутбу. Этим, а также условием постоянного присутствия полицейских на богослужениях,

оставлением мусульман в невежестве, стремлением писать и распространять среди мусульман [книги] по истории ислама и некоторые религиозные рассказы, отражающие русскую точку зрения, а также многими другими инициативами они добились того, что твердо придерживающиеся своей религии здешние мусульмане поставлены в условия, способствующие ее элементарному забвению.

Хотя и нет оснований сомневаться в благочестии имама Атауллаха-эфенди, [все же] он получил образование в русской школе, русские выдают ему законное жалованье, а также дали ему чин, соответствующий чину ула (ula rutbesi). Здешние мусульмане знают, что Атауллах-эфенди со своей шляпой и служебным мундиром ушел к русским, и многие не любят его [за это].

В любом случае решение этого вопроса находится в Вашей власти.

18 мая [1]306 г. [руми].

Третий секретарь Петербургского императорского посольства покорнейший [Абдур-Реззак].

Источник: Национальный Архив Республики Татарстан, ф. 169, оп. 1, д. 41, л. 53.

2. Витте С.Ю. Воспоминания. Глава 24. Проект захвата Босфора. Новая политика на окраинах

В конце 1896 г., как только государь император вернулся из-за границы, в Петербурге появился наш посол в Константинополе Нелидов, и начались различные слухи о том, что предполагается принять какие-нибудь меры относительно Турции. Уже тогда Османская империя находилась в достаточном разложении, которое затем кончилось свержением султана Гаида и установлением в Турции конституционного образа правления, которое ни к какому твердому и устойчивому порядку в Османской империи не приводит. В настоящее время Турция находится в критическом положении. Впрочем, процесс разложения Турции идет уже издавна и продолжается уже десятки лет. В то время процесс этот проявлялся различными острыми явлениями, которые большею частью выражались избиением армян в той или другой местности Турецкой империи.

21 ноября я получил весьма секретную записку Нелидова, в которой константинопольский посол в туманных выражениях, присущих истинным дипломатам, всю жизнь занимающимся изображением на бумаге туманных картин, излагал о тревожном положении Турецкой империи, в частности Константинополя и султана, а в сущности предлагал создать такие инциденты, которые бы дали нам право и возможность завладеть Верхним Босфором.

Одновременно с получением этой записки я получил приглашение от временно управляющего министерством иностранных дел Шишкина явиться в заседание, которое и состоялось под председательством его величества 23-го ноября. В этом заседании присутствовали: военный министр Ванновский, я, управляющий морским министерством Тыртов, начальник главного штаба генерал Обручев, управляющий министерством иностранных дел Шишкин и российский посол в Константинополе.

Нелидов в этом заседании развивал ту мысль, что в ближайшем времени произойдут в Турецкой империи катастрофы и в предупреждение того положения, в котором может очутиться Россия, следует захватить Верхний Босфор, вызвав, если окажется нужным, такие события, которые давали бы нам право и возможность это совершить.

Военный министр и начальник главного штаба очень поддерживали мнение нашего посла, чего я и ожидал, так как что касается Ванновского, то он всегда руководствовался в этих случаях соображениями своего начальника штаба-Обручева, а у Обручева захват Босфора – а если окажется возможным, то и Константинополя – был всегда его идефиксом.

Я помню, что еще несколько недель до смерти министра иностранных дел Гирса я как-то у него был и говорил с ним о международном положении. Гирс сказал мне тогда, что вообще беда с военными, которые непременно хотят создавать События, вызывающие войну, и заслуга императора Александра III именно и заключается в том, что при нем все эти затеи падают.

Когда я спросил: а из этих затей какие он считает наиболее опасными? – Гирс мне сказал:

- Я бы вам советовал взять из министерства иностранных дел дело о том, как генерал Обручев хочет захватить Босфор, передвигая туда войска на плотах. Эта мысль в военном министерстве весьма укоренилась и после нашей последней восточной войны, в конце царствования Александра II и в начале царствования Александра III на Босфор ездили и инкогнито и прямо официально несколько наших офицеров генерального штаба, во главе их был генерал, тогда еще полковник, Куропаткин, который делал всякие рекогносцировочные соображения о том, как и при каких условиях можно захватить Босфор и там укрепиться.

Управляющий министерством иностранных дел Шишкин во время совещаний большей частью молчал или говорил отдельные фразы, ничего определенного не выражающие.

Управляющий морским министерством Тыртов, по-видимому, не особенно сочувствовал соображениям Ванновского и Обручева, но не имел смелости им твердо возражать, а только указывал на некоторые условия, которые необходимо выполнить с точки зрения морской, для того чтобы это предприятие могло удалиться.

Таким образом, единственно, кто возражал и возражал весьма настоятельно, резко и решительно против этой затеи, был я. Я указывал, что эта затея приведет в конце концов к европейской войне и поколеблет то прекрасное политическое и финансовое положение, в которое поставил Российскую империю император Александр III.

Его императорское величество, как председатель и как русский неограниченный царь, никаких мнений не выражал, только задавал различные вопросы. Но, зная моего государя, я видел, что его симпатии в данном случае не находятся на моей стороне.

После неоднократного обмена возражениями между мною, с одной стороны, и Нелидовым, Обручевым и Ванновским – с другой, его императорскому величеству угодно было в заключение сказать, что он разделяет мнение нашего посла.

Таким образом, вопрос по существу был кончен, и в сущности было решено вызвать такие события в Константинополе, которые бы дали нам право и возможность высадиться в Босфоре и занять Верхний Босфор; тогда войти в сношение с султаном и в случае если он станет на нашу сторону, то обещать ему наше покровительство. Следовало немедленно начать приготовления по этому предмету десанта из Одессы и Севастополя. Когда же окажется, по соображениям посла, что наступил момент десант этот двинуть, он должен дать депешу нашему финансовому агенту в Лондоне Татищеву в такой редакции, что ему поручается купить такое-то количество хлеба. Татищеву должна быть дана инструкция, что и было тогда же сделано, чтоб он немедленно эту телеграмму передал управляющему Государственным банком, которым в то время был Плеске (впоследствии в 1903 году Плеске заменил меня в качестве министра финансов), а Плеске должен был передать эту телеграмму морскому и военному министрам.

Нелидов поехал в Константинополь, горя желанием осуществить свою заветную идею захвата Константинополя, во всяком случае Босфора, а сигнал его к отправлению десанта считался настолько близким, что я сделал распоряжение, чтобы Плеске ночью постоянно имел дежурного чиновника, дабы в случае, если получится телеграмма из Лондона о закупке хлеба, чтобы она ему немедленно была передана, дабы ни в какой степени не замедлилось отправление судов из Одессы и Севастополя с войсками.

Управляющий министерством иностранных дел Шишкин составил журнал этого совещания, причем в журнале совещания все соображения, приведенные к этому заключению, были изложены как единогласные.

Получив проект журнала, я написал Шишкину письмо, что никак не могу подписать этого журнала, так как нахожу, что там предполагаются такие меры, которые приведут Россию к большим бедствиям, а потому прошу его испросить разрешения государя: или поместить мое особое мнение в журнале, или же, хотя бы кратко, сказать, что я со всеми этими соображениями и заключениями совсем не согласен, так как я не желаю принять перед историей ответственность за эту затею.

Шишкин был поставлен в затруднение, но тем не менее написал о моем письме государю императору. Государь император был так милостив, что разрешил изменить журнал и написать там о том, что я со всеми этими соображениями не согласен.

Это было высказано в самом начале журнала в такой форме, что, «по мнению статс-секретаря Витте, занятие Верхнего Босфора без соглашения с великими державами по-настоящему времени и при настоящих условиях крайне рискованно, а потому может иметь гибельное последствие».

Журнал этот был утвержден его императорским величеством 27 ноября 1896 года, причем его императорское величество на журнале, кроме того, сделал заметку, вполне укрепляющую решение большинства членов совещания, а следовательно, и вполне не разделяющую моих возражений.

Я, конечно, ожидал, что все это дело кончится большими бедствиями, а потому не мог тогда же не высказать моих сомнений и тревог двум лицам, которые были весьма близки к его величеству и к словам которых его величество не мог высказывать никакого раздражения, а именно, дяде его величества великому князю Владимиру Александровичу и обер-прокурору святейшего синода, бывшему преподавателю государя императора, Константину Петровичу Победоносцеву. Они мне на мои сомнения и на мои тревоги ничего не высказали.

Но Победоносцев, прочитав копию журнала, которую я ему дал, ознакомившись с моим особым мнением, 28-го ноября написал мне: «Спешу возвратить и поблагодарить за присылку. *Jacta est alea* (жребий брошен (фр.)). Помилуй нас Бог!»

Тем не менее под влиянием этих лиц или же под влиянием той силы, которая руководит всем миром и которую мы называем

богом, его императорское величество изменил свое решение, и, как только Нелидов доехал до Константинополя, он получил указания, которые воспрепятствовали ему совершить ту затею, которую он задумал.

3. Воззвание комитета «Единение и Прогресс» к народам Османской империи

О, сыны отечества! О, братья османы! О, храбрый народ Румелии! Наконец, пришла пора показать вашу храбрость. Пришла для нас пора объединиться и трудиться для спасения нашей страны от угнетения. Если мы сами себе не поможем, у кого будем мы просить помощи, у земли или у камней? Отечество в опасности: наши села и наши крестьяне разорены. Наши возлюбленные сыновья (свет очей наших) были замучены в пустыне Йемена и в горах Румелии. Наши очаги остались без дыма, наши сердца без радости, наши поля без обработки, наши плуги без волов, наши жены без мужей, наши матери и отцы без сыновей. У каждого дома свой траур, у каждого сердца своя рана и свое горе. Убийцы и палачи были назначены на должности вали, мутессарифов, каймакамов, алай-беев, полицейских и жандармов, их щедро одаряли полными пригоршнями золота и одевали в разукрашенные золотом мундиры. Мы были отданы на произвол этих змей, этих коварных кровожадных зверей, этих грабителей, врагов народа, этих убийц, губящих отечество. Горы и скалы не выдержали бы мучений, перенесенных нашим народом. Тюрьмы наполнены людьми, говорившими и признававшими правду и требовавшими ее. Бесконечными налогами разорили наши дома. Они обращали свои взоры (да поразит их бог слепотой!) на наш кусок хлеба, на те пять или десять пара, которые мы имеем. Подобные животным, они не обращаются с нами, как с людьми, – они подвергали нас мучениям; подобно волам они возложили нам ярмо на шею. Они отдали врагам наши земли: Крит, Батум, Карс, Восточную Румелию (которая подобна раю). Наши братья из этих земель были повержены к ногам врага. Они унизили нас, отдав на поругание врагам честь наших сестер, ради которой мы только и живем. Увы, дорогие братья, османов унизили и самое имя их нации сделали презренным! Обращена в рабство раса завоевателей (прославленная своей храбростью), которая своей саблей заставляла трепетать всю землю. Ее сделали трусливой, как лиса, невежественной, как ребенок. Отравлена наша нация, наша страна, наша честь, наша религия, наша вера! Все, все отравлено!

Если мы не пробудимся, чтобы обуздать и покарать этих презренных предателей, виновников притеснений и зол, если мы не разможем своими ногами их змеиную голову, мы вызовем всеобщее презрение, заставив весь мир поверить, что причиной всех этих бед является магометанская религия. Но нет, нет, не ислам является их причиной! Вы знаете, что болгары, сербы и валахи не враги наши: наоборот, они были вверены нам, они – наши братья. Поэтому нашей священной обязанностью является защищать их жизнь, их честь и их имущество. Наш бог и наш пророк поручили их нам. Любите и уважайте их, потому что они гораздо больше нас пролили крови за свободу. Они остались сиротами. Наше невежество виновно в том, что мы видим в них врагов. Нет, они наши друзья и братья. Невежество, подобное сну, не позволяет нам отличить друзей от недругов. Наш враг – это теперешнее правительство, затемняющее наши глаза, как ночь, пристающее к нашему телу, как ядовитый скорпион, сосущий из нас кровь, и прикидывающееся ангелом. Презренные приверженцы нынешнего правительства только и делают, что разоряют очаги, разрушают дома, уничтожают жизнь и стоят во главе нашего невежественного народа, как чудовищный дух ада.

Армяне в Ване, Битлисе и Диарбекире, болгары в Румелии и сербы, арабы в Йемене, турки в Эрзеруме, Трапезунде и Касталунии, друзья в Хоране, не в состоянии больше терпеть эту тиранию, восстали. Правительство, якобы для того, чтобы их наказать, схоронило в адской Аравийской пустыне и в покрытых снегами горах Румелии подобных львам сынов несчастной Анатолии и Румелии, возвращенных материнскими и отцовскими заботами в течение 20, 30 лет. Они страдали от жары, холода, голода, болезней, недостатка ухода, медикаментов, одежды и т.д. Есть ли теперь хоть один дом, не орошенный слезами скорби по сыне, замученном в Йемене или в Румелии? Не жалеете ли вы наших сограждан христиан, дома которых разрушены, а сыновья рассеяны? Искушим перед ними ошибки, совершенные до сих пор по нашему невежеству и невниманию! Заключим друг друга в объятия! Забудем о прошлом, докажем всему миру наше братство! О, народ, открой глаза, потому что не время теперь спать: отечество гибнет, и наши соседи и враги, заставляя нас убивать друг друга, хотят наследовать нашу землю! Не дадим себя увлечь их подстрекательствами, потому что конец нашей страны будет несчастьем для всех нас.

Причина стольких бедствий – в нашем разъединении. Объединимся! Как пример можно назвать народы персидский, марокканский, португальский и даже русский, которые путем единения

достигли счастья: они спаслись от шахов и царей, разорывших свои народы своими прихотями. Согласившись между собой, они восстали и взялись за оружие, говоря, что права нации не могут быть принесены в жертву ради удовольствия властелина и кровь народа – ради удовольствия правительства. Они требовали и силой добились национального собрания. Бог сказал в своем святом Коране: «Совещайтесь о делах!». а знаете ли вы, что это значит? Это значит: решайте государственные дела, советуясь с мудрецами нации. Наша религия не разрешает, чтобы дела нации вершились согласно прихотям государей. В прежние времена наши предки свергли с престола и повесили не одного падишаха за то, что они тратили государственные деньги на свои прихоти и оскорбляли народ. Власть султана очень велика, но возлагаемая ею ответственность еще больше. Бог спрашивает у человека, что он сделал хорошего и дурного, и у государей он также спрашивает отчет о всех правах их народов, их крови и их налогах.

О, нация, теперешнее правительство морит наших детей голодом, превращает наше отечество в убежище для разбойников и убийц, назначает убийц валиями, воров – чиновниками, лишает наши поля урожая, лишает нас безопасности, спокойствия, школ, семинарий и, наконец, разделяет братьев. Это правительство заставляет убивать райю, делает ее нашими врагами, превращает нас в рабов, закрыв национальное собрание, открытое 30 лет назад согласно предписаниям религии. Нужно требовать от падишаха и правительства осуществления прав народа – от этого правительства, которое себя окружает отступниками и врагами отечества, от этого правительства, которое, считая народ глупым и тупым, говорит, что его следует раздавить ударами кулаков. Не верьте тем невеждам, которые, изучив две-три книги на арабском языке, появляются перед вами с двумя рядами тюрбана вокруг головы и называют себя учеными (чтобы не нести военной службы). Наш пророк перед самой своей смертью, взойдя на трибуну, сказал народу: «Возлюбленный народ, если я когда-либо невольно причинил зло кому-нибудь из вас, пусть тот поднимется и требует от меня своего права». Мы были бы бесчестны, если бы не боялись понести на том свете наказание за эту трусость и взять на себя стыд перед всем человечеством на этом свете. Увидев нас в таком состоянии, не постарались ли бы наши враги захватить наше отечество? До каких пор будем мы терпеть, чтобы враг попирали нас ногами, как собак? До каких пор будем мы бояться отомстить за себя? Бог сказал: «Верующие – братья», и наш пророк доверил нам райю.

Итак, объединимся, станем братьями и поможем друг другу. Будем счастливы, уничтожая это жестокое правительство, и поставим у власти людей честных, избранных нацией! Вперед, герои, пришла пора спасти наше отечество! Оковы не созданы для львов. Стыдно, чтобы они позволяли обманывать себя лисицам. Сделаем наше отечество счастливым, отомстив за него.

Вперед, герои, будьте теми, о ком бог говорит в своем Коране: «Без всякого сомнения, он не любит жестоких». Бог не любит жестоких, он защищает угнетенных. Рвение зависит от нас, успех от бога.

Оттоманский комитет Единения и Прогресса.

Источник: Турецкая революция 1908–1909 гг. // Красный архив, № 6 (43). 1930. С. 19–20.

4. Протокол особого совещания при министерстве иностранных дел Российской империи 3 августа (21 июля) 1908 г.

Особое совещание было созвано министром иностранных дел 5 августа (23 июля) 1908 г. по случаю событий, происходивших в Турции. Открывая совещание, г. министр указал на некоторую опасность положения в Турции, которое в каждый данный момент может обостриться и потребует от нас известных действий. С этой целью он считал бы необходимым установить программу и определить имеющиеся у нас в настоящее время в наличии средства и способы действий, примерно сообразуясь с тем, что было предпринято в 1896 году во время армянских беспорядков, когда было установлено, что, по первому из Петербурга требованию, должна быть произведена посадка войск на суда, нашей Черноморской эскадры, причем плавание этих судов было продолжено до марта 1897 года, для чего были отпущены соответствующие кредиты. Необходимо и ныне, чтобы события не застали нас врасплох и чтобы мы были готовы к защите своих интересов. Далее г. министр в кратких словах очертил политическую обстановку данного времени. Признавая, что положение вещей изменилось не в нашу пользу, он тем не менее полагал, что общая политическая конъюнктура более выгодна для нас. Англия в прежнее время противилась нашим начинаниям на Востоке, ныне же она против нас не пойдет. Этому обстоятельству А.П. Извольский придавал особое значение. Допуская возможность действия в Турции в согласии с европейскими державами, он, тем не менее, указывал в совещании, что европейский концерт не доверяет Австро-Венгрии и Германии. Совокупность действий держав, конечно, приемлема для нас при условии обеспечения наших интересов. Надо предвидеть худшее в Турции. Возможно, напри-

мер, убийство султана, полная анархия, опасность для жизни иностранцев, – одним словом, события в Османской империи могут разыграться, как в Китае, и при таких условиях надлежит решить вопрос, следует ли нам принять возможное приглашение держав к действиям сообща. Морской министр сообщил совещанию, что он может во время навигации послать два броненосца и два крейсера из Балтийского моря, а в зимнее время четыре судна будут находиться в Средиземном море, и что в особых на сие кредитах он не нуждается. На вопрос, какова боевая готовность наших судов, морской министр ответил, что полная.

На совещании выяснилось с достаточной очевидностью, что мы не готовы на какое-либо самостоятельное выступление, что мы можем принять участие в совместных действиях держав, но не более, а для занятия Верхнего Босфора и иных действий можно подготовиться лишь в будущем. Совещание высказалось за желательность скорейшей подготовки.

К заявлению г. министра, что нам нельзя идти на авантюру, а надо быть готовым ко всем случайностям, присоединяется большинство членов совещания.

Далее выясняются все подробности занятия нами Верхнего Босфора и возможность удержаться на занятых позициях, причем последнее обстоятельство было признано более чем сомнительным в случае войны с Турцией.

Совещание постановляет о необходимости разработать подробный план действий о мирном занятии Босфора без объявления войны Турции, при условии соблюдения всех мер предосторожности, дабы турки не узнали преждевременно о наших намерениях.

Источник: Турецкая революция 1908-1909 гг. Протокол особого совещания при министерстве ин. дел 3 августа (21 июля) 1908 г. // Красный архив, № 6 (43). 1930. С. 45–46.

5. Турецкий флот в начале XX века

	Тоннаж	Год постройки	Построен	История
Линкоры				
<i>Решадие</i>	23,000	1914	Британия	Реквизирован в 1914
<i>Султан Осман</i>	27,500	1914	Британия	Реквизирован в 1914

Дредноуты				
<i>Асар-и-Тевфик</i>	4,687	1868	Франция	Потонул в 1913
<i>Мессудие</i>	9,200	1874	Британия	Потонул в 1914
<i>Мидилли (Бреслау)</i>	4,550	1911/1914 (куплен)	Германия	Потонул в 1918
<i>Торгут Рейс</i>	10,060	1891/1910 (куплен)	Германия	На слом в 1953
<i>Хайреддин Барбаросса</i>	10,060	1891/1910 (куплен)	Германия	Потонул в 1915
<i>Явуз Султан Осман (Гебен)</i>	23,000	1909/1914 (куплен)	Германия	На слом в 1973
Крейсеры				
<i>Берк-и-Шатвет</i>	775	1906	Германия	На слом в 1955
<i>Меджидие</i>	3,250	1903	США	На слом в 1952
<i>Пейк-и-Шевкет</i>	775	1906	Германия	На слом в 1954
<i>Хамидие</i>	3,805	1903	Британия	На слом в 1964
Броненосцы				
<i>Авнилла</i>	2,400	1867	Британия	Потонул в 1912
<i>Зухав</i>	650	1896	Турция	На слом в 1936
<i>Ичлалие</i>	2,266	1870	Австро-Венгрия	На слом в 1928
<i>Муин-и-Зафер</i>	2,400	1869	Британия	На слом в 1934
<i>Нечм-и-Шевкет</i>	2,050	1867	Франция	На слом в 1929
<i>Пеленг-и-Дерья</i>	585	1890	Германия	Потонул в 1915
<i>Фетх-и-Бюлент</i>	2,800	1868	Франция	Потонул в 1912
Миноносцы				
<i>Басра</i>	290	1907	Франция	На слом в 1949
<i>Гаярет-и-Ватанийе</i>	616	1909/1910 (куплен)	Германия	Потонул в 1915
<i>Муавенет-и-Миллийе</i>	616	1909/1910 (куплен)	Германия	На слом в 1953
<i>Нумине-и-Хамийе</i>	616	1909/1910 (куплен)	Германия	На слом в 1923
<i>Самсун</i>	290	1907	Франция	На слом в 1949
<i>Ташуз</i>	290	1907	Франция	На слом в 1949
<i>Ядигар-и-Миллет</i>	616	1909/1910 (куплен)	Германия	Потонул в 1917
<i>Ярхисар</i>	290	1907	Франция	Потонул в 1915

Торпедоносцы				
<i>Акхисар</i>	160	1906	Италия	На слом в 1935
<i>Алпагут</i>	160	1906	Италия	Потонул в1912
<i>Анкара</i>	160	1906	Италия	Потонул в1912
<i>Анталья</i>	160	1906	Италия	Выведен в 1916
<i>Беркефсан</i>	270	1894	Германия	На слом в 1932
<i>Гамидие</i>	200	1902	Италия	Потонул в1911
<i>Демирхисар</i>	98	1906	Франция	Потонул в1915
<i>Драк</i>	160	1906	Италия	На слом в 1936
<i>Кютахья</i>	160	1906	Италия	Потонул в1916
<i>Мусул</i>	160	1906	Италия	На слом в 1936
<i>Султанхисар</i>	98	1907	Франция	На слом в 1935
<i>Токат</i>	160	1906	Италия	Выведен в 1916
<i>Хамидабад</i>	98	1906	Франция	Потонул в1917
<i>Шихрихисар</i>	98	1906	Франция	На слом в 1935
<i>Юнус</i>	200	1906	Италия	На слом в 1935
Канонерки				
<i>Айдин Рейс</i>	510	1912	Франция	На слом в 1954
<i>Бурак Рейс</i>	510	1912	Франция	На слом в 1955
<i>Превезе</i>	510	1912	Франция	На слом в 1926
<i>Сакиз</i>	510	1912	Франция	На слом в 1935
<i>Дурак Рейс</i>	420	1912	Франция	На слом в 1973
<i>Иса Рейс</i>	420	1912	Франция	На слом в 1964
<i>Хизир Рейс</i>	420	1912	Франция	Выведена в 1952
<i>Мармарис</i>	530	1907	Франция	Потонула в1915
<i>Малатия</i>	213	1907	Франция	На слом в 1921
<i>Ташкёрпрю</i>	213	1907	Франция	Потонула в1915
<i>Невсехир</i>	213	1907	Франция	Потонула в1915
<i>Орду</i>	200	1907	Франция	Потонула в1912
<i>Гёкчедаг</i>	200	1907	Франция	Потонула в1915
<i>Рефахийе</i>	200	1907	Франция	Потонула в1912
<i>Аинтап</i>	200	1907	Франция	Потонула в1912
<i>Бафра</i>	200	1907	Франция	Потонула в1912
<i>Кастамону</i>	200	1905	Германия	Потонула в1912
<i>Йозгат</i>	200	1905	Германия	Потонула в1912
<i>Нурулбахир</i>	200	1898	Италия	Выведена в 1913

Речные канонерки				
<i>Доджан</i>	250	1911	Германия	Потонула в1917
<i>Селман-и-Пак</i>	98	1915 (захвачена)	Британия	Выведена в 1917
Минные тральщики				
<i>Джиресум</i>	3,000	1910 (куплен)	Британия	На слом в 1927
<i>Интибах</i>	600	1912 (куплен)	Британия	Выведен в 1958
<i>Селаник</i>	270	1911 (захвачен)	Британия	На слом в 1927
<i>Самсун</i>	270	1910 (куплен)	Британия	Потонул в1915
<i>Нусрет</i>	360	1911	Германия	Выведен в 1955
<i>Музаффер</i>	70	1914	Турция	Выведен в 1918
<i>Гаярет</i>	144	1907 (куплен)	Британия	На слом в 1927
<i>Нилюфер</i>	1,000	1911 (куплен)	Британия	Потонул в1914
<i>Рон</i>	200	1914 (захвачен)	Британия	Потонул в1914
<i>Турецкие источники говорят о 20 минных тральщиках.</i>				
Подводные лодки				
<i>Абдулхамид</i>	100 / 160	1887	Британия/ Турция	На слом в 1921
<i>Мюстечип Онбаши</i>	390 / 425	1908/1915 (захвачена)	Франция	На слом в 1921

6. Секретная телеграмма посла России в Париже А.П. Извольского от 17/30 сентября 1914 г.

№ 535

Сегодня утром Делькассе получил от Бомпара телеграмму со следующими подробностями: тотчас по передаче Порте условленных 50 000 000, герм. посол потребовал от нее немедленного выступления против Р[оссии]. В состоявшемся совете турецких министров голоса разделились, и, чтобы выиграть время, было решено послать в Вену Халиль-бея. Тогда герм. посол по соглашению с преданными Германии министрами отдал приказание турецкому флоту под началом германских офицеров открыть против нас военные действия. Ввиду сего Гирс, Бомпар и Маллет, обсудив положение, пришли к заключению, что следовало бы заявить Порте, что, если она тот-

час же не уволит всех немецких сухопутных и морских офицеров, она будет ответственна за их действия и тем самым очутится в войне со всеми тремя союзниками.

По мнению Бомпара, Т., конечно, уже не может освободиться от давления Германии, но подобный способ разрыва с нею будет выгоднее для союзников. Бомпар присовокупляет, что наш посол в момент отправления его телеграммы, т. е, вчера вечером, не имел никакого предписания из Петрограда и что Гирс просит Вас телеграфировать ему не только прямо, но и через посредство фр. правительства и посла. Делькассе телеграфировал сегодня утром о вышеизложенном Палеологу.

Извольский

Источник: Царская Россия в мировой войне, т.1. Л., 1925. С. 45.

7. Потерянный день – информация, полученная и переданная в Лондон 9–10 августа 1914.

Воскресенье 9 августа 1914 (время – по Гринвичу)

01.15. Военный кабинет от морского атташе Санкт-Петербург

Российские Адмиралтейство информировали из Афин, что «Гебен» и «Бреслау» прошли Матапан утром 7 августа, двигаясь на северо-восток.

01.15. Бьюкенен – ФО, № 247, передано от морского атташе

Российское Адмиралтейство информировали из Афин, что «Гебен» и «Бреслау» прошли Матапан утром 7 августа, двигаясь на северо-восток. Передано в Афины и Константинополь. Послана телеграмма в Афины с просьбой дать информацию относительно движения.

05.20. Бомон – ФО, № 498, послано 8 августа

Турецкий флот вернулся в Халки 6 августа и остается здесь под командой адмирала Лимпуса на «Мессудие». Копия отослана на Мальту.

11.55. Грей – Эрскину, № 113, 9 августа

Попросите греческое правительство дать вам любую информацию, которую оно получит о продвижении германских кораблей «Гебен» и «Бреслау» и судов сопровождения. (пометка Рендела: сопоставить со всей нашей корреспонденцией по этому вопросу).

12.25. Телефонные сообщения, полученные главным цензором

Следующее сообщение принято цензором Военного кабинета: Вальпурнау – от Метрицикаса... информирую, что «Гебен» встал на якорь в Сира, требуя угля – не знаю, будет ли это требование удовлетворено соответствующим решением правительства доставить имеющиеся запасы угля.

Дневник Дюма: Адмиралтейство не знает, собирается ли «Гебен» идти в Египет.

12.50. Адмиралтейство – Милну, № 239, 9 августа

Войны с Австрией нет. Продолжайте преследование «Гебена», который прошел Матапан 7 числа, в направлении северо-востока.

14.00. Бьюкенен – ФО, № 253, срочно, передано от морского атташе

Российское Адмиралтейство только что получило телеграмму из Афин, датированную 8 августа, в которой утверждается, что «Гебен» пополняет запасы угля на Сира.

16.00. Николсон – Грею

Граф Бенкендорф связался со мной следующими телеграммами... Российское правительство считает возможным, что «Гебен» следует в Дарданеллы.

16.00. ФО – Берти, 9 августа, № 348

Российское Адмиралтейство обеспокоено возможностью того, что австрийское правительство может убедить оттоманское правительство позволить австрийскому флоту пройти Проливами в Черное море. Если этот флот соединиться с германскими и, возможно, турецкими судами, русский флот будет превзойден по силе...

16.50. Военный кабинет, из Адмиралтейства, Париж

Российский посол встревожен тем, что «Гебен» берет 8 августа уголь в Сира (послано главнокомандующему Средиземноморского флота), также получена телеграмма от морского атташе в Санкт-Петербурге «Российское Адмиралтейство только что получило из Афин, датированную 8 августа, в которой утверждается, что «Гебен» пополняет запасы угля на Сира».

17.00. Телеграмма Бьюкенена, № 253 получена в Военном кабинете Адмиралтейства.

13.10 – 17.10. Родд – ФО, № 200, 9 августа 1914

В прессе опубликованы телеграммы, сообщающие, что австрийский флот вышел из Пола, но им не стоит доверять. Российский и французский морские атташе имеют причины полагать, что он отвлекает нас в сторону нижней Адриатики, чтобы прикрыть выход германских крейсеров из Мессины и затем вернется на север.

17.10. Адмиралтейство – Милну, № 240, 9 августа

Российское посольство в Париже сообщает, что «Гебен» взял уголь в Сира восьмого августа.

? Эрскин – Грею, № 140, 9 августа, послано из Афин в 11.45

Петербург тел. № 247. Информация соответствует действительности. Я нахожусь в постоянном контакте с офицером разведки на Мальте, отслеживая движение германских судов... Полагают, что «Гебен» находится у Сира с вечера 7 августа. Греческое правительство думает, что он собирается идти в Черное море...

17.30. Грей – Бомону, №. 350, 9 августа 1914

Вы должны конфиденциально сообщить Порте, что они не должны позволять военным судам входить в Проливы и что, в случае, если военные суда войдут в Проливы, они должны быть либо разоружены, либо высланы назад. Вы можете объединиться с вашими французским и русским коллегами для этого представления.

21.00. Бомон – Грею, № 499, 9 августа

Великий визирь сказал мне, что в Дарданеллах положены дополнительные минные заграждения по совету русского посла... В любом случае, это не вопрос турецкой ответственности, и, если австрийский флот пройдет через Дарданеллы, он сделает это на свой собственный риск.

Понедельник 10 августа 1914

08.30. Дюма прибыл в Адмиралтейство и сообщил, что «Гебен» прошел Сира и находится на пути в Константинополь.

10.00. Адмиралтейство – Милну, № 380, 10 августа

Дополнительно два легких крейсера должны присоединиться для поисков «Гебена», который продолжает быть объектом особой важности.

Спустя семь часов после этого сообщения «Гебен» и «Бреслау» беспрепятственно вошли в Проливы.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Архивы

1. Архив внешней политики Российской империи, Москва (АВПРИ) Фонд «Канцелярия Министерства иностранных дел» за 1914–1916 гг. Фонд «Посольство в Константинополе» за 1913–1914 гг. Фонд «Отдел осведомления и печати» за 1914–1916 гг.
2. Национальный архив Республики Татарстан. Фонд 169.
3. Российский государственный военно-исторический архив, Москва (РГВИА) Фонд 431. Коллекция документов бывшего военно-ученого архива (ВУА) – «Великобритания». Фонд 450. Коллекция документов бывшего военно-ученого архива (ВУА) – «Турция». Фонд 2000. Главное управление Генерального штаба (ГУГШ).
4. Российский государственный архив Военно-морского Флота, Санкт-Петербург (РГА ВМФ) Фонд 418. Планы войны. Известия о турецкой армии. Разведывательные сведения.
5. Australian War Memorial, Canberra, Australia (AWM) Lieutenant-General Sir W. Birdwood Papers. 29; 29a: Birdwood Diary; Military Records: Australian Division, Anzac Division.
6. Askeri Tarihi ve Stratejik Etut Baskanligi. Ankara (Архив Турецкого Генерального штаба) (ATSEB). Архив 1/1 Стол действующего главнокомандующего; запись 553/509: Отчеты германского командования 5-й Армии о морской атаке на Дарданеллы 19–25 марта. Архив 4/105, запись 776/325: Отчеты о первых высадках в Чанаккале и морской атаке. Архив 5/8810, запись 53/126: Назначение Мустафы Кемаля.
7. British Library, London. Commodore Roger Keyes Papers.
8. Churchill Archives Centre, Cambridge (ChAC). Churchill Papers, CHAR 13/52/83-6. Churchill's letter to Bonar Law. Churchill Papers, CHAR 21/46/31. Churchill's letter to the Cabinet, 1915. Churchill Papers, CHAR 13/57/3. Letter from Churchill to Fisher. Hankey Papers, HNKY 1/1. Maurice Hankey's diary. CHAR 13/57/2. Letter from Fisher to Churchill. CHAR 2/66/28 Letter from General Sir Ian Hamilton (General Headquarters, Mediterranean Expeditionary Force) to WSC. CHAR 2/66/64 Letter from Rear-Admiral Arthur Limpus (HM Dockyard, Malta) to WSC.

CHAR 21/43A-B Official: Cabinet: Dardanelles Committee: correspondence mainly about the Dardanelles Expedition. Apr 1915 – Oct 1915.

CHAR 21/47 Official: Cabinet: Dardanelles Committee: CID [Committee of Imperial Defence] “G” series: printed papers on World War I. 1915.

CHAR 21/52 Official: Cabinet: Dardanelles Committee: strength of the belligerent forces: notes and papers. 1911 – 1915.

CHAR 21/54 Official: Cabinet: Dardanelles Committee: War Office telegrams.

CHAR 2/67 Public and Political: general: correspondence and papers. Jun 1915 – Oct 1915.

CHAR 13/56 Lord Fisher Correspondence.

CHAR 4/34-40: Vice Admiral De Robeck Papers.

9. Imperial War Museum, Department of Documents, London (IWM).

76/75/1: Mustafa Kemal Pasha (Ataturk). Memoirs of the Anafatlar Battle.

K34980: Colonel Mahmut. Memoirs of the Battalion Commander who opposed the first landings at Dulbahir.

10. Liddel Hart Centre for Military Archives, King’s College, London (LHC).

General Sir Ian Hamilton Dairy and Papers.

7. Papers relating to service as General Officer Commanding Mediterranean Expeditionary Force, Gallipoli, 1915.

7/1/1-53 Correspondence, 1915. 7/1/30 1915 Jul 8: Manuscript letter received by Hamilton from Kemal Husny of the Turkish liberal opposition in Athens, Greece, suggesting closer cooperation between Hamilton and the Turkish liberal opposition under Prince Sabaheddine, to undermine the Turkish Government. 3 p.

7/1/50 1915 Oct 10-1915 Dec 20: letter from Wladimir Jabotinsky, seeking Hamilton’s support in persuading the War Office to convert the Zion Mule Corps into a fighting unit, 16 Nov.

Liddell Hart Papers:

15/2/87 1917: Dardanelles Commission First Report (HMSO, London, 1917), on origin and inception of attack on the Dardanelles, covering 4 Aug 1914 to 23 Mar 1915.

11. National Maritime Museum, Greenwich (NMM).

Rear-Admiral Sir Arthur Limpus Papers.

Сборники документов

12. Архив русской революции. Т. 18. – Берлин, 1922.

13. Белая книга. Дипломатическая переписка Англии, предшествовавшая войне с Турцией. – Пг., 1915.

14. Вторая белая книга. Дипломатическая переписка Англии, предшествовавшая войне с Турцией. – Пг., 1915.

15. Оранжевая книга. Дипломатическая переписка России, предшествовавшая войне с Турцией. – СПб., 1914.

16. Вторая оранжевая книга. Дипломатическая переписка России, предшествовавшая войне с Турцией. – Пг., б.г.

17. Государственная Дума. Четвёртый созыв. Сессия III. Стенографический, заседание первое, 27 января 1915 г. – Пг., 1915.

18. Государственная Дума. Четвёртый созыв. Сессия III. Стенографический, заседание третье, 29 января 1915 г. – Пг., 1915.

19. Стенографический отчет. Государственная дума. Четвертый созыв, сессия IV, заседание второе, 20 июля 1915 г. – Пг., 1915.

20. Дневник войны России с Германией, Австро-Венгрией и Турцией. Сборник высочайших манифестов, воззваний и телеграмм Верховного главнокомандующего; правительственных сообщений и официальных телеграмм о ходе военных действий. – Пг., 1914.

21. Константинополь и Проливы. По секретным материалам бывшего Министерства иностранных дел. Т. 1–2. – М., 1925–1926.

22. Международная политика новейшего времени в договорах, нотках и декларациях. Ч. II. От империалистической войны до снятия блокады с Советской России. – М. 1925.

23. Международные отношения эпохи империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств. 1870–1917. Серия 2. 1870–1913. Серия 3. 1914–1917. – М., 1931–1940.

25. Раздел Азиатской Турции. По секретным материалам бывшего Министерства иностранных дел. – М., 1924.

25. Турецкая революция 1908–1909 гг. // Красный архив, № 6 (43), 1930.

26. Царская Россия в мировой войне, Т. 1. – Л., 1925.

27. Dardanelle Commission. Final Report. London, 1919.

28. Source Records of the Great War.–Vol. II, ed. Charles F. Horne.–National Alumni, 1923.

29. TC Genelkurmay Baskangli. Birinci Dunya Harbi: V Nci Cilt, Çanakkale Cephesi Harekati 2 Nci Kitap, 25 Nisan 1915 – Mais 1915 (Турецкий Генеральный Штаб. Турецкие вооруженные силы в Первой мировой войне. Военные операции на Галлиполи. Т.2. 25 апреля – май 1915 г.). – Ankara, 1978.

30. TC Genelkurmay Baskangli. Birinci Dunya Harbi: V Nci Cilt, Çanakkale Cephesi Harekati 3 Nci Kitap, Haziran 1915 – Ocak 1916 (Турецкий Генеральный Штаб. Турецкие вооруженные силы в Первой мировой войне. Военные операции на Галлиполи. Т. 3. Июнь 1915 – январь 1916 г.). – Ankara, 1980.

31. TC Genelkurmay Baskangli. Birinci Dunya Harbi: V Nci Cilt, Çanakkale Cephesi Harekati 1 Nci Kitap, Haziran 1914 – Nisan 1915 (Турецкий Генеральный Штаб. Турецкие вооруженные силы в Первой мировой войне. Военные операции на Галлиполи. Т. 1. Июнь 1914 – апрель 1915 г.). – Ankara, 1993.

32. Абдурагимов Г. Пантурунизм и пантюркизм // www.lekia.ru.
33. Аветян А.С. Роль военной миссии Лимана фон Сандерса в ближневосточной политике германского империализма в 1913–1914 гг.: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М., 1960.
34. Адамов Е.А. Раздел азиатской Турции. – М., 1924.
35. Алиев Г. З. Турция в период правления младотурок (1908–1918). – М., 1972.
36. Арш Г. А. Британская дипломатия и миссия Лимана фон Сандерса (о роли английского империализма в подготовке первой мировой войны). – Вестник ЛГУ, №11. Л., 1949.
37. Аршаруни А., Габидуллина Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. – М., 1931.
38. Багирова И. С. Политические партии и организации Азербайджана в начале XX века. 1900–1917. – Баку, 1997
39. Бартакулла М. Большевизм и исламская политическая система (перевод с англ. Л. В. Митрохина). – Общественная мысль Индии. Проблемы человека и общества. – М., 1992.
40. Безобразов П. В. Раздел Турции. – Петроград, 1917.
41. Белли В.А. Флот в Первой мировой войне, т. 2, – М., 1964.
42. Бобынин Н. Н. Персия, её экономическое положение и внешняя торговля 1901–1923. – Тифлис, 1923.
43. Борисевич С. П. Военно-политическое руководство Великобритании и борьба за Черноморские проливы в годы Первой мировой войны (1914–1916 гг.): Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.03. – Владивосток, рук. РГБ ОД, 2003.
44. Бубнов А.Д. В Царской Ставке. – Нью-Йорк: Издательство им. Чехова, 1955.
45. Бьюкенен Д. Воспоминания. – М. – Пг., 1923.
46. Валентинов Н.И. Сношения с союзниками по военным вопросам во время войны 1914 – 1918. Ч.1 (до начала 1916). – М., 1920.
47. Вильсон Х. Линкоры в бою. 1914–1918 гг. – М.: Изографус, ЭКСМО, 2002.
48. Гилязов И. Пантюркизм, Пантурунизм и Германия // Общественно-политический и теоретический журнал «Татарстан», № 5–6, 1995.
49. Гирс А. А. Письма и заметки. 1913–1915 гг. – Пг., 1915.
50. Гордлевский В. Малоазийская османская печать накануне войны // Новый Восток, № 2. – М., 1922.
51. Готтлиб В. В. Тайная дипломатия во время Первой мировой войны. – М., 1960.
52. Дадрян В. Геноцид армян: содержание преступления. – Ереван, 2005.
53. Деренталь А. Письма из Константинополя // Вестник Европы, № 3. 1912.
54. Джемаль-Паша А. Записки Джемал-Паши (1913–1919 гг.). Тифлис, 1923.
55. Дроговоз И. Г. Турецкий марш: Турция в огне сражений. – М., 2007.
56. Дюпюи Р. Э., Дюпюи Т. Н. Всемирная история войн. Кн. 3. – СПб.-М., 1998.
57. Емелин А.Ю. Научно-технические аспекты взаимодействия русского и британского флотов. 1914–1917 гг. // Военно-исторический журнал, № 7, 2007.
58. Емец В. А. Очерки внешней политики России в период первой мировой войны. – М., 1977.
59. Ершов В. Ф. Российская военно-политическая эмиграция 1920–1945 гг. – М., 2003.
60. Ерусалимский А.С. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века. – М.: Соцэкгиз, 1963.
61. Жевахов А. Кемаль Ататюрк. Молодая гвардия. ЖЗЛ. – М., 2003.
62. Зайончковский А. М. Подготовка России к мировой войне. Очерки военной подготовки и первоначальных планов. – М., 1926.
63. Зареванд. Пантурунизм. – Париж, 1930.
64. Игнатъев А.В. Русско-английские отношения накануне первой мировой войны (1908–1914). – М., 1962.
65. Игнатъев А.А. Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции (февраль – октябрь 1917 г.). – М., 1968.
66. Исаев А. Свои и чужие. – «Родина», № 5–6. – М., 1998.
67. История дипломатии. Т. 2. М. – Л., 1945.
68. К вопросу истории и политики пан-туркизма // www.livejournal.ru.
69. Кавказский фронт. Сведения о турецкой армии и о Турции. Вып. 1. – Тифлис, 1914.
70. Кемп П. К. Подводные лодки Его Величества. – М., 2003.
71. Киреев Н. Г. История Турции. XX век. – М., 2007.
72. Климович А. Ислам в царской России. – М., 1936.
73. Коленковский А. Дарданелльская операция. – М., 1938.
74. Коленковский А. Дарданелльская операция. – «Военно-исторический журнал», № 6. – М., 1940.
75. [Коленковский А.] Крейсер «Аскольд» в Дарданеллах (По материалам Морской Исторической Комиссии) // Морской сборник. – М., 1923.
76. Корсун Н.Г., комдив. Кампания 1914 г. на Кавказском фронте // <http://www.retropressa.ru/kampaniya-1914-g-na-kavkazskom-fronte/>

77. Копп Г. На линейном крейсере «Гебен». (Вступительная статья капитана 1 ранга С. И. Титушкина). – СПб., 2002.
78. Корбетт Ю. Операции английского флота в мировую войну. Т. 1–5. – М.-Л., 1927–1931.
79. Крестьянинов В. Я., Молодцов С. В. Крейсер Аскольд. – СПб., 1993.
80. Крестьянинов В. Я., Молодцов С. В. Крейсер «Аскольд» // «Мидель-Шпангоут», № 4 (9), 2003.
81. Кряжин В. Борьба за проливы // «Новый Восток», № 2. – М., 1922.
82. Лазарев М.С. Крушение турецкого господства на турецком Востоке. – М., 1960.
83. Лебедько В. Г. Вице-адмирал А. В. Немитц // Гражданская война в России: Черноморский флот. – М., 2002.
84. Лихарев Д.В. Эра адмирала Фишера. Политическая биография реформатора британского флота. – Владивосток: изд-во ДВУ, 1993.
85. Ллойд-Джордж Д. Военные мемуары. Т. I–VI. – М., 1934–1938.
86. Лорей Г. Операции германо-турецких морских сил в 1914–1918 гг. – М., 1934.
87. Лудшувейт Е. Ф. Турция в годы Первой мировой войны. – М., 1966.
88. Лунева Ю. В. Черноморские проливы в англо-российских отношениях (1907–1914 гг.): Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – 07.00.03. – Москва, рук. РГБ ОД, 2003.
89. Масловский Е. Ф. Мировая война на Кавказском фронте 1914–1917 гг. – Париж, 1933.
90. Международные отношения. Политика. Дипломатия. XVI–XX вв. – М.: Наука, 1964.
91. Миллер А. Ф. Очерки новейшей истории Турции. – М.-Л., 1948.
92. Михайлов В. В. Противостояние России и Британии с Османской империей на Ближнем Востоке в годы первой мировой войны. – СПб., 2005.
93. Михайлов В. В. Союзные противоречия России и стран Антанты при подготовке Дарданелльской операции 1915 г. (к 90-летию окончания Великого десанта). // Вестник СПбГУ, серия 2, вып. 2. – СПб., 2006.
94. Мультатули П.В. Император Николай II во главе действующей армии и заговор генералов // <http://gosudarstvo.voskres.ru/multat/p2g7.htm>
95. Мухамметдинов Р.Ф. Зарождение и эволюция тюркизма. – Казань, 1995.
96. Надеин-Раевский В. Соблазн опасного родства // «Родина», 1997, № 3–4.
97. Никонов А. Д. Вопрос о Константинополе и проливах во время первой мировой войны. 1914–1915 гг. Канд. дисс. – М., 1948.

98. Новиков Н. Операции флота против берега на Чёрном море в 1914–1917 гг. – М., 1937.
99. Новичев А. Д. Экономика Турции в период мировой войны. – М.-Л., 1935.
100. Общественная мысль Индии: проблемы человека и общества. – М., 1992.
101. Оганджян А. 1915 год. Неоспоримые свидетельства. – СПб., 2005.
102. Оруджев М.Г. Из истории проникновения германского империализма в Турцию (с конца XIX века по 1914 год). – Баку, 1961.
103. Оруджев М. Г. Борьба империалистических держав за привлечение Турции в I мировую войну. – Баку, 1975.
104. Павлович М. (Вельтман М.П.). Советская Россия и капиталистическая Англия (от эпохи царизма до правительства Чемберлена – Болдуина 1925 г.). – М., 1925.
105. Павлович М. Греческий империализм в эпоху мировой войны // Новый Восток, № 16–17. – М., 1927.
106. Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. – М., 1923.
107. Первая мировая война и международные отношения. – СПб., 1995.
108. Петров М.А. Два боя. – Л., 1926.
109. Пипия Г. В. Германский империализм в Закавказье в 1910–1918 гг. – М., 1978.
110. Писарев Ю.А. Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. – М., 1985.
111. Писарев Ю.А. Тайны первой мировой войны: Россия и Сербия 1914–1915 гг. – М.: Наука, 1990.
112. Подколызин Д., Шатров А. Пантуранизм – глобальный вызов России // www.livejournal.ru.
113. Прендергаст – М., Гибсон Р. Германская подводная война 1914–1918 гг. – М., 1938.
114. Пункаре Р. На службе Франции. 1914–1915 гг. – М., 2002.
115. Русские в Галлиполи. – Берлин, 1923.
116. Сазонов С. Д. Воспоминания. Париж, 1927 (репринт – М., 1991).
117. Сваранц А. Пантюркизм во внешнеполитической стратегии Турции в 90-х годах // Армянский вестник, № 1–2, 2000.
118. Свиетоховский Т. Русский Азербайджан. 1905–1920 // «Хазар», № 1–3, 1990.
119. Силин А. А. Экспансия германского империализма на Ближнем Востоке накануне первой мировой войны. – М., 1976.
120. Субботин В. А. Страницы английской имперской истории: Китченер (1850–1916) // Восток: Афро-азиатские общества: история и современность. 2001, № 2.

121. Тарле Е. В. Европа в эпоху империализма. 1871–1919. – М.-Л., 1928.
122. Тверитинова А. С. Младотурки и пантюркизм // Краткие сообщения института Востоковедения. Вып. 22. – М., 1956.
123. Томмази А. Морская война на Адриатическом море. М.-Л., 1940.
124. Троцкий Л.Д. Сочинения. Том 6. М.-Л., 1926.
125. Туполев Б. М. Германский империализм в борьбе за «место под солнцем». – М., 1991.
126. Улунян А.А. Политическая история Греции. – М., 2004.
127. Уткин А.И. Черчилль. – М., 2002.
128. Уткин А.И. Россия в первой мировой войне // <http://wordweb.ru/wwone/index.htm>
129. Французские интересы в Турции // Новый Восток, № 3, – М., 1923.
130. Черчилль У. Мировой кризис. М.-Л., 1932.
131. Шамбаров В. За веру, Царя и Отечество // www.modrnlib.ru.
132. Шеремет В. А. Босфор. – М., 1995.
133. Шерешков О.С. Неизвестная война на Черном море 1914–1917 гг. – Львів, 1999.
134. Широкопад А.Б. Россия-Англия: неизвестная война, 1857–1907. – М., 2003.
135. Шталь А. У. Черчилль – первый лорд Адмиралтейства в Мировой кризис. – Пг., 1923.
136. Шталь А. Кто должник. – М., 1927.
137. Шульц Г.К., фон. С английским флотом в мировую войну. Воспоминания представителя русского флота при Гранд Флите. – СПб., 2000.

Иностранные источники

138. Abbot G. F. Turkey, Greece and the Powers. –London, 1916.
139. Ahrens W. Die Feldpost der Deutschen Militar-Mission in der Turkei 1914–1918. –Frankfurt/M, 1970.
140. Aksakal Mustafa. The Ottoman Empire Road to War in 1914. – Washington, 2004.
141. Andrews E. M. The Anzac Illusion: Anglo-Australian Relations during World War 1. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
142. Ashmead-Barlett E. Uncensored Dardanelles. Hutchinson, 1928.
143. Aspinall-Oglander C. F. Military Operations, Gallipoli. Vol. 1–2. – Heinemann, 1929–1932.
144. Aspinall-Oglander C. F. Roger Keyes. – London, 1951.
145. Asquith Earl of Oxford. Memories and Reflections, 1852–1927, 2 vols. – London: Cassell & Co., 1928.
146. Baldwin Herbert F. A War Photographer in Thrace: An Account of Personal Experiences during the Turco-Balkan War, 1912. – London: T. Fisher Unwin, 1913.

147. Barker A. J. Turkey: the unknown quantity // The History of the First World War. Vol. 1. Issue 16.
148. Barker A. J. The Dardanelles: Turkish reaction // The History of the First World War. Vol. 2. Issue 13.
149. Bean C. E. W. Official History of Australia in the War of 1914–1918. Vol. 1–2. The story of Anzac. – Sydney, 1921–1923.
150. Beesly P. Room 40, British Naval Intelligence 1914–1918. Hamish Hamilton. – London, 1982.
151. Bell P. M. H., France and Britain, 1900–1940: Entente and Estrangement. Longman, Harlow, 1996.
152. Bethmann Hollweg, T. von, Reflections on the World War. – London, 1920.
153. Vice-Amiral Bienaimé. La guerre navale 1914–1915. – Paris, 1920.
154. Birdwood Field-Marshal, Lord. Khaki and Gown. – London, 1941.
155. Blunt W. Secret history of the English occupation of Egypt. Being a personal narrative of events. – London, 1907.
156. Bose A. C. Indian Revolutionaries Abroad. 1905–1922. – Patna, 1971.
157. Brenchley, Fred & Elizabeth. Stoker's Submarine: Australia's Daring Raid on the Dardanelles on the Day of the Gallipoli Landing. – Sydney: HarperCollins, 2001.
158. Bridges T. C. [Thomas Charles] On Land and Sea at the Dardanelles. – London and Glasgow: Collins Clear Type Press, n.d. [1915]
159. Brodie C. G. Forlorn Hope 1915: The Submarine Passage of the Dardanelles. – London: Frederick Books, 1956.
160. Brown, W. Sorley [William Sorley, b. 1889] (Late Lieut. 4th Bn. K.O.S.B.). My War Diary, 1914–1919: Recollections of Gallipoli, Lemnos, Egypt and Palestine. – Galashiels: John McQueen & Son Ltd, n.d. [c. 1941].
161. Bush E. W. Gallipoli. – London, 1975.
162. Callwell C. E. The Dardanelles. – London, 1919.
163. Carcopino J. Souvenirs de la Guerre en Orient 1915–1917. – Paris, 1970.
164. Carver, Lord. The Turkish front 1914–1918. – London, 2004.
165. Caryl L. Gallipoli. – Melbourne, 2001.
166. Cassar G. H. The French and the Dardanelles. A study of Failure in the Conduct of War. – London, 1971.
167. Chasseaud, Peter and Doyle, Peter. Grasping Gallipoli: Terrain, Maps And Failure at the Dardanelles, 1915.
168. Chatterton E. K. Dardanelles Dilemma: the Story of Naval Operation. – London, 1935.
169. Churchill R. S. Winston S Churchill, Young Statesman, 1901–1914. Heinemann. – London, 1967.

170. Churchill W. The World Crisis. – London, 1923.
171. The Commanders. – Sydney, 1984.
172. Comyn-Platt, T. The Turk in the Balkans. – London: Alston Rivers Ltd, n.d. [c.1908].
173. Creighton Reverend O. With the Twenty-Ninth Division in Gallipoli: A Chaplain's Experiences. – London: Longmans, Green and Co., 1916.
174. Cunliffe-Owen Bett. Thro' the Gates of Memory: From the Bosphorus to Baghdad. – London: Hutchinson & Co., n.d. [c.1924]
175. Cutlack F. M. Official History of Australia in the War of 1914–1918. Vol. VIII. The Australian Flying Corps in the Western and Eastern Theatres of War 1914–1918. – Sydney. 1923.
176. The Dardanelles & their Story. – L., 1915.
177. The Dardanelles: An Epic Told in Pictures. – London: The Alfierie Picture Service, n.d. [c.1916]
178. Delage Edmond [with an introduction by General Sir Ian Hamilton] (Translated by Winifred Ray) The Tragedy of the Dardanelles. – London: John Lane The Bodley Head Ltd, 1932.
179. Denton K. Gallipoli: One Long Grave. – Sydney, 1986.
180. Denham H. M. Dardanelles: A Midshipman's Diary. – London, 1981.
181. Djemal-Pasha. Memories of a Turkish Statesman 1913–1919. – N-Y, 1922.
182. East Sir Ronald [Ed.] The Gallipoli Diary of Sergeant Lawrence of the Australian Engineers: 1st A.I.F. 1915. – Melbourne: Melbourne University Press, 1981.
183. Einstein L. Inside Constantinople: A Diplomatist's Diary during the Dardanelles Expedition April-September 1915. – London, 1917.
184. Eleftherios Venizelos. Historical Album. – Chania, 2003.
185. Emin A. Turkey in the World War. – Yale – Oxford, 1930.
186. Erickson E. J. Ordered to die: A History of the Ottoman Army in First World War. – Westport, 2000.
187. Ewing William [Chaplain to the Forces] From Gallipoli to Baghdad. – London: Hodder & Stoughton, n.d.
188. Falls Cyril. War Books: An Annotated Bibliography of Books about the Great War. – London: Greenhill Books, 1989.
189. Feroz Ahmad. The Young Turks: The Committee of Union and Progress in Turkish Politics, 1908–1914. – Oxford, 1969.
190. Feuille H. Face aux Turcs: Gallipoli 1915. – Paris, 1934.
191. Fewster K., Başarin V., Başarin H. H. Gallipoli. The Turkish story. – Richmond, Victoria, 2003.
192. Fisher J., Sir. Memories. – N-Y., 1920.
193. Fisher J. The Correspondence of Admiral of the Fleet Lord Fisher. Vols I–III. – London, 1952–1959.

194. Fortesque G. Russia, the Balkans and the Dardanelles. – Melrose, 1915.
195. Fortesque G. What of the Dardanelles? An Analysis. – London, 1915.
196. Foster Rev. H. C. At Antwerp and the Dardanelles With the Second Naval Brigade. – London: Millustrations & Boon Ltd, 1918.
197. Frame T. R., Swinden G. J. First in, Last out. The Navy at Gallipoli. – Kenthurst, 1990.
198. The Gallipolian. The Journal of the Gallipoli Association. No 1–118. – London, 1965–2008.
199. Gardiner R. (ред.), Conways All the World's Fighting Ships, 1906–1921, Conway Maritime Press. – London, 1985.
200. Gibbons Herbert Adam. Venizelos. Boston: Houghton Mifflin Co., 1923.
201. Gilbert M., Winston S Churchill, 1914–1916. Vol. 3. Heinemann. – London, 1971.
202. The Great Powers and the End of the Ottoman Empire. – London, 1996.
203. Greece and Great Britain during World War I. London – Thessaloniki, 1985.
204. Gretton Vice-Adm. Sir P., Former Naval Person: Winston Churchill and the Royal Navy. – Cassell, London, 1968.
205. Grigg J., Lloyd George: From Peace to War, 1912–1916. – Methuen, London, 1985.
206. Guepratt P-E, Vice Admiral. L'Expédition Des Dardanelles, 1914–1915. – Paris, 1935.
207. Halpern P. G. [Ed.] The Keyes Papers: Selections from the Private and Official Correspondence of Admiral of the Fleet Baron Keyes of Zeebrugge. Vol. 1: 1914–1918. – London: George Allen & Unwin for the Navy Records Society, 1979 // Navy Records Society. Vol. 117.
208. Halpern P. The Naval War in the Mediterranean, 1914–1918. – London, Allen & Unwin, 1987.
209. Halpern P., A Naval History of World War I. Naval Institute Press. – Annapolis, 1994.
210. Hamilton Ian. Gallipoli Diary. Vols I–III. New York – London, 1920.
211. Hankey Lord M. The Supreme Command. – London, 1961.
212. Hart P., Steel N. Defeat at Gallipoli. – London, 1995.
213. Hartesveldt F., von. The Dardanelles Campaign, 1915: Histo-riography & Bibliography. – London, 1998.
214. Hartman Captain Howard. The Seas Were Mine. – London: George G. Harrap & Co. Ltd, 1936.
215. Hay Ian [pseud.: Major John H. Beith] (1876–1952) The Ship of Remembrance: Gallipoli – Salonika. – London: Hodder & Stoughton, n.d. [c.1926]

216. Haythornthwaite Ph. Gallipoli 1915. – London, 1991.
217. Hazlehurst C. Politicians at War, July 1914 to May 1915. Jonathan Cape. – London, 1971.
218. Herbert Aubrey. The Secret Battle. London: Methuen and Co. Ltd, 1919.
219. Hickey M. Gallipoli. – London, 1995.
220. Higgins T. Winston Churchill and the Dardanells. – London, 1963.
221. Idriess Ion L. The Desert Column: Leaves From the Diary of an Australian Trooper in Gallipoli, Sinai, and Palestine. – Sydney: Angus and Robertson Limited, 1935 [7th ed.]
222. Izwolsky im Weltkrieg. Der diplomatische Schriftwechsel Izwolskis 1914–1917. – Berlin, 1925.
223. Jabotinsky W. Turkey and the War. – London, 1917.
224. James Robert Rhodes. Gallipoli. London: B. T. Batsford Ltd, 1965.
225. Kannengiesser H. The Campaign in Gallipoli. – London, 1927.
226. Kassesian I. The Young Turks: Who Were They? // *Nemesis*, September, 2001.
227. Kearsey A. H. Notes and Comments on the Dardanelle Campaign. – Aldershot. 1934.
228. Kedourie E. England and the Middle East. The Destruction of the Ottoman Empire. – London, 1956.
229. Kemp P. Submarines in the Marmara // *The History of the First World War*. Vol. 3. Issue 1.
230. Kennedy P. M., *The War Plans of the Great Powers, 1880–1914*. George Allen & Unwin. – London, 1979.
231. Kennedy P. M., *The Rise of the Anglo-German Antagonism*. – London, George Allen & Unwin, 1980.
232. Keyes R. *The Naval Memoirs of the Admiral of the Fleet Sir Roger Keyes*. – London, 1934.
233. Keyes R. *The Fight for Gallipoli*. – London, 1941.
234. Laar Clemens. *Der Kampf Um Die Dardanellen*. – Berlin: C. Bertelsmann, 1936.
235. Laffin J. «Damn the Dardanelles»: *The Agony of Gallipoli*. – Sydney, 1980.
236. Langensiepen B., Guleryuz A. *The Ottoman Steam Navy 1828–1923*. – Annapolis, Maryland: Naval Institute Press, 1995.
237. Langhorne R. *The Naval Question in Anglo-German Relations, 1912–1914* // *Historical Journal*. Vol. XIV. 2, (1971). P. 359–70.
238. Larcher M. *La guerre Turque dans la guerre mondiale*. – Paris, 1926.
239. Lee J. *A Soldier's Life: General Sir Ian Hamilton, 1865–1947*. – London, 2000.
240. Macfie A. L. *The Straits Question. 1908–1936*. – Thessaloniki, 1993.

241. Masfield J. Gallipoli. – London, 1916.
242. McLaughlin R. *The Escape of the Goeben: Prelude to Gallipoli*. – New York, 1974.
243. Macleod J. *Reconsidering Gallipoli*. – Manchester: Manchester University Press, 2004.
244. Mavrogordato J. *Letters from Greece: Concerning the War of the Balkan Allies 1912–1913*. – London: Martin Secker, 1914.
245. Melas G. M. *Ex-King Constantine and the War*. – London, 1920.
246. Miller G. *Superior Force: the Conspiracy behind the Escape of the Goeben and Breslau*. – Hull, 1996.
247. Miller G. *Straits: British Policy towards the Ottoman Empire and the Origins of the Dardanelles Campaign*. – Hull, 1997.
248. Miller G. *The Millstone: British Naval Policy in the Mediterranean, 1900–1914, the Commitment to France and British Intervention in the War*. – Hull: The University of Hull Press, 1999.
249. Milne Admiral Sir A. Berkeley. *The Flight of the 'Goeben' and 'Breslau': an Episode in Naval History*. – London: Eveleigh Nash Company Limited, n.d. [c.1921]
250. Mizzi J.A. *Gallipoli: The Malta Connection*. – Malta: Tecnografica Publications, 1991.
251. Moorehead A. *Gallipoli*. – London, 1956.
252. Morgenthau H. *Secrets of the Bosphorus*. – London, 1918.
253. Morgenthau H. *Ambassador Morgenthau's Story*. – New York, 1926.
254. Moseley S. A. *The Truth About The Dardanelles*. – London: Cassell and Company, 1916 [1st ed.]
255. Mühlmann C. *Der Kampf um die Dardanelles*. – Oldenburg, 1927.
256. Napier Lt. Col. the Hon. H. D. *Experiences of a Military Attache in the Balkans*. – London: Dranes, n.d.
257. *Navy & Army. Volume III. New Series: Numbers 23–35: January – 17 April 1915*. – London: Navy and Army, 1915.
258. Nekrasov G. *North of Gallipoli: The Black Sea Fleet at War, 1914–1917*. – New York: Columbia University Press in association with Boulder, Co: Eastern European Monographs, 1992.
259. Nevinson H. W. *The Dardanelles Campaign*. – London, 1918.
260. Nicolle D. *The Ottoman Army 1914–1918*. – London, 1996.
261. North J. *Gallipoli: The Fading Vision*. – London: Faber & Faber, 1936.
262. Okay K. *Enver Pascha der Grosse Freund Deutschlands*. – Berlin, 1935.
263. Padfield P. *Donitz the last Fuhrer*. – London, 2001.
264. Penn G. *Fisher, Churchill and the Dardanelles*. – Barnsley, 1999.
265. Price W. H. *With the Fleet in the Dardanelles*. – Melrose, 1917.
266. Prigge E. R. *Der Kampf um die Dardanellen*. – Weimar, 1916.

267. Rankin R. The Inner History of the Balkan War. – London: Constable and Company, 1914.
268. Reid R. Gallipoli 1915. – Sydney, 2002.
269. Robertson J. Anzac and Empire: The Tragedy and Glory of Gallipoli. – London: Leo Cooper, 1990.
270. Roskill S. W. Hankey: Man of Secrets. – London, 1970.
271. Roskill S. W. Churchill and the Admirals. – London, 1977.
272. Sanders L. V. Five years in Turkey. – Anapolis, 1927.
273. Schnee H. German colonization: past and future. – London, 1926.
274. Schoen von W. Die Hölle von Gallipoli. – Berlin, 1937.
275. Selby J. The Dardanelles: First Naval Assault // The History of the First World War. Vol. 2. Issue 13.
276. Shankland P, Hunter A. Dardanelles Patrol: The Incredible Story of E.11. – London: Granada Publishing Limited, 1983.
277. Shurman D. M. Easterners versus Westerners // The History of the First World War. Vol. 2. Issue 13.
278. Schurman D. M. Julian S. Corbett, 1854-1922, Royal Historical Society. – London, 1981.
279. Smith C. J. Great Britain and the 1914–1915 Straits Agreement with Russia: The British Promise of November 1914 // The American Historical Review, LXX, № 4, July. 1965.
280. Steel R. Goeben and Breslau // War Monthly, issue 22, January 1976.
281. Stephenson J. Turkey enters the war // The History of the First World War. Vol. 1. Issue 15.
282. Strang Herbert. Frank Forester: A Story of the Dardanelles. – London: Henry Frowde, Hodder & Stoughton, 1915.
283. Stuermer H. Deux Ans de Guerre a Constantinople. – Paris, 1917.
284. Swifte T. Gallipoli: The Incredible Campaign. – Sydney, 1985.
285. Tat van der V. The Ship that Changed the World (the story of “Goeben”). – London, 2000.
286. The Tenedos Times: A Monthly Journal of the Mediterranean Destroyer Flotilla During the Early Part of the War. – London: George Allen & Unwin Ltd, 1917.
287. Thompson P. A. Lions Led by Donkeys. – London, 1927.
288. Torossian S. From Dardanelles to Palestine. – Boston: Meador Publishing Company, 1947.
289. The Collective Naval Defence of the Empire, 1900-1940 // Navy Records Society. Vol. 136. – London, 1997.
290. Trapmann A. H. The Greeks Triumphant: Balkan War 1912–1913. – London: Forster Groom & Co. Ltd, 1915.
291. Travers T. Gallipoli 1915. – London, 2001.
292. Trumpener U. Germany and the Ottoman Empire 1914–1918. – Princeton, 1968.

293. Uluaslan H. Gallipoli Campaign. – Çanakkale, 1987.
294. van der Vat Dan. The Ship That Changed the World: The escape of the Goeben to the Dardanelles in 1914. – London: Hodder & Stoughton, 1985.
295. Von Der Goltz Baron Colmar. The Nation in Arms: A Treatise on Modern Military Systems and the Conduct of War. – London: Hugh Rees Limited, 1913 [Revised Edition; first published 1906].
296. Wagner H. With the Victorious Bulgarians. – Boston: Houghton Mifflin, 1913.
297. Wallach J. L. Anatomie einer Militerhilfe. Die preußisch-deutschen Militermissionen in der Türkei 1853–1919. – Dusseldorf (Droste), 1976.
298. Wallin J. D. By Ships Alone: Churchill and the Dardanelles. – Durham, North Carolina: Carolina Academic Press, 1981.
299. Weir G. Building the Kaiser’s Navy, Naval Institute Press. – Annapolis, 1992.
300. Wemyss Lord Wester. The Navy in the Dardanelles Campaign. – London, 1924.
301. Wilkinson N. The Dardanelles, etc. Album of Watercolors. – London, 1915.
302. Williams J. Gallipoli: the Dardanelles Campaign. – London, 1969.
303. Wilson, K. M. (ed.), Decisions for War, 1914. UCL Press, – London, 1995.
304. Wright R. Goeben and Breslau – the ones that got away // The History of the First World War. Vol. 1. Issue 13.

Турецкие источники и исследования

305. Wilson M. and Kemp P. Mediterranean Submarines: Submarine Warfare in World War One. – Wilmslow, Cheshire: Crecy Publishing Limited, 1997.
306. Akşin S. 31 Mart Olayı: Şeriatçı Bir Ayaklanma (Инцидент 31 марта: восстание исламских радикалов). – Ankara, 1994.
307. Akşin S. Jön Türkler ve İttihat ve Terakki, (Младотурки и комитет Единение и Прогресс). – Ankara, 2001.
308. Artuç İ. Balkan Savaşı (Балканские войны). – Istanbul, 1988.
309. Artuç İ. 1915 Çanakkale Savaşı (1915: Битва в Чанаккале (Галлиполи)). – Istanbul, 1992.
310. Atacanlı S. Atatürk ve Çanakkale’nin Komutanları (Ататюрк и командующие в Галлиполи). – Istanbul, 2006.
311. Aydoğan E. and Eyyüpoğlu, İ. (ред.), Bahaeddin Şakir Bey’in Bıraktığı Vesikalara Göre İttihat ve Terakki, (Комитет Единение и Прогресс согласно документам Бахаддина Шакир-бея). – Ankara, 2004.

312. Birinci Dünya Savaşı'nda Türk Harbi – Çanakkale Cephesi Harekatı (Турецкие фронты Первой мировой войны. Операции в Галлиполи. Официальная история). – Ankara, 1997.
313. Çolak M. Enver Paşa: Osmanlı-Alman İttifakı (Энвер-паша: германо-турецкий альянс). – Istanbul, 2008.
314. Gelal Nuri. İttihad-i islam (Единение ислама). – Istanbul. 1912–1913.
315. Hilmi M. Çanakkale Geçilmedi (Непреодолимый Чанаккале). – Istanbul, 2006.
316. Ilgar I., Uğurlu, N. (ред.) Esat Paşa'nın Çanakkale Hatıraları (Галлиполийские мемуары Эсат-паши Esat). – Istanbul, 2003.
317. Karabekir K. İstiklal Harbimizde Enver Paşa ve Erkanı (Энвер-паша и его штаб во время войны за освобождение). – Istanbul, 1990.
318. Kocabaş S. Son Haçlı Seferi Balkan Harbi: Avrupa Türkiye'sinin Kaybı (Последний крестовый поход Балканских войн: утрата европейской Турции). – Kayseri, 2000.
319. Mütercimler E. Gelibolu (Галлиполи). – Istanbul, 2005.
320. Ortaylı İ. Osmanlı İmparatorluğu'nda Alman Nüfuzu (Германское влияние в Османской империи). – Istanbul, 2001.
321. Ragıp M. İttihat ve Terakki Tarihinde Esrar Perdesi (Тайна в истории комитета Единение и Прогресс). – Istanbul, 2004.
322. Şakir Z. Cihan Harbi'ne Nasıl Girdik? (Как мы вступили в мировую войну?). – Istanbul, 2007.
323. Sorgun T. İttihad ve Terakki (Комитет Единение и Прогресс). – Istanbul, 2003.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава первая. Внутреннее положение Османской империи в начале XX века.....	9
1. Экономическая зависимость Османской империи от стран Европы и младотурецкая революция.	9
2. Войны и потеря турцией европейских и африканских территорий.....	40
3. Политика европейских держав в отношении Турции перед началом мировой войны	77
Глава вторая. Причины вступления Турции в войну на стороне центрального блока.....	94
1. Проход в константинополь новейших германских крейсеров	94
2. Пантюркистская идеология младотурецкого правительства и перспективы участия Турции в мировой войне	112
3. Германское военное присутствие и его роль в вовлечении турции в мировую войну...	140
Глава третья. Проблема черноморских проливов и начало галлиполийской операции.....	173
1. Британские планы войны с турцией	173
2. Российские претензии на Константинополь и черноморские проливы.....	200
3. Поражение британского флота в Дарданелльской операции.....	230
Приложения	278
Источники и литература	295

Научное издание

Михайлов Вадим Викторович

ВЕЛИКИЕ ДЕРЖАВЫ
И ВОВЛЕЧЕНИЕ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ
В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ

Монография

Публикуется в авторской редакции.
Компьютерная верстка *Н. Н. Караваевой*

Сдано в набор 20.05.15. Подписано к печати 10.03.16.
Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 18,6.
Уч.-изд. л. 19,5. Тираж 500 экз. (1-й завод – 50 экз.). Заказ № 9.

Редакционно-издательский центр ГУАП
190000, Санкт-Петербург, Б. Морская ул., 67

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

Стамбул в конце XIX века

Султан Абдул-Хамид II

Младотурецкая революция

ЛИДЕРЫ МЛАДОТУРЕЦКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Энвер-паша и Ниязиз-бей

Джемаль-паша

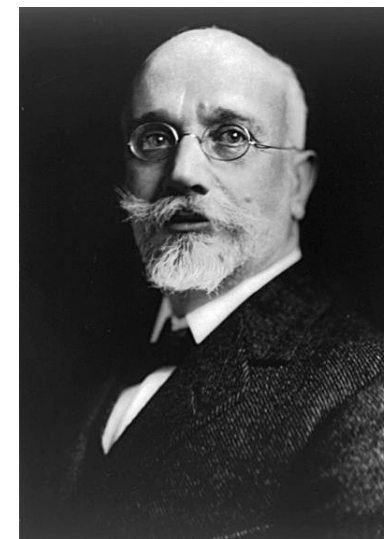

Махмуд Шевкет-паша

ГЛАВЫ БАЛКАНСКИХ ГОСУДАРСТВ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Король Греции Константин I

*Премьер-министр Греции
Э. Венизелос*

Царь Болгарии Фердинанд

Король Черногории Николай

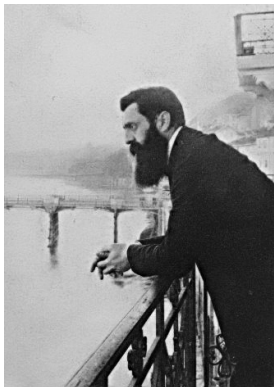
ИДЕОЛОГИ ПАНТЮРКИЗМА

Ю. Акчура (Акчурин)

И. Гаспринский

А. Вамбери

Джелаль Нури

Зия Гёкальп

ГЕРМАНСКИЕ ВОЕННЫЕ МИССИИ В ТУРЦИИ

Кольмар фон дер Гольц

Лиман фон Сандерс

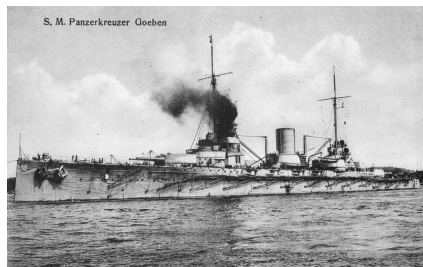

Адмирал Вильгельм Сушон

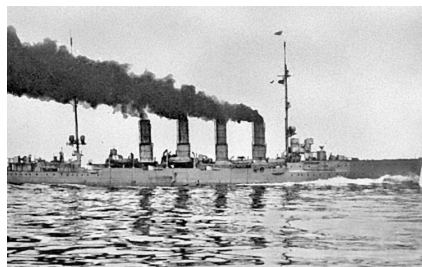

Капитан «Гибена» Аккерман

ПРОРЫВ В ДАРДАНЕЛЛЫ «ГЕБЕНА» И «БРЕСЛАУ»

«Гeben»

«Бреслау»

Вице-адмирал Трубридж

Адмирал А. Милн

Л. Баттенберг

РОССИЯ И ЧЕРНОМОРСКИЕ ПРОЛИВЫ

П.Н. Милюков (Дарданелльский)

Н.А. Базили

А. В. Нимитц

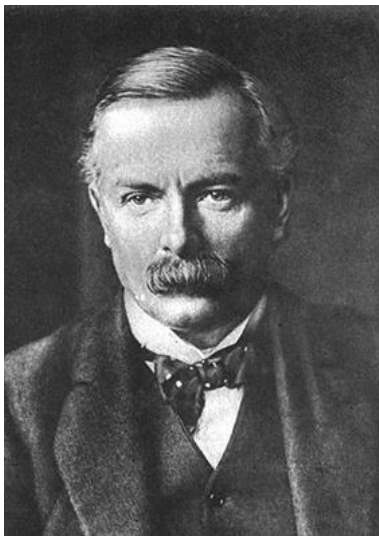

кн. Г.Н. Трубецкой

БРИТАНСКИЕ ПЛАНЫ ВОЙНЫ С ТУРЦИЕЙ

У. Черчилль

Д. Ллойд Джордж

М. Хэнки

Адмирал Джексон